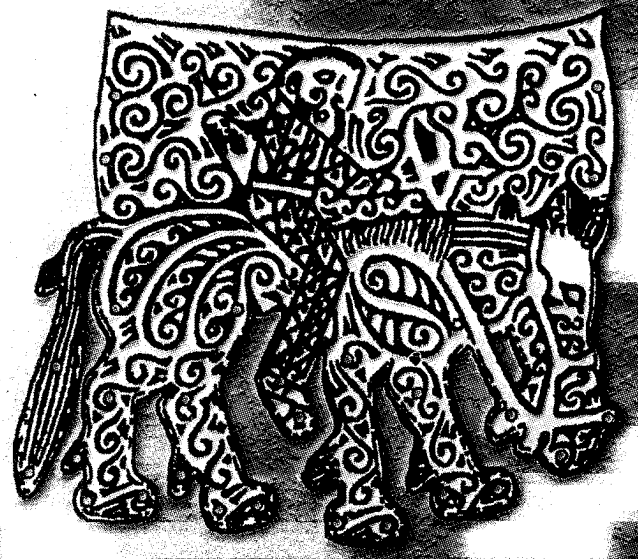


УФИМСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

2 (2000)

Уфимский археологический вестник [illegible] — **Уфа**: НМ РБ, **2000**. – **192** с., илл.

Редколлегия: В.К. **Федоров (отв. ред.), И.М. Аюбулатов, Р.Б. Исмагилов, А.Х. Пшеничнюк.**

©Национальный **музей Республики** Башкортостан, 2000
©Институт **истории, языка и литер**атуры УНЦ РАН, 2000
©Центр **этнологических исследований** УНЦ РАН, 2000

В. Г. Котов
(Уфа, ИИЯЛ УНЦ РАН)

МИФ ВАЛА И МИФ ОБ УРАЛЕ-БАТЫРЕ: ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ПЛАСТ В ИНДОАРИЙСКОЙ МИФОЛОГИИ

Вопрос о наличии связей индоиранской мифологии с древнейшим мировоззрением народов Северной Евразии в той или иной степени привлекал внимание ряда исследователей (Кузьмина Е. Е., 1976; Пьянков И. В., 1978; Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А., 1983; Клейн Л.С., 1987; Членова Н. Л., 1989; Сагалаев А. М., 1991; Топоров В. Н., 1995 и др.). Автор уже обращал внимание в своих предшествующих публикациях на прямые индоарийские параллели в фольклоре предков башкир (Котов В. Г., 1995; 1997; 1997а). В данной работе автор ставит цель провести сравнительное сопоставление ведийской мифологии с южно-уральской, для чего предпринимается определенная реконструкция мифологических сюжетов и мотивов в Ригведе (далее — РВ), ориентируясь на более полно сохранившиеся сюжеты южно-уральской мифологии.

Число мифов в РВ сравнительно невелико и основные мифы имеют космогонический характер. Два из них — миф об убийстве Вритры и миф Вала по числу повторений занимают особое место. Оба они связаны с деяниями божества-демиурга Индры (Елизаренкова Т. Я., 1995, с. 454).

Образ бога Индры неразрывно связан с исходным космогоническим мифом РВ, согласно которому существующий изначально в нерасчлененном хаотическом единстве мир был бинарно структурирован Индрой. На первой стадии на поверхности космического океана появляется ком земли. Он превращается в гору, но продолжает плавать на воде. Еще не было неба и земли, дня и ночи. Вторая стадия ведийской космогонии связана с мироустроительными деяниями Индры.

Согласно мифологической традиции его первым подвигом было убийство ***змея*** (здесь и далее выделено автором — В.К.), лежащего на горе и запрудившего воды. Имя этого змея — Вритра (*vrtr'α-* от корня *var-* «покрывать», «замыкать», «препятствовать»), что значит «препятствие», «сопротивление».

Другой космогонический миф, связанный с Индрой, получил свое название по имени скалы Вала и демона, олицетворявшего эту скалу (*Val'a* — буквально «укрытие» от *var-* «покрывать»). В скале Вала жадными демонами Пани были спрятаны коровы, являющиеся символом ***утренних зорь***. Индра ваджрой (громовой дубиной) пробил скалу, пригвоздив ее к земле и создав ей твердую опору, и выпустил наружу ***свет***, установив порядок во Вселенной. По мнению Т.Я. Елизаренковой этот миф имеет 5 версий, которые связаны с различными персонажами, изофункциональными Индре (1995, с. 455).

Оба космогонических мифа — об убийстве Вритры и отверзании скалы Вала — имеют между собой много общего. Прежде всего, основным действующим лицом в них выступает Индра, для которого победа над Вритрой или демоном Вала является основным его предназначением (РВ VIII, 78, 5). Сама эта победа воспринимается как космогонический акт преодоления первобытного хаоса, победа Добра над силами Зла, света над тьмой: *«Стоял мрак, мешающий основе вод. Гора (была) во внутренностях Вритры. Все, что было устранено запрудителем рек в стремнине, Индра разбивает одно за другим»* (РВ I, 54, 10). Индра освобождает похищенный свет (солнце?) в образе богини зари Ушас (дневное солнце?), а также ее сестру – богиню тьмы (ночное солнце?) из пещеры, тем самым установив чередование дня и ночи (РВ I, 62, 7, 8). Этот мотив в древнем мифе имеет особое значение, поскольку в ряде мест сохранилось упоминание о том, что Индра упорядочивает движение солнца. Для этого ему пришлось сразиться с солнечной девой и наказать её (см. об этом ниже). Разделение мира на свет и мрак завершилось отделением неба от земли. Небо было установлено на опорах – горах, а сама колеблющаяся (плавающая) земля была укреплена и расширена: *«Кто укрепил колеблющуюся землю, кто успокоил качающиеся горы, кто дальше измерил воздушное пространство, кто поддержал небо – тот, о люди, Индра! Кто, убив змея, пустил струиться семь рек, кто выгнал коров, (этот) устранитель Валы, кто породил огонь между двух камней... Кто породил солнце, кто – утреннюю зарю, кто управляет водами – тот, о люди, Индра»* (РВ II, 12, 2,3,7). Или еще: *«Когда ты растянул твердую основу – незыблемое пространство, ты установил (ее) на столпах неба – рывком... Ты с силой укрепил твердую основу неба (и) земли, о Индра, на (их) местах, (ты) великий»* (РВ I, 56, 5, 6). Космогоническая дихотомия подчеркивается и тем, что Индра выступает как типичный мироустроитель, культурный герой, представитель светлого мира — неслучайно его отцом называют Небо (РВ IV, 17, 4).

В то же время змей Вритра и демон Вала описываются как типичные хтонические персонажи, представители нижнего мира. Вритра является первым порождением богини влаги Дану (РВ I, 32, 3, 9). Ему же подчинены и природные стихии (РВ I, 13). Оба они описываются как змееобразные чудовища. Их также сравнивают с горой в мифах о Вритре и напрямую идентифицируют со скалой/горой в мифе Вала (РВ I, 32, 1,2; 54, 10; II, 12, 3; IV, 17, 1). Таким образом, эти два мифа «... реконструируются как своего рода дублеты, восходящие к одному исходному космогоническому прамифу... Это подтверждается и этимологией имен *vrtr-* и *valá-*, происходящих от одного глагола var- ...» (Елизаренкова Т. Я., 1995, с. 456). Демон Вритра/Вала является хозяином хтонического мира, и он совершает наиболее значительные действия, нацеленные на возобновление или усиление хаотического начала в мире: он похищает/заглатывает или удерживает внутри себя (яв-

ное указание на заглатывание!) солнце-зарю (зори) и/или реки — они обозначаются одним символом – стадом коров (РВ IV, 17, 1; VI, 30, 5).

Это свидетельствует о том, что гигантский змей в прамифе был олицетворением первоначального хаоса и мировой изначальной горы, плавающей по океану, пробив которую «Индра дает земле твердую опору и одновременно освобождает воды, скованные драконом, и выпускает огонь, заключенный в холме» (Елизаренкова Т. Я., 1995, с. 454). Следует обратить внимание на то, что в некоторых гимнах Индра не просто пригвождает гору/змея, а кромсает ее на куски, *складывая из них сушу*, одновременно высвобождая сокрытые/заглоченные змеем живительные начала: воду и зори (РВ I, 32, 7; 57, 6; II, 12, 3; IV, 19, 3). Последнее подчеркивается тем, что Индра проламывает голову (РВ VI, 26, 3) или челюсти (РВ I, 52, 6; 56, 6) гигантского чудовища, что ассоциируется с пробиванием отверстия в горе/пещере (РВ II, 15, 8; IV, 19, 4, 5; VI, 30, 5). Еще одним важным результатом этого космогонического действия стал выход богини света солнцеликой Ушас в образе бурой коровы, которую Индра – бык оплодотворяет (РВ III, 30, 14; VI, 17, 6; 44, 23). Таким образом, появление/рождение солнечной богини, приводящей весь мир в движение, должен означать акт возрождения Природы: хаос неподвижности сменяется живительным движением солнца и речных потоков. Индра – стремительный, оплодотворяющий, энергичный, «танцующий» бог и царь всего движущегося (РВ I, 32, 15; VI, 30, 5), несущий в себе всю силу, «собранную воедино» (РВ I, 57, 6), которую он черпает из живительного напитка Сомы (РВ V, 29, 3; VI, 44, 22 и др.). Сома считается даже напитком бессмертия (РВ I, 91, 6). Очевидно, в этом напитке была сконцентрирована огромная животворная энергия, которая была направлена Индрой не только на разрушение, но и на созидание: *«Он (Сома — В. К.) дал утренним зорям хорошего мужа, он вложил свет в солнце»* (РВ VI, 44, 23). Возможно, ассоциация добывания Сомы и освобождения запертых рек связана с общностью их происхождения от богини влаги Дану. Кроме того, в мифологии РВ присутствует сюжет похищения Сомы орлом из вышины (РВ IV, 27, 4; VIII, 82, 9; 100, 8) или соколом с высочайшей скалы, где он был укрыт (Топоров В. Н., 1991, с.508). Известно, что Сома рожден в вышине и на высшем небе есть тайный источник Сомы (Елизаренкова Т.Я., 1995, с.463). Сома находит на небе напиток богов (РВ IV, 44, 23), очевидно, дублируя, как и в других случаях, подвиг Индры. Неслучайно бога Сому называют в ряде случаев убийцей Вритры (РВ I, 91, 5; VI, 44, 22; IX, 1, 2). Хранителем Сомы в РВ является Тваштар, который из Сомы и огня создал **змея Вритру**. Причина, по которой Сома, с одной стороны, так часто замещает Индру, а, с другой — ассоциируется с хтоническим миром, заключается в том, что его отцом считается божество грозовой тучи Парджанья (сравните с образом Индры-громовержца), а матерью — Земля (Топоров В. Н., 1991, с.508). В итоге очевидна принадлежность напитка и бога Сомы к потустороннему, хтоническому миру, в котором он был сокрыт внутри горы/змея Вритры или другого хтонического персонажа. Этот момент в дальнейшем для нас окажется очень важным.

Анализируя образ бога-громовержца Индры, бросается в глаза тот факт, что он имеет черты культурного героя-богатыря, вступившего в *поединок* со змеем ради освобождения солнечной девы Ушас (солнца) и *живительной* влаги: *«Единый бог, ты завоевал коров, ты завоевал сому, о герой! Ты выпустил для бега семь потоков»* (РВ I, 32, 12). То, что это поединок красноречиво свидетельствует сцена вызывания на борьбу (РВ I, 32, 6), причем борьба велась с переменным успехом: *«В конский волос превратился ты, о Индра, в тот миг, когда он дал тебе по клыку...»* (РВ I, 32, 12). Далее следует позорное бегство героя: *«Какого мстителя за змея увидел ты, о Индра, Что в сердце к тебе, убийце, проник страх, Когда девяносто и девять потоков ты пересекал, как испуганный орел — пространства?»* (РВ I, 32, 14). Все это никак не вяжется с божественным всемогуществом канонизированного Индры в поздних гимнах. Последующие события не совсем ясны. Очевидно, Индра каким-то образом смог перехитрить Змея, о чем говорят следующие строки: *«Когда ты, Индра, убил перворожденного из змеев И перехитрил хитрости хитрецов, И породил солнце, небо, утреннюю зарю, С тех пор ты уже и в самом деле не находил противника»* (РВ I, 32, 4). Во многих гимнах причиной победы является громовая дубина — ваджра (РВ I, 32, 5; I, 57), дополняемая знанием уязвимого места чудовищного змея (РВ I, 61). Вместе с тем постоянно подчеркивается превосходство физической силы героя Индры, источником которой является чудесный, прибавляющий силы, напиток Сома. Принимая во внимание двухэтапность поединка, возникает вопрос: Когда Индра получил Сому – до поединка, во время или после? Существующая разноголосица не позволяет установить это однозначно. По крайней мере, в текстах не раз упоминается, что громовержец получил усиливающий напиток во время поединка и победил своего противника именно своей возросшей силой:

...(Он убил) даже того, усевшегося по его воле.
У него, лишенного уязвимого места,
он нашел-таки уязвимое место,
Когда ты, о благой властитель,
после принесения (тебе) хмельного питья
Устроил его, рвущегося в бой,
во мраке, в прочном доме.

...Когда Индра против великого Данавы
Поднял смертельное оружие —
(свою) не знающую равных силу,
Когда он обманул его, поразив дубиной,
Он сделал его самым низким из всех существ.
РВ V, 32, 5, 7

В отдельных местах проскальзывает намек на одновременность сражения и получения Индрой сомы: *«Сражаясь за источник, (все) превосходящий блеском, Когда (боги) доили опьяняющего буланого (сому), чтобы усилить тебя...»* (РВ I, 121, 8). Получение сомы, очевидно, имело решающее значение

для победы Индры в этом смертельном поединке, и оно неслучайно сравнивается со спасением жизни: *«Когда, срывая голову дасы Намучи, Как (некогда) коршун (сорвал) для него (самого) пьянящее растение, Он помог спящему Нами Сапья...»* (РВ VI, 20, 6).

Симптоматично, что победа Индры над чудовищем может описываться как колдовское соперничество: *«Когда (напал) ты на этого колдовского зверя, его-то и убил ты колдовством»* (РВ I, 80, 7); *«Колдовские чары колдовского Данавы он разрушил, напившись выжатого сомы»* (РВ II, 11, 10); *«Змея затаившегося, запрудившего воды, колдовского, поборол Индра колдовскими силами»* (РВ V, 30, 6). Что это за колдовские силы видно из следующих строчек гимна, посвященных Соме: *«Этот бог, рожденный силой, Вместе с Индрой-союзником подавил Пани. Этот сок у своего отца похитил оружие — колдовские силы враждебного»* (РВ VI, 44, 22). Поскольку сома и есть тот волшебный усиливающий напиток, то в данном случае речь идет о его похищении. Неслучайно среди главных заслуг Индры в контексте мифа Вала нередко упоминается и захват сомы: *«(Еще) совсем юным он проломил (скалу и захватил) похлебку, варившуюся без хвалебной песни»* (РВ VIII, 69, 14).

Учитывая то, что Сома находился во власти враждебных Индре божеств или же Змея можно предположить, что по некоторым вариантам этого мифа герой хитростью добывает или похищает прибавляющий силу напиток у своего противника и только потом побеждает чудовище. Этот реконструируемый сюжет является отголоском мифа о добывании/ освобождении животворящего источника у хтонического божества (обычно змея-дракона). Он широко распространен у индоевропейских народов. В иранской традиции, сохраненной в поэме «Шахнаме», богатырь Рустам убивает огромного дракона Белого дива — повелителя всех дивов, обитавшего на семи хребтах во тьме огромной пещеры, ради того чтобы добыть его внутренности, обладающие необыкновенными целительными свойствами. Причем надо отметить том факт, что даже описание Белого дива во многом перекликается с описанием змееобразных демонов в РВ:

...Вошел к Диви – сафиду самому
В пещеру он, как ясный день во тьму.
Увидел он провал, подобный аду,
И смутно в нем встающую громаду.
... Увидел исполинский гребень скал,
Откуда див чудовищный вставал.
С лицом как ночь, с клубящеюся гривой,
Заполнила пещеру туша дива.
Огромный — сам подобие горы,
Див на Рустама вылез из норы.

Шахнаме, 1980, с.65.

Сюжет Индры-змееборца в РВ соответствует содержанию евразийского «прамифа», реконструируемого В. Н. Топоровым на основе сравнения славянской сказки типа АТ 301 (Три царства) и индоиранской мифологии (1995). Схема сказок типа АТ 301 имеет следующее содержание: «...три брата, младший из которых особо отмечен (иногда он единственный из братьев, чье имя упоминается), отправляются на поиски трех исчезнувших царевен-сестер (иногда речь идет об одной царевне); братья приходят к отверстию, ведущему под землю (чаще всего это колодец, яма, дыра); младший брат опускается по веревке под землю; братья предательски отпускают веревку, и младший брат (третий) оказывается под землей; там он последовательно попадает в *три* царства — медное, серебряное и золотое; в каждом из них он встречает девицу-царевну, предупреждающую его об опасности, исходящей от Змея (обычно трех-, шести- и девятиголового), который должен прилететь в соответствующее царство; когда змей ... прилетает, младший брат вступает с ним в поединок и побеждает его, отсекая ему головы; собираясь вернуться на землю, герой сворачивает каждое из трех царств в яйцо (медное, серебряное и золотое), данное ему царевной каждого из царств; в результате странствий по подземному царству герой разыскивает живую воду, потом находит огромное дерево (чаще всего дуб с атрибутами мирового дерева), спасает птенцов в гнезде или на ветках дерева, за что мать птенцов (обычно орел или же другая птица мифологического типа) выносит героя из подземного царства на землю, где он бросает по очереди каждое из трех яиц, разворачивающихся в соответствующее царство; в заключение младший брат женится на царевне золотого царства» (там же, с.157). В. Н. Топоров отмечает сходство «ядра» этих сказок с индоиранской схемой: «... русская сказка типа 301, по сути дела может рассматриваться как достаточно прямое отражение некоего условного исходного «славяно-иранского» текста, последняя «иранизация» которого восходит (как к своему источнику) к версии сюжета, представленной в «Шахнаме» (с. 166). Об этом говорит сходство главных персонажей и основных мотивов: в Авесте — Трайатона (третий брат, рожденный от Атвьи) побеждает Ажи Дахаку, т.е. Змея огненного (ср. Змей Огненный, Змей огневой Вук, змей Горыныч русских сказок); по РВ Трита (Третий) Аптьи (ср. Иван Третьяк в русских сказках) участвует в убийстве змея Вритры; в «Шахнаме» младший сын Феридун уничтожает драконоподобного Захака (Ажи Дахаку) (с. 161-168).

К этому сюжетному ядру индоиранского «прамифа» В. Н. Топоров добавляет еще ряд мотивов: возвращение скота от противника к главному герою; иссушение вод Змеем; ветер как воплощение отрицательного и положительного персонажа; помощь кузнеца герою (громовержцу) (с. 162, 167,170).

В основе индоиранского (индоевропейского?) «прамифа» лежит поединок младшего брата со змеем-драконом, похитившим и удерживающим в потустороннем/подземном мире девушку (девушек), воды и скот/богатство. Победа над чудовищем (воплощением зла) имела следствием не только освобождение сокрытого, но и *возрождение* мира — мира как микро- и макрокосма по закону гармонии – правды (с. 189-190). Но самое главное, он полностью совпадает с мифологическим сюжетом, реконструируемым нами по башкирским эпосам: добывание в потустороннем/ подземном мире ***солнечной девы*** и ***живой воды*** в

ходе сражения со змеями-драконами, из тел которых складывается горы, — появляется суша и тем самым преодолевался хаос мирового потопа (Котов В. Г., 1995, 1997). Сходство дополняется и совпадением второстепенных мотивов: освобождение стад скота и возрождение Природы как следствие победы над хтоническим существом – хозяином воды. Очень важно, что южно-уральский миф аналогичен по структуре башкирским сказкам типа АТ 301 и АТ 300.

Сказка типа АТ 301 (Три царства) занимает видное место среди богатырских сказок в башкирском фольклоре. Особенностью этих сказок является нередкое их соединение с сюжетом типа АТ 300 (Победитель змея), повествующем о возвращении людям водоема, захваченного аждахой, дэвом или другим хтоническим существом (БНТ, т. 3, №№ 1, 12, 14, 15, 20, 22, 28, 29, 42; т. 4, 33). Вообще редкая богатырская или волшебная сказка у башкир обходится без мотива борьбы героя со змеем-аждахой или изофункциональными ему многоголовым дэвом, дью-пярием, ялмаузом или стариком-карликом (БНТ, т. 3; т. 4). Достаточно глубоко в южноуральской мифологической традиции разработан образ дракона-аждахи. Согласно поверьям башкир и других тюркских народов в аждаху превращается змея, достигшая определенного (100, 200, 300 или 500 лет) возраста. Аждаха обычно обитает в каком-либо водоеме. По достижении 1000 лет аждаха превращается в Юху, которая может принимать облик различных животных, а чаще всего, молодого егета или красивой девушки (БНТ, т.3, №29; т.4, №№33, 68), а также летать (Руденко С.И., 1973, с.25-26). В. Филоненко сообщает интересную деталь: Юха живет в этом возрасте только 40 дней и по истечении этого срока должна превратиться в кого-нибудь (1915, с.70). Таким образом, на примере Юхи мы можем говорить о том, что в этом представлении отразился процесс перехода (инкарнации) души человека в новое состояние, находящейся внутри потустороннего мира или существа-«глотателя», каковым и являлся змей-аждаха в башкирской мифологии (Котов В.Г., 1997, с.22-23).

Драконообразный персонаж имеет самый разный облик. Чаще всего встречается описание одноголового дэва-аждахи (БНТ, т.3, №№10, 12, 15, 18, 22, 27, 29, 35, 36, 37, 48). Только среди них отмечены летающие особи (БНТ, т.3, №№12, 15, 29; исключение – №25). Изображение крылатых драконов известны среди археологического материала Урало-Поволжья и Средней Азии (Котов В.Г., 1999). Следующим по частоте встречаемости является семиголовый аждаха/дэв (БНТ, т.3, №№21, 24, 28, 32, 34, 41, 44; т.4, №№7, 31). Интересно, что семеричный ритм широко распространен в башкирском фольклоре, причем, в основном, для обозначения какой-то пространственно-временной протяженности (7 сыновей, 7 попыток, 7 персонажей, за 7 морями, за 7 горами и пр.) (БНТ, т.3, №№193, 340, 345, 350, 397; т.4, №№27, 48, 55, 58, 61, 69, 71, 87, 128, 129, 143, 155, 269, 297, 311, 323, 324, 329, 346, 347, 352). Среди других евразийских народов семеричный ритм наиболее четко проявляется в сказочном фольклоре венгров (см. Венгерские народные сказки). Семеричный ритм характерен для наиболее архаических обществ и социальных структур народов Евразии и истоки его уходят в палеолитическую древность (Фролов Б. А., 1992, с. 136-139), причем он, по мнению финского исследователя Э. Аутио, устойчиво ассоциируется с древнейшими пластами финно-угорского мировоззрения (1996). Число 7 являлось сакральным и в ведийской традиции (Елизаренкова Т. Я., 1995, с. 476-477).

Присутствие двухголовых потусторонних существ (аждах и дэвов) также свидетельствует о наличие у предков башкир двоичного (бинарного) ритма (БНТ, т. 3, №№ 20, 29, 33; т.4, №№ 14, 18, 33). Бинарная ритмика связана с количеством действующих героев, обычно, братьев — старшего и младшего или близнецов (БНТ, т. 3, №№ 14, 15, 16, 17, 19, 20, 21, 22; т. 4, №№ 5, 38, 53, 54, 55). Двоичная символика лежит в основе древнейших культов и мифологического мировосприятия вообще (Золотарев А. М., 1964; Алексеев В. П., 1976; Иванов В. В., 1978; Смирнов Ю. А., 1991). Интересно, что двухголовое драконообразное существо зафиксировано среди изображений на скалах у пещеры Идрисовская в Салаватском районе РБ (Петрин В. Т., 1984, рис. 12).

Трех-, шести-, девяти – и двенадцатиголовые аждахи встречаются исключительно в контексте сюжета о трех царствах (БНТ, т. 3, №№ 14, 25, 32, 40; т. 4, № 46). Оттуда этот мотив перекочевал в другие тексты, как, например, в сказку (а точнее, прозаический текст) «Урал-батыр», где герой сражается с девяти- и двенадцатиголовым змеем-аждахой, хотя здесь описано два сражения, а не три (БНТ, т. 3, № 1). Изредка троичный ритм накладывается на другой – семеричный (БНТ, т. 3, № 32) или десятеричный с семеричным (БНТ, т. 3, № 21). В сказочном сюжете о трех царствах очень рельефно проявляется зависимость между количеством голов и статусом чудовища: хозяин медного царства имеет меньше голов, чем серебряного, а тот на три меньше чем змей золотого царства; соответственно усложняется и характер испытания. Значит, изменение статуса дракона было связано не только с возрастом, но и с количеством голов. Их приращение и соответственно изменение статуса могло зависеть от качества заглатываемых жертв (батыры или олень с двенадцатью отростками на рогах – символ временного цикла), как это видно по эпосу «Урал-батыр» (Котов В. Г., 1997, с. 23). Таким образом, количество голов мифического существа ассоциировано в той или иной форме с каким-либо временным отрезком, а значит и с понятием мифического пространства. Отсюда, наверное, и происходит стойкое сцепление мифических образов с определенным сюжетом. Это проявляется в том, что одноглавые, двуглавые и семиглавые чудовища встречаются в башкирских сказках в подавляющем большинстве случаев в сюжете АТ 300 (Победитель змея). Хозяином воды, наряду с аждахой и дэвом, выступает и подземный старик-карлик Ирганай (БНТ, т. 3, №№ 12,25,42), причем его борода в 1000 вершков является не только источни-

ком его необыкновенной силы, но и может использоваться подобно змеиному хвосту, сам же старик изрыгает огонь как аждаха (БНТ, т.3, №42). Этот же персонаж оказывается отцом многоглавых дэвов (БНТ, т.3, №33). Разнообразие персонажей, тем не менее, не исключает единой схемы сказочного события.

1. Завязкой действия является дальнее путешествие, в ходе которого герой, обычно малолетний, случайно попадает в какое-то царство, город или же набредает на берегу озера/моря на девушку, отданную в качестве ежегодной (еженедельной, ежедневной) жертвы хозяину водного источника.

2. Девушка всегда оказывается царской дочерью, до которой дошел черед быть отданной на съедение аждахи. Обычно в жертву дракон требовал девушек, достигших брачного возраста. Это наводит на мысль о том, что речь идет о «свадебном» действии. См. сюжеты сказок, где аждаха захватывает или требует себе невесту (БНТ, т.3, №37, см. также №№32, 33, 34, 35, 36, 40).

3. В башкирских сказках царевна обычно стоит, привязанная к «сараю» (т.е. дворцу), дому (иногда чугунному) или к столбу в доме (БНТ, т.3, №№14, 15, 20, 29) и лишь в единственном случае девушка была привязана к столбу на берегу (БНТ, т.3, №28). Девушка самоотверженно предупреждает батыра о грозящей опасности.

4. Появление аждахи обычно сопровождается стихийными природными явлениями: вскипает вода в озере, начинается сильная буря, гром, землетрясение (БНТ, т.13, №№15, 20, 27, 28).

5. Сражение начинается со словесного поединка, который заканчивается, обычно, рукопашным поединком – троекратным бросанием чудовища, после чего герой срубает мечом или сшибает булавой все головы. Изредка герою приходится сражаться с тремя аждахами (БНТ, т.3, №14). Иногда аждаха или другое демонологическое существо может изрыгать пламя или притягивать дыханием к себе (БНТ, т.3, №№24, 42).

6. Побежденное чудовище обычно расчленяется, кромсается батыром на куски (БНТ, т.3, №№1, 5, 10, 14, 20, 29, 37, 38, 40) и складывается в большую кучу, которая сравнивается с большой поленницей, стогом или горой (БНТ, т.3, №№1, 10, 14, 20, 29, 38, 40). В одном случае убитый аждаха придавливается камнем-горой (БНТ, т.3, №42).

7. После победы над змеем-аждахой/дэвом происходит возрождение природы и людей в результате освобождения водного источника (БНТ, т.3, №№1, 20, 29, 42).

По основным положениям сюжет борьбы с хозяином водного источника схож со сказками типа АТ 301 (Три царства). Отличия же указывают на большую архаичность и близость к мифологическим текстам, представленным в РВ. Например, обряд человеческих жертвоприношений хозяину хтонического мира свидетельствует о глубокой архаике. Сарай (дворец) или (чугунный) дом в пограничном локусе – на берегу озера/моря, к которому привязана царевна, может символизировать собой гору/пещеру. Об этом встречаются прямые указания в башкирских сказках (БНТ, т. 3, с. 159, 201, 347; т. 4, с. 50, 131, 218). Освобождение красавицы-царевны расчленение чудовища, складывание из кусков его тела горы и возрождение природы, – элементы древнего мифологического текста, аналогичного реконструируемому о деяниях Индры в РВ. В башкирском фольклоре прямой аналогией вышеописанному сказочному сюжету является сказка и эпос «Урал-батыр», а также эпос «Акбузат», что подробно было разобрано нами в работе «Мифология Южного Урала» (1997). Следует отметить, что в основу «Урал-батыра» положен стадиально более древний миф о противостоянии двух братьев, старшего (Шульгана) и младшего (Урала), властителей нижнего и верхнего миров (Золотарев А. М., 1964), причем возможна связь мифологического текста об Урале и Шульгэне со святилищем в пещере Шульган-Таш палеолитической древности (Котов В. Г., 1997, с. 46). О глубокой укорененности этого мифологического текста в местную духовную культуру красноречиво свидетельствует и факт эманации данного сюжета в эпическом и фольклорном наследии народов Южного Урала (Котов В. Г., 1997, с. 46). Сходство с индоиранской мифологией не ограничивается только змееборческими мотивами. Нами уже указывалось о параллелях образа Нэркэс из эпоса «Акбузат» и богини зари Ушас в ведийской мифологии: Нэркэс, как и Ушас, описана как хозяйка крылатого белого коня и стад бурых коров (Котов В. Г., 1997, с. 58-59). Общеизвестно, что кони в индоиранской мифологии являлись атрибутом бога солнца Сурьи. В южно-уральской мифологии белый крылатый конь (Акбузат) занимает самое видное место и, в том числе, это видно по содержанию двух древнейших эпосов: «Урал-батыр» и «Акбузат», где Акбузат принадлежал или дочери солнца Хумай («Урал-батыр») или повелителю подводного/подземного мира Шульгану («Акбузат»). Отсюда происходит башкирское поверье о том, что крылатые кони вышли из озера Шульган или из других озер (колодцев) и обладают двойственной природой (Сагитов М. М., 1984; Котов В. Г., 1997). До деталей сходные представления о крылатом коне существовали у индоариев:

Когда ты заржал впервые, рождаясь,
Вздымаясь из океана или
из первородного источника,
Крылья сокола, передние ноги антилопы
Достойное хвалы было твое великое рожденье,
о скакун.
Его, подаренного Ямой, запряг Трита.
Индра впервые сел на него верхом.
Гандхарва схватил его поводья.
Из солнца вытесали вы коня, о боги.
Тот — Яма, ты — Адитья, о скакун,
Ты — Трита по тайному обету.
Ты наполовину отделен от сомы.
Говорят, что у тебя три привязи на небе.
Три у тебя, говорят, на небе привязи,
Три в водах, три в океане.
А еще кажешься ты мне подобным Варуне,
о скакун,

(Там,) где, говорят, твое высшее место рожденья.
О скакун, это твои места для купанья...
РВ I, 163, 1-5

В этом гимне очевиден сюжет мифа о рождении из вод «первородного источника» крылатого солнечного коня. Конь был подарен богом Ямой (повелителем мира мертвых) Индре, который первый его объездил и запряг. Крылатый конь имеет двойственную природу: он обитает на небе и в водах океана. Здесь очевидно полное совпадение вплоть до деталей. В индоиранской мифологии владыка моря Ворукаша — Апам-Напат также владеет быстрыми конями (Авеста, 1990, с. 137). Легенды о небесных крылатых конях зафиксированы в Средней Азии (Толстов С. П., 1948, с. 303).

О «северных» параллелях солнечного крылатого скакуна говорят следующие строки:

Он с золотыми рогами, его ноги из железа,
Он стремителен, как мысль, —
Индра остался позади него.
Сами боги пришли вкусить жертву у того,
Кто первым сел верхом на коня.
Небесные кони, играющие силой, —
Края (их вереницы) исчезли, середина отчетлива...
Словно гуси, смыкаются кони в ряд,
Когда они достигли небесного ристалища.
РВ I, 163, 9-10.

На конях-оленях, запряженных в колесницу, скачут в золотых одеяниях Маруты (РВ V, 55, 6).

Образ коня с золотыми рогами ассоциируется сразу с Пазырыкским погребением, где были найдены захоронения коней с оленьими масками (Руденко С.И., 1949, с. 71-72, рис. 31; он же, 1953, табл. LXXI), а также с «оленем золотые рога» в сибирском фольклоре (Окладников А. П., 1964). С этим образом поразительное сходство имеет сюжет тотемической легенды древних тюрок о белом олене с золотыми рогами, обитавшем в пещере вблизи моря, который является олицетворением солнечной девы — дочери Духа моря (Нестеров С. П., 1990, с. 96). Олень являлся божеством верхнего мира и древним тотемом у народов лесной полосы Европы и Центральной Азии (Бернштам Т. А., 1990, с. 31-32; Нестеров С.П., 1990, с. 103). Неслучайным может оказаться и сравнение коней с гусями (в индийской мифологии гусь был символом солнца — Кузьмина Е. Е., 1977), исходя из тождества гусей-лебедей с солнцем в североевразийской мифологии (в белого лебедя превращалась солнечная дева Хумай, а в водоплавающую птицу лунная девушка Айхылу в эпосе «Урал-батыр»). О многом говорит тот факт, что в мифологии манси хозяин земли Мир-Сусне-Хум объезжает мир на белом крылатом коне (Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А., 1983, с. 100).

Мотив освобождения солнца/солнечной девы из-под власти хтонического существа — змея-горы находит прямые аналогии в мифологических эпосах «Урал-батыр» и «Акбузат» (Котов В. Г., 1997). Буквальное повторение этого сюжета встречается в этногенетическом предании башкир-гайнинцев. Существуют три варианта предания. Согласно первому варианту два брата — Айна и Гайна на двух ***белых оленях*** приезжают в безлюдные места. По ночам кто-то стал мучить оленей (Эта деталь часто встречается в башкирских сказках, см.: БНТ, т. 3; т. 4). Гайна подстерегает виновного. Это оказалось чудовищная волосатая старуха (по описанию – старуха Убыр) Тулуа, которая является **хозяйкой** той местности. Гайне удалось заарканить старуху, которая в ходе «усмирения» превращается в красивую девушку. Девушка обещает быть ему верной женой. Привязав ее волосы к *рогам* оленя, Гайна привел красавицу к себе и сделал ее своей женой. От них и ведет происхождение племя гайницев (БНТ, т. 2, № 129).

В другой версии предания «Айна и Гайна» повествуется о том, что старуха Убыр похитила солнце и спрятала его за горой Толтау в лесной пещере (очевидно, гора Толтау воспринималась как край обжитой земли). Сюда приезжают верхом на оленях два охотника – Айна и Гайна. ***Олени*** находят место, где было спрятано солнце, и они же освобождают его: «...олень стал бить копытами, земля треснула, и наружу вырвался огонь». Это был вход в пещеру, который старуха-убыр завалила огромным камнем. Два брата забирают солнце. Их преследует старуха-убыр до границы, каковой является река Тол. И опять в самый ответственный момент братьев выручает олень: во время переправы через реку они вешают солнце на ***рога*** оленя. На другом берегу Айна и Гайна отпускают солнце и оно «снова озарило землю, весь мир». Братья остаются в этих местах и становятся родоначальниками племени (БНТ, т. 2, № 130).

Третья версия предания, наиболее емкая, важна нам для понимания предшествующих вариантов, поэтому здесь она приводится полностью: «Жил когда-то на свете Гайна-батыр. В пермский край он приехал на ***олене***. В те же времена земля была очень холодной. Спросите, почему? Да потому что Солнце тогда не было. Было оно во власти ***аждахи***, что жил за Толтау. Пришел Гайна-батыр, убил аждаху и вызволил солнце из ***подземелья***. Повесив его на рога оленя, перенес на эту сторону реки Тол. «Каждый день жди меня в это время», – *сказало* Солнце и поднялось в небо (солнце является девушкой!? — В.К.). Гайна ждал солнце, и оно каждый день в одно и то же время выходило над землей. Так, ежедневно ожидая Солнце, Гайна незаметно для себя привязался к этим местам. Решил не покидать их, там и обосновался. Отсюда распространился род гайнинцев. Гайнинцы — самые первые башкиры» (БНТ, т. 2, № 131).

Мифологическая природа этого предания несомненна. При этом все три варианта семантически совпадают, а различия отражают различную мифологическую символизацию одного и того же события.

Во всех трех вариантах различаются демонические существа. В первом и втором мы имеем дело с одним и тем же персонажем — старухой-убыр. Этот персонаж довольно широко представлен в башкирском фольклоре и обычно он проявляется как людоедка-кровопийца, т.е. типичный «глотатель» архаических мифологий (БНТ, т. 3, с. 444; №№11, 23, 38, 41, 42). В этом данный образ перекликается с аждахой, дэвом или другим хтоническим персонажем.

Одной из отличительных черт этого персонажа является умение превращаться в других существ или же ***преображать*** заглоченных людей. Умение превращаться в красивую девушку также связывает убыр с мифическим змеем Юхой. Здесь надо особо отметить двойственную, а точнее антагонистическую, природу этой башкирской аналогии бабы-Яги: безобразная старуха-людоедка может превращаться в молодую красивую девушку — будущую мать многочисленного потомства (См.: БНТ, т. 2, №№ 125-128). Неслучайно образ убыр похож на албасты, которую возводят к матери-хозяйке Природы — архаическому символу первобытной древности (Басилов В. Н., 1991, с. 29). Очень важно, что это *пре – образование* всегда происходило после жестокого усмирения - борьбы (ср. со сценами «усмирения» потусторонних женских персонажей: БНТ, т. 2, № 125; т. 3, №№ 30, 34, 40, 41; т.4, №№ 12, 67). Все эти сцены с кровопусканием очень похожи на широко бытующий у башкир мотив чудесного превращения захудалой лошадки в крылатого коня после нескольких ударов камчой или плетью (См. БНТ, т. 3, т. 4). Кроме того, понимание красоты у предков башкир стойко ассоциировалась с лучезарностью, с солнечной природой (БНТ, т. 4, №№ 58, 68, 76, 77, 78). Отсюда символом красоты-солнечности нередко выступал золотой цвет или золото: золотые волосы (БНТ, т. 2, № 27, т. 3, №№ 34, 47, т. 4 №№ 3, 77, 78), золотой дом/ дворец в потустороннем мире (под землей, водой, на горе, на краю земли и пр.), в котором на золотой кровати/колыбели спит красавица (БНТ, т. 3, №№ 30, 34, 40, 41, т. 4, № 67). В этот же ряд следует поместить женский персонаж, заманивающий героя в облике золотой птицы (БНТ, т. 3, № 14, 15, 18) или превращающийся в нее (БНТ, т. 3, № 41), а также красавицу Нэркэс, дочь хана Шульгана в эпосе «Акбузат», которая принимала образ золотой утки (БНТ, т.1, № 2).

Сюда же следует отнести и «огненную» природу женских персонажей. Например, дочь джинов в ходе «усмирения» извивается по змеиному, а ее волосы превращаются в языки пламени (БНТ, т. 4, № 67). В огненный шар превращается девушка-змея, дочь царя змей (БНТ, т. 4, № 31) или же старуха-убыр (БНТ, т. 3, № 11; т. 4, № 19), а также Мяскей (БНТ, т. 4, № 31). К дочерям Огненного царя – необыкновенным красавицам, сватаются батыры (БНТ, т. 3, № 16, 33).

Из всего вышесказанного можно сделать следующие выводы. Во-первых, образ старухи-убыр–Мяскей семантически тождественен в башкирском (и, шире, в евразийском) фольклоре образу дракона (Аждахи). Во-вторых, мотив иссечения убыр и преображения ее в девушку-красавицу можно сопоставить с мотивом рассечения дракона (горы) и изведения из него девы – Солнца.

Если попытаться реконструировать единый мифологический текст, то мы получаем следующую картину. Два брата (брат) появляются здесь, в потустороннем мире, в связи с отсутствием Солнца. Оно, очевидно, являлось целью этого путешествия. Солнце спрятано хтоническим существом — хозяином этого потустороннего мира. Герои (герой) побеждают/преображают (ср. «усмирение» старухи-убыр, раскалывание горы; убиение аждахи) хтоническое существо и выводят изнутри пещеры или «пожирателя» деву-солнце в этот мир. При этом активную роль играет (белый) олень, который переносит на своих рогах (деву) солнце. Последствием этого упорядочивающего, космогонического действия является преобразование этого (посюстороннего – за рекой Тол) мира и, как следствие, изменение к лучшему в жизни людей и их преумножение на Земле.

Олень, несущий на рогах солнце, лишь только раз мелькнет как второстепенный персонаж в одной башкирской сказке. Причем там мы находим подтверждение нашему предположению о том, что олень самостоятельно похищает солнце, которое он обещал принести людям (БНТ, т. 4, № 38). Без всякого сомнения, этот образ тяготеет не только к финно-угорскому миру (БНТ, т. 3, с. 425), но и к мифологии народов Северной Евразии в целом (Анисимов А. Ф., 1959, с. 28-29). Принимая во внимание особую роль белого коня Акбузата в освобождении солнечной девы в эпосах «Урал-батыр» и «Акбузат» (в эпосе «Аккак-Кола» конь самостоятельно добывает егету невесту), можно сопоставить его с мифологическим образом белого оленя древнего мифологического предания северных башкир-гайнинцев. О том какую большую роль играл олень в миропредставлении индоиранских племен, населявших территорию Южного Урала в раннем железном веке, свидетельствуют многочисленные находки из сарматских курганов (Смирнов К. Ф., 1964). Среди них огромнейшее значение имеет коллекция вещей из Филипповского 1 кургана (раскопки А. Х. Пшеничнюка, 1988 г.). Видное место среди золотых изделий занимают изображения оленей, причем 26 из них были когда-то сделаны из дерева и обложены листовым золотом. Изделия представляют собой крупные, объемные скульптуры, несущие на себе печать определенного символического схематизма, которым не обнаружено аналогов в скифо-сарматском искусстве (Пшеничнюк А.Х., 1989, с. 11). Тела оленей покрыты спиральным орнаментом и завитками. У них также изображены непропорционально большие рога в виде фронтально повернутых спиралей-завитков. У десяти фигур рога объемные: имеется еще один завиток, перпендикулярный другим (Пшеничнюк А.Х., 1998, с. 166). Фигуры оленей имели подставки, что указывает на возможность их ритуального использования. Неслучайно пять золотых оленей стояли в конце дромоса имеющего ориентацию строго с юга на север, слева у входа в погребальную камеру (там же). Очевидно, золотые олени, установленные у входа в погребальную камеру с южной стороны, символизировали собой солнце. Интересно, что у древних ариев в свадебных (?) ритуалах использовались статуэтки, изображающих пару коней солнечной колесницы Индры (РВ IV, 32, 23). Очень важное значение для понимания культа солнца у ранних кочевников имеет следующая деталь: два тайника с ритуальной деревянной посудой, обложенной золотыми накладками, и различными украшениями, бы-

ли, обнаружены за пределами погребальной камеры точно на линиях зимнего и летнего солнцестояния, проходящих через центр погребальной камеры. Это говорит о том, что надмогильная конструкция какое-то время до ее засыпки могла использоваться в каких-то ритуалах, связанных, в том числе, и с астрономическими наблюдениями за движением солнца (Шалашов М. Н., 1996). О том, что древние индоиранцы следили за движением солнца, свидетельствует зороастрийская мифология: зороастрийцы верили, что солнце, двигаясь по небосклону, каждый раз проходит сквозь специальное отверстие в мифической горе Хара Бэрэзайте (Харбурз), поэтому таких отверстий на Востоке и на Западе по 180, по числу различных точек восхода и заката между двумя солнцестояниями (Рак И. В., 1997, с. 17). В РВ сохранилось представление о том, что каждая заря не похожа на предыдущую и, поэтому, персонифицирована в отдельное божество из свиты богини зари Ушас. Последняя, в свою очередь, являлась олицетворением первой зари нового года, символизируя его рождение. Отсюда сравнение зорь с образом стада бурых коров, которых освобождает Индра из горы/пещеры.

Мотив упорядочивания Индрой движения солнца считается одним из важнейших деяний громовержца — сражение с Вритрой даже воспринимается как борьба за солнце: *«Когда в борьбе за солнце в опьянении, в радостном возбуждении ты, о Индра, убил Вритру, ты выпустил поток вод»* (РВ I, 56, 5) или:

Тут, о Индра, все боги поставили тебя
Впереди, как единственного сильного – для борьбы.
Когда (тот, кто) не – бог, затаился против богов,
То они выбрали Индру для поединка за солнце.
РВ VI, 17, 8

После этого мироустроительного деяния Индры, связанного с солнцем в РВ сохранились отголоски мифа (или цикла мифов) о каком-то противостоянии Индры и Ушас после победы над змеем Вритрой:

Когда Ушанас (и ты) отправились вдвоем домой
На сильных и быстрых конях, о Индра,
Ты отправился, покоритель, на одной колеснице
С Кутсой, с богами. Ты же покорил Шушну.
РВ V, 29, 9

Шушна в ведийской мифологии – демон засухи, которая ассоциируется с драконом Вритрой, отсюда становится понятными следующие строки:

Ты сорвал одно колесо солнца.
Ради Кутсы ты предоставил свободный путь
для движения другого (колеса).
РВ V, 29, 10

Ты Индра, вместе с Кутсой победил
В походе за коровами прожорливого Шушну,
портящего урожай!
Вгрызайся при разбеге и отнимай
Колесо у солнца! (Так) ты принялся за дела.
РВ VI, 31, 3

Речь здесь, скорее всего, идет о соперничестве-противостоянии с солнцем Ушас, которое вначале обладало какой-то демонической природой, направленной против людей. Это соперничество отражено в битве двух колесниц — Индры и Ушас. Индра разбивает колесницу Ушас:

И еще это героическое деяние,
Подвиг мужества ты совершил, о Индра,
Что злонамеренную жену,
Дочь неба ты прибил.

Эту самую дочь неба,
Мнящую себя великой,
Ушас, разбил Индра.

Прочь от разбитой повозки
Убежала Ушас, страшась,
Когда бык ее столкнул.

Это ее повозка лежит
Совсем разбитая, в Вишапи.
Сама же она бежала в дальние края.
РВ IV, 30, 8-11

Этот подвиг Индра совершил вместе со своим спутником-возничим из числа людей – Кутсой: *«Отнят весь срок жизни у великого вредителя, когда Шушна повалился при падении ваджры. Этот Индра, находясь (с ним) на одной колеснице, создал для колесничего Кутсы широкий (простор) при завоевании солнца»* (РВ VI, 20, 5).

Победа над Шушной — это устранение препятствия/преграды для движения (солнечной?) колесницы Индры! Этот мотив соперничества двух колесниц хорошо виден в гимне, где вместо Ушас упоминается солнечный конь Эташа (букв. «быстрый», «скакун»), который, очевидно, является ее ипостасью (см. образ белого коня, которого она ведет в момент своего появления — РВ VII, 77, 3):

Даже колесницу солнца, вырвавшуюся вперед,
Сделал он (Индра — В. К.) *в решающий момент*
отстающей.
Унес колесо Эташа, он пускает его катиться.
Когда он (его) поставит впереди,
он осуществит наше намерение.
РВ V, 31, 11

В другом месте РВ Индра расправляется с Эташой подобно тому, как он это сделал с Ушас:

Он привел в движение колесо Солнца.
Он остановил пробежавшего Эташу.
Он швыряет его, рассвирепев,
На дно шкуры темного пространства, в его лоно.
РВ VI, 17,14

Очевидно, в этом случае мы имеем дело с одним из эпизодов борьбы культурного героя антропоморфного облика со старыми зооморфными богами. По крайней мере, отголоски борьбы людей с хтоническими богами сохранились в виде отдельных цитат в гимнах:

Ведь даже все боги никак
Не могут побороть тебя, о Индра,
Потому что, ты рассек они ночью.

И когда для угнетенных,
Для сражающегося Кутсы
Ты, Индра, похитил колесо солнца...

Когда всех разбушевавшихся богов
Ты поборол совсем один,
(И) разбил, о Индра, преследователей...
И когда для смертного
Ты привел в движение солнце, о Индра,
Силами (своими) ты поддержал Эташу.
РВ IV, 30, 3-6

Или в другом гимне Индра сражается за солнце ради смертных людей – Кутсы и Атитхигвы:

Ты вдохновил мудреца в борьбе за солнце,
Ты поверг ниц Шушну
ради почитавшего (тебя) Кутсы.
Ты отбил голову неуязвимому,
Желая совершить славное дело ради Атитхигвы.
РВ VI, 26, 3

Индра повторяет подвиг Прометея, сражаясь с богами для того, чтобы добыть у них для людей небесный огонь-солнце! Он срывает ***одно*** колесо солнца и приводит его в движение, буквально пускает его катиться. Таким образом, смысл этого действия — удаление дышнего колеса-солнца, иссушающего землю и несущего зло людям (образ демона засухи Шушны): «*Ты сорвал одно колесо солнца. Ради Кутсы ты предоставил свободный путь для движения другого (колеса)*» (РВ V, 29, 10). После этого движение солнца было упорядочено во благо человека, а само светило теперь стали уподоблять стельной корове, которую оплодотворил бык Индра:

Солнце не меняет предписанных сторон света,
Порожденных день за днем
обладателем буланых коней.
Только после того, как оно
достигло конца (своих) путей,
Оно распрягает коней — такова его (работа).

При выходе Ушас из ночи (все) хотят видеть
Великий, яркий облик зажигающейся (зари).
Все знают, когда она явилась со (своим) величием.
Многие деяния Индры благотворны.

Великий свет сокрыт в вымени (Ушас):
Сырая корова бродит, нося вареное (молоко).
Весь вкус был собран в корове (-утренней заре),
Когда Индра предназначил ее
для наслаждения (человека).
РВ III, 30, 12-14

Таким образом, здесь отражен миф о соперничестве двух небесных божеств, молодого бога-громовержца и старой, хтонической богини солнца, который наложился, очевидно, на древний миф о двух солнцах, одно из которых было удалено в мир мрака, т.е. стало ночным светилом (— Луной?). Тем самым было довершено разделение мира на две половины, о чем красноречиво повествуется в гимнах Индре:

Раскрыл он также двух древних, родственных —
(Он,) неистовый, с помощью исполняемых песен.
Словно богатый господин —
двух жен, на верхнем небе.
Держит он оба мира, (он,)
совершающий удивительный подвиг.
Издревле вокруг неба и земли (движутся)
две несхожие
Юницы, возвращаясь снова (и снова,)
по своей привычке:
Ночь с черными очертаниями,
утренняя заря — со светлыми.
Они движутся, приближаясь:
то одна, то другая.
РВ I, 62, 7-8

И еще более конкретно сказано о космическом масштабе солнцеобразного возницы Индры:

Именно (тот), кто благодаря (своей) мощи перерос
Все миры, делая (себя) властелином, (он,)
очень сильный,
(Этот) возница протянул тут свет через оба мира!
Он свергнул мрак, зашивая его.
РВ II, 17, 4

Мотив соперничества/преследования друг другом двух светил, дневного и ночного, должен был отразиться в каких-то мифологических образах. Если символом верхнего, светлого мира (солнца) являлся белый конь (олень), то нижний мир, вместилище мрака, должен быть связан с конем темной масти. В РВ этого образа нет, очевидно, он отсутствует из-за нерасчлененности мира мрака по причине его табуированности. Только в одном месте РВ упоминается черный конь, принадлежащий Прайию и Вайию (VIII, 19, 37). Этот мотив борьбы белого и черного коня сохранился в индоиранской мифологии только в Авесте. Он является центральным эпизодом «Тир-Яшта» и посвящен поединку Тиштрйа с демоном засухи Апаошей. Тиштрйа сражается в облике прекрасного *белого* коня с желтыми ушами и золотыми удилами, а Апаоша — безобразной *черной* лысой лошади. Первоначально Апаоша изгоняет Тиштрйа из озера Ворукаша. Затем с помощью Ахурамазды Тиштрйа побеждает Апаоша. Воды освобождаются, и начинается дождь. Очень важный факт – Тиштрйа, как и древнеиндийский Тишья, почитался и как стрелок и как звезда Сириус, предводитель всех созвездий, который способен принимать облик юноши, *златорогого быка* и *белого коня*. Этот образ восходит к эпохе индоиранской общности (Лелеков Л. А., 1991, с. 542).

В южно-уральской мифологии только в эпосе «Урал-батыр» сохранился мотив о двух конях: Акбузате – белом крылатом коне, принадлежащий солнцеликой Хумай-лебедь и Харысай – рыжем крылатом коне лунной девы Айхылу, появляющейся иногда в облике утки и являющейся женой Шульгена – будущего повелителя подземного мира (БНТ, т. 1, № 1). Принимая во внимание былое соперничество двух сестер, можно предположить то же самое и в отношении коней символизировавших их в древнем мифе (Котов В. Г., 1997, с. 19-20). В последующих мифологических эпосах местом обитания крылатых коней (коня) является озеро Шульган, поэтому и хозяином чудесных коней считался повелитель подземного/подводного мира – хан Шульген. Не-

случаен поэтому мотив выхода/вывода необыкновенных коней из этого или из других озер, обставленного запретами, подобному какому-то обряду (там же, с. 40-42). Есть еще одно косвенное свидетельство: среди легенд и преданий о возникновении рек Южного Урала выделяется своим архаизмом предание о возникновении реки Караидели (река Уфа — приток реки Белой). Согласно этому преданию река Караидель (Черная река) возникла по следам черного жеребца, разрушившего гору, в которой он был спрятан, пока его там не обнаружили люди (БНТ, т. 2, № 72). Формирование ландшафта какими-либо титаническими персонажами относится к древнейшим пластам космогонической мифологии, тем более вызывает интерес, то, что эта функция связана с мифическим животным. Очень важна ассоциация в местной мифологии водоплавающей птицы и коня, как символов соответствующей половины мироздания (Котов В. Г., 1997).

Популярность мифов об Индре-змееборце очевидна. Но всякий миф должен быть связан с каким-то ритуалом. Само содержание подсказывает вероятную сферу его применения – это ритуалы, связанные с ***рождением*** Природы, Ребенка, Воина и прочее. Скорее всего, учитывая центральную роль божества Индры в мировоззрении индоариев, этот миф должен был театрально разворачиваться в ритуалах празднования Нового года, поскольку идея этого обряда – «новой синтез Вселенной из элементов старого, распадающегося на части мира», что как раз и мотивируется змееборческими мифами (Топоров В. М., 1995, с. 189-190). Возможно, об этом повествуют строки РВ:

Ты нам, о Индра,
со (своими) нескупыми поддержками
Другом будь весь век, помощником в усилении,
Когда мы зовем тебя при покорении солнца,
Сражаясь в боях (, разделившись) на две половины!
РВ VI, 33, 4

В последней строке говорится о разделении или ритуальном, на две фратрии, или же речь идет о противниках в битве. В любом случае оно увязано с древним мифологическом разграничении мира на две сферы.

Сюжет сбивания лишнего солнца присутствует в эпосе «Урал батыр» и в древнем предании «Как возникли луна и Уральские горы», где действующим лицом также выступает Урал-батыр (БНТ, т. 1, № 1; т. 2, № 2; Котов В. Г. 1997, с. 19-20). Эпос и предание перекликаются во всех основных деталях, но в последнем сюжет развернут более подробно. В нем повествуется о первобытных племенах, что подчеркивается специально: «Давно, очень давно на небе было два солнца. И вот эти-то два солнца безпрерывно и неустанно озаряли лик земли. И сильно страдали от того люди». (БНТ, т. 2, № 2). Один бай разослал по всей земле весть о том, что если кто собьет одно из двух солнц, тот получит в награду его дочь и много богатства. Многие батыры пытались попасть в солнце, но это удалось только Уралу. Сама эта сцена описывается в предании как титаническое деяние: «Взял он свой роговой лук, наложил на тетиву из просмоленных жил алмазную стрелу, натянул на размах руки — все вокруг так и зазвенело и загудело. От звука того обрушились горы и замерли в своем течении реки» (там же). Стрела попадает в одно из солнц, и оно разваливается на две части: «Одна половинка солнца осталась висеть на небе, другая – упала на землю и потом превратилась в большую гору, богатую всякими сокровищами. Расколовшись надвое, солнце потеряло свой блеск. После этого люди привыкли спать по ночам в темноте, а при дневном свете трудиться» (там же).

Космогонический мотив, сходный с ведийским, здесь налицо. При этом этот миф является местным, так как в нем объясняется происхождение названия уральских гор и луны: «Ввиду того, что люди на земле при разломе солнца закричали «Ай!», одну часть расколотого солнца стали называть «ай». Гору, которая образовалась из второй половины, в честь егета-мэргена стали называть «Уралтау» (там же). В эпосе и сказке «Урал-батыр» гора Уралтау возникла из праха Урала (БНЭ, с. 369; БНТ, т. 3, с. 43.).

Если сюжет заглатывания/похищения солнца хтоническим существом и наступившими после этого тьмой и холодом мог возникнуть только в северных районах Евразии (где он и находит своим аналогии в мифах северных народов), то сюжет о двух солнцах, иссушающих землю, характерен только для южных, засушливых или пустынных районов Азии. Это предположение подтверждается присутствием сюжета сбивания лишнего солнца в мифологии народов Амура и Монголии (Золотарев А. М., 1964, с. 260-261). Разброс этого сюжета (Южный Урал, Монголия, Китай и Северная Индия) уже говорит о его древности. Укорененность этого сюжета в мифологии древнего населения Южного Урала, а также древних индоариев, предполагаемая прародина которых охватывала эту территорию (Кузьмина Е. Е., Смирнов К. Ф., 1977; Зданович Г. Б., 1995), указывает на южно-уральские (среднеазиатские) истоки этого мифа.

Возможно, что мифологическое разделение мироздания на верхний и нижний миры стадиально соответствует фратриальной бинарности социума. Одна фратрия обозначалась символом мифического «низа», а другая – мифического «верха». Соответственно, каждая из них имела свои мифы, где одни и те же герои имели «обратный знак» в оценке их деятельности (Золотарев А. М., 1964). Этим, например, можно объяснить сосуществование в ведийской мифологии двух мифов, где действуют одни и те же персонажи, но противоположные по своему содержанию: один о добывании из-под земли солнца, а другой — наоборот, изведения, под землю одного из солнц. О том, какое значение занимало бинарное миропредставление у древних индоиранских племен, демонстрируют зороастризм с его дуалистической мифологией (Толстов С. П., 1948, с. 270), а также сохранение бинарного ритма, связанного с древнейшими космогоническими представлениями индоариев (Елизаренкова Т. Я., 1995, с. 473-474).

К одному из самых ярких и популярных персонажей башкирского фольклора следует отнести образ огромной птицы Самруг, Самригуш, Семере (БНТ, т. 3, №№ 10, 12, 13?, 16, 23, 25, 39, 41, 57; т. 4, №№ 11, 30, 43, 52, 78, 79). В большинстве случаев эта птица прочно связана с каким-то мифическим огромным деревом (иногда с тополем – БНТ, т. 3, № 25; т. 4, № 43), находящимся около пещеры (БНТ, т. 3, № 23), около озера (БНТ, т. 3, №25), на острове по среди моря-океана, где рядом в пещере обитает аждаха (БНТ, т. 4, № 52), в глубокой чаще леса (БНТ, т. 4, № 79). На вершине дерева находится гнездо этой птицы с птенцами, на которых ***ежегодно*** в одно и то же время нападает аждаха. Птенцов спасает герой, он побеждает змея/аждаху и благодарные птенцы укрывают его от птицы людоедки — своей матери. За спасение птенцов птица выносит героя из потустороннего/подземного мира и, зачастую повторяется одна и та же сцена: герой чтобы накормить гигантскую птицу, отрезает от своей ноги кусок мяса. Уже на поверхности покалеченному батыру птица или взмахом своего крыла (БНТ, т. 3, № 23), языком (БНТ, т. 3, № 25) или своей слюной (БНТ, т. 3, № 12) излечивает рану. Основной отличительной чертой птицы Семере выступает функция перевозчика: нередко она в других сказках доставляет героев в нужное место (БНТ, т. 3, №№ 39, 41, 57; т. 4, №№ 11, 32, 78). В древнейшем мифологическом эпосе «Урал-батыр» птица Самрау является повелителем всех птиц и отцом Хумай и Нэркэс. (БНТ, т. 1, № 1). В одной сказке птица Самригуш тоже царица птиц, похищает и воспитывает в своем гнезде царевну (БНТ, т. 4, № 79). Особая избранность этой чудесной птицы, выступающей помощницей героя в других сказках (БНТ, т. 3, №№ 16, 57; т. 4, №№ 11, 32), проявляется и в том, что она может выбирать царя (подобно голубю или птице Карагуш) (БНТ, т. 3, № 16). В трех сказках гигантская птица выступает или как охранник дворца (БНТ, т. 4, № 24), или же в ее гнезде хранились ключи от дворца (БНТ, т. 3, № 13) или же волшебный предмет — спички (БНТ, т. 4, № 52).

Из описания фантастической птицы Самруг-Семере хорошо видно устойчивое сочетание ряда деталей, образующих единый сюжетный образ и, заключающий в себе космическую символику: дерево — под ним змея-аждаха — на дереве находится гнездо царской птицы. Символично противостояние птицы и змеи, а также медиативная функция птицы. Очевидно, что царская птица символизировала ***солнце.*** Неслучайно в башкирском сказочном фольклоре присутствует образ золотой птицы (БНТ, т. 3, № 46; т. 4, № 41), в том числе, людоедки и оборотня (БНТ, т. 3, № 13).

Данный мифологический образ опять же находит аналогии в индоиранской мифологии — это птица Сэнмурв. По основным проявлениям и в деталях они совпадают, причем не претерпело изменение даже имя птицы (Тревер К. В., 1933, с. 296-306).

При анализе мифологических цитат в РВ бросается в глаза многовариантность тех или иных мотивов и даже сюжетов. Это можно объяснить не только особенностью только устной традиции, с неизбежностью распадающейся на диалекты под влиянием различных причин, но и неизбежным смешением с другими пластами духовной культуры: сказкой, литературными произведениями и пр. По нашему мнению в РВ в цикле гимнов об Индре есть ряд темных мест, которые можно объяснить, сопоставив со сказочным фольклором башкир.

В одном месте РВ наше внимание привлекла сказочная гиперболизация прожорливости Индры перед сражением со змеем: Индра съедает три сотни буйволов, сваренных для него Агни, и выпивает у Мануса три озера сомы (РВ V, 29,7). Сходный мотив испытания, соперничества и демонстрации силы присутствует во всех сказочных традициях Евразии и, в том числе, в ряде башкирских сказок (БНТ, т. 3, №№ 12, 13, 25, 42).

Среди перечисления подвигов и значительных дел Индры проскользнула строчка, в которой также можно усмотреть сходство с одним из мотивов башкирских сказок: *«А для Атри ты (был) отыскателем пути в стовратном (доме)»* (РВ I, 51,3). В башкирской богатырской сказке «Исмай» герой в подземном мире находит дом из ста комнат. Его охраняла грозная птица, в гнезде которой были спрятаны ключи от всех комнат. В последней комнате батыр обнаруживает и убивает спящего старика Иргаила и освобождает похищенную царевну (БНТ, т. 3, № 13). Дворец из сорока комнат описан в другой богатырской сказке (БНТ, т. 3, № 23). На вершине этого дворца находилось гнездо хищной птицы – охранника, с которой пришлось сразиться героине, чтобы освободить своего мужа — змея батыра. В этом варианте особенно рельефно проступает связь этого символа с мифической горой (см.: ассоциацию огромного дома/дворца хтонического персонажа с горой – пещерой). Многокомнатность тогда можно сопоставить с лабиринтом – пещерой. В РВ, например, можно встретить сравнение подземного мира мрака, в котором обитает чудовищный змей Данава, с прочным домом (РВ V, 32, 5). Кроме того, существует варианты мифа об Индре, где упоминается, что он занимался *поисками* сокрытых во мраке горы-пещеры солнца или зорь (РВ II, 15, 7; III, 31, 4). Все это позволяет говорить о том, что в ведийской традиции существовали какие-то сюжеты, связанные с представлениями о потустороннем мире как пещере-лабиринте. Здесь сразу же возникает ассоциация с Кносским дворцом-лабиринтом, внутри которого обитал чудовищный Минотавр. Таким образом, критский сюжет, возможно, указывает на индоевропейские истоки этого мифологического образа-мотива.

В контексте главного подвига Индры не раз встречаются два загадочных персонажа — слепой и расслабленный-хромой, которые исцеляются с его помощью: *«Ты вел двоих покинутых: слепого и хромого, о убийца Вритры»* (РВ IV, 30,19). Это исцеление происходит в связи с победой над змеями:

Он знал место укрытия юных жен.
Показавшись на свет,
появился отверженный (ребенок).
Расслабленный крепко встал (на свои ноги),

слепой прозрел.
В опьянении сомы Индра совершил эти (подвиги).
РВ II, 15, 7

В другом гимне еще конкретнее: *«Слепой прозрел, взявшись за змея.* ***Вышел*** (выделение наше – В.К.) *расщепитель ковша, сошлись суставы»* (РВ IV, 19, 9). Очевидно, исцеление этих героев напрямую связано со змеем, а точнее, с выходом из него после рассечения его Индрой. Вообще исцеление и преображение героев, вышедших из нутра хтонического персонажа (глотателя) является общим местом всех мифологий. Она характерна и для южноуральской мифологии (Котов В. Г., 1997, с. 21-23). Но только в одной башкирской сказке встречен нами мотив исцеления хромого, слепого, и безрукого в ходе проглатывания и изрыгания старухой-убыр, причем безногий батыр Кыран — главный герой сказки, выходит на свет после рассечения ведьмы – людоедки из ее мизинца. Здесь надо отметить, что эти персонажи каким-то образом связаны с добыванием солнца (солнечного оленя), но сюжет этот не сохранился полностью, и его фрагменты были присоединены к обычному сказочному сюжету типа АТ 301 (БНТ, т. 3, № 38). Важно отметить, что мотив героического сватовства и женитьбы на богатырке, который так широко представлен в башкирском фольклоре, в восточнославянском фольклоре слит с мотивом дружбы слепого и безногого, причем этот мотив отсутствует в западноевропейском материале (Бараг Л. Г., 1974, с. 78), что указывает на его *восточные* истоки.

О глубинном родстве мировоззрения ведийских ариев и предков башкир свидетельствует оригинальное представление о судьбе человека как отпущенном ему свыше определенном количестве еды и жизненного срока — нафяка и аджаль (БНТ, т. 1, с. 512):

От (твоих) смертельных ударов
(разлетелись) колдовские чары
прожорливого Шушны.
Из еды он не оставил (ему) ничего.
Отнят весь срок жизни у великого вредителя,
Когда Шушна повалился при падении ваджры.
РВ VI, 20, 4-5

С очень древними мифологическими пластами индоиранцев связаны и образы хтонических существ, описанных выше: аждахи и карлика. К ним по своим проявлениям примыкают такие мифические персонажи как: журавль — в одной из сказок он портит урожай, а затем выступает помощником-дарителем (БНТ, т. 4, № 50) и муравей — Кармыскабиль, который переносит героя через семь морей, что сближает его по функции с птицей Семере (БНТ, т. 3, № 30). Все они, как считают А. В. Запорожченко и Д. В. Черемисин, является персонажами индоевропейского «прамифа» (1997, с. 89).

Очевидно с содержанием отдельных вариантов индоевропейского «прамифа» связан мотив обмана героем своего противника — подмены усиливающей воды, который встречается в волшебных сказках восточных славян (Афанасьев А. Н., 1996, т. 1, с. 281-282, 289-290, 353, 368-369) и широко распространен в башкирских сказках (БНТ, т. 3, №№ 17, 20, 41; т. 4, № 4, 30).

В итоге следует констатировать, что существует несомненное сходство южно-уральской мифологии с индоарийской и, шире, праиндоиранской мифологиями. Сходство проходит не только на уровне основных сюжетов, но и отдельных мотивов и деталей, причем исключается возможность их независимого возникновения. Необычная концентрация индоарийских мифологических сюжетов именно на Южном Урале, а также присутствие архаических сюжетов, наиболее приближенных к реконструируемому «индоевропейскому прамифу», позволяет рассматривать Южный Урал как зону, где формировалось ядро индоарийской (праиндоиранской) мифологии.

Основная линия сходства южно-уральской мифологии с индоарийской проходит через цикл мифов об Индре и, сопряженных с ним, божеств: Ушас, Агни, Сомы, Триты и др. Обращает на себя внимание, что сходные сюжеты РВ образуют единство, связанное с космогоническим разделением на две сферы — ***верхний*** и ***нижний*** миры: отверзание горы/змея (образа первоначальной горы-земли в водах мирового океана); освобождение солнца, речных потоков, стад; усмирение стихии мирового потопа; удаление второго солнца — все эти мотивы составляют сюжет мифологического эпоса «Урал-батыр» и, частично, других эпосов, преданий, легенд, башкирских сказок. Сюда же следует отнести и другие мифологические образы: горы/пещеры как метафоры лона матери-земли; крылатого белого коня как символа солнца и верхнего мира; змея/дракона и гигантской хищной птицы как мифологической пары антагонистов.

Другой блок сюжетов связан с представлениями о «плоском» мире, где есть только поверхность земли и небо: Индра растягивает поверхность земли и неба, небо укрепляется на столбах-горах (это действие подобно установке юрты); поднимаются вверх горы, а «небесные» воды он заставляет течь вниз (РВ I, 56, 5; II, 15, 2; 17, 5; VI, 17, 7). Этот комплекс не имеет аналогий в южно-уральской мифологической традиции, следовательно, его сложение происходило далеко за пределами этого региона, скорее всего, или в среде кочевников-скотоводов или же обитателей открытых пространств. Аналогичное миропредставление было свойственно земледельцам-скотоводам трипольской ИКО на юге Русской равнины (Рыбаков Б. А., 1965, с. 30; 1981, с. 194, 209-211), которые, очевидно, приняли участие в формировании культур бронзового века Южного Урала.

Когда и где мог возникнуть первый блок мифов? Образ героя-громовержца, борющегося с хтоническим чудовищем, присутствует во многих мифологиях на территории Евразии. Отличительной чертой «праиндоиранского» мифа является связь этого сюжета с разделением мира на две противоположные сферы — космического «верха» и космического

«низа»; символизация этого мироздания в образах коня-птицы или быка; почитание горы-пещеры как лона матери-земли или же огромного змееобразного чудовища. Бык и змея являются фундаментальными архетипическими образами среднеазиатско-восточно-иранской мифологии (Толстов С. П., 1948, с. 294). Косвенно о глубине этой традиции свидетельствуют и находка булавы рядом со скелетом змеи без головы в кургане эпохи бронзы в нижнем Поволжье, или же скелет змеи, обвивающий глиняную фигурку быка или барана в захоронении бронзового века Закавказья, что, по мнению В. К. Федорова является иллюстрацией к мифу об Индре (1994, с. 16-17, 41).

В этом архетипическом сюжете индоарийская мифологическая традиция полностью совпадает с южно-уральской. Известно, что хтоническая мифология складывается в эпоху палеолита, о чем свидетельствуют пещерные святилища со следами, проходивших в них сложных обрядов. Четыре палеолитических святилища известны на Южном Урале, демонстрирующие существование здесь в эпоху оледенения особого духовного центра с развитой мифологией и обрядностью, что и отразилось в сложных композиционных изображениях в виде настенных рисунков или «натурального макета» медвежьего комплекса (Петрин В. Т., 1992; Щелинский В. Е., 1996; Абрамова З. А., 1995; Котов В. Г., 1997б; 1997в). Анализ изображений в пещерных святилищах Шульган-таш (Каповой) и Игнатиевской (Ямазы-таш) показывает существование в это время представлений о пещере как материнском лоне, разделении на верхний и нижний миры, почитании коня как символа верхней сферы и как божества-покровителя, почитания змей, а также мужского образа солнечного божества – громовержца (Петрин В. Т., 1992; Котов В. Г., 1997б). Таким образом, сюжеты пещерных изображений в основном совпадают с содержанием мифологических текстов, которые сохранились в мифологических эпосах и древних преданиях на Южном Урале. Здесь надо отметить особо тот факт, что все они сюжетно восходят к двум древнейшим эпосам «Урал-батыр» и «Акбузат». При этом второй эпос варьирует содержание первого, но уже на индоиранской (ведийской?) основе (Котов В. Г., 1997; 1997а). Самое главное, что смысловым центром мироустроительных деяний положительных героев в них является озеро/пещера Шульган. Кроме того, некоторые варианты других эпосов также связаны с озером Шульган. Все это говорит о том, что пещера Шульган-таш и озеро Шульган были с глубокой древности священным мифологическим центром Южного Урала. Нами уже отмечалось, что внутренние особенности пещеры накладывают свой отпечаток на проводимые в пещере обряды и, следовательно, мифологические представления. Очевидно, пещера Шульган-таш в силу своих гигантских размеров, являясь очевидным воплощением потустороннего/подземного мира, стала мощным стимулом формирования и углубления специфического, бинарно структурированного мировоззрения, в котором хтоническая основа была развита гораздо сильнее, чем в других мифологиях. Ближайшей аналогией южноуральской традиции в этом является алтайская мифология, где также большое место занимает почитание гор и пещер, а исходный космогонический миф во многом схож с южно-уральским, что свидетельствует о глубинном их родстве (Котов В. Г., 1997).

Исходя из вышесказанного, мы можем гипотетически предположить, что Южный Урал является самостоятельным центром сложения в эпоху палеолита мифологического мировоззрения, связанного с почитанием гор/пещер, коня, небесного божества-громовержца, богини Матери-Земли/Воды, а также змей как образа хозяина нижнего мира. Эти представления впоследствии могли быть заимствованы у коренного населения вместе с почитанием местных святынь пришлыми скотоводами-земледельцами — предками индоарийцев, переселившимися сюда из южнорусских степей очевидно в эпоху бронзы. Во всяком случае, именно в это время отмечено появление у предков индоевропейцев представлений о подземном солнце, как это видно по орнаментации на донцах заупокойной посуды племен культур боевых топоров, причем наибольшая концентрация этих образов встречена на восточной окраине этой общности — в фатьяновской культуре костромского и ярославского Поволжья (Рыбаков Б. А., 1981, с. 234). Очевидно, в Урало-Поволжском регионе и могло произойти то смешение «северных» и «южных» мифологических сюжетов, которое обнаруживается в РВ и Авесте (Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А., 1983; Членова Н. Л., 1989).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Абрамова З. А., 1995. Рец.: В. Т. Петрин. Палеолитическое святилище в Игнатьевской пещере на Южном Урале. Новосибирск. Наука: 1992 // СА, № 1.

Авеста. Душанбе, 1990.

Алексеев В. П., 1976. К происхождению бинарных оппозиций в связи с возникновением отдельных мотивов первобытного искусства // Первобытное искусство. Новосибирск.

Анисимов А. Ф., 1959. Космогонические представления народов Севера. М.-Л.

Афанасьев А. Н., 1996. Народные русские сказки: Т. 1. Ростов-на-Дону.

Бараг Л. Г., 1974. О межнациональном в сказках восточнославянских народов // Фольклор народов РСФСР. Уфа.

Басилов В. Н., 1991. Албасты // Мифологический словарь. М.

Бернштам Т. А., 1990. Следы архаических ритуалов и культов в русских молодежных играх «ящер» и «олень» (опыт реконструкции) // Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. Л.

БНТ, т. 1. — Башкирское народное творчество: Т. 1. Уфа. 1987.

БНТ, т. 2. — Башкирское народное творчество: Т. 2. Уфа. 1987.

БНТ, т. 3. — Башкирское народное творчество: Т. 3. Уфа. 1988.

БНТ, т. 4. — Башкирское народное творчество: Т. 4. Уфа.

1989.
БНЭ – Башкирский народный эпос. М., 1977.
Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А., 1983. От Скифии до Индии. М.
Венгерские народные сказки / Сост. А. Гидаш. М. 1953.
Елизаренкова Т. Я., 1995. Мир идей ариев Ригведы // Ригведа: Мандалы V-VIII. М.
Запорожченко А. В., Черемисин Д. В., 1997. Аримаспы и грифы: Изобразительная традиция и индоевропейские параллели // ВДИ. № 1.
Зданович Г. Б., 1995. Аркаим: Арии на Урале и несостоявшаяся цивилизация // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск.
Золотарев А. М., 1964. Родовой строй и первобытная мифология. М.
Иванов В. В., 1978. Чет и нечет: Асимметрия мозга и знаковых систем. М.
Клейн Л. С., 1987. Индоарии и скифский мир: Общие истоки идеологии // Народы Азии и Африки. № 5.
Котов В. Г., 1995. Два мира южно-уральского эпоса // Россия и Восток: Проблемы взаимодействия. Ч. III. Челябинск.
Котов В. Г., 1997. Мифология Южного Урала: Препринт. Уфа.
Котов В. Г., 1997а. Древность эпоса «Урал-батыр» // «Ватандаш». №8.
Котов В. Г., 1997б. Пещера Шульган-таш и мифология Южного Урала. Уфа.
Котов В. Г., 1997в. Следы культа пещерного медведя по данным пещеры Заповедная // Пещерный палеолит Урала: Тез. докл. Уфа.
Котов В. Г. 1999. Об одной археологической иллюстрации к башкирскому эпосу «Алдар и Зухра» // «Ватандаш». № 5.
Кузьмина Е. Е., 1976. Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.
Кузьмина Е. Е., 1977. Конь в религии и искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы. Киев.
Кузьмина Е. Е., Смирнов К. Ф., 1977. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.
Лелеков Л. А., 1991. Тиштрйа // Мифологический словарь. М.
Нестеров С. П., 1990. Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск.
Окладников А. П., 1964. Олень Золотые рога. М.-Л.
Петрин В. Т., 1984. Новые наскальные изображения Южного Урала // СА. № 3.
Петрин В. Т., 1992. Палеолитическое святилище в Игнатиевской пещере на Южном Урале. Новосибирск.
Пшеничнюк А. Х., 1989. Раскопки «царского» кургана на Южном Урале: Препринт докл. Уфа. 1989.
Пшеничнюк А. Х., 1998. Сокровища древних кочевников Южного Урала // «Ватандаш». № 1.
Пьянков И. В., 1978. Кочевники Казахстана VII в. до н.э. и античная литературная традиция // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М.
Рак Н. В., 1998. Зороастрийская мифология. М.
РВ — Ригведа: I-IV мандалы. М. 1989; V-VIII мандалы. М. 1995;
Руденко С. И., 1953. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л.
Руденко С. И., 1973. Башкирские сказки и поверья // АУБ. Т. V. Уфа.
Руденко С. И., Руденко Н. М., 1949. Искусство скифов Алтая. М.
Рыбаков Б. А., 1965. Космогония и мифология земледельцев энеолита // СА. № 1, 2.
Рыбаков Б. А., 1981. Язычество древних славян. М.
Сагалаев А. М., 1991. Урало-алтайская мифология: Символ и архетип. Новосибирск.
Сагитов М. М., 1984. Культ животных в башкирском фольклоре // Исследования по исторической этнографии Башкирии. Уфа.
Смирнов К. Ф., 1964. Савроматы. М.
Смирнов Ю. А., 1991. Мустьерские погребения Евразии. М.
Толстов С. П., 1948. Древний Хорезм. М.
Топоров В. Н., 1991. Сома // Мифологический словарь. М.
Топоров В. Н., 1995. Из «русско-персидского» дивана: Русская сказка *301А, В и «Повесть о Еруслане Лазаревиче» — «Шахнаме» и авестийский «Зам-язат-яшт». (Этнокультурная и историческая перспектива) // Этноязыковая и этнокультурная история Восточной Европы. М.
Тревер К. В., 1933. Сэнмурв-Паскудж, собака-птица // Из истории докапиталистических формаций. М.-Л.
Федоров В. К., 1994. Ваджра Индры: Проблема идентификации (археологический аспект) // Вооружение и военное дело древних племен Южного Урала. Уфа.
Филоненко В., 1915. Башкиры. Уфа.
Фролов Б. А., 1992. Первобытная графика Европы. М.
Членова Н. Л., 1989. Волга и Южный Урал в представлениях древних иранцев и финно-угров во II – нач. I тыс. до н.э. // СА. № 2.
Шалашов М. Н., 1996. Доклад, прочитанный на XIII УАС в г. Уфе.
Шахнаме. М. 1980.
Щелинский В. Е., 1996. Некоторые итоги и задачи исследований пещеры Шульган-таш (Каповой): Препринт. Уфа.
Anttio E., 1996. The number seven in the permian bronze plaques and its oldest roots in the uralic world // Полевой симпозиум «Святилища и жертвенные места финно-угорского населения Евразии». Пермь.

Н. С. Савельев
(Уфа, ГУОНН МК РБ)

КАМЕННЫЕ КУРГАНЫ ВОСТОЧНЫХ ПРЕДГОРИЙ ЮЖНОГО УРАЛА И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОХОРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Каменные курганы, несмотря на их крайне недостаточное изучение, как особый тип раннекочевнических памятников были выделены уже более 30 лет назад. Поэтому представляется необходимым, в первую очередь, обратиться к историографии вопроса.

В рамках разработки темы «Археологическая карта Южного Урала», открытой в ИИЯЛ БФ АН СССР в 1965 г.[1], началось сплошное разведочное обследование территории Башкирии (в основном вдоль рек и озер). К 1970 году маршрутное обследование основной части республики было завершено (АКБ, с. 10, карта 3). Одним из первых мероприятий по данной теме было проведение 90-дневной экспедиции в юго-восточную, зауральскую Башкирию[2]. Обследованию подверглись 2 района республики – Абзелиловский и Баймакский, выявлено более 60 новых археологических памятников. Примерно треть из них – каменные курганы, два из которых, расположенные около деревень Давлетшино и Исянбетово, были раскопаны.

Уже в краткой публикации результатов экспедиции Н. А. Мажитов отметил некоторые общие черты выявленных каменных курганов (1966, с. 94-98). Во-первых, все они, как правило, одиночные (очень редко – небольшие могильники в две-три насыпи), расположены на горных вершинах и каменистых холмах. Как некую закономерность, автор отмечает присутствие около одиночных курганов небольших каменных куч. В этой же работе он отметил очень важную деталь: провалы-западины в центре насыпей связаны не с заплыванием грабительских воронок, а являются результатом оседания камней при сгнивании деревянных надмогильных сооружений (там же, с. 95).

Автор не посчитал возможным присоединить эти курганы к хорошо известным здесь же (но несколько восточнее, в степи) савромато-сарматским, хотя они близки не только территориально и хронологически, но и по материальной культуре. К «несарматским» чертам Н. А. Мажитов отнес их топографию (на горах) и состав насыпи (камень), что позволило ему говорить о «совершенно другом этническом происхождении» населения, оставившего рассматриваемые каменные курганы (там же, с. 96).

Основные положения этой первоначальной публикации вошли в раздел «Савроматская культура» «Археологической карты Башкирии», написанный А. Х. Пшеничнюком (АКБ, 1976, с. 22-23) и научно-популярной книги Н. А. Мажитова «Тайны древнего Урала» (1973, с. 61-64), в которой было конкретизировано расположение наибольшей концентрации каменных курганов: на восточных склонах хребтов Крыкты и Ирендык (там же, с. 62).

Несколько позже А. Х. Пшеничнюком[3] было предложено рассматривать состав насыпи этих курганов (объединенных теперь с савроматской культурой) как «технологический признак»: каменные курганы сооружались «на вершинах каменистых холмов, почвенный слой на которых отсутствовал», а территорией их распространения обозначены «лесостепные и горные районы» (1983а, с. 89). В то же время, «каменная обкладка насыпи кургана» определялась им как своеобразный индикатор связей с восточными и юго-восточными соседями, особенно с «сако-массагетским миром Приаралья» (там же, с. 128; ср.: он же, 1996, с. 52).

Намного более широким ареал распространения каменных курганов («известно более сотни») представлен в работе В. Н. Васильева[4]: восточные и юго-восточные районы Башкирии, Центральное и Восточное Оренбуржье, Северный Казахстан. Среди исследованных могильников этого типа для примера названы Матвеевский, Алебастрова гора, Башкирское стойло, Аландское I, Нижне-Давлетово, Каратал II, Мамбетово V-VI, Гумарово, Сагитово III и т.д. По мнению автора, объединять эти курганы, наряду с публикуемыми (Гирьял, Рычковка), позволяют их некоторые черты: топография, общие черты насыпи, близость керамики. Из этого следует вывод, полностью сходный с взглядами Н. А. Мажитова, о «культурном, а возможно и этническом отличии кочевников, оставивших каменные курганы, от савроматов и сарматов» (Васильев В.Н., 1984, с. 36).

Даже такой небольшой историографический обзор показывает, насколько разнообразны памятники, включаемые теми или иными авторами в группу раннекочевнических каменных курганов. Представляется, что необходима выработка более четких и объективных критериев для отнесения каждого отдельно взятого кургана к типу каменных. Главным и определяющим здесь должна являться сама насыпь, состоящая полностью из камня. Таким образом, отнесение курганов с каменной конструкцией (любого уровня сложности: выкладки, кольца, крепиды, цис-

[1] Первым научным руководителем темы являлся К. В. Сальников (1965-1966 гг.).

[2] Состав экспедиции – 2 лаборанта, 3 препаратора и шофер. Начальник экспедиции – Н. А. Мажитов.

[3] А. Х. Пшеничнюк в Зауральской Башкирии исследовал 3 каменных кургана – к.1-2 могильника Целинный и к.1 могильника Сагитово III (1983а, с. 33-35, 62-63, табл. XXV-XXVI, XLVI, 1-3).

[4] Статья посвящена публикации трех раннекочевнических курганов (Гирьял, к.1-2; I Рычковские, к.2), исследованных в 1981-82 гг. в Центральном Оренбуржье (среднее течение р. Урал) экспедицией ИИЯЛ БФ АН СССР под руководством В. А. Иванова.

ты, панцири и т.д.) и земляной насыпью к типу каменных неправомерно. Следовательно, наряду с такими курганами как Матвеевский, Башкирское стойло и т.д., из числа каменных необходимо исключить и к.1 Аландского I могильника. При внешнем тождестве с каменными[5], насыпь этого кургана является результатом совершения сложного огненного ритуала[6]. Так же, к каменным курганам ранних кочевников нельзя относить курганы «с усами», поскольку кроме разницы в конструкции (усы, поминальные курганчики и т.д.) они относятся к совершенно другому времени и другому культурному пласту (см.: Боталов С. Г., 1997; Любчанский И. Э., 1997).

Курганы, публикуемые в настоящей статье, были раскопаны в разные годы и разными исследователями: Н. А. Мажитовым – Давлетшинский, Исянбетовский (1965) и Мунтаевский (1970) курганы, В. Н. Васильевым – Тепяновский курган (1984), А. Ф. Яминовым – к.1 Давлетовского III (1992), к.1-2 Гадельшинского IV могильников и одиночный курган Гадельша III (1995). Огромная благодарность им всем за предоставленное мне право публикации этого интереснейшего материала. Искренне благодарю Н. Г. Рутто – главного хранителя археологических фондов Музея археологии и этнографии УНЦ РАН, бескорыстная помощь которой способствовала полному сбору материала по большинству публикуемых комплексов.

***

Давлетшинский могильник. Расположен на северной окраине д. Давлетшино Абзелиловского р-на РБ, на высокой горе. Могильник состоит из двух каменных курганов, один из которых находится на самой вершине горы, другой – на ровной площадке СЗ склона, в 150 м от первого к-на (АКБ, № 1909).

Курган 1. Назван автором раскопок «большим», его D 18 м, первоначальная высота неизвестна, но вряд ли превышала 1-1,2 м. Судя по фотографиям, насыпь кургана была полностью сложена из камня.

За несколько лет до 1965 г. этот курган был «полностью разрушен местными жителями, а камни на тракторах вывезены для строительства фермы» (Мажитов Н. А., 1965, с.12). Поэтому Н. А. Мажитовым был проведен только осмотр разрушенной насыпи. Среди камней и в непосредственной близости к кургану были найдены обломки сосуда, бронзовое зеркало с отломленной ручкой, фрагменты каких-то железных предметов, челюсть лошади и несколько неопределимых мелких обломков костей.

Сосуд (рис. 2, 2), по недоразумению, судя по фотографии в отчете (там же, рис. 113, 4), был отнесен к п.1 Исянбетовского кургана, но по коллекционной описи МАЭ (шифр 172/10-22: «сосуд в обломках») он относится к к.1 Давлетшино. Представлен 19 фрагментами, в том числе 4 фрагмента венчика, 2 фрагмента орнаментированных стенок и 1 – днище. Это позволяет сделать только графическую реконструкцию горшка. D по венчику 13 см, высота шейки 2,5 см, D – 11 см. Высота реконструируемой части составляет 7,5 см. Среди найденных фрагментов 1 принадлежит уплощенному днищу и, исходя из этого, форма сосуда может быть восстановлена как грушевидная, а общая высота – в пределах 17-20 см. Орнаментация сосуда состоит из наклонных насечек по отогнутому срезу венчика и двух рядов вытянуто-ромбовидных насечек по верху плеча. Из-за незначительного размера фрагмента стенки, на которой сохранился орнамент, он может восстанавливаться и как горизонтальный бордюр и как плавная двухрядная гирлянда. Фрагменты сосуда имеют серо-коричневый с преобладанием серого цвет, примесь в тесте – мелкотолченый тальк. На всех обломках – толстый слой нагара.

Бронзовое зеркало (рис. 2, 1) представляет собой диск диаметром 10 см с плоской ручкой шириной 1,5 см; ее сохранившаяся длина (обломлена в древности) – 2,5 см. На верхней части ручки расположена вертикальная петля с несохранившейся средней частью. Ручка и диск имеют одинаковую толщину (3 мм) и отлиты вместе.

Обломки железных предметов, найденные среди камней, представлены частью какой-то пластины (рис. 2, 3) с дуговидным краем и тремя очень сильно коррозированными пластинками с железными заклепками (рис. 2, 4-6), причем в двух случаях видно, что эти заклепки скрепляли пару полос металла, наложенных друг на друга.

Курган 2 имел D около 10 м при высоте 0,3 м. Судя по фото в отчете (там же, рис. 94) задерновка к-на была слабая, а вся насыпь заросла кустами чилиги.

После снятия камней в центре подкурганной площадки было обнаружено могильное пятно. По тексту отчета и приложенным иллюстрациям остается неясным заполнение могильной ямы – то ли это была каменная забутовка, то ли засыпка грунтом. Размеры могильной ямы 2,2х1,3 м, глубина 1,2 м от материка. Яма овальной формы, ориентирована по линии ЗВ с небольшим отклонением (рис. 3, 1).

На дне ямы вытянуто на спине с вытянутыми вдоль тела конечностями лежал скелет человека,

---

[5] Н. А. Мажитов даже проводил прямые параллели между этим и Исянбетовским курганами (1973, с. 62-63).

[6] На подкурганной площадке, ограниченной кольцевой каменной стенкой, было предано огню несколько умерших. Еще не остывшее огромное кострище было заложено камнями и засыпано землей (Мошкова М. Г., 1972б, с. 73). Ограждение подкурганной площадки, на которой горел огонь, круговой каменной стенкой известно как среди самих Аландских курганов (там же, с. 74, рис. 1, 1, с. 52), так и в айских поминальниках Месягутовской лесостепи (Савельев Н. С., 1998, с. 67-69, рис. 19, 1). Более далекой территориально, но очень близкой по содержанию и, вероятно, культурно, аналогией аландскому «каменному» кургану является к.29 могильника Тарым-кая I (куюсайская культура), расположенного в Присарыкамышской дельте Амударьи (Вайнберг Б. И., 1979, с. 33, табл. 4, 29).

ориентированный головой на восток[7]. Кости очень плохой сохранности – кроме черепа и длинных трубчатых костей, превратившихся в тлен, все остальные кости полностью истлели.

К северу от черепа, у длинной стенки могилы найдены бронзовое сильно коррозированное зеркало в кожаном чехле (практически полностью истлел), глиняный сосуд и пряслице. Там же Н. А. Мажитовым отмечены «остатки двух железных трехгранных наконечников стрел или шило». Вокруг шеи погребенного было собрано 9 бусин, составлявших, видимо, ожерелье, 6 из которых мозаичные, а 3 – из окаменелостей. Возле костей правой ноги стоял второй сосуд, превосходящий по размеру первый [8].

Бронзовое зеркало (рис. 3, 2) имеет круглый диск диаметром 11 см с короткой плоской закругленной на конце ручкой. Ее ширина 2 см, длина 3 см. Диск и ручка отлиты вместе, их толщина не более 2 мм.

Первый сосуд (из изголовья) сохранился полностью (рис. 3, 4), его высота 13,5 см, наибольший D 17 см, D по венчику 13 см. Венчик сосуда округлый, плавно отогнут. Дно несколько приостренное, тулово раздутое, что при небольшой высоте горшка придает ему некоторую приземистость. Цвет сосуда темно-серый, стенки и внутри и снаружи покрыты нагаром. Примесь в тесте – тальк и шамот. Толщина стенок варьирует в пределах 0,7-0,9 см.

На плечо сосуда нанесен насечковый орнамент из отдельных подпрямоугольных фестонов горизонтальной елочки. Последняя линия насечек в фигуре слабо изогнута и поэтому близка дуге.

Второй сосуд, вероятно, оказался перепутанным с маленьким изящным горшочком из Сибайского кургана раскопок того же года (рис. 3, 12), что привело к утере горшка из Сибая и появлению «лишнего» из раскопок за тот год. Как происходящий из к.2 п.1 Давлетшино этот сосудик фигурирует и в отчете (там же, рис. 106, 1), и в монографии М. Г. Мошковой (1974, рис. 13, 3). В то же время, по коллекционной описи местонахождением этого сосуда (шифр 170/28-16) является к.1 могильника Сибай I, «северный сектор, гл. 80-90 см»[9].

Собственно же горшок из к.2 п.1 могильника Давлетшино имеет приземистую форму, уплощенное дно и сильно раздутое в верхней трети тулово (рис. 3, 3). Высота сосуда 20 см, наибольший D 26 см, D по венчику 22 см. Венчик сосуда округлый, прямоотогнутый. Цвет серый, примесь в тесте – тальк. Орнаментирован горшок по плечику бордюром из вертикальных столбиков ногтевых вдавлений.

Глиняное усеченно-коническое пряслице (рис. 3, 11) имеет высоту 23 мм и D в широкой части 35 мм. D внутреннего отверстия 5 мм.

Железный сильно коррозированный стержень (рис. 3, 5), предположительно связанный Н. А. Мажитовым с остатками «двух железных трехгранных наконечников стрел» более похож на шило, о чем им же и говорилось, но утверждать это из-за крайней невыразительности предмета не приходится.

Ожерелье (рис. 3, 6-10) состояло из 6 мозаичных бусин двух типов и 3 бусин из окаменелостей. Мозаичные бусы изготовлены из стеклянной пасты. Первый их тип уплощенно-овальный, с двумя белыми и одним желтым между ними глазками и белым витым жгутиком, окаймляющим бусину восьмеркообразно (рис. 3, 9). Основной фон – темно-синий со светло-синим на жгутике. Таких бусин не менее четырех штук, их размеры 15х12 мм, толщина 6 мм, D отверстия 4 мм. Вторая разновидность мозаичных бус (рис. 3, 10) имеет размеры 13х9 мм и близкую первым, но с ровными краями, форму. На них также центральным является желтый глазок, а два боковых – голубые (основной фон – синий) в белой окантовке. На одной из таких бусин 1 глазок представляет собой сосцевидный выступ. По бокам от голубых глазков – не объединяемые в жгутик белые разводы. Все мозаичные бусы, за исключением единственной целой разновидности 1, сохранились во фрагментарном состоянии.

Исянбетовские курганы. Расположены на горе Сатай, в 2 км ЮЗ д. Исянбетово Кусеевского сельсовета Абзелиловского р-на РБ (АКБ, № 1887). Могильник состоял из двух курганов. Первый, расположенный на вершине горы, имел D 8 м и несколько ранее был почти полностью разобран местными жителями. Второй, такой же каменный, находится в 200 м от первого, на ровной площадке ЮЗ склона. Его D 12 м, высота 0,6 м. В центре кургана заметны одна большая и одна маленькая впадины. Работы на могильнике ограничились доисследованием первого, разрушенного кургана.

Здесь уместно дословно воспроизвести текст отчета Н. А. Мажитова (1965, с. 16): *«После разборки камней в юго-восточном секторе едва прослежено небольшое углубление глубиной около 15 см* [погребение 1; судя по плану: ориентация по линии ССВ-ЮЮЗ, размеры 1,75х1 м, форма овальная – Н.С.]... *От каменного грунта, выступающего прямо на поверхность, оно отличалось лишь слоем из мелко*

[7] На с. 63 книги Н. А. Мажитова «Тайны древнего Урала» (Уфа, 1973) ошибочно говорится о южной ориентации костяка.

[8] На той же странице упоминается, что в ногах, наряду с горшком был найден железный нож, но упоминания о нем нет ни в тексте отчета, ни в коллекционной описи, нет его и на плане.

[9] Поскольку этот сосуд (рис. 3, 12) так и не введен полностью в научный оборот, то позволю себе дать его описание. Высота 7,5 см, диаметр по венчику 8,5 см, наибольший диаметр по тулову 10 см, дно уплощенное. Высота горла 1,3 см, диаметр – 7,7 см. Подобное соотношение размеров делает форму сосуда приземистой и близкой к остроребериой. Цвет горшка темный, почти черный, с рыжими пятнами от кострового обжига, внешняя поверхность хорошо заглажена. В тесте примесь мелкотолченого талька.

Сосуд орнаментирован косыми насечками по срезу венчика и рядом наклонных насечек по шейке. По тулову

– висячие гирлянды из 3-5 рядов косопоставленных насечек. Форма гирлянд дуговидная и только одна из них близка треугольному фестону.

разбитого известняка, который очень трудно поддавался расчистке». В этом «углублении» были найдены обломки бронзового зеркала, половина глазчатой бусины из стеклянной пасты и глиняное пряслице. *«Второе углубление* [погр.2 – Н. С.], *аналогичное первому, прослежено под западной полой кургана».* Исходя из данных приведенного в отчете плана, ориентировано оно строго по линии запад-восток, имеет прямоугольную форму и размеры 2,0x1,25 м.

В обеих могильных ямах и под насыпью кургана найдены многочисленные фрагменты керамики, относящиеся к 5 сосудам. Из п.1 происходит большой сплющено-грушевидный горшок (часть фрагментов от него была найдена на погребенной почве около могильной ямы). В юго-восточном секторе на уровне погребенной почвы прямо под камнями насыпи, рядом с п.1, найдены 2 фрагмента «гофрированного» венчика. В п.2 находились 3 сосуда (один представлен многочисленными фрагментами, часть из которых была найдена в непосредственной близости от погребения на древней поверхности, от двух других сосудов сохранилось по одному фрагменту)[10].

Сосуд из п.1 (11 фрагментов; не более 1/5 сосуда) имеет сильно приземистую грушевидную форму и, вероятно, несколько уплощенное дно (рис. 4, 2). Высота сосуда (по графической реконструкции) 20,5 см, наибольший D по тулову 24 см. Венчик сосуда округлый и изнутри приостренный, его D 17 см, D по шейке 16 см. С внутренней стороны шейки – характерный перегиб-утолщение.

Горшок орнаментирован тремя рядами горизонтальных каннелюр, под ними – бордюр из резной косой сетки. Ниже него расположен резной горизонтальный зигзаг. Цвет сосуда красно-коричневый, примесь к тесту – крупнотолченый тальк. Снаружи стенки сосуда хорошо заглажены, на тулове – многочисленные пятна нагара.

Второй сосуд, связываемый с п.1, представлен 2 фрагментами венчика. D горла 12 см, высота – 5,5 см. Шейка сосуда прямая, «гофрированная», т.к. полностью покрыта горизонтальными каннелюрами (рис. 4, 3). Край венчика округлый, изнутри скошенный. Судя по профилю, шейка сосуда резко переходила в массивное раздутое тулово. Цвет фрагментов красно-коричневый, примесь к тесту – крупнотолченый тальк.

Обломок бронзового зеркала (рис. 4, 4) светло-золотистого с пятнами патины цвета, происходящий из п.1 (по коллекционной описи – 4 фрагмента) не позволяет судить о размерах диска, форме рукояти и т.д., но зато центральный умбон сохранился полностью. Представляет собой круговой валик с внешним диаметром 2,8 см. D центральной выпуклости 0,5 см.

Стеклянная бусина (рис. 4, 6) имеет D 0,9 см, высоту 0,6 см и такой же D внутреннего отверстия. Цвет бусины синий, того же цвета и глазок, окантовка глазка белая.

Большой сосуд из п.2 (рис. 4, 9) дошел до нас частично, в более чем 50 фрагментах. Высота его 28,5 см, наибольший D по тулову (в нижней трети) – 28 см. Венчик сосуда округлый, раструбовидный, внутри плавно утолщенный, его D 17 см, D по шейке 14,5 см. Форма горшка грушевидная. Цвет сосуда от коричневого до темно-серого. Верхняя часть тулова хорошо заглажена, а ниже орнаментальной зоны на стенках много выщерблин и каверн от выгоревшей органики. Помимо органики примесью к тесту является крупнотолченый тальк (до состояния «обмыливания» керамики) и крупнотолченый шамот. И внутри и снаружи – обильные пятна нагара.

Орнамент рассматриваемого сосуда состоит из горизонтальной резной линии по верху плеча, под которой нанесены треугольные фестоны и наклонные парные полотенца из отпечатков «отступающей палочкой». Фестоны заполнены горизонтальными рядами насечек.

Второй сосуд из п.2 (рис. 4, 7) представлен 1 неорнаментированным фрагментом верхней части. Сосуд имел массивное округлое тулово и низкий вертикальный венчик с округлым краем. Изнутри венчик отделен от тулова резким уступом. D сосуда по венчику 9 см, высота его 0,7 см. Сохранившаяся высота сосуда составляет 3,8 см, наибольший D по тулову – 11-11,5 см. Цвет сосуда однородный серый, примесь к тесту – тальк и шамот.

Третий сосуд (рис. 4, 8) представлен также 1 фрагментом (орнаментированная стенка). По графической реконструкции виден резкий переход шейки в тулово (каннелюра?) и округлое тулово, сохранившееся, видимо, до места наибольшего расширения. Его D 17 см. Цвет сосуда серый.

Основу орнамента, покрывающего весь фрагмент, составляет ряд слабонаклонных вертикальных каннелюр, ограниченных сверху горизонтальной полосой двойных ногтевых вдавлений. На плече – линия из вертикальных крупных насечек, имеющих разную длину. Это может говорить о неровном (типа волны или треугольного фестона) нижнем крае насечек.

Мунтаевский курган. Выявлен Н. А. Мажитовым в 1965 г. Раскапывался им же в 1970 г. Расположен между деревнями Ишкулово и Равилово Абзелиловского р-на РБ, в 1 км севернее первой, на вершине горы Малое Монтаево (АКБ, № 1908). Был известен местному населению как курган Мунтая.

Насыпь кургана сложена из крупных известковых валунов, ее D 10 метров, высота 0,25-0,3 м. Задернован курган в основном по краям, в центре же – очень слабо. Насыпь полностью состоит из камня. Возведен курган был на сильно каменистом грунте; древней поверхностью являлся тонкий (0,05-0,06 м) слой песка с щебнем. Материк – коренная скальная порода (плитчатый известняк).

[10] В отчете нет никаких указаний на принадлежность сосудов к определенным погребениям, более того, многие фрагменты перепутаны. Распределение их стало возможно только после сверки и корректирования данных текстовой части отчета, фотографий и коллекционной описи.

В восточной поле кургана в нескольких местах были зафиксированы угольки, в ЮВ секторе – фрагменты керамики. К СЗ от центра была найдена 1 стеклянная призматическая бусина синего цвета (рис. 6, 11) [судя по фотографии в отчете, под насыпью кургана была найдена еще одна бусина – округлая голубая (рис. 6, 12) – Н. С]. В центре кургана прослежена неглубокая могильная яма, ориентированная по линии ЗЮЗ-ВСВ. Размеры погребения 1,75х0,55 м, глубина не превышает 0,25 м.

Керамика, происходящая из кургана, тальковая и, видимо, относится к двум сосудам. Вся она представлена неорнаментированными стенками, но различается по цвету и фактуре: одна часть фрагментов черная и очень плотная, другая – красная и более пористая.

Одиночный курган Гадельша III. Обнаружен в 1990 г. разведочным отрядом БГУ под руководством А. Ф. Яминова. Раскапывался им же в 1995 г.

Находится в 1,5 км к СВ от д. Гадельша Баймакского р-на РБ, на вершине одиночного каменистого предгорного останца, расположенного на левом берегу р. Худолаз/Туяляс (правый приток р. Урал), в межгорной долине. Высота холма над окружающей местностью около 10-15 м, над уровнем реки около 40 м. На его вершине, ближе к восточным склонам, находится каменный хорошо задернованный курган диаметром 8 м, высотой 0,4 м. Насыпь кургана уплощенно-сферическая, округлой формы. В центре насыпи четко прослеживалась ориентированная широтно очень пологая западина (3х2х0,2 м). Дерновый слой и каменная кладка в пределах впадины выглядят так же, как и на всей остальной насыпи. В 2 м к западу от края насыпи зафиксирована каменная слабо выступающая над современной поверхностью выкладка диаметром около 2 м.

При разборке насыпи каких-либо конструктивных особенностей в сплошном каменном навале выявлено не было. Стоит только отметить, что ближе к вершине многие камни лежали наклонно внутрь под углом около 45°. Среди камней насыпи достаточно много черного гумуса. Под каменной кладкой зафиксирован очень тонкий слой погребенной почвы (ярко-коричневая супесь с обильным включением мелкого дробленого плитняка). Ее мощность не более 0,05-0,07 м.

В центре подкурганной площадки на уровне материка (сплошной скальный выход плитняка) было зафиксировано овальное в плане могильное пятно. На фоне окружающей нетронутой скальной породы оно выделялось ярко-коричневым цветом супесчаного заполнения и уходящими вглубь почти вертикально стоящими камнями, расположенными вплотную друг к другу. Причем, судя по стратиграфии, каменная забутовка могилы находилась как раз под впадиной на вершине насыпи. Расчистка погребения показала, что завалившиеся в яму камни немного не доходят до ее дна.

Форма могильной ямы неправильно-овальная, так как ее восточная часть намного шире западной. Размеры погребения после расчистки составили 1,95х0,8-1,1 м, глубина – до 0,3 м. Ориентирована яма по линии ЗВ (рис. 5, 2).

На скальном дне могильной ямы, почти вплотную к ее северо-восточному углу, стоял раздавленный камнями сосуд с яйцевидно-приостренным дном (сосуд 1). Так же, около юго-западного угла ямы был расположен плоскодонный горшок (сосуд 2), немного к востоку от него – голубая лазуритовая бусина. У западного края ямы, на ее дне, был расчищен небольшой (2х2,5 см) железный предмет крючкообразной формы. Сохранность предмета очень плохая. Никаких остатков скелета в погребении не обнаружено, возможно, он полностью сгнил.

Сосуд 1 (рис. 5, 5) имеет приостренное яйцевидное дно и очень широкое горло. Высота слабоотогнутого венчика, имеющего изнутри небольшое с ребром утолщение, составляет 1,5 см. Высота сосуда 15 см, D по горлу 17,5 см. Наибольший D по тулову 19 см. По верху плеча, сразу под шейкой, расположен орнамент из прочерченной прямой сетки. Тесто сосуда содержит очень обильную примесь талька, отчего оно «жирное» на ощупь. Цвет сосуда черный со стальным блеском.

Сосуд 2 (рис. 5, 4) черного с рыжими пятнами цвета, очень грубой ручной лепки, в тесте примесь шамота и органики. Наружная поверхность небрежно заглажена. Общая высота сосуда 14,7 см, D по венчику 9,5 см. Наибольшее расширение тулова приходится на его нижнюю треть и составляет 14 см. Форма сосуда грушевидная.

Длина лазуритовой бусины (рис. 5, 3) составляет 1,7 см, ширина 0,4-0,6 см. Форма бусины напоминает «лабрис», в центре – шаровидное утолщение. Края «лопастей» округлые, несколько утончены.

Расположенная к западу от кургана выкладка исследовалась круглым раскопом диаметром 3 м (рис. 5, 1). Камни были уложены на древнюю поверхность и нигде не заглублялись в материк. Конструкция имеет подпрямоугольную форму, причем камни выложены только по периметру. Средние размеры прямоугольника 1,7х1,4 м, углами ориентирован по сторонам света.

Ни среди камней, ни на материке никаких находок не обнаружено.

Курганный могильник Гадельша IV. Выявлен в 1990 г. разведочным отрядом БГУ под руководством А.Ф. Яминова. Раскапывался им же в 1995 г.

Курганный могильник, состоящий из двух курганов, расположен в 1,5 км к северу от д. Гадельша Баймакского р-на РБ и в 2 км к ЮЮЗ от д. Абзаково; в 1,2 км к ССЗ от кургана Гадельша III. Находится на южной оконечности горного мыса на правом берегу р. Туяляс, в межгорной долине. Высота возвышенности над уровнем реки составляет 35 м.

Курган 1 представляет собой каменную, хорошо задернованную насыпь округлой формы с плоской вершиной. С юга насыпь имеет плавный подъем, с севера, в 2 м от края насыпи фиксируется резкий перепад высот. Таким образом, D плоской вершины

насыпи составляет 4-4,5 м. Общий D кургана 9 м, наибольшая высота 0,5 м. В центре плоской вершины кургана фиксировалось задернованное понижение глубиной до 0,2 м.

Ввиду очень хаотичного нагромождения камней насыпи, планиграфически зафиксировать каменную конструкцию не представилось возможным. В то же время, о ее наличии свидетельствует стратиграфия кургана. На меридиональной бровке видно, что в пределах плоской части насыпи, ограниченной вертикально стоящими большими камнями, камни, особенно длинные, часто расположены под углом к горизонту (рис. 6, 3). Возможно, что на древней поверхности было сооружено каменное кольцо диаметром 4-4,5 м, служившее своеобразным фундаментом для какой-то полой конструкции, разрушение которой повлекло за собой проседание камней в центральной части кургана и образование плоской вершины.

Ниже камней насыпи была зафиксирована прослойка погребенной почвы, состоящей из темно-коричневой гумусированной супеси с большим количеством дробленого известняка. На этом уровне в 2,5 м к В и в 0,25 м к ЮЗ от центра кургана найдены 2 пряслица, одно из которых изготовлено из стенки глиняного сосуда с примесью талька в тесте, второе уплощенно-биконическое (рис. 6, 7-8).

Могильная яма (рис. 6, 1-2), ориентированная по линии СВ-ЮЗ, выявлена в 1 м к СЗ от центра. Она имеет неправильно-овальную форму, обусловленную, видимо, сплошным скальным грунтом, в котором она была выдолблена. Заполнение могильной ямы, особенно в нижней части, состоит из коричневой супеси. Верхняя часть ямы почти сплошным слоем забутована камнями, просевшими из насыпи. Размеры могильной ямы 2,2х0,4-1,0 м, глубина в скальный материк 0,35 м.

В северном углу погребения находился раздавленный плоскодонный горшок очень грубой небрежной лепки (рис. 6, 4). Высота сосуда 18,5 см, D по венчику 12 см, по плечу – 13 и по месту наибольшего расширения тулова 15,5 см. Сосуд не орнаментирован, в некоторых местах видно заглаживание. Примесь к тесту – шамот и органика, цвет темно-серый с рыжими пятнами.

Несколько южнее горшка на дне погребения был зафиксирован тлен от небольшого вытянутого железного предмета, возможно, от ножа.

В центре могильной ямы лежал очень плохой сохранности бронзовый базисный наконечник стрелы (рис. 6, 5). Рядом с ним были найдены 7 плоских круглых бисерин из серой пасты (рис. 6, 6).

Курган 2 был расположен в 100 м к ЗСЗ от кургана 1. Насыпь кургана каменная, диаметром 10 м и высотой 0,25 м, хорошо задернована. Под насыпью каких-либо следов могильной ямы не зафиксировано. В центре подкурганной площадки на уровне погребенной почвы было найдено 15 мелких уплощенно-округлых синих бисерин (рис. 6, 9). Они были собраны с участка размером около 1,5х1,5 м.

Давлетовский III курганный могильник. Находится в 0,6 км к ССВ от д. Давлетово Баймакского р-на РБ, на вершине отдельно стоящего каменистого холма высотой от подножья около 6 м. Могильник состоит из двух каменных курганов. В 0,8 км к ЗЮЗ от могильника расположен исследованный Н.А. Мажитовым в 1965 г. Давлетовский курган с усами (АКБ, № 1845).

Памятник был открыт в 1969 г. М. Ш. Рязаповым (АКБ, № 1847), повторно осмотрен в 1991 г. А. Ф. Яминовым. В могильнике был раскопан только один курган. Располагался курган над З склоном мыса. D насыпи 8 м, высота достигает 0,7 м. В центре кургана фиксировался провал глубиной до 0,5 м и диаметром 3 м. Насыпь кургана хорошо задернована, частично поросла чилигой.

При снятии насыпи какой-либо упорядоченности в сплошном каменном навале не отмечено, могильный выкид не фиксировался. По центру кургана, под провалом, на фоне материкового скальника было выявлено могильное пятно. Заполнение ямы – темно-серая супесь. Прямоугольная могильная яма размерами 1,6х0,7х0,25 м ориентирована по линии ССВ-ЮЮЗ. В южной части погребения, на уровне его дна была найдена шестигранная призматическая бусина из зеленого стекла (рис. 6, 10). Других находок, как в яме, так и под насыпью нет.

Тепяновский одиночный курган. Расположен на вершине горы в 0,2 км к С от д. Тепяново Абзелиловского р-на РБ, на левом берегу р. Большой Кизил. Раскапывался в 1984 г. отрядом В. Н. Васильева.

Насыпь кургана сложена из дикого камня и хорошо задернована. Ее D 8 м, высота 0,25 м. Даже визуально фиксировалось кольцо диаметром около 5 м из крупных камней, поставленных на ребро. Вся остальная насыпь представляет собой хаотичную каменную наброску. Наибольшая ее толщина – в центре кургана – достигает 0,4 м. Камни насыпи лежали на тонком, 0,05-0,1 м, слое погребенной почвы, представленной коричневатой супесью с каменной крошкой. Материк – сильно раскрошившаяся скальная порода.

В центре кургана было зафиксировано расплывчатое углубление, не содержавшее человеческих останков. Вблизи него попадались отдельные кости и зубы лошади. Также в центре и в южной поле на уровне погребенной почвы найдено около 50, в основном неорнаментированных, фрагментов керамики. В южной поле кургана найдена стеклянная патинизированная бусина синего цвета с тремя выемками, возможно от выпавших глазков (рис. 7, 7).

Из всей массы найденных фрагментов керамики можно условно выделить 6 сосудов.

Сосуд 1 (рис. 7, 1) представлен 2 массивными фрагментами венчика не стыкующимися между собой. D устья сосуда 32 см, высота шейки 3,5 см. Толщина венчика 1,2-1,5 см. Изнутри в месте перехода шейки в раздутое тулово фиксируется ребро. Снаружи под перегибом на верхней части плеча

сформован треугольный валик шириной 1 см. Валик орнаментирован горизонтальной елочкой, нанесенной гладким штампом. Такая же горизонтальная елочка нанесена и на срез венчика, но состоит она из ногтевых вдавлений. Цвет сосуда ярко-коричневый, в тесте помимо обильной примеси талька заметны мелкие каверны от выгоревшей органики.

Сосуд 2 (рис. 7, 4) реконструирован по 1 фрагменту верхней части, имеет низкий прямоотогнутый округлый на срезе венчик высотой 1 см и раздутое шаровидное тулово. Переход шейки в тулово изнутри оформлен ребром. Наибольший D сосуда составляет 15,5 см, D по венчику – 12,5 см. Орнаментирован горшок пятью рядами разнонаправленных наклонных насечек (горизонтальная елочка). Цвет фрагмента темно-серый, примесь к тесту – тальк.

Сосуд 3 (представлен как минимум 4 фрагментами) имел прямой относительно толстостенный венчик и раздутое тулово с наибольшим расширением в верхней трети (рис. 7, 2). D тулова в этом месте составляет 17,5 см. Шейка отделена от тулова ребром. D по венчику 15 см, высота шейки 2 см. Орнаментация сосуда состоит из парных наклонных отрезков («полотенец»), состоящих из овальных неглубоких вдавлений и пояска таких же вдавлений по срезу венчика. Цвет фрагментов серо-коричневый, все они в той или иной мере покрыты черными пятнами нагара. Примесь к тесту – тальк и дресва.

Сосуд 4 (рис. 7, 3) реконструирован по 1 очень небольшому фрагменту венчика. D сосуда 11 см, высота плавноотогнутой шейки 1,5 см. Толщина стенок – 0,4-0,5 см. На округлый срез венчика нанесен поясок из наклонных насечек. Под шейкой сохранилась незначительная часть орнамента, состоявшего, возможно, из косых заштрихованных треугольников. Тулово сосуда, судя по перегибу, было достаточно сильно раздуто. Цвет фрагмента темно-серый, в тесте примесь талька.

К сосуду 5 относится 1 фрагмент венчика с частично сохранившимся переходом в раздутое тулово (рис. 7, 5). Венчик сосуда раструбовидный. Приблизительный D по венчику составлял 20-25 см. Срез венчика орнаментирован короткими наклонными оттисками гребенчатого штампа. Цвет фрагмента светло-коричневый, в тесте примесь талька и органики.

К шестому сосуду (рис. 7, 6) принадлежит 1 орнаментированный зубчатым штампом фрагмент стенки (верхняя часть тулова). Судя по ней, D сосуда в месте наибольшего расширения тулова составлял около 25 см. Керамика серо-коричневая с пятнами нагара, в тесте примесь талька.

* * *

К сожалению, курган 1 Давлетшинского могильника практически полностью утерян для науки, а, судя по сохранившемуся инвентарю, он мог бы дать очень важную информацию по исторической обстановке в Южном Зауралье в середине I тыс. до н.э.

Бронзовое зеркало (рис. 2, 1), найденное среди камней разрушенной насыпи, очень своеобразно, а все известные аналогии ему происходят из степей, расположенных к юго-востоку от Уральских гор: Мариинское, к.4 Бобровского могильника, к.21 Уйгарака, к.9 Графских развалин, к.2 Конурсу (Хабдулина М. К., 1994, табл. 57, 1, 5; Боталов С. Г., Таиров А. Д., 1996, рис. 10, 2) – и формы их практически идентичны (на бобровском и уйгаракском зеркалах – длинные ножевидные ручки). М. К. Хабдулина рассматривает этот тип зеркал как своеобразный хронологический репер для урало-казахстанских степей: по совместному нахождению с кинжалами нурманбетского типа и определенными типами бронзовых наконечников стрел время их бытования определяется VII-VI веками до н. э. (1994, с. 69). Местное, казахстанское, происхождение зеркал данного типа полностью подтверждается анализом металла (Барцева Т. Б., 1986, с. 72).

Сосуд из к.1 Давлетшино, восстанавливаемый как грушевидный и имеющий вполне стандартную раннесарматскую форму (рис. 2, 2), никак не может быть датирован по аналогии с зеркалом столь ранним временем (ни в одном из южно-уральских раннекочевнических комплексов не зафиксировано совместного нахождения вещей с такой ранней (VII-VI вв. до н. э.) датировкой и тальковой керамики). Вероятнее всего, он относится к V-IV вв. до н. э.

Такая различная датировка двух сохранившихся предметов из к.1 Давлетшино позволяет предположить наличие в нем двух разновременных погребений: условное п.1 – с зеркалом, п.2 – с сосудом. К какому из «погребений» принадлежат фрагменты железных изделий (рис. 2, 3-6) – неясно.

Погребение кургана 2 Давлетшинского могильника, совершенное в овальной могильной яме, характеризуется достаточно выразительными чертами погребального обряда и вещевого инвентаря для выяснения его хронологии.

Ожерелье из погребения представлено двумя типами мозаичных бус и тремя бусинами из окаменелостей (рис. 3, 6-10).

Синие бусы «финикийского» стекла являются достаточно редкой находкой в погребениях ранних кочевников Южного Урала, а для более западных территорий «савроматской» АК они вообще не характерны (Савельева Т. В., Смирнов К. Ф., 1972, с. 117). Наиболее западной находкой этих бус на сегодняшний день являются могильники Аксеновский I (к.10 п.1) и Аксеновский II (к.20 п.1) на Есауловском Аксае (Шилов В. П., Очир-Горяева М. А., 1997, рис. 8,4; 17,5). Время существования обоих некрополей, в обряде и инвентаре которых явственно проступает южно-уральское влияние, определяется авторами серединой V- началом IV века до н. э. (там же, с. 151). В пределах восточного варианта «савроматской» АК наиболее западная их находка – курган у с. Любимовка в урочище Лапасина на Бузулуке, отнесенный К. Ф. Смирновым к V веку до н. э. (1964, рис. 15, 3г-2, 3).

В отличие от единичных их находок на западе и

востоке Евразийских степей, основная концентрация мозаичных бус наблюдается именно на Южном Урале: Мечет-Сай, к.10 (основное погребение), Покровка 2, к.23 п.10, Новый Кумак, к.5 п.1-2, к.18 (Смирнов К. Ф., 1977, рис. 4, 3; 5, 5; 9, 3), к.7 п.2, к.9 п.1, к.19 п.1 (Мошкова М. Г., 1962, рис. 8, 1, 3-4), к.26 п.1 (она же, 1972, рис. 5, 4а), к.8 Альмухаметово, Сибай II к.3 (Пшеничнюк А. Х., 1983а, табл. XXXIII, 5; XLI, 4), Переволочан к.7 костяк 4 (он же, 1995, рис.6, 4) и т.д. Такое неравномерное территориальное распределение мозаичных бус Т. В. Савельевой и К. Ф. Смирновым напрямую было связано с направленностью культурно-экономических отношений южно-уральских кочевников, их тесными связями с переднеазиатским миром (1972, с. 117-119).

Несмотря на различие вариантов мозаичных бус, их нахождение в одних ожерельях, а так же взаимовстречаемость со светлыми бусами с тремя сосцевидными налепами, убедительно свидетельствует об их синхронности и, в целом, узком временном отрезке их бытования у южно-уральских кочевников – в рамках V в. до н. э. (там же, с. 117; Смирнов К. Ф., 1975, с. 149, он же, 1977, с. 12), а учитывая датировку кургана 26 Нового Кумака – начиная с VI в. до н. э. (Мошкова М. Г., 1972а, с. 40).

Примечательно, что около черепа одного из погребенных (женщина или подросток) в парном погребении к.26 Нового Кумака, в ожерелье которого входили и мозаичные бусы, найден обломок железного стерженька (шило?) – такой же, как и происходящий из изголовья погребенного во 2-м Давлетшинском кургане (рис. 3, 5). У плеча погребенного в к.10 п.1 того же могильника лежали 2 фрагментированных стержня, связанные М. Г. Мошковой с «обломками каких-то инструментов» (1962, с. 214, рис. 9, 11).

Наиболее близкими аналогиями бронзовому зеркалу из 2-го Давлетшинского кургана (рис. 3, 2) являются зеркала из к.10 п.2 Альмухаметово (Пшеничнюк А. Х., 1983а, табл. XXXVI, 6) и диагонального погребения 2 к.3-4 Аландского III могильника (Мошкова М. Г., 1972б, рис. 2, 10). Их, в первую очередь, сближает небольшой размер плоского диска и короткая (Давлетшино – 3 см, Альмухаметово – 4 см, Аландское III – 3,4 см) пластинчатая ручка с закругленным краем, отлитая вместе с диском[11]. Зеркало из III Аландского характеризуется также сужением в месте перехода диска в ручку, что придает ей некоторую «каплевидность».

Альмухаметовское погребение отнесено А. Х. Пшеничнюком к савроматскому времени в целом (1983а, с. 97). По выразительным элементам обряда и вещевому инвентарю М. Г. Мошкова датировала «жреческое» погребение III Аландского могильника V в. до н. э. (1972б, с. 69, 71)[12].

По такой характерной черте как короткая пластинчатая ручка, рассматриваемые зеркала не должны включаться в типы I (длинные пластинчатые ручки) и II (короткие ручки-штыри) типологии сарматских зеркал, разрабатывавшейся К. Ф. Смирновым (1964, с. 152-154) и А. М. Хазановым (1963, с. 58-60), хотя они близки обоим этим, генетически связанным (Смирнов К. Ф., 1964, с. 152) типам. Зеркала с короткой пластинчатой ручкой, вероятно, должны быть помещены где-то между типами I и II, либо же выделены в вариант I-го типа, которому они близки морфологически (поскольку представляется наиболее правильным использование короткой ручки не как черешка для крепления рукояти из другого материала (кость, дерево), а по своему прямому назначению).

Сосуды из давлетшинского погребения настолько интересны, что уже сразу привлекли внимание исследователей. М. Г. Мошкова, обосновывая гипотезу о южно-зауральском происхождении прохоровской культуры, отнесла его к одному из пяти (кроме рассматриваемого – Клястицкое, Варна, Новый Кумак к.19 п.2, Ак-Булак) реперных савроматских памятников V века до н. э. с тальковой керамикой (1974, с. 35-36). Она же впервые и опубликовала давлетшинские сосуды (там же, рис. 13, 2-3), хотя, как говорилось выше, один из этих горшков, **будучи очень близким к давлетшинским, не относится к ним.**

Небольшой изящный сосудик (рис. 3, 4), найденный в изголовье погребенного, своим орнаментом очень близок круглодонному горшку из центрального парного погребения 4 к.9 Альмухаметовского могильника (Пшеничнюк А. Х., 1983а, табл. XXXV, 17), в котором помимо представительного набора тальковой керамики (4 сосуда), вблизи таза костяка 2 (мужского) находилось 3 светлых бусины с сосцевидными налепами (там же, с. 47, табл. XXXV, 11). Орнамент этого горшочка состоит из близких давлетшинским, но более правильных прямоугольных фестонов из горизонтальной елочки. Такие же фигуры нанесены на миниатюрный грушевидный сосудик из к.20 п.1 Нового Кумака (Мошкова М. Г., 1972а, рис. 1, 7), шейка которого была орнаментирована группами из косой и прямой сетки. Фестоны из горизонтальной елочки, имеющие, правда, треугольную форму, нанесены на плечо массивного талькового сосуда с утолщенным венчиком из разграбленного впускного погребения к.3 Булатово (Пшеничнюк А. Х., 1983а, табл. XXIX, 8).

[11] Ручка Давлетшинского зеркала составляет с диском одно целое, а не «прикреплена» к нему (Пшеничнюк А. Х., 1983а, с. 97).

[12] По длине ручки к этому варианту, видимо, относятся еще 2 зеркала – из к.1 Аландской I группы, ошибочно отнесенное К. Ф. Смирновым к типу черешковых (1964, с. 154, рис. 72, 3) и из погребения «амазонки» к.4 в могильнике у хутора Сладковский на Дону, южно-уральское происхождение которого подтверждается анализом металла (он же, 1984, рис. 19, 1; Барцева Т. Б., 1984, с. 145, рис. 63, 15). Имея несколько более длинные рукояти, эти два зеркала, тем не менее, не могут быть полностью отнесены к типу I.

Наиболее северной, и, как представляется, очень важной находкой сосуда с близким орнаментом является иткульское поселение с остатками мощного металлургического производства на острове Малый Вишневый (оз. Аргази). Форма и орнаментация его вполне типична для раннекочевнической тальковой керамики: массивный утолщенный венчик, раздутое тулово, орнаментация среза венчика группами разнонаправленных насечек и т.д. (Бельтикова Г. В., 1988, рис. 2, 15). На шейке сосуда сформован украшенный горизонтальной елочкой валик, чем этот сосуд сближается и с одним из тепяновских (см. рис. 7, 1). К этому мотиву близок треугольный фестон с заполнением горизонтальной елочкой с того же памятника (там же, рис. 2, 7). Эти и несколько других сходных по форме и орнаментации горшков Г. В. Бельтикова объединяет в т. н. «межовско-гафурийский тип», являющийся, по ее мнению, переходным от керамики межовской культуры поздней бронзы к гафурийскому типу раннего железного века (там же, с. 103). По набору наконечников стрел автор датирует комплекс Малого Вишневого концом V – началом IV в. до н. э. (там же, с. 116). Совершенно такие же треугольные фестоны с заполнением горизонтальной елочкой нанесены на раннепрохоровский сосуд из раскопанного геологами кургана у с. Буруктал в Восточном Оренбуржье (Мошкова М. Г., 1963, табл. 5, 14).

Возможно, что как отдельные фестоны следует рассматривать и орнамент на известном сосуде из прохоровского к.8 п.3 Мечет-Сая, поскольку сплошной бордюр из горизонтальной елочки разделен на части двойной вертикальной полосой (Смирнов К. Ф., 1975, рис. 52, 9). Подобный же вертикальный разделитель, но с заполнением горизонтальными насечками, происходит из прохоровского погребения 1 соседнего кургана (№ 9) того же могильника (он же, 1964, рис. 46, 1л; 67, 14; Мошкова М. Г., 1974, рис. 4, 4). Поиск истоков происхождения такой характерной черты орнамента как вертикальные разделители уводит в бархатовскую культуру финальной бронзы лесостепного Притоболья, где этот элемент являлся «культурным индикатором» (Корочкова О. Н., Стефанов В. И., 1991, с. 60; Сергеев А. С., 1991, с. 58).

Возвращаясь к давлетшинскому сосуду, необходимо остановиться на его форме. Такую же митровидную, уплощенно-яйцевидную форму имеет горшок из разграбленного п.1 к.23 Нового Кумака, орнаментированный однорядной гирляндой из гладкого штампа и заполненной внутри наклонными полотенцами (Мошкова М. Г., 1972а, рис. 4, 5; она же, 1974, рис. 4, 5). Вероятно, эта форма является одним из производных вариантов от иткульской яйцевидной, в данном случае – приземистой (см. напр.: Борзунов В. А., 1992, рис. 18, 6, 9). Это подтверждается распространением в раннекочевническом ареале яйцевидных и близких к ним сосудов, очень схожих с иткульскими как по форме, так и по орнаменту – например, 2 больших горшка из к.17, сосуды из к.9 п.4 Альмухаметово (Пшеничнюк А. Х., 1983а, табл. XXXV, 15-16; XXXVIII, 7-8), к.4 Прохоровки, к.1 п.5 Алебастровой горы (Мошкова М. Г., 1963, табл. 9, 9, 11), впускного детского погр. к.2 могильника Дэвкескен-4 на Южном Устюрте (Ягодин В. Н., 1990, рис. 13, 1) и т.д.

Орнамент из вертикальных столбиков ногтевых вдавлений, нанесенный на больший сосуд из второго Давлетшинского кургана (рис. 3, 3), имеет себе ближайшую и единственную (из известных автору) в степи параллель – на шаровидном горшке из насыпи к.21 Нового Кумака, хотя сам этот мотив имел несколько большее распространение[13]. Так, например, в раннепрохоровском погребении 1 к.1 VII Ново-Мурапталовского могильника на р. Большой Юшатырь в Южном Приуралье на один из тальковых сосудов с очень низким горлом на плечо были нанесены столбики ногтевых защипов (Агеев Б. Б., Рутто Н. Г., 1984, рис. 2, 3). Близкий мотив, хотя и поиному выраженный, присутствует на двух горшках из Муракаево: к.2 п.4 – «рюмочка» с вертикальными каннелюрами по всему тулову, к.2 п.5 – вертикальные пояски из косых насечек (Мажитов Н. А., Пшеничнюк А. Х., 1977, рис. 3, 3, 6); на плечо круглодонного сосуда из воинского погр.3 к.9 Альмухаметово нанесены вертикальные елочки, сгруппированные по две (Пшеничнюк А. Х., 1983а, табл. XXXIV, 7). Вертикальными елочками мягкого рифления орнаментированы два близких гафурийским сосуда из поминального кургана (№ 1) Юкаликулевского II могильника в Месягутовской лесостепи (Савельев Н. С., 1998, рис. 8, 2-3), близкий орнамент известен так же на «межовско-гафурийской» керамике Малого Вишневого (Бельтикова Г. В., 1988, рис. 2, 9).

Представляется весьма обоснованным видеть истоки этого мотива в иткульских вертикальных «полотенцах» (см. напр.: Сальников К. В., 1962, рис.3а, 4д; Бельтикова Г.В., 1988, рис. 3, 12). Форму рассматриваемого сосуда, не единичную у «савромато-сармат» (ср.: к.1 Комсомольский V (Пшеничнюк А. Х., 1983, табл. XLV, 15) также возможно выводить из иткульской керамики.

М. Г. Мошкова отнесла погребение второго Давлетшинского кургана к V веку до н. э. (1974, с. 36), что полностью согласуется с проведенным выше анализом. Более точная датировка этого, несомненно, очень интересного комплекса, на сегодняшний день вряд ли возможна.

Небольшой изящный сосудик (рис. 3, 12), причисленный еще Н. А. Мажитовым к давлетшинским, происходит из к.10 Сибайского I могильника (раскопки 1965 года). Отсутствие описания этого сосуда в соответствующем комплексе, а также значительная близость давлетшинским, делают необходимым проанализировать и его. Форма сосуда может быть полностью сопоставлена с сосудом 2 из Давлетшино и, соответственно, так же выведена из иткульской,

[13] Орнамент, полностью аналогичный давлетшинскому и новокумакскому известен и на одном из гафурийских горшков Шиповского городища (Пшеничнюк А. Х., 1976, рис. 38, 6).

что еще четверть века назад отмечала М. Г. Мошкова (там же). Орнамент сосуда состоит из многорядной гирлянды, которая своей угловатостью напоминает треугольные фестоны. Несмотря на такую кажущуюся его индивидуальность, известны и аналогии этому приему: на уже упоминавшемся сосуде из Нового Кумака (к.23 п.1) фестоны настолько плавные, что приближаются к гирляндам (там же, рис. 4, 5), такими же закругленными фестонами орнаментирован глиняный котелок из нижнего слоя Иткульского городища (Сальников К. В., 1962, рис. 5в), а на раннепрохоровском горшке с территории Месягутовской лесостепи (к.5 Кадыровского VI/2 могильника) под каннелюрами нанесен двойной зигзаг, из-за техники нанесения (протаскивание) близкий волне (Гарустович Г. Н., Лебедев А. И., 1995, рис. 1, 3; Савельев Н. С., 1998, рис. 15, 14).

В меридионально ориентированном погребении Исянбетовского кургана найдены несколько фрагментов зеркала, обломок синей глазчатой бусины, пряслице и приземистый грушевидный горшок. В непосредственной близости от погребения, на древней поверхности найдено 2 фрагмента венчика от еще одного сосуда.

Несмотря на небольшой размер сохранившегося фрагмента центральной части зеркала (рис. 4, 4), такие характерные детали как кольцевой валик и выпуклина в центре позволяют с полной уверенностью отнести его к типу 5.3 типологии сарматских зеркал А. С. Скрипкина (1990, с. 95, 150, рис. 33; 35, 31-33). Всего им учтено 7 экземпляров зеркал этого типа. М. Г. Мошкова, в отличие от А. С. Скрипкина, разнесла 2 известных ей таких зеркала в разные типы: зеркало из к.2 Тара-Бутака (раскопки Ф. Д. Нефедова, 1887 г.) – к типу I.3 («плоские бронзовые диски с металлической ручкой, отливавшейся одновременно с диском»), а аналогичное из к.11 I Мало-Кизыльского могильника – к типу II.4 («валик по краю диска и коническая выпуклость в центре»), отмечая, в то же время, условность его отнесения к последнему (Мошкова М. Г., 1963, с. 41-42, табл. 27, 15; 28, 20). Она же предположила, что подобные зеркала возникли в местной среде на основе переработки «зеркал-погремушек» (см.: Кузнецова Т. М., 1989; она же, 1993) восточного происхождения (II Пазырык, Мечет-Сай к.8 п.5).

Эта гипотеза была полностью поддержана, развита и обоснована впоследствии К. Ф. Смирновым (1968, с. 121; 1975, с.167).

Дополнительным, хотя и косвенным, подтверждением такого эволюционного ряда может являться тот факт, что в двух случаях подобные зеркала-погремушки и зеркала типа 5.3 были найдены в пределах одного могильника: Мечет-Сай к.8 п.5 – погремушка и к.6 п.2б – тип 5.3 (Смирнов К. Ф., 1975, с. 167, рис. 37, 5) и Рогозиха 1 (Алтай) к.5 п.1 – погремушка и к.7 п.2 – тип 5.3 (Уманский А. П., 1992, рис. 4, 2; 7). Эта вероятность становится еще более весомой, если обратиться к зеркалу IV в. до н. э. из к.4 могильника Каскажол на Восточном чинке Устюрта, являющимся своеобразным «симбиозом» погремушек и типа 5.3 (Ягодин В. Н., 1978, с. 89, рис. 2, 2). Оно близко первым своей орнаментацией (концентрические окружности из насечек в елочку, но вместо центрального кольцевого валика и умбона на нем выгравирована птица семейства утиных) и сближающееся с типом 5.3 своей пластинчатой ручкой, уплощением профиля диска и наличием слабозаметного валика по его краю. Можно также предположить, что местной основой для возникновения зеркал типа 5.3, поскольку зеркала-погремушки имеют черешковую рукоять, явились зеркала с пластинчатой ручкой савроматского времени.

Поэтому, думается, заключение А. С. Скрипкина о том, что «данный тип зеркал [5.3 – Н. С.] не имеет каких-либо истоков в савроматской культуре» (1990, с. 150) верен только отчасти.

Вряд ли наверняка можно говорить о зеркалах типа 5.3 как прототипе зеркал с валиком по краю и умбоном в центре диска (Мошкова М. Г., 1963, с. 43; Смирнов К. Ф., 1975, с. 167), но перерастание центрального валика и выступа в массивный умбон документировано зеркалом III в. до н. э. из катакомбного погребения (№2) к.1 Линевского могильника (Соль-Илецкий район Оренбургской области). Фактически кольцевой валик и выступ на нем уже слились в умбон, такое его происхождение выдает только сложная профилировка (Мещеряков Д. В., 1996, с. 48-49, рис. 6, 11).

Таким образом, можно констатировать, что зеркала типа 5.3 существовали не только в IV в. до н. э. (Скрипкин А. С., 1990, с. 150), но и частично в III в. до н. э. (Линевский, Мало-Кизыльский могильники).

Орнамент и форма сосуда из п.1 Исянбетово (рис. 4, 2) достаточно ординарны для южноуральских кочевнических комплексов IV в. до н. э., особенно его второй половины (Мошкова М. Г., 1963, с. 27) – Яковлевка к.3 п.1 (Федоров В. К., Васильев В. Н., 1998, рис. 13, 2), Пятимары 1 к.9 п.1 (Смирнов К. Ф., 1964, рис. 67, 8), Близнецы к.2 п.2 (Мошкова М. Г., 1963, табл. 5, 9), Новый Кумак к.16, 18 (там же, табл. 9, 1, 4), к.21 п.2 (она же, 1974, рис. 4, 6) и т.д. К этому же времени, вероятно, относится раннесарматский, а не гороховский (см.: Полосьмак Н. В., 1986, с. 32, рис. 23; она же, 1987, с. 99) сосуд из Еманжелинска (Мошкова М. Г., 1974, рис. 12, 3). На всех них узкий бордюр косой сетки, иногда ограниченной снизу горизонтальным зигзагом, нанесен на верх плеча[14]. Абсолютное большинство сосудов с подобным орнаментом относится к круглодонным грушевидным. Поэтому очень важным здесь является выяснение истоков подобных элементов орнамента (косая сетка и горизонтальный зигзаг под орнаментальной зоной).

Косой сеткой орнаментирован яйцевидный сосуд из кургана на 11 версте по тракту Челябинск – ст.

[14] На сосуде 2 из раннепрохоровского п.1 к. 10 Новопавловского могильника в Самарском Заволжье косой сеткой орнаментирован налепной валик на шейке (Мышкин В. Н., Скарбовенко В. А., 1996, рис. 5, 6).

Миасская (она же, 1969, рис. 1, 7), в котором было совершено трупосожжение на уровне древнего горизонта (раскопки Н. К. Минко 1906 г.), тот же мотив встречается на сосудах с Воробьевского городища (она же, 1974, рис. 8, 5, 7), причем один из них – с утолщенной шейкой, на иткульском горшке с городища Шайдуриха (Бельтикова Г. В., 1977, рис. 1, 5) и т.д. Но наиболее важными для настоящего исследования являются «межовско-гафурийские» сосуды с поселения Березки II на озере Аргази, так же орнаментированные косой сеткой (Борзунов В. А., 1992, рис. 25, 15; Обыденнов М. Ф., Шорин А. Ф., 1995, рис. 67, 2, 6) и сосуды близкие по форме иткульским – и в то же время гафурийским – с поселения на острове Малый Вишневый (Бельтикова Г. В., 1988, рис. 2, 2-3, 10).

Традиция орнаментации сосуда сеточкой может быть связана с межовской культурой поздней бронзы, в которой этот элемент занимает хотя и скромное место (0,4-7,6 %), но встречается постоянно (Обыденнов М. Ф., Шорин А. Ф., 1995, рис. 65). Особенность раннесарматской тальковой керамики в том, что она наследует только один из вариантов межовской орнаментации косой сеткой – по плечу. В межовской традиции косая сетка-«решетка» располагается в основном на верхней части шейки, на плечике она встречается значительно реже (там же, с. 73). Исходя из этого, можно допустить, что раннесарматский мотив сетчатого бордюра вырастает из межовской традиции орнаментирования валиков горизонтальной елочкой или косой решеткой[15] – наглядным подтверждением этого является упоминавшийся сосуд из Новопавловского могильника.

Горизонтальный зигзаг, ограничивающий снизу орнаментальную зону (как однорядный, так и многорядный зигзаги полностью подчинены общим закономерностям этого мотива) на савромато-сарматской тальковой керамике хорошо известен (Муракаево, Альмухаметово, Приречный, Синеглазово и т.д.), а на уже упоминавшемся сосуде из к.2 п.2 могильника Близнецы горизонтальный зигзаг нанесен под бордюром косой сетки. Своими корнями этот элемент орнамента выводится, вероятно, из той же межовской культуры и распространяется впоследствии, часто в виде «шагающей гребенки», в воробьевской и иткульской керамике. Г. В. Бельтикова отмечает, что для иткульских сосудов I-го типа (т.е. не испытавших на себе влияние гамаюнских керамических традиций) очень характерно завершение орнаментальной зоны «ломаной линией» (1977, с. 123). Та же закономерность отмечается и для керамики воробьевского типа (Степная полоса ..., 1992, с. 281).

Сосуд, найденный на уровне погребенной почвы вблизи погр.1, представлен двумя фрагментами высокого прямого венчика, гофрированного каннелюрами по всей высоте (рис. 4, 3). Такой очень специфический его облик позволяет уверенно реконструировать этот сосуд как кувшин с шаровидным туловом и простой петлевидной ручкой. Этот тип сосудов представлен как плоскодонными – к.13 п.1 и к.21 п.3 Нового Кумака (Смирнов К. Ф., 1977, рис.7, 4; 13, 17), так и круглодонными экземплярами – к.1 на пашнях казака Смолина (раскопки Н. К. Минко 1906 г.) около Челябинска (Мошкова М. Г., 1969, рис. 1, 6), к.10 п.2 могильника Красный Яр в Илекском районе Оренбургской области (Пшеничнюк А. Х., 1989, рис. 8, 1) и т.д. Очень близкими плоскодонным кувшинам этого типа являются сосуды из к.23 п.6 могильника Покровка 2 (Курганы ..., 1994, рис. 90, 13), к.12 (Мошкова М. Г., 1962, рис. 10, 3) и к.21 п.1 Нового Кумака (Смирнов К. Ф. , 1977, рис. 13, 4), но либо не имеющие каннелюр на горле, либо помимо них имеющие еще и резной орнамент. В основном все эти кувшины датируются в пределах IV в. до н. э. Вероятно, к этому же типу относится сосуд из раннесарматского женского погребения у с. Грушевка (к.5 п.1) на правобережье Днепра, высокое горло которого орнаментировано желобками (он же, 1984, с. 62, рис. 25, 2).

Самой ранней находкой сосудов этого типа может рассматриваться кувшин (сохранился только высокий гофрированный венчик) из разграбленного погребения к.12 могильника Сибай II (Пшеничнюк А. Х., 1983а, табл. XLIII, 35). По таким характерным признакам, как захоронение на древнем горизонте в прямоугольной деревянной конструкции, оно относится к достаточно раннему времени и может быть датировано в пределах конца V-IV вв. до н. э. (там же, с. 84-85). Наиболее поздними экземплярами, вероятно, являются круглодонные кувшины – с пашни казака Смолина, отнесенный М. Г. Мошковой к IV – рубежу IV-III вв. до н. э. (1969, с. 140), из к.7 п.9 Мечет-Сая, датированного К. Ф. Смирновым концом IV-III в. до н. э. (1975, с. 130, рис.47, 1) и сосуд из могильника Красный Яр, имеющий еще и раструбовидный венчик. Последнее погребение отнесено А. Х. Пшеничнюком в целом к прохоровской культуре (1989, с. 117). Возможно, что об исчезновении уже в раннесарматское время этого типа сосудов (кувшины с высокой вертикальной гофрированной шейкой и простой петлевидной ручкой) свидетельствует круглодонный горшок из к.16 п.3 могильника Покровка 1 (Курганы ..., 1994, рис. 45, 6), имеющий раструбовидный каннелированный венчик. Его отличие от кувшина из Красного Яра только в отсутствии ручки.

Таким образом, появление орнамента, круглодонности и раструбовидного венчика, а тем более и исчезновение ручки свидетельствует о постепенной «метисации» и растворении исходной формы в местных. Поскольку эти кувшины, даже среди самой раннесарматской керамики, выглядят чем-то совершенно инородным, не имея никаких местных прототипов, можно с уверенностью говорить об их привнесенности в Южное Зауралье откуда-то извне с последующим, по меткому выражению М. Г. Мошковой, «копированием классической формы» (1963, с.

[15] Еще более этот мотив распространен на саргаринской керамике.

26).

Большой грушевидный сосуд из второго погребения Исянбетовского кургана (рис. 4, 9) своей орнаментальной композицией (треугольные фестоны с наклонными полотенцами между ними) может быть напрямую сопоставлен с горшком IV в. до н. э. из к.18 п.1 Нового Кумака (Мошкова М. Г., 1962, рис. 13, 6), но фестоны на последнем заполнены прямой сеточкой, а полотенца более похожи на гирлянды. Так же в виде полудуг оформлены и полотенца на сосуде из к.33 п.1 того же могильника (она же, 1972а, рис. 6, 1). Близка рассматриваемому мотиву и орнаментация горшка из к.9 п.1 I Пятимаров (Смирнов К. Ф., Петренко В. Г., 1963, табл. 9, 8), отнесенного К. Ф. Смирновым к IV в. до н. э. (1975, с. 37), но полотенца на нем более схожи с исянбетовскими, чем с новокумакскими. Помимо этого, наличие на одном сосуде фестонов и полотенец мне известно еще в одном случае – на яйцевидном горшке из женского погребения к.17 Альмухаметово, но полотенца на нем нанесены не между фестонами, а на шейке (Пшеничнюк А. Х., 1983а, табл. XXXVIII, 8). Оставляя пока анализ полотенец, остановимся на основном элементе орнамента этого исянбетовского горшка – треугольном фестоне.

К перечисленным сосудам в орнамент которых входит треугольный фестон, можно добавить еще несколько – к.6 Нового Кумака, к.1 п.2 VII Ново-Мурапталово, п.2 Байгускаровского кургана, Буруктал, впускное погребение к.4 Малого Кизила, к.6 Бердинской горы и т.д. Но наиболее близкими по технике нанесения исянбетовским («отступающая палочка») являются фестоны с сосудов к.4 Прохоровки (Мошкова М. Г., 1963, табл. 9, 9) и к.2 п.1 I Рычковских курганов в Переволоцком районе Оренбуржья (Васильев В. Н., 1984, рис. 2, 7).

Было бы неправомерным ограничивать время появления (и сразу – широкого распространения?) фестончатого орнамента только IV веком до н. э. Так, уже упоминавшееся погребение к.17 Альмухаметово, содержавшее сосуд с подобным орнаментом, относится к более раннему времени. К этому или еще более раннему времени относится к.8 того же могильника, в инвентарь погребения которого, помимо круглодонного горшка с фестонами, входят бусы архаического облика – мозаичные финикийского стекла и с тремя сосцевидными налепами (Пшеничнюк А. Х., 1983а, табл. XXXVIII, 3-5, 22). V веком до н. э. (Мошкова М. Г., 1974, с. 35) датируется захоронение верхнего яруса к.19 п.2 Нового Кумака, содержавшее, помимо прочего и круглодонный сосуд с четырьмя ушками, орнаментированный фестонами с заполнением наколами (Смирнов К. Ф., 1977, рис. 11, 9).

Истоки сарматской фестончатой орнаментации находятся в недрах межовской культуры позднего бронзового века. Именно в ней известны висячие штрихованные треугольники, часто окаймленные бахромой из каплевидных насечек. На некоторых зауральских поселениях их количество достигает 10% (Обыденнов М. Ф., Шорин А. Ф., 1995, с. 74), хотя в среднем – не более 2% (там же, с. 87). Достаточно полно представлена фестончатая орнаментация (около 5%) на Юкаликулевском поселении в Месягутовской лесостепи (Обыденнов М. Ф., 1991, рис. 22, 12; 33, 9; 34, 5; 36, 7 и т.д.).

Для выяснения истоков формирования данного мотива и закономерностей его бытования в инокультурной степной кочевой среде очень важно, что по некоторым юкаликулевским сосудам хорошо видно зарождение фестона путем усложнения из горизонтального зигзага, ограничивающего снизу орнаментальную зону (там же, рис. 13, 1, 3-4; 19; 27, 9, 23, 26-27; 28, 4-5, 7, 9, 12 и т.д.); о месте же горизонтального зигзага в сарматской и иткульской керамических традициях уже писалось выше.

Для более позднего времени юга горно-лесного Зауралья, характеризующегося березовскими комплексами, М. Ф. Обыденновым и А. Ф. Шориным отмечено значительное распространение различных вариантов горизонтального зигзага (до 16,8%) при практически полном отсутствии фестонов (1995, с. 76, рис. 37, 2).

Значительное количество фестонов и иных вариаций на тему горизонтального зигзага, очень близких степным орнаментам на тальковой керамике, известно на «межовско-гафурийской» (читай – гафурийской) керамике Малого Вишневого острова (Бельтикова Г. В., 1988, рис. 2, 6-7, 10-11, 15), поселения Березки II (Обыденнов М. Ф., Шорин А. Ф., 1995, рис. 67, 2, 4, 6-8) и других памятников района оз. Аргази (Петрин В. Т., Шорин А. Ф., Нохрина Т. И., 1993, с. 185).

Появившись в степи, мотив фестона очень быстро начинает не только изменяться и упрощаться, но и даже переосмысливаться. Об этом красноречиво свидетельствует орнаментация сосуда из I Сибайского могильника (рис. 3, 12), фестоны которого почти полностью превратились в многорядную гирлянду. Закономерность превращения треугольного фестона в полукруглую гирлянду фиксируется на горшках из к.7 п.10 и 12 (Смирнов К. Ф., 1975, рис. 47, 8; 49, 3), к.8 п.1 и 2 Мечет-Сая (Мошкова М. Г., 1974, рис. 4, 1, 9), к.23 п.1 Нового Кумака (там же, рис. 4, 5), сосуде из Еманжелинска (там же, рис. 12, 3), к.26 п.4 Быково II (она же, 1963, табл. 13, 6), к.2 Булатово (Пшеничнюк А. Х., 1983а, табл. XXIX, 9), на сосуде с местонахождения на р. Крепостной Зилаир (Савельев Н. С., 1998б, рис.2, 8) и т.д.[16]

Очень показателен орнамент сосуда из кургана на 14 километре ж/д Орск – Ново-Аккермановка (Мошкова М. Г., 1963, табл. 5, 15), где фестоны вследствие сильного уплощения превратились в слабоволнистую линию. Одной крайностью этой линии развития мотива фестона является сосуд из к.13 п.10 Старых Киишков (там же, табл. 9, 23), на котором

[16] На «классической» гафурийской керамике со среднего течения р. Белая, напр. на Табынском городище, треугольные фестоны и полукруглые гирлянды сосуществуют (Пшеничнюк А. Х., 1983б, рис. 18-19).

фестон полностью превратился в дуги, другой крайностью можно расценивать орнамент небольшого круглодонного горшочка из к.11 п.18 того же могильника, на котором композиция представляет собой абсолютно не связанные между собой асимметричные полудуги (там же, табл. 9, 13). Следующее направление эволюции фестона – усложнение композиции и своеобразное увеличение декоративности при утере изначального канона; к нему относятся, например, сосуды из к.13 п.11 и к.20 п.3 тех же Старых Киишков (там же, табл. 5, 6, 22).

Конечным (хотя и не обязательным) итогом упрощения мотива фестона, вероятно, является простой горизонтальный зигзаг как, например, на сосудах из к.2 п.3 Близнецов и к.11 п.5 Старых Киишков (там же, табл. 5, 21; 9, 15) и т.д. Поскольку погребения эти относятся к III-II вв. до н. э., то это время можно расценивать как верхнюю границу бытования мотива фестона на сарматской керамике. Подсчеты М. Г. Мошковой очень хорошо иллюстрируют этот процесс: гирлянд и прочих фигур – производных от фестона на раннесарматской керамике в полтора раза больше чем собственно фестонов (1974, рис. 10, 7-8). Таким образом, распространение в степи орнаментации фестонами вширь привело к очень быстрому размыванию традиционного для лесостепи канона.

Небольшой неорнаментированный сосудик из п.2 Исянбетовского кургана (рис. 4, 7) по сути, является уникальной для сарматской керамики формой. Имея в кочевнических памятниках только одну относительно близкую аналогию – сосуд из прохоровского погребения (№ 1) к.1 VII Ново-Мурапталово (Агеев Б. Б., Рутто Н. Г., 1984, рис. 2, 3), исянбетовский сосуд находит себе множество аналогий в зауральской лесостепи и горно-лесной зоне[17]. В первую очередь – это круглодонный горшок из к.36 могильника Черняки, датированного не позднее V в. до н. э. (Мошкова М. Г., 1969, с. 140, рис. 1, 2). М. Г. Мошкова сразу же отнесла его, опираясь на характерный орнамент (двойные полотенца), к «типично иткульской керамике» (там же, с. 141). Действительно, профилировка исянбетовского горшка очень близка иткульским – особенно типу 3 по типологии К. В. Сальникова – «сосуды переходной от горшков к чашам формы» (1962, с. 28) – например, сосуды с Иткульского городища (там же, рис. 3б,г; 4а), Мыса Толстик и Первого Карасьего озера (Бельтикова Г. В., 1977, рис. 1, 4; 2, 12).

По таким признакам как очень низкая шейка, широкая горловина и сильно раздутое тулово с экземпляром из Исянбетово сближаются сосуды из к.8 и 9 (п.3) Альмухаметово (Пшеничнюк А. Х., 1983а, табл. XXXIII, 22; XXXIV, 7); вероятно, их нужно расценивать как производную форму от исходной иткульской. Следует отметить, что сосуд из п.1 Исянбетово, имеющий сплющено-грушевидную форму (рис. 4, 2), по всем трем этим признакам также может быть выведен из рассматриваемой иткульской формы.

Вертикальные (несколько под наклоном) каннелюры, нанесенные на среднюю часть тулова третьего сосуда из п.2 Исянбетово (рис. 4, 8) имеют близкие аналогии на «рюмочке» из к.2 п.4 Муракаево (Мажитов Н. А., Пшеничнюк А. Х., 1977, рис. 3, 3), к.5 п.1 Переволочана (Пшеничнюк А. Х., 1995, рис. 3, 3), плоскодонного небрежно слепленного горшка с примесью в тесте шамота из детского погребения (№ 10) к.8 могильника Покровка 2, относящегося к раннесарматскому времени (Курганы ..., 1995, с. 38-39, рис. 61, 2) и особенно в орнаменте плоскодонного талькового горшка из к.1 Комсомольского V могильника на Сакмаре (Пшеничнюк А. Х., 1983а, табл. XLV, 11). На тулово этого сосуда нанесены вертикальные (также немного под наклоном) каннелюры с загнутой в полукруг верхней частью.

Представляется обоснованным видеть истоки этого мотива в S-видных фигурах савроматской орнаментики (см. напр. известные горшки из к.10 п.2 Липовки, к.5 Нового Кумака, к.13 п.3 Красного Яра и т.д.). Прямая параллель орнаменту горшка из Комсомольского V прослеживается в налепных фигурах «знак вопроса» на грушевидном сосуде V в. до н.э. из Трех Маров (Смирнов К. Ф., 1981, с. 74, рис. 3, 3)[18].

---

[17] Мне также известны 2 практически одинаковых по форме с рассматриваемым сосуда: один (полная пепла курильница) – из раннепрохоровского подбойного погр. могильника Сосновка (Васильев В. Н., Савельев Н. С., Федоров В. К., 1996, рис. 10, 5), другой – с территории Месягутовской лесостепи, из «айского» поминального кургана, так же полный пепла (Савельев Н. С., 1998, с. 30, рис. 19, 2).

[18] Форма упомянутого сосуда из Комсомольского V, совершенно не характерная для савроматской и раннесарматской культур, представляет определенный интерес для настоящего исследования и поэтому требует своего, хотя бы и очень предварительного анализа.

Близкие до полного тождества формы происходят с Каменогорского городища и относятся к гамаюнской культуре (Сальников К. В., 1962, рис. 2, а-в). Данное заключение, несколько странное на первый взгляд, тем более, если учесть неподверженность гамаюнцев – лесных охотников и рыболовов общему процессу сарматизации (Борзунов В. А., 1992, с. 99), находит некоторое объяснение в общей исторической ситуации, сложившейся в Зауралье в середине I тысячелетия до н.э., и особенно – в механизме контактов гамаюнских и иткульских племен, составлявших на этой территории «единый культурно-хозяйственный организм» (там же, с. 91-100). Контакты носителей иткульской культуры с гамаюнцами, мигрировавшими с севера, закончившиеся в IV веке до н. э. полной ассимиляцией последних, еще задолго до этого финала привели к формированию двух групп иткульской керамики. Вторая группа, существовавшая, по мнению В. А. Борзунова, параллельно первой (собственно иткульской), сложилась при активном взаимодействии с гамаюном. Именно среди керамики II группы известны сходные с происходящими из раннекочевнического погребения Комсомольского V и гамаюнского Каменогорского городища формы, например, с Дальнебагарякского городища (там же, рис. 25, 10).

Основываясь на всех вышеприведенных замечаниях, а также учитывая меридиональную ориентировку погр.1 и широтную – погр.2, основным захоронением в Исянбетовском кургане является последнее. Об определенном временном разрыве между погребениями свидетельствует также полное изживание «савроматских» керамических традиций, в частности – грушевидной формы сосудов, ее эволюция в сторону увеличения шаровидности тулова.

В 3 м к западу от кургана Гадельша III, давшего хотя и немногочисленный, но очень интересный материал, была расположена каменная подпрямоугольная выкладка (рис. 5, 1), вероятно, поминального назначения. Практически неизвестные на Южном Урале[19] и в более западных районах расселения ранних кочевников, подобные поминальные сооружения очень часты на востоке Степи. Так же, как правило, к западу от основной насыпи располагались восьмикаменные кольца и «небольшие кольцевые каменные выкладки» у ранних кочевников Алтая и Тувы (Маннай-оол М. Х., 1970, с. 21-22; Кубарев В. Д., 1987, с. 11-12; Илюшин А. М., 1989, с. 80). К сожалению, неизвестно, было ли связано с каким-либо курганом поминальное колечко в могильнике около центральной усадьбы совхоза Берликский на Ишиме (Мошкова М. Г., 1966, с. 46, рис. 13). По найденным в нем бронзовым стремявидным удилам, данное сооружение датируется VII – 1-й пол. V в. до н. э. Нахождение поминального сооружения такого типа – не единичный факт для тасмолинцев Северного Казахстана (Хабдулина М. К., 1987, с. 13; она же, 1994, с. 22).

В могильнике Дэвкескен-4 на Устюрте к югу от основного кургана располагалось небольшое поминальное колечко из вертикально вкопанных камней (Ягодин В. Н., 1990, с. 62, рис. 14). Основное, савроматское, погребение кургана датировано 1-й пол. V в. до н. э., впускное раннепрохоровское – V в. до н.э. (там же, с. 60, 62). В этом же могильнике у кк. 3-5 В. Н. Ягодиным также отмечены небольшие (диаметром 1-1,5 метра) скопления камня – но, к сожалению, не указано с какой стороны от основных насыпей они располагались (там же, с. 31). Не полностью опубликованы данные по подобным выкладкам, входящим в состав некоторых байтинских святилищ (Галкин Л. Л., Ольховский В. С., 1989, с. 127-128).

Яйцевидный тальковый сосуд из кургана Гадельша III (рис. 5, 5) имеет себе прямую аналогию в к.2 могильника Путиловская Заимка I, относящегося к савроматскому времени (Таиров А. Д., 1991, табл. 20; 79, 6) – кроме профиля верхней части (дно сосуда, к сожалению, не сохранилось), тождественна и орнаментация из прямой сетки. Близок гадельшинскому по форме, отличаясь только уплощенным днищем и сосуд из к.25 п.2 Нового Кумака. Как уже говорилось выше, форма рассматриваемого сосуда является иткульской (ср.: Сальников К. В., 1962, рис. 3б, д; 4а).

Орнаментация прямой сеточкой, известная у ранних кочевников Южного Урала в основном в IV в. до н. э. (см. напр.: Мошкова М. Г., 1962, рис. 13, 6; Смирнов К. Ф., 1975, рис. 51, 6 и т.д.) имеет свои истоки, как представляется, так же в лесостепном Зауралье. Так, например, отдельная решетчатая фигура нанесена на плечо сосуда с Воробьевского городища (Мошкова М. Г., 1974, рис. 8, 3), а на шейке иткульского горшка с Малого Вишневого нанесен бордюр из перемежающихся горизонтальных и вертикальных отрезков, сгруппированных по четыре, причем в некоторых местах видно «наплывание» этих групп друг на друга, что приводит к видимости орнаментации прямой сеткой (Бельтикова Г. В., 1988, рис. 3, 8). Возможно, именно этот иткульский орнамент при перенесении его в кочевую среду привел к формированию мотива прямой сетки.

Плоскодонный сосуд из того же погребения (рис. 5, 4), принадлежа типу савроматских горшков с грушевидным туловом, по своим особенностям очень близок сосуду из к.3 Нового Кумака (Мошкова М. Г., 1962, с. 206, рис. 4, 5), датируемого не позднее V века до н. э. Их сближает, в первую очередь, острое ребро на плечике, наибольшее расширение тулова в его нижней части, оформление среза венчика губой, такая же рыхлая слоящаяся глина и примесь шамота. Главное отличие гадельшинского сосуда от новокумакского – в его большей легкости и изящности, более узком горле и тонкостенном днище.

Два близких гадельшинскому сосуда были также найдены в погребении к.54 Южного Тагискена (Итина М. А., Яблонский Л. Т., 1997, рис. 45, 1-2), датируемого в пределах середины VI – начала V в. до н. э. (там же, с. 70).

Бусы, подобные гадельшинской (рис. 5, 3) в савромато-сарматских древностях мне не известны. Достаточно близкой, хотя и косвенной, аналогией этой бусине-«лабрису» могут служить секировидные подвески, бытовавшие на Южном Урале в конце VI-V вв. до н. э. (Смирнов К. Ф., 1964, с. 150). Все они пастовые или стеклянные синего, голубого или зеленоватого цвета: Биш-Оба, к.3 Тара-Бутака (там же, рис. 10, 1г-3; 17, 11), к.19 п.1 Нового Кумака (он же, 1977, рис. 11, 5) и т.д. Единично такие подвески встречаются и в Поволжье – в кургане В4 у хутора Шульц, датированном концом IV-III вв. до н. э. и характеризующимся сочетанием архаических форм и экземпляров эллинистического времени (он же, 1964, с. 151). По такому элементу как шаровидное утолщение в центре к гадельшинскому экземпляру ближе всего подвеска зеленоватого стекла из ранне-

---

Более подробно о вероятных путях попадания гамаюнской формы в кочевническую среду и о сути взаимодействия иткульского и гамаюнского населения будет сказано ниже.

[19] В этом плане интересно высказывание Н. А. Мажитова: «Любопытно, что вблизи одиночных курганов [имеется в виду именно рассматриваемый тип – каменные курганы – Н. С.] всегда имеются небольшие каменные кучи диаметром около 1 метра, высотой 20-40 см» (1966, с. 95).

прохоровского погребения (№ 2) к.9 Пятимаров (там же, рис. 44, 2а-5).

Учитывая широтную ориентировку погребения и совместное нахождение сосудов специфической формы, время сооружения кургана Гадельша III должно быть определено V в. до н. э., может быть 1-й его половиной или серединой.

Горшок из погр. к.1 могильника Гадельша IV (рис. 6, 4) является основным и, в принципе, единственным датирующим предметом. Наиболее близкая и, как представляется, хронологически значимая аналогия – рассмотренный выше плоскодонный грушевидный сосуд из к. Гадельша III. Несколько различаясь в размерах и пропорциях, эти сосуды идентичны по своему «трехчастному» строению: шейка – ребро по плечу – наибольшее расширение тулова в его нижней части. Близость их выражается и в очень специфичном утоньшении дна, а также в одинаковости цвета, структуры теста и примесей. Другой сосуд, схожий по пропорциям с рассматриваемым, происходит из к.1 могильника Дэвкескен-4, погребения которого по находкам хорезмийской станковой посуды дингильджинского этапа датируются 1-й пол. V в. до н. э. (Ягодин В. Н., 1990, с. 48, рис. 6, 8).

Таким образом, опираясь только на анализ сосуда (к сожалению, сохранность единственного наконечника стрелы (рис. 6, 5) оставляет желать лучшего), захоронение в к.1 могильника Гадельша IV можно рассматривать одновременным сооружению кургана Гадельша III. Более того, с большой долей уверенности можно говорить, что оба сосуда изготовлены очень близкородственным населением. Нахождение под насыпью тальковой керамики (одно из пряслиц) нисколько не вступает в противоречие с обозначенной выше датой.

Тепяновский курган, не давший, к сожалению, четко зафиксированных остатков погребения, тем не менее, дал прекрасную коллекцию тальковых сосудов.

Больший сосуд из Тепяновского кургана (рис. 7, 1) по всем своим характерным признакам не выходит за пределы «межовско-гафурийской» керамики Малого Вишневого. Тем он и интереснее. Для проводимого исследования важны все его элементы: специфическое утолщение венчика, насечки по срезу венчика, внутреннее ребро при переходе шейки в тулово, валик и его орнаментация.

Утолщение венчика, традиционно именуемое «гафурийским», помимо собственно гафурийской керамики, распространенной в Приуралье, известно как в южно-уральских раннекочевнических комплексах V-IV вв. до н. э., так и в зауральской лесостепи. В первую очередь, такая керамика, называемая А. Ф. Шориным «близкой гафурийской», хорошо представлена на поселениях начала эпохи раннего железа на озере Аргази – Аргази XIII, Перевозный III, Березки II и V (1996, с. 24, рис. 4, 1-5, 7; 5, 1-8) и Малом Вишневом (по Г. В. Бельтиковой – «межовско-гафурийская»). Помимо утолщенного венчика их сближает еще и внутреннее ребро в месте перехода шейки в тулово и орнаментация насечками среза венчика.

Возникновение такого характерного элемента как утолщение венчика (шире – утолщение шейки в месте перехода к тулову), вероятно, может быть связано с бархатовской культурой, распространенной в эпоху финальной бронзы в Среднем Притоболье. Именно для бархатовской керамики характерно утолщение горла в месте перегиба (Стефанов В. И., Корочкова О. Н., 1984, с. 85-86, рис. 1, 6, 9, 11; 2, 1, 3, 8; 4, 1, 3; они же, 1990, с. 60; Матвеев А. В., Бурлина Т. В., 1990, с. 102). Исследователями неоднократно отмечалось нахождение бархатовской керамики в Зауралье, как на иткульских (Стефанов В. И., Корочкова О. Н., 1990, с.62), так и на межовских поселениях. Возможно, отмечают М. Ф. Обыденнов и А. Ф. Шорин, «и само оформление березовского орнаментального комплекса как варианта позднемежовских древностей происходило не без влияния бархатовских групп населения» (1995, с. 115).

Подобное утолщение горла в месте перегиба характерно и для части иткульской керамики (Бельтикова Г. В., 1977, с. 120), а для воробьевских памятников – «своеобразной юго-восточной периферии иткульской культурной общности» (Степная полоса..., 1992, с. 275) – утолщение шейки сосуда является нормой. В то же время, появление и оформление утолщенного венчика именно «гафурийского типа» связано только с зарождением в юго-лесном Зауралье собственно гафурийского керамического комплекса (см.: Шорин А. Ф., 1996, рис. 4, 1-5, 7; 5).

Орнаментация среза венчика насечками, так характерная для тепяновской коллекции и абсолютно преобладающая на всех зауральских гафурийских сосудах, так же может быть соотнесена с традициями иткульской культуры. При этом остается открытым вопрос об истоках (месте? причинах?) возникновения этого элемента на иткульской почве – ни в межовской, ни в бархатовской керамике срез венчика не орнаментирован. Только на саргаринской посуде «в немногих случаях», по мнению С. Я. Зданович, встречается украшение среза венчика (1984, с. 87). Впервые же параллелизм в наличии орнамента по срезу венчика на сосудах алексеевской культуры и раннего железного века в лесостепном Зауралье (5.2% – алексеевская, 15-30% – раннее железо) был подмечен Т. М. Потемкиной (1979, с. 28).

Для нас важно, что орнамент по срезу венчика и утолщение шейки более всего характерны для иткульских сосудов II типа (Бельтикова Г. В., 1977, с. 120, 123), что говорит о четкой взаимосвязанности этих элементов.

Валиковая керамика, более связываемая с эпохой финальной бронзы, являлась составной частью раннепрохоровского керамического комплекса, хотя ее процент и был очень и очень невелик. Появившись у кочевников на стадии формирования раннепрохоровской культуры, валики на сосудах, достаточно сильно изменившись, доживают до поздней прохо-

ровки[20]. Вероятно, валики на «сарматской» керамике нужно рассматривать как реминисценцию традиции культур валиковой керамики эпохи финальной бронзы. Поэтому обратимся к территориально наиболее близким культурам этого времени – межовской, бархатовской и саргаринской.

Для межовской керамики валик у основания шейки или у середины горла – достаточно распространенное явление, но наибольшая их встречаемость – в горно-лесном Зауралье (до 15%); на поселении Юкаликулево в Месягутовской лесостепи встречаемость валиковой керамики еще выше – 24% (Обыденнов М. Ф., Шорин А. Ф., 1995, с. 70, 72). Около четверти сосудов из числа валиковых орнаментировано по валику различными простыми элементами, в основном елочкой (там же, с. 76). Для березовской керамики валики рассматриваются как один из «ведущих орнаментальных мотивов». Встречаемость их примерно такая же, как и на межовской керамике, но их орнаментированность достигает 80% (там же).

В бархатовской культуре количество валиковой керамики достигает 10% (Стефанов В. И., Корочкова О. Н., 1984, с. 82; Матвеев А. В., Бурлина Т. В., 1990, с. 110). Не имея данных о степени орнаментированности бархатовских валиков, можно только упомянуть сосуд с городища Кучум-Гора, на котором по треугольному валику нанесена горизонтальная елочка (Голдина Р. Д., 1969, табл. 74, 14) – чем он мало отличается от тепяновского.

Но более всего валиков известно в саргаринской культуре – до 40% (Зданович С. Я., 1984, с. 93). Чаще они расположены по основанию шейки. Орнаментация валика в саргаринской культуре выше, чем даже в березовских комплексах – до 92% на поселении Саргары (там же, с. 95), а основными орнаментальными элементами валиков являются сеточка, елочка и наклонные линии.

В эпоху раннего железа валики практически полностью исчезают – их нет ни в одной из культур-наследниц перечисленных трех, кроме ранних гафурийских памятников горно-лесного Зауралья (ср.: Обыденнов М. Ф., Шорин А. Ф., 1995, с. 77). Так, например, на Малом Вишневом из двух сосудов с валиками один (Бельтикова Г. В., 1988, рис. 2, 15) очень близок тепяновскому.

Обращает на себя еще одна особенность: как в саргаринской, так и в межовской культурах подавляющее большинство валиков не налеплено на сосуд, а сформовано. От выборки же глины на валик получались параллельные ему каннелюры, которые, следовательно, не являлись элементом орнамента как таковым. Такой же характер формовки валика известен и на некоторых «сарматских» сосудах, например, на круглодонном горшке с трубчатым носиком-сливом из к.1 п.2 III Сагитовских курганов (Пшеничнюк А. Х., 1983а, табл. XLVI, 2). В этом плане также интересен «каннелированный» сосуд из к.2 п.5 Муракаево (Мажитов Н. А., Пшеничнюк А. Х., 1977, рис. 3, 1): на его плечо нанесены четыре горизонтальные каннелюры с валиками между ними, нижний из которых орнаментирован (!). Все это позволяет предположить, что «каннелюры» на раннекочевнической керамике выросли из позднебронзовых (и, соответственно, – гафурийских) валиков. Возможно, под этим же углом нужно рассматривать и «гофрированные» шейки прохоровских высокогорлых кувшинов (см. рис. 4, 3).

Другим направлением развития валиковой керамики в кочевнической среде, но близко связанным с рассмотренным случаем «умножения» первоначального элемента, было полное изменение способа формовки валиков/каннелюр – углом шпателя – и, соответственно, полное изменение их внешнего вида[21]. Такая техника орнаментации приводит к «ребристому» профилю – см. напр. горшки из к.8 п.1-2 Мечет-Сая (Смирнов К. Ф., 1975, рис. 51, 6; 52, 2), к.2 IV Тавлыкаевского могильника (Пшеничнюк А. Х., 1983а, табл. XLIX, 8) и т.д.

Тепяновский сосуд № 2 (рис. 7, 4) очень близок по форме иткульскому горшку из к.1 п.2 Исянбетово (рис. 4, 7), по орнаменту – горшкам из к.1 п.1 II Аландского (Мошкова М. Г., 1963, табл. 9, 18; 13, 1) и к.10 п.2 Альмухаметово (Пшеничнюк А. Х., 1983а, табл. XXXVI, 3). Орнаментация широким бордюром из рядов разнонаправленных насечек находит себе очень близкие аналогии в межовских и постмежовских древностях Зауралья.

Орнаментация «полотенцами» (рис. 7, 2) – чисто иткульская традиция (Сальников К. В., 1962, с. 30, рис. 3а, 4в-д; Мошкова М. Г., 1974, табл. 10, пункт 5; Бельтикова Г. В., 1977, с. 123; она же, 1988, рис. 3, 3-4, 6, 10, 12), истоки которой прослеживаются еще в эпоху поздней бронзы (Сальников К. В., 1962, с. 44, рис. 9; Борзунов В. А., 1992; с. 94; Шорин А. Ф., 1996, с. 24; см. также межовскую керамику Юкаликулевского поселения: Обыденнов М. Ф., 1992, рис. 13, 1; 22, 16; 23, 8; 24, 1, 3; 28, 11; 32, 9; 37, 10, 13 и т.д.). Наиболее схожим по орнаменту с тепяновским является «типично иткульский» сосуд из к.36 могильника Черняки, датированный не позднее V в. до н. э. (Мошкова М. Г., 1969, с. 140-141, рис. 1, 2), на сосуде из к.11 Исаково (1908 г.) такие же наклонные полотенца входят в более сложную

[20] Наиболее ранними комплексами южно-уральских кочевников, содержащими валиковую керамику являются к.2 Булатово, к.1 Сагитово III (Пшеничнюк А. Х., 1983а, табл. XXIX, 9; XLVI, 2), к.20 Нового Кумака (Мошкова М. Г., 1972а, рис. 1, 7), к.10 п.1 Новопавловского могильника в Самарском Заволжье (Мышкин В. Н., Скарбовенко В. А., 1996, рис. 5, 6). К наиболее поздним экземплярам валиковой керамики относятся, например, сосуды из Бишунгаровского (Пшеничнюк А. Х., 1983а, табл. XIV, 15; XXII, 9), Покровка 2 (Курганы ..., 1995, рис. 52, 4; 53, 14) могильников и т.д.

[21] Еще одним вариантом развития валика можно рассматривать своеобразные «наплывы» – см. напр. айские сосуды с Турналинского городища (Савельев Н. С., 1998, рис. 27, 8, 12); близок к «наплыву» и валик на уже упоминавшемся здесь сосуде из к.1 п.2 Сагитово III.

орнаментальную композицию (там же, рис. 1, 5).

Не являются чем-то экстраординарным «полотенца» и в раннекочевнических погребениях. Так, на сосудах из к.17 Альмухаметово (Пшеничнюк А. Х., 1983а, табл. XXXVIII, 7-8) и из насыпи к.16 Нового Кумака (Мошкова М. Г., 1974, рис. 16, 1) трехчетырехрядные «полотенца» нанесены на шейку. Такие же фигуры из «полотенец» нанесены на плечо сосудов из к.8 Альмухаметово (Пшеничнюк А. Х., 1983а, табл. XXXIII, 21) и к.2 Жаксы-Каргала (Смирнов К. Ф., Петренко В. Г., 1963, табл. 9, 18).

Как уже отмечалось выше, в кочевой среде достаточно распространенным являлся орнамент из треугольных фестонов с нанесенными между ними полотенцами – Пятимары I к.9 п.1, Новый Кумак к.18 п.1 (там же, 1963, табл. 9, 8, 24), Исянбетово к.1 п.2 (рис. 4, 9) и т.д. Наиболее близкими тепяновским полотенцам (парные прямые наклонные отрезки) являются исянбетовские. Последующее развитие этого элемента орнамента в «савромато-сарматской» среде привело к преобразованию их в штрихованные полудуги (см. упомянутый сосуд из к.18 Нового Кумака и грушевидный горшок из к.33 того же могильника (Мошкова М. Г., 1972а, рис. 6, 1).

Параллельно с иткульской керамикой, мотив наклонных полотенец известен и на зауральских гафурийских сосудах с поселения Березки II (Борзунов В. А., Нохрина Т. И., 1981, рис. 2, 18; Шорин А. Ф., 1996, с. 24, рис. 5, 3, 5), причем профиль одного из них (там же, рис. 5, 5) очень близок тепяновскому.

Форма рассматриваемого сосуда, являясь одной из ведущих в иткульской культуре, достаточно хорошо известна и у «савромато-сармат» (Пшеничнюк А. Х., 1983а, табл. XLV, 15; Мошкова М. Г., 1974, рис. 4, 5).

Гребенчатая орнаментация стенки (верхняя часть тулова) из Тепяново (рис. 7, 6) практически не находит себе аналогий у южно-уральских кочевников. Собственно говоря, в их погребениях известно всего несколько сосудов, орнаментированных гребенкой, например, к.3 Альмухаметово, к.3 костяк 4 Сибай II, к.1 Комсомольского V[22] (там же, табл. XXI, 5; XLI, 16; XLV, 15) и некоторые другие. Орнаментация их, особенно двух последних, значительно более простая, чем представленная на тепяновском фрагменте.

Ближайшие аналогии этому тепяновскому орнаменту находятся на иткульской керамике: поселения Аятское и Мыс Толстик (Бельтикова Г. В., 1977, рис. 2, 3, 6, 9), Каменные Палатки (Бельтикова Г. В., Викторова В. Д., Панина С. Н., 1993, рис. 12, 3), Дальнебагарякское городище (Борзунов В. А., 1992, рис. 25, 10) и т.д. Г. В. Бельтикова называет этот орнамент «взаимопроникающими углами» и относит его в основном ко II типу иткульской керамики, возникшей при активном взаимодействии с гамаюнскими общинами (1977, с. 124).

В целом, керамику Тепяновского кургана никак нельзя датировать позднее V в. до н. э. Об этом говорят как иткульские, так и раннекочевнические аналогии, архаизм формы и орнамента сосудов.

Подтверждением этой даты может служить синяя стеклянная бусина с выпавшими глазками (рис. 7, 7), найденная под насыпью кургана. Аналогичная ей «синяя треугольная бусина, глазки которой выкрошились» происходит из погребения к.9 Нового Кумака (Мошкова М. Г., 1962, рис. 8, 2-верхняя слева), датированного V в. до н. э. В том же и соседних курганах были найдены целые экземпляры, с которыми, вероятно, ущербная бусина была идентична (там же, рис.8, 1- нижний ряд; 8, 2- нижняя и верхняя справа). Примечательно, что все эти бусины совстречаются с мозаичными. Та же ситуация наблюдается и в ожерелье «савроматской жрицы» из к.10 п.2 Мечет-Сая (Смирнов К. Ф., 1975, рис. 31, 13), датированного не позже «раннего V века до н. э.» (там же, с. 149). Бусина, очень близкая тепяновской, но целая, найдена в погребении к.2 могильника Карсакбас (конец VI – начало V в. до н. э.) на Тургае (Таиров А. Д., Боталов С. Г., 1996, с. 168, рис. 2, 5).

Давлетовский III и Мунтаевский курганы могут быть датированы только по 6-гранным призматическим бусинам (рис. 6, 10-11). Основная их масса, как в Давлетово III, имеет зеленый цвет – к.1 Целинный (Пшеничнюк А. Х., 1983, табл. XXV, 8), к.2 Покровка (Смирнов К. Ф., 1964, рис. 16, 2н-б), к.1 (Золотой) Тамар-Уткуль (там же, рис. 39, 3а-5), к.1 Дэвкескен-4, западная группа (Ягодин В. Н., 1990, рис. 23, 8-9), к.1 п.1 Акжар II (Гуцалов С. Ю., 1998б, рис. 5, 4) и т.д. Синяя бусина мне известна еще только в одном случае – в центральном погр. к.1 могильника Яковлевка (Федоров В. К., Васильев В. Н., 1998, рис. 5, 4ж).

Самые ранние бусы этого типа относятся к началу V в. до н. э. (к.2 могильника Покровка), самые поздние – ко времени «не ранее IV в. до н. э.» (к.1 Яковлевки). Несомненно, что рассматриваемые курганы так же нельзя выводить за эти временные рамки, но для сужения датировки данных очень и очень немного. В первую очередь, это ориентация могильных ям (ЮЮЗ-ССВ – Давлетово III, ЗЮЗ-ВСВ – Мунтаево) и находки неорнаментированных фрагментов тальковой керамики под насыпью последнего. Все это может свидетельствовать в пользу отнесения этих курганов к концу V – нач. IV вв. до н. э., хотя не исключена их более ранняя или поздняя датировка.

Таким образом, датировка публикуемых комплексов следующая: VII-VI вв. до н. э. – к.1 п.1 Давлетшино; V в. до н. э. – к.2 Давлетшино, п.2 Исянбетово, Гадельша III, Гадельша IV к.1, Тепяново; V-IV вв. до н.э. – к.1 п.2 Давлетшино, Давлетово III, Мунтаево; IV в. до н. э. (м.б. середина или 2-я пол.) – п.1 Исянбетово. Даже приблизительная датировка к.2 могильника Гадельша IV, являющегося поми-

[22] Орнаменты, очень близкие нанесенному на сосуд из к.1 Комсомольского V см. на иткульском горшке с Иртяшского II городища (Любчанский И. Э., Наумов А. М., 1996, рис. 9, 2) и воробьевском с поселения Речкино I (Степная полоса..., 1992, табл. 117, 17).

нальным, невозможна из-за отсутствия четких хронологических привязок синего бисера – хотя его принадлежность ко времени ранних кочевников более чем вероятна.

* * *

На основе проведенного анализа становится более ясной культурная принадлежность зауральского лесостепного компонента в составе прохоровской культуры[23]. Если К. Ф. Смирнов и М. Г. Мошкова видели в тальковой керамике южно-уральских кочевников только отдельные иткульские черты (Смирнов К. Ф., 1971, с. 70; Мошкова М. Г., 1974, с. 36-37), а «особенно близкие и частые аналогии» усматривались в гороховской керамике, то сейчас можно уверенно говорить, что практически весь тальковый керамический комплекс кочевников свои исходные формы и орнаменты имеет в иткульской культуре[24]. Даже «уравнивание» этих культур в правах, т.е. признание активных контактов кочевников одновременно с обеими (Таиров А. Д., 1991, с. 19-20) не находит подтверждения в имеющемся археологическом материале.

Значительная часть кочевнической тальковой керамики по всему своему облику является гафурийской. Как уже отмечалось выше, «межовско-гафурийский» комплекс, выделенный Г. В. Бельтиковой на материалах поселения Малый Вишневый (1988, с. 103, рис. 2), следует отнести не к переходному времени, а к раннему железу и именовать гафурийским[25]. Все известные на сегодняшний день находки гафурийской керамики локализованы на памятниках озера Аргази[26], на котором также расположены и наиболее южные иткульские металлургические центры. Собственно говоря, гафурийский и иткульский керамический комплексы нельзя разводить слишком далеко, поскольку они являются параллельными и близкородственными образованиями из общей межовской основы. При этом иткульскую линию развития можно считать более эволюционной и консервативной, чем гафурийскую, т.к. в сложении последней очень важную, а, может быть, и определяющую роль сыграло южное и юго-восточное население эпохи финальной бронзы (бархатовская и саргаринская культуры).

Имеющиеся параллели (хотя и очень незначительные) раннекочевническому тальковому комплексу в иткульско-гамаюнской керамике, территориально распространенной шире, чем собственно иткульская, позволяют думать, что контакты кочевников с местным зауральским населением не ограничивались только ареалом иткульских городищ, а были несколько шире. Так, например, наиболее южное поселение с гамаюнской и иткульско-гамаюнской керамикой (Липовая Курья) расположено на широте Челябинска, на Большом Миассовом озере (Хлобыстин Л. П., 1976, с. 27, рис. 8, 3, 5-9).

Закончив обзор источников появления тальковой керамики в раннекочевническом ареале, обратимся к такому многоаспектному вопросу как контакты зауральских кочевников-степняков и автохтонов лесостепи и гор.

В VII-VI вв. до н. э. кочевниками сакского круга началось общее освоение и обживание западносибирской и зауральской лесостепи. Крайними северо-западными пределами их распространения являлись степь, лесостепь и предгорья Зауралья. Именно в этих местах нам известны бобровские (по А. Д. Таирову) памятники. Наиболее северными из них являются 3 из челябинских курганов – к.1 Сосновский (Смирнов К. Ф., 1964, с. 32, рис. 3, 9 а-в), к.27 Чурилово и к.7 Сухомесово (там же, с. 40, рис. 9, 3-4) и основное погребение кургана Березки Vб на озере Аргази (Шорин А. Ф., 1979, с. 57-60). Возможно, к ним же нужно отнести и курган на площадке иткульского поселения Малый Вишневый[27].

Таким образом, северные пределы распространения кочевников в это время совпадают с южной частью иткульского ареала, но, возможно, и продолжаются далее к северу (озера Иртяш, Иткуль, Исетское).

VII – 1-ой пол. VI в. до н. э. Г. В. Бельтикова датирует самые ранние иткульские памятники, расположенные на озерах Иткуль и Исетское (1993,

---

[23] Настоящая статья в большей мере направлена на анализ одного из слагаемых прохоровской культуры – зауральского лесостепного, придавшего новому формирующемуся культурному образованию очень яркую самобытность. Вопросы, связанные с остальными компонентами формирования культуры, а так же с содержанием и правомерностью самого понятия «прохоровская культура» (Пшеничнюк А. Х., 1983а, с. 126-131; Железчиков Б. Ф., 1986; Таиров А. Д., Гаврилюк А. Г., 1988; Гаврилюк А. Г., 1989, с. 58-59; Железчиков Б. Ф., Пшеничнюк А. Х., 1994, с. 5-8; Пшеничнюк А. Х., 1995, с. 93-96; Исмагилов Р. Б., 1996, с. 43-45, 51; Гуцалов С. Ю., 1998а, с. 52-54; Зуев В. Ю., 1998, с. 148-149) выходят за рамки данной работы.

[24] Мнение М. Г. Мошковой о том, что ведущей формой раннепрохоровских сосудов являются шаровидные с «невысокими прямыми или воронковидными горлами» (1974, с. 37) верно только отчасти. Как было показано выше, наиболее ранняя кочевническая тальковая керамика отнюдь не шаровидная и формы ее более всего связаны с иткульскими.

[25] Несомненно, со временем будет выделена и собственно «межовско-гафурийская» керамика (см. напр.: Шорин А. Ф., 1996, рис. 4, 1-7), относящаяся ко времени складывания гафурийского комплекса и отделения его от межовского корня.

[26] Можно полностью согласиться с А. Ф. Шориным, что количественное и территориальное (для горно-лесного Зауралья) увеличение числа памятников с гафурийской керамикой является делом времени (1992, с. 25) и зависит во многом от целенаправленного ее вычленения из уже существующих коллекций.

[27] К сожалению, оба погребения практически не содержат инвентаря. О принадлежности кургана к сакскому кругу памятников могут свидетельствовать северо-западная ориентировка погребенных и каменное кольцо в основании насыпи. Г. В. Бельтикова датирует захоронение в кургане V-III веками до н. э. и допускает его гороховскую принадлежность (1988, с. 116, рис. 4, I-II).

с. 102). Вероятно, к ним можно отнести и памятники на озере Иртяш (см. напр.: она же, 1977, рис. 4, 6, 17). Именно на этих памятниках найдено много предметов сакского круга (бронзовые зеркала, ножи, черешковые наконечники стрел и т.д.). Представляется, что номады являлись не только способствующим фактором в развитии иткульского очага (Бельтикова Г. В., Борзунов В. А., Корякова Л. Н., 1991, с. 106), но и стимулирующим и определяющим. Может быть, и само возникновение иткульской культуры связано с проникновением кочевников[28]. Так или иначе, но динамика развития иткульского очага полностью зависела от процессов, происходивших в степи. Так, в VI-V вв. до н. э. очаг находится в состоянии «взлета» (расширение территории, значительное увеличение добычи меди, интенсификация производства и т.д.[29]). Все это является следствием упрочения и стабилизации связей иткульских металлургов с номадами (см.: Бельтикова Г. В., 1993, с.105). Возможно, что оно выражалось в подчинении металлургических центров кочевникам, направленном на выкачку цветного металла. Именно в это время кочевники Зауралья переходят на иткульский металл (Таиров А. Д., 1991, с. 19).

Серединой I тыс. до н. э. датируются многочисленные находки связанных с «савроматосарматами» вещей в лесостепи, горных и лесных районах Зауралья (жертвенники, мечи и т.д.[30]). Все это говорит как о продвижении кочевников далеко на север, так и об оседании части вещей у иткульского населения. Примечательно, что за ареал распространения иткульской культуры находки кочевнических древностей практически не выходят.

Нахождение обломка ахеменидской чаши на гамаюнском Палкинском левобережном поселении (Берс Е. М., 1960, с. 79) так же должно быть связано с влиянием иткульской культуры. Аналогичный состав металла, явно не местного, выявлен в солярных бляхах с того же поселения и с Зотинского IV городища[31] на реке Багаряк (Борзунов В. А., 1993, с. 123, рис. 2, 4), а также в слитке с Зотинского II городища (он же, 1992, с. 69). Данный факт должен рассматриваться в двух взаимосвязанных плоскостях.

Во-первых, подобное использование привозных изделий (переплавка для своих нужд) вкупе с тем, что ни на одном (кроме Зотинского IV городища) гамаюнском памятнике следов плавки руды не обнаружено (только переделка металла), позволяет говорить об определенной монополии иткульских общин на металл[32].

Во-вторых, существование каких-то экономических отношений между общинами иткульских металлургов и окружающими племенами (в частности, гамаюнцами). Ахеменидская чаша с Палкинского поселения – прекрасная тому иллюстрация; возможно, к гамаюнскому населению она попала в качестве эквивалента стоимости. Таким же образом в Зауралье могли попасть и ахеменидские чаши V в. до н. э., найденные в виде клада на р. Ниле около Катав-Ивановска (Иессен А. А., 1952), бронзовый семиреченский жертвенник, происходящий из бывшей Пермской губернии (собрание Строгановых) (Прошлое Урала ..., 1993, с. 56, № 272в, с. 111, 151, фото 13)[33] и бронзовый меч, найденный в 1940 г. на дне Андреевского озера[34]. Как видно, все эти предметы

---

[28] Косвенными доказательствами этого является следующее: 1) на ранних порах (VII-V вв. до н. э.) в иткульском сортаменте нет никакого своеобразия и самобытности (Бельтикова Г. В., Борзунов В. А., Корякова Л. Н., 1991, с. 108), все изготовлялось для степи и по степным образцам; 2) наиболее ранние сакские вещи на иткульских городищах относятся к VII-VI вв. до н. э., т.е. к самым ранним этапам функционирования культуры; т.е. можно говорить об определенной синхронности возникновения иткульской культуры, начала функционирования металлургического очага и проникновения номадов; 3) неприятие мысли о возможности самозарождения очага (там же) и отсутствие каких-либо значимых прототипов иткульской металлургии в более раннее время. Именно не спонтанным, а стимулированным возникновением первоначального очага может объясняться его очень быстрое становление.

[29] Эти изменения в иткульском металлургическом очаге по времени совпадают с появлением на Урале «савроматских» памятников.

[30] Жертвенники: Иткульское городище (Сальников К. В., 1962, с. 30, рис. 5д), курган на 11 версте Миасского тракта, Лужки I (Степная полоса ..., 1992, табл. 119, 52-53), Катайское II к.3 (Мошкова М. Г., 1974, с. 27, рис. 7, 3), случайная находка в Учалинском районе РБ (Матвеева Г. И., 1972, рис. 3, 2) и т.д. Мечи: Нижне-Карасинский, Борисовский, Синеглазово, Усть-Караболка, Огневский, Ревда (Мошкова М. Г., 1974, рис. 6), Аргаяшский район Челябинской обл., Смолино (Таиров А. Д., Ульянов И. В., 1996, рис. 1, 1; 4, 1) и т.д.

[31] Городище в основе своей гамаюнское, но присутствует и иткульско-гамаюнская керамика.

[32] Более того, гамаюнские городища скорее подходят для защиты не от Степи (в альянсе с иткулем), а от населения иткульских металлургических центров. Тем более, если говорить об определенной «комплиментарности» этих двух культурных образований (Борзунов В. А., 1992, с. 93-99), то совершенно необъяснимым остается факт отсутствия какой-либо сарматизации гамаюнской материальной культуры.

[33] Принадлежность этих семиреченских «светильников» к сакскому периоду (V-III вв. до н. э.) является общепризнанной и обоснованной (Степная полоса ..., 1992, с. 79-80; История Казахстана ..., 1996, с. 174-175; Джумабекова Г. С., 1998, с. 81). Исследованные погребения со «светильниками» (Алагоу, Синьцзян) подтверждают эту дату (Литвинский Б. А., 1991, с. 67). Более узкая датировка, предложенная Г. С. Джумабековой для алматинского «светильника» (конец IV-III вв. до н. э.) должна рассматриваться как условная.

[34] Вскоре меч был утерян и поэтому публиковался В. Н. Чернецовым по плохой фотографии (1953, с. 51, 53, рис.XIX-1). Отнесение меча к эпохе поздней бронзы было подвергнуто сомнению еще К. В. Сальниковым (1962, с. 41), предположительно связавшим его происхождение с иткульской металлургией. Некоторую близость этому мечу обнаруживают как семиреченские (Степная полоса..., 1992, табл. 27, 1), так и алтайские (Тишкин А. А.,

ввиду своей необычности для зауральского лесного и горно-лесного населения могли служить своеобразными престижными символами. Появление их на Урале при посредничестве номадов, несомненно.

Из изложенного следует, что южно-зауральским кочевникам удалось стимулировать возникновение и подчинить себе мощную металлургическую базу из части постмежовского населения. Возможно, именно создание металлургического очага привело к возникновению особой археологической культуры – иткульской[35], занявшей доминирующее место в лесостепном и горно-лесном Зауралье. Следствием экономических связей номадов и лесостепного зауральского населения стал постепенный процесс взаимоассимиляции (связываемый обычно с миграцией лесостепного населения), выразившийся в появлении тальковой керамики у степняков. Раннекочевнические каменные курганы являются благодатным материалом как для реконструкции процесса взаимосвязей с «зауральскими автохтонами», так и для конкретизации некоторых вопросов формирования прохоровской культуры.

Что же позволяет рассматривать каменные курганы как особый тип погребальных сооружений ранних кочевников, а тем более выносить это определение в название настоящей статьи? Как видно из описаний, объединяет все исследованные каменные курганы несколько признаков, в некотором смысле универсальных. Во-первых, структура насыпи: полностью сложена из камня, хотя и гумус также присутствует(!)[36]. Во-вторых, внешний вид насыпи: на вершине практически всех каменных курганов прослежены западины, никоим образом не связанные с грабительскими воронками. В-третьих, топография: вершины гор, отдельных холмов, сопок, горных мысов предгорий либо на границе со степью (или лесостепью), либо над межгорными долинами. В-четвертых, состав могильников: чаще всего каменные курганы расположены по одному на отдельной высотке, реже – по 2, но никогда не более трех курганов в одном могильнике[37]. И, наконец, в-пятых, все каменные курганы компактны и в территориальном плане, занимая узкую полосу восточных предгорий Урала с переходом в открытые степные участки (рис. 1)[38].

По этим признакам число курганов рассматриваемого типа может быть значительно увеличено за счет возможности отнесения к ним не раскапывавшихся, но известных по разведкам[39], и, в результате, доведено до нескольких десятков[40]. Несомненно, в действительности таких курганов значительно больше, но основная их часть до сих пор исследователям неизвестна. Это связано с неравномерностью охвата территорий археологическими разведками и особенно слабой изученностью гор и предгорий. Если проследить динамику выявления в юго-восточном Зауралье каменных курганов ранних кочевников, то становится видно, что только планомерные разведки в предгорьях дают положительный результат. К таковым можно отнести всего три: уже неоднократно упоминавшуюся экспедицию ИИЯЛ под руководством Н. А. Мажитова (1965 г.), его же

Папин Д.В., 1998, с. 179-180, рис. 1) экземпляры сакского времени.

[35]Возможно, что к собственно иткульской культуре относится только керамика I-го типа, полностью наследующая межовско-березовские керамические традиции, а керамика II-го типа (иткульско-гамаюнская), будучи ей близкородственной, относится к «исетской ассоциации» (см.: Корякова Л. Н., 1991, с. 24-27) и не входит в рамки иткульской культуры. В таком случае территориально иткульская культура полностью совпадает с рамками металлургического очага.

[36] Соответственно, каменную насыпь кургана нельзя рассматривать как «технологический признак».

[37] Объединение данных курганов в могильники – не более чем условность и следование традиции (см.: Сорокин С. С., 1975, с. 18-20), поскольку расстояние между курганами составляет 100-200 метров (Давлетшино, Исянбетово, Давлетово III, Сагитово III, Гадельша IV и т.д.). Достоверно об объединении каменных курганов в группу (цепочка) можно говорить только применительно к могильнику Целинный (Пшеничнюк А. Х., 1983а, с. 33-35, табл. XXV-XXVI). Тенденция к «одиночности» в расположении каменных курганов находит подтверждение и среди памятников, выявленных в Баишевском микрорайоне (Савельев Н. С., Яминов А. Ф., 1997, с. 278-279; Яминов А. Ф., Савельев Н. С., Псянчин А. В., 1997, с. 182-185).

[38]Все рассматриваемые памятники расположены в подпровинции восточных хребтов и расчлененных предгорий горно-лесостепной провинции Южного Урала и занимают ее юго-восточный Уртазымско-Узункульский округ: восточнее хребтов Крыкты и Ирендык, охватывая их предгорья и южную сниженную часть Ирендыка. Территория округа характеризуется грядово-мелкосопочным рельефом и сильным остепнением (облесенность около 6 %). Сочетаются короткие хребтики, гряды, сопки, полузамкнутые и замкнутые понижения с озерами и болотами. Ландшафты горно-южнолесостепные, переходные к типичной степи. Характерной особенность территории являются крупные озера площадью 2-6 км^2. Доминируют ковыльно-разнотравные и каменистые луговые степи. Встречаются луга и болота, березовые колки. Округ вытянут с ССВ на ЮЮЗ примерно на 200 км, его ширина 10-20 км, площадь около 2 тыс. км^2. В северной части округа появляются топи, торфяно-болотистые почвы, местами значительные участки березовых лесов с примесью сосны и лиственницы.

С юга к Уртазымско-Узункульскому округу примыкает Ирендыкский округ горно-степной провинции. Округ расположен на продолжении Ирендыка и его предгорий. Представляет собой увалисто-мелкосопочную равнину. Распространены бедные ковыльно-разнотравные, ковыльно-типчаковые и кустарниковые степи. На севере встречаются колки из березы и луговые участки (Кадильников И. П., 1966, с. 115-117; Физико-географические ..., 1964, с. 169-172, рис. на с. 168).

[39] Правомерность подобного соотнесения подкрепляется еще и тем, что все раскапывавшиеся в предгорьях курганы (объединяемые перечисленными признаками) дали только раннекочевнический материал.

[40] К примеру, АКБ: №№ 1764-65, 1797, 1853, 1858-60, 1862, 1881, 1889, 1897, 1900, 1905, 1913-14, 1916-17, 1995-96, 2009; АПБ: №№ 378, 405, 488.

экспедицию 1970 года[41], а также разведки в Баишевском микрорайоне (Савельев Н. С., Яминов А. Ф., 1997, с. 278-279; Яминов А. Ф., Савельев Н. С., Псянчин А. В., 1997, с. 182-185).

Помимо курганов, расположенных в восточных предгорьях, известно три кургана вне этой зоны (см. рис. 1). Курган 1 могильника Сагитово III (Пшеничнюк А. Х., 1983а, с. 62-63, табл. XLVI, 1-6) расположен вблизи административной границы РБ и Оренбургской обл., на самых крайних северо-восточных отрогах Губерлинских гор. Александровский I курган, давший погребение V в. до н. э., находится на р. Большая Караганка в пределах музея-заповедника Аркаим (Батанина И. М., Иванова Н. О., 1995, с. 161; Таиров А. Д., Любчанский И. Э., 1995, с. 65-67, рис. 1, 1-4)[42]. Самые восточные из рассматриваемых каменных курганов расположены у совхоза Приречный на левом берегу Тобола (Джетыгаринский р-н Кустанайской области Казахстана). Здесь раскопками Д. Панкова (1910) и Г. И. Пацевича (1955) вскрыто несколько каменных курганов, в которых была найдена круглодонная тальковая керамика (Смирнов К. Ф., 1964, с. 275; Мошкова М. Г., 1963, с. 16, № 55). Судя по опубликованным данным (она же, 1974, с. 39-40, рис. 4, 2), к.1 Приречного могильника по погребальному обряду и керамике мало чем отличается от рассматриваемых каменных курганов восточных предгорий Урала.

Синхронность каменных курганов «савроматским» памятникам Южного Урала (Альмухаметово, Переволочан, Новый Кумак, Аландское и т.д.) и в то же время некоторая территориальная и обрядовая (в первую очередь – сами каменные насыпи) обособленность требует своего объяснения. Представляется, что отличительными признаками каменных курганов являются поминальные выкладки вблизи насыпей, каменные кольца под насыпью, овальная форма могильных ям, ориентация умерших головой как в широтном направлении, так и в северный сектор круга.

Все это позволяет говорить о восточных по отношению к Южному Уралу, сакских, истоках погребального обряда населения, оставившего каменные курганы и, возможно, его прямом культурно-генетическом родстве с зауральскими кочевниками VII-VI вв. до н. э. (т.н. «бобровского этапа»)[43], являвшимися составной частью сакского мира.

В то же время, отличия каменных курганов от «савромато-сарматских» той же территории отнюдь не носят характера антагонизма, а в некоторых моментах настолько незначительны, что не позволяют разделять эти памятники на разные культурные группы с различной исторической судьбой. Подтверждением этого является общность (и, в некоторой степени, одновременность) процессов, протекавших в ареале распространения каменных курганов и среди остальных кочевников Южного Зауралья. У этого населения очень рано появляется тальковая керамика (наглядным примером чему является курган Гадельша III), прослеживается одинаковость форм ее эволюции со всеми зауральскими кочевниками (Исянбетово), а также единство идеологии, что предельно ярко выражается в появлении южной ориентировки погребенных (Исянбетово, Давлетово, Сагитово, Целинный).

Эти доводы позволяют рассматривать население восточных предгорий и горных долин Ирендыка и Крыкты как отдельную родоплеменную группу сакского происхождения, вошедшую впоследствии одним из компонентов в прохоровскую культуру.

Накопленный объем данных по культуре ранних кочевников Южного Урала, а также материалы рассматриваемых каменных курганов позволяют еще раз вернуться к проблеме определения места «зауральских автохтонов» в формировании прохоровской культуры (Савельев Н. С., 1999).

При внешней близости взглядов всех исследователей, обращавшихся в своих работах к южноуральским кочевникам, выделяется 2 основных подхода к решению вопроса о форме и результатах контактов кочевого и оседлого зауральского населения в середине I тыс. до н. э. М. Г. Мошкова и А. Д. Таиров считают, что автохтонное население зауральской лесостепи (под которым подразумеваются племена гороховской культуры), мигрировав на юг, в ареал расселения «савромато-сармат», выступило катализатором тотальной милитаризации и религиозной

[41] Разведками Н. А. Мажитова также выявлено несколько каменных курганов в Приуралье, на западной оконечности Зилаирского плато (Зианчуринский, Кугарчинский районы РБ), также относящейся к горно-лесостепной провинции (АКБ: №№ 1614, 1617, 1619-21, 1623, 1635, 1637, 1643, 1673-74, 1676, 1678-79). К сожалению, ни один из этих курганов не исследовался, и мы можем только гадать об их культурной принадлежности (два раскопанных каменных кургана, Акимбетовские II и III, дали средневековый материал (АКБ: №№ 1631-32), но расположены они отнюдь не на вершинах доминирующих над окрестностями возвышенностей). В то же время данная территория, несомненно, входила в ареал обитания ранних кочевников. Например, широко известные Гумаровские курганы расположены на южной окраине Зилаирского плато, всего в 50-70 км к юго-востоку от описываемых мест.

[42] Наряду с ним, на сопках, окружающих Аркаимскую долину, известно еще несколько каменных курганов, которые по внешним признакам могут быть отнесены к раннекочевническим (Батанина И. М., Иванова Н. О., 1995, №№ 13, 41, 43, 56, 59).

[43] Еще А. Д. Таировым было подмечено, что в Южном Зауралье «на одном могильнике имеются курганы как бобровского, так и обручевского этапов (а также имеются случаи нахождения погребений обоих этапов в одном кургане – И. С.)» (Таиров А. Д., 1991, с. 108). Значительная часть из них (Целинный, к.1-2, Давлетшино, к.1 п. 1-2, Черемуховый Овраг к.1 п. 1-2) относится к каменным курганам. Очень существенным выводом А. Д. Таирова является положение о сохранении в погребальном обряде VI-V вв. до н. э. («обручевского этапа») абсолютного большинства черт предшествующего (VII-VI вв. до н. э.) времени (там же, с. 16).

трансформации последних[44], что и привело к сложению нового кочевнического образования – прохоровской культуры (Мошкова М. Г., 1974, с. 38, 43, 47; Таиров А. Д., 1991, с. 22-23). Более того, А. Д. Таировым высказано мнение о создании военно-политического союза южно-зауральских кочевников и гороховских племен для противостояния саргатскому натиску с востока, что еще более переплело их погребальный обряд и материальную культуру (1995, с. 92). Именно в переселении гороховцев – причина обострения демографической ситуации в Южном Зауралье и Восточном Оренбуржье, и как следствие – уход большей части прохоровцев в Среднюю Азию, Поволжье, Приуралье (там же, с. 93).

Несколько иначе эти процессы видятся другим исследователям. Так, например, А. Х. Пшеничнюк считает, что «участие лесостепного зауральского населения в формировании прохоровской культуры следует понимать ... как ассимиляцию их кочевым савроматским населением ...» (1983а, с. 128), а отнюдь не как миграцию. Б. Ф. Железчиков, обращая внимание на отсутствие «чистых» комплексов мигрантов, сомневается в массовом притоке населения из лесостепного Зауралья (Железчиков Б. Ф., 1997, с.39-40; см. также: Железчиков Б. Ф., Пшеничнюк А. Х., 1994, с. 7-8). Причину появления зауральской тальковой керамики у кочевников он видит в их «постоянных сезонных, возможно и брачных контактах», но склоняется именно к простому сезонному характеру связей. Тем более примечательным здесь является мнение А. Г. Гаврилюка, даже не включившего тальковую керамику в признаки прохоровской культуры (1989, с. 58-59)[45].

Признавая совершенно правомерным вывод М. Г. Мошковой о переселении и слиянии двух групп населения (кочевого и лесостепного) как единственной возможности появления талькового керамического комплекса (1974, с. 47), необходимо понять причины некоторой хаотичности и дискретности появления тальковых сосудов в погребениях (см.: Железчиков Б. Ф., Пшеничнюк А. Х., там же), нарастания их количества (до абсолютного доминирования) с юга на север (например, Гадельша – Давлетшино – Тепяново) и, наконец, ее пресловутого достаточно быстрого исчезновения.

Как представляется, единственно возможным непротиворечивым объяснением этим фактам является признание брачных контактов основной формой общения (помимо рассмотренных выше политических и экономических) зауральских кочевников и лесостепного населения[46][47]. Прекрасным подтверждением этому является подмеченная М. Г. Мошковой закономерность изначального появления тальковой керамики не в сакральной, обрядовой, а в бытовой сфере (1972а, с. 47). Именно брачный характер связей объясняет отсутствие (или почти полное отсутствие[48]) «чистых» погребальных комплексов мигрировавшего населения. Сохранение своего обряда возможно только в том случае, если мигрировавшее население было идеологически самостоятельным и хотя бы частично свободным. Поскольку, в рассматриваемом случае, свой обряд утрачивается, то можно говорить об идеологической неравноправности этих «переселенцев» и одноактной инкорпорации (заключение брака – вхождение женщины в семейно-родовой коллектив мужа) их в соответствующий кочевнический этнос.

Такой характер появления тальковой керамики у зауральских кочевников позволяет исключить ее из признаков прохоровской культуры и рассматривать ее вхождение в кочевую среду только как сопутствующее явление. Контакты номадов с зауральским лесостепным и лесным населением придали особую яркость и специфичность формирующемуся прохоровскому комплексу, но к самому процессу становления нового культурного образования отношения они не имели. Это хорошо подтверждается разновременностью появления у зауральских кочевников прохоровских черт (конец VI- начало V вв. до н. э.) и массового появления тальковой керамики.

Намеченный путь ее эволюции – от сложных форм (имеющих основой иткульские или кочевнические образцы) с таким же сложным орнаментом, через упрощение и изживание всех «излишеств» к строгим, как правило, круглодонным, горшкам с очень

---

[44] Наряду с этим, свою роль в сложении прохоровской культуры сыграли «просачивание отдельных орд кочевников Казахстана» (Мошкова М. Г., 1974, с. 43) и «изменение исторической ситуации в Средней Азии» (Таиров А. Д., 1991, с. 23).

[45] В совместной статье А. Д. Таирова и А. Г. Гаврилюка, вышедшей несколько ранее, со ссылкой на М. Г. Мошкову говорится, что племена гороховской культуры в V- начале IV вв. до н. э. продвинулись к югу и растворились среди кочевников, принеся с собой тальковую керамику и «некоторые специфические черты орнаментации посуды» (1988, с. 152).

[46] Предлагаемая Б. Ф. Железчиковым «сезонность» контактов не может привести к формированию совершенно новой керамики – «раннесарматской тальковой», принципиально отличающейся и от зауральской лесостепной, послужившей ей истоком: в нее перешли только отдельные орнаментальные мотивы, очень сильно переработанные и, вероятно, переосмысленные.

[47] Такой вывод отнюдь не исключает самого факта миграций в интересующем нас времени и регионе. Как яркий пример миграции можно рассматривать появление памятников «гафурийского типа» в лесостепном Приуралье, неоднократно уже упоминавшихся в настоящей статье. Несомненна тесная связь и близкое родство зауральских и приуральских «гафурийцев», но пути и причины проникновения первых на Среднюю Белую до сих пор для исследователей остаются загадкой.

[48] Вероятно, как пример частичного сохранения традиционного погребального обряда можно привести женское захоронение в к.17 Альмухаметово. Погребение это, как уже отмечалось мной ранее (Савельев Н. С., 1998, с. 60) не является раннекочевническим «савроматосарматским», а более может быть связано с зауральским лесостепным населением (северо-западная ориентация, иткульские сосуды).

бедным орнаментом (см. также: Мошкова М. Г., 1974, с. 23) – еще раз убеждает в том, что тальковая посуда в данном случае – прекрасный показатель степени ассимиляции. Керамика III-II вв. до н. э., несомненно, продолжает традиции раннесарматского времени, но проявляются они на уровне «реплик», что является свидетельством полной ассимиляции зауральского лесостепного компонента в кочевой среде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агеев Б. Б., Рутто Н. Г., 1984. Новые памятники прохоровской культуры на юге Башкирии // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа.

Барцева Т. Б., 1984. Результаты спектроаналитического изучения металлических вещей из кургана 4 у хутора Сладковский // *Смирнов К. Ф.*, Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.

Барцева Т. Б., 1986. Цветной металл из Среднего Приишимья (по материалам Северо-Казахстанской экспедиции) // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.

Батанина И. М., Иванова Н. О., 1995. Археологическая карта заповедника Аркаим. История исследования археологических памятников // Аркаим: исследования, поиски, открытия. Челябинск.

Бельтикова Г. В., 1977. Иткульские поселения // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. ВАУ. 14. Свердловск.

Бельтикова Г. В., 1988. Памятник металлургии на острове Малый Вишневый // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. ВАУ. 19. Свердловск.

Бельтикова Г. В., 1993. Развитие иткульского очага металлургии // ВАУ. 21. Екатеринбург.

Бельтикова Г. В., Борзунов В. А., Корякова Л. Н., 1991. Некоторые проблемы археологии раннего железного века Зауралья и Западной Сибири // ВАУ. 20. Екатеринбург.

Бельтикова Г. В., Викторова В. Д., Панина С. Н., 1993. Металлургические комплексы на острове Каменные Палатки // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. ВАУ.22. Екатеринбург.

Берс Е. М., 1960. Памятники и керамика гамаюнской культуры // Из истории Урала. Свердловск.

Борзунов В. А., 1992. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков. Екатеринбург.

Борзунов В. А., 1993. Зотинское IV городище на р.Багаряк // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. ВАУ. 22. Екатеринбург.

Борзунов В. А., Нохрина Т. П., 1981. Березки II – поселение эпохи раннего железа в горно-лесном Зауралье // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск.

Боталов С. Г., 1997. Раннетюркские памятники Урало-Казахстанских степей // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии). ТД. Самара.

Боталов С. Г., Таиров А. Д., 1996. Памятники раннего железного века в окрестностях села Варна // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Труды музея-заповедника Аркаим. Челябинск.

Вайнберг Б. И., 1979. Памятники куюсайской культуры // Кочевники на границах Хорезма. ТХАЭЭ. М.

Васильев В. Н., 1984. Новые данные о каменных курганах ранних кочевников Южного Урала // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа.

Зарилюк А. Г., 1989. Прохоровская культура на Южном Урале // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). ТД. Ч.II. Кемерово.

Галкин Л. Л., Ольховский В. С., 1989. Комплекс святилищ Байте (Начало исследования) // Маргулановские чтения. Алма-Ата.

Гарустович Г. Н., Лебедев А. И., 1995. Курганы раннего железного века (V-III вв. до н. э.) северо-восточных районов Башкортостана // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа.

Голдина Р. Д., 1969. Городище Кучум-Гора // Археологические памятники Ишимской лесостепи. ВАУ. 8. Свердловск.

Гуцалов С. Ю., 1998а. К проблеме генезиса культуры кочевников Южного Приуралья VII-II вв. до н. э. (методологический аспект) // Урал в прошлом и настоящем. М-лы науч. конф. Екатеринбург.

Гуцалов С. Ю., 1998б. Культовый комплекс на горе Жилантау // УАВ. Вып.I. Уфа.

Джумабекова Г. С., 1998. Опыт атрибуции конного лучника из Алматы // Вопросы археологии Казахстана 2. Алматы.

Железчиков Б. Ф., 1986. Савроматы и ранние сарматы (некоторые итоги исследования) // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов.

Железчиков Б. Ф., 1997. Ранние кочевники Южного Приуралья и Нижнего Поволжья в VI-II вв. до н. э. Науч. докл. на соиск.... д.и.н. М.

Железчиков Б. Ф., Пшеничнюк А. Х., 1994. Племена Южного Приуралья в VI-III вв. до н. э. // Проблемы истории и культуры сарматов: ТД междунар. конф. Волгоград.

Зданович С. Я., 1984. Керамика саргаринской культуры // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.

Зуев В. Ю., 1998. К истории сарматской паноплии. Мечи и кинжалы прохоровского времени //Военная археология: Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. М-лы междунар. конф. СПб.

Иессен А. А., 1952. Ранние связи Приуралья с Ираном // СА. XVI.

Илюшин А. М., 1989. Комплекс культовых сооружений у кочевников Горного Алтая в скифское время // Проблемы археологии скифо-сибирского времени. ТД. Ч.I. Кемерово.

Исмагилов Р. Б., 1996. Сарматское окно в Европу // Актуальные проблемы древней истории и археологии Южного Урала. Уфа.

История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В четырех томах. Т.1. 1996. Алматы.

Итина М. А., Яблонский Л. Т., 1997. Саки нижней Сырдарьи. М.

Корочкова О. Н., Стефанов В. И., 1991. Заключительный этап бронзового века в Тюменском Притоболье (краткая характеристика комплексов бархатовской культуры) // Проблемы поздней бронзы и перехода к эпохе железа на Урале и сопредельных территориях: ТД конф. Уфа.

Корякова Л. Н., 1991. Культурно-исторические общности

Урала и Западной Сибири (Тоболо-Иртышская провинция в начале железного века). Екатеринбург.

Кубарев В. Д., 1987. Курганы Уландрыка. Новосибирск.

Кузнецова Т. М., 1989. Пазырык и Мечетсай // Проблемы археологии скифо-сибирского мира. ТД. Ч.I. Кемерово.

Кузнецова Т. М., 1993. Восточные музыкальные зеркала // ПАВ. 7. СПб.

Курганы левобережного Илека. 1994. Вып.2. М.

Курганы левобережного Илека. 1995. Вып.3. М.

Литвинский Б. А., 1991. Семиреченские жертвенники (индоиранские истоки сакского культа огня) // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. М.

Любчанский И. Э., 1997. Хронологические аспекты комплексов «курганов с усами» // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии). ТД. Самара.

Любчанский И. Э., Таиров А. Д., 1995. Аркаимская долина в раннем железном веке // Аркаим: исследования, поиски, открытия. Челябинск.

Любчанский И. Э., Наумов А. М., 1996. Городище Иртяшское II // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Труды музея-заповедника Аркаим. Челябинск.

Мажитов Н. А., 1965. Научный отчет о раскопках и разведках в южных и юго-восточных районах Башкирии и Челябинской области. Архив ИА РАН. Р-1, д. 3128.

Мажитов Н. А., 1966. Итоги археологической экспедиции 1965 г. и вопросы этнического состава населения Южного Урала периода раннего железа // Итоговая научная сессия Уфимского ИИЯЛ АН СССР за 1965 г. Уфа.

Мажитов Н. А., 1973. Тайны древнего Урала. Уфа.

Мажитов Н. А., Пшеничнюк А. Х., 1977. Курганы раннесарматской культуры в южной и юго-восточной Башкирии // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа.

Маннай-оол М. Х., 1970. Тува в скифское время. М.

Матвеев А. В., Бурлина Т. В., 1990. Бархатовская керамика Красногорского городища // Древняя керамика Сибири: типология, технология, семантика. Новосибирск.

Матвеева Г. И., 1972. Новые савроматские памятники в Башкирии // СА. № 1.

Мещеряков Д. В., 1996. Впускные погребения сарматской культуры в курганах на р. Илек // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург.

Мошкова М. Г., 1962. Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орска // МИА. 115.

Мошкова М. Г., 1963. Памятники прохоровской культуры // САИ. Д 1-10. М.

Мошкова М. Г., 1966. Работы Казахстанского отряда Южно-уральской экспедиции в 1964 г. // КСИА. 107.

Мошкова М. Г., 1969. Погребения VI-IV вв. до н.э. в Челябинской группе курганов // Древности Восточной Европы. М.

Мошкова М. Г., 1972а. Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. МИА. 153.

Мошкова М. Г., 1972б. Савроматские памятники северо-восточного Оренбуржья // Там же.

Мошкова М. Г., 1974. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М.

Мышкин В. Н., Скарбовенко В. А., 1996. Савроматские и раннесарматские погребения Самарского Заволжья (по итогам раскопок 1974-1987 гг.) // Краеведческие записки. VIII. Самара.

Обыденнов М. Ф., 1991. Древние памятники северо-восточной Башкирии. Уфа.

Обыденнов М. Ф., Шорин А. Ф., 1995. Археологические культуры позднего бронзового века древних уральцев (черкаскульская и межовская культуры). Екатеринбург.

Петрин В. Т., Шорин А. Ф., Нохрина Т. И., 1993. Археологические памятники Аргазинского водохранилища эпохи камня и бронзы. Новосибирск.

Полосьмак Н. В., 1986. Культурная принадлежность гороховской группы памятников // КСИА. 186.

Полосьмак Н. В., 1987. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск.

Потемкина Т. М., 1979. О соотношении алексеевских и замараевских комплексов в лесостепном Зауралье // СА. № 2.

Потемкина Т. М., 1995. Проблемы связей и смены культур населения Зауралья в эпоху бронзы (поздний и финальный этапы) // СА. № 2.

Прошлое Урала в фотографиях. Каталог фотоархива Института истории материальной культуры РАН. 1993. Екатеринбург.

Пшеничнюк А. Х., 1976. Шиповский комплекс памятников (IV в. до н. э. – III в. н.э.) // Древности Южного Урала. Уфа.

Пшеничнюк А. Х., 1983а. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.

Пшеничнюк А. Х., 1983б. Новые материалы с поселений Гафурийского района // Поселения и жилища древних племен Южного Урала. Уфа.

Пшеничнюк А. Х., 1989. Сарматский могильник Красный Яр в Оренбургской области // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа. Уфа.

Пшеничнюк А. Х., 1995. Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа.

Пшеничнюк А. Х., 1996. Ранний железный век. Древние кочевники на Южном Урале // История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. Уфа.

Савельев Н. С., 1998а. Население Месягутовской лесостепи в V-III вв. до н. э.: Культурно-хронологическая принадлежность памятников айского типа. Уфа.

Савельев Н. С., 1998б. К вопросу о поселенческих памятниках ранних кочевников Южного Урала // УАВ. Вып.I. Уфа.

Савельев Н. С., 1999. «Зауральские автохтоны»: идентификация, роль в формировании прохоровской культуры, дальнейшая судьба // XIV Уральское археологическое совещание. ТД. Челябинск.

Савельев Н. С., Яминов А. Ф., 1997. Разведочные работы в Баишевском микрорайоне // АО 1996 г. М.

Савельева Т. В., Смирнов К. Ф., 1972. Ближневосточные древности на Южном Урале // ВДИ. №3.

Сальников К. В., 1962. Иткульская культура. К вопросу о «Зауральском ананьине» // Краеведческие записки. Вып.I. Челябинск.

Сергеев А. С., 1991. Поселение Заводоуковское X – новый памятник лесостепного Притоболья // Проблемы поздней бронзы и перехода к эпохе железа на Урале и сопредельных территориях: ТД конф. Уфа.

Скрипкин А. С., 1990. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов.

Смирнов К. Ф., 1964. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.

Смирнов К. Ф., 1968. Бронзовое зеркало из Мечет-Сая //

История, археология и этнография Средней Азии. М.
Смирнов К. Ф., 1971. Ранние кочевники Южного Урала // АЭБ. Т.4. Уфа.
Смирнов К. Ф., 1975. Сарматы на Илеке. М.
Смирнов К. Ф., 1977. Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа.
Смирнов К. Ф., 1981. Богатые захоронения и некоторые вопросы социальной жизни кочевников Южного Приуралья в скифское время // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа.
Смирнов К. Ф., 1984. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.
Смирнов К. Ф., Петренко В. Г., 1963. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья // САИ. Д 1-9. М.
Сорокин С. С., 1975. О хронологических формулах и значении термина «могильник» // Успехи среднеазиатской археологии. Вып.3. Л.
Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1989.
Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1992.
Стефанов В. И., Корочкова О. Н., 1984. Поселения заключительного этапа бронзового века на р. Тобол // Древние поселения Урала и Западной Сибири. ВАУ. 17. Свердловск.
Стефанов В. И., Корочкова О. Н., 1990. Заключительный этап бронзового века в Тюменском Притоболье (краткая характеристика комплексов бархатовской АК) // Проблемы поздней бронзы и перехода к эпохе железа на Урале и сопредельных территориях: ТД конф. Уфа.
Таиров А. Д., 1991. Ранние кочевники Южного Зауралья в VII-II веках до новой эры: Дисс. на соиск..... к.и.н. М.
Таиров А. Д., Гаврилюк А. Г., 1988. К вопросу о формировании раннесарматской (прохоровской) культуры // Проблемы археологии урало-казахстанских степей. Челябинск.
Таиров А. Д., Боталов С. Г., 1996. Могильник Карсакбас // Вопросы археологии Западного Казахстана. Вып.1. Самара.
Таиров А. Д., Ульянов И. В., 1996. Случайные находки оружия ближнего боя из коллекции лаборатории археологических исследований Челябинского университета // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Труды музея-заповедника Аркаим. Челябинск.
Тишкин А. А., Папин Д. В., 1998. Комплекс вооружения раннескифского времени на Алтае // Военная археология: Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. М-лы междунар. конф. СПб.
Уманский А. П., 1992. Рогозихинские курганы по раскопкам Барнаульского пединститута в 1985 году // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул.
Федоров В. К., Васильев В. Н., 1998. Яковлевские курганы раннего железного века в Башкирском Зауралье // УАВ. Вып.I. Уфа.
Хабдулина М. К., 1987. Погребальный обряд населения раннего железного века Северного Казахстана (VIII-II века до н. э.) // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.
Хабдулина М. К., 1994. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы.
Хазанов А. М., 1963. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. № 4.
Хлобыстин Л. П., 1976. Поселение Липовая Курья в Южном Зауралье. Л.
Чернецов В. Н., 1953. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. 35.
Шилов В. П., Очир-Горяева М. А., 1997. Курганы скифской эпохи из могильников Аксеновский-I-II // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. МИАР. 1. М.
Шорин А. Ф., 1979. Курган раннего железного века на Южном Урале // Сибирь в древности. Новосибирск.
Шорин А. Ф., 1996. О роли межовской культуры Среднего Зауралья в формировании уральских культур раннего железного века // Актуальные проблемы древней истории и археологии Южного Урала. Уфа.
Ягодин В. Н., 1978. Сарматский курган на Устюрте // КСИА. 154.
Ягодин В. Н., 1990. Курганный могильник Довкескен-4 // Археология Приаралья. Вып.4. Ташкент.
Ямпнов А. Ф., Савельев Н. С., Псянчин А. В., 1997. Баишевский микрорайон: итоги и перспективы этноархеологических исследований в Башкирском Зауралье // Интеграция археологических и этнографических исследований. М-лы V всеросс.науч. семинара. Омск-Уфа.

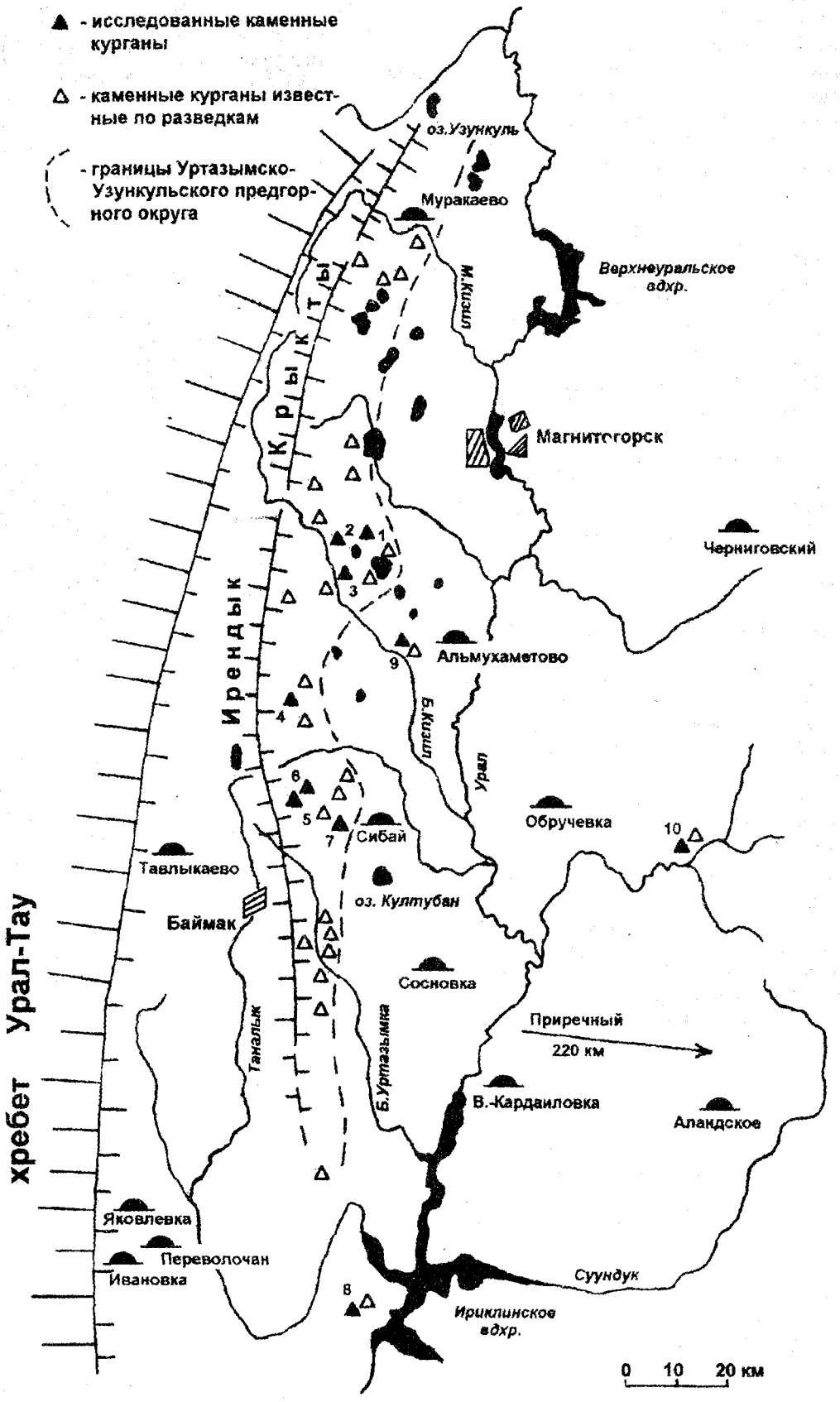


Рис. 1. Карта Южного Зауралья с ареалом распространения каменных курганов ранних кочевников: 1 - Давлетшино; 2 - Мунтаево; 3 - Тепяново; 4 - Исянбетово; 5 - Гадельша III; 6 - Гадельша IV; 7 - Давлетово III; 8 - Сагитово III; 9 - Целинный; 10 - Александровский I к-н (Аркаимская долина).

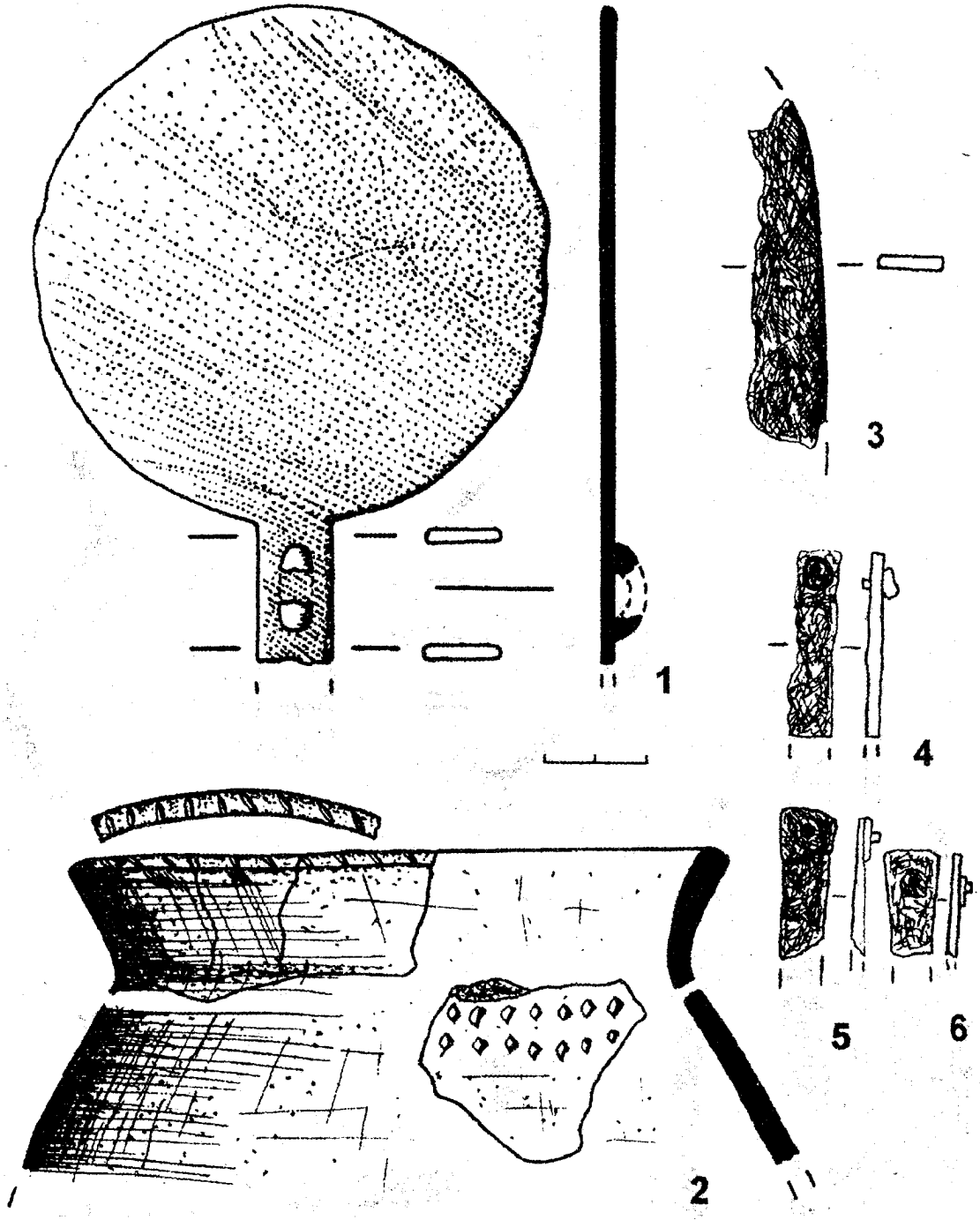


Рис. 2. Материалы разрушенного кургана Давлетшинского могильника: 1 - бронзовое зеркало; 2 - фрагментированный сосуд; 3-6 - железные пластины (4-6 - с завлепками).

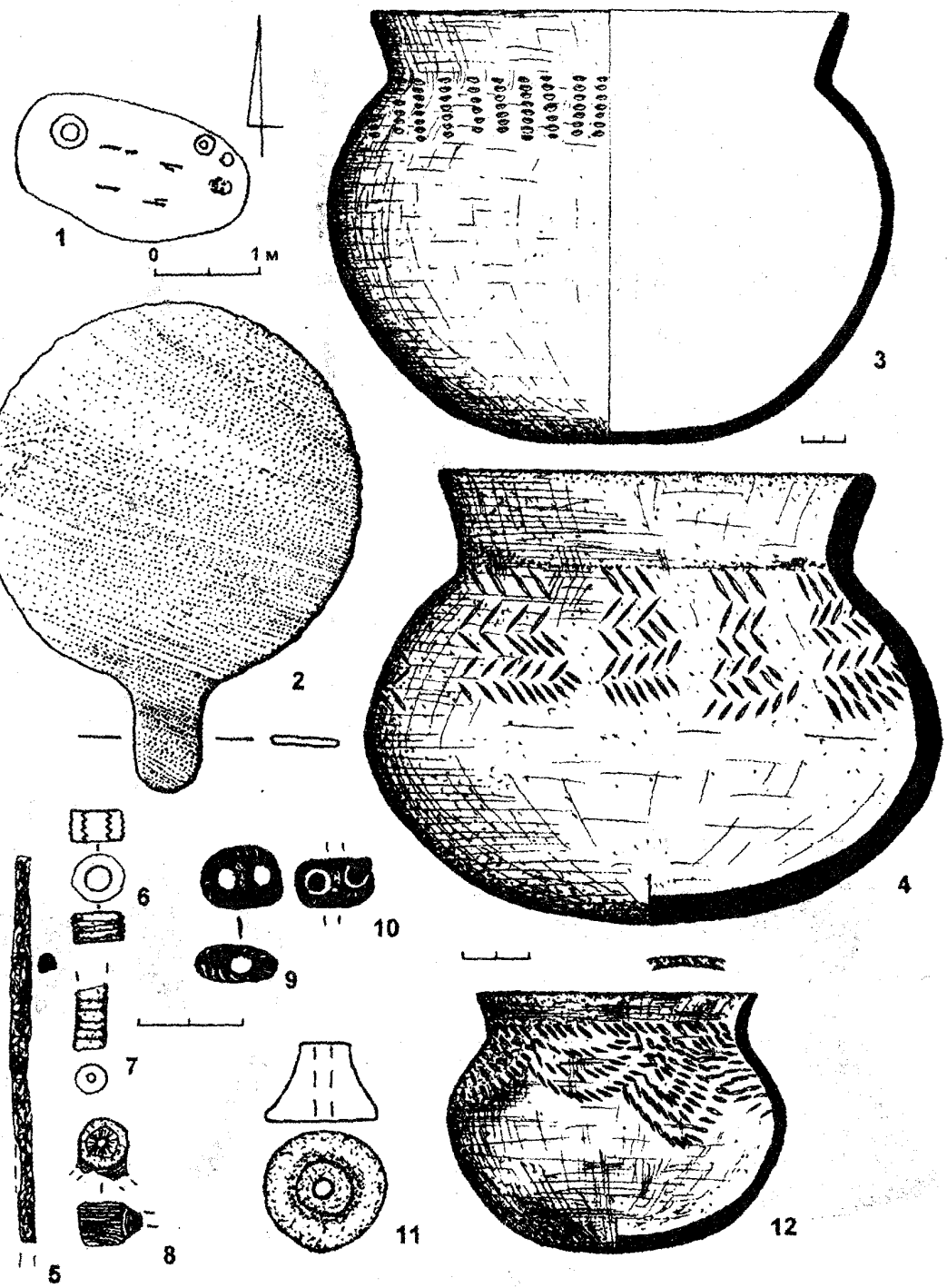


Рис. 3. Давлетшино, погребение кургана 2: 1 - план погребения; 2 - бронзовое зеркало; 3-4 - глиняные сосуды; 5 - железный стержень; 6-8 - окаменелости из ожерелья; 9-10 - бусы; 11 - глиняное пряслице; 12 - глиняный сосуд из к. 10 Сибайского I могильника.

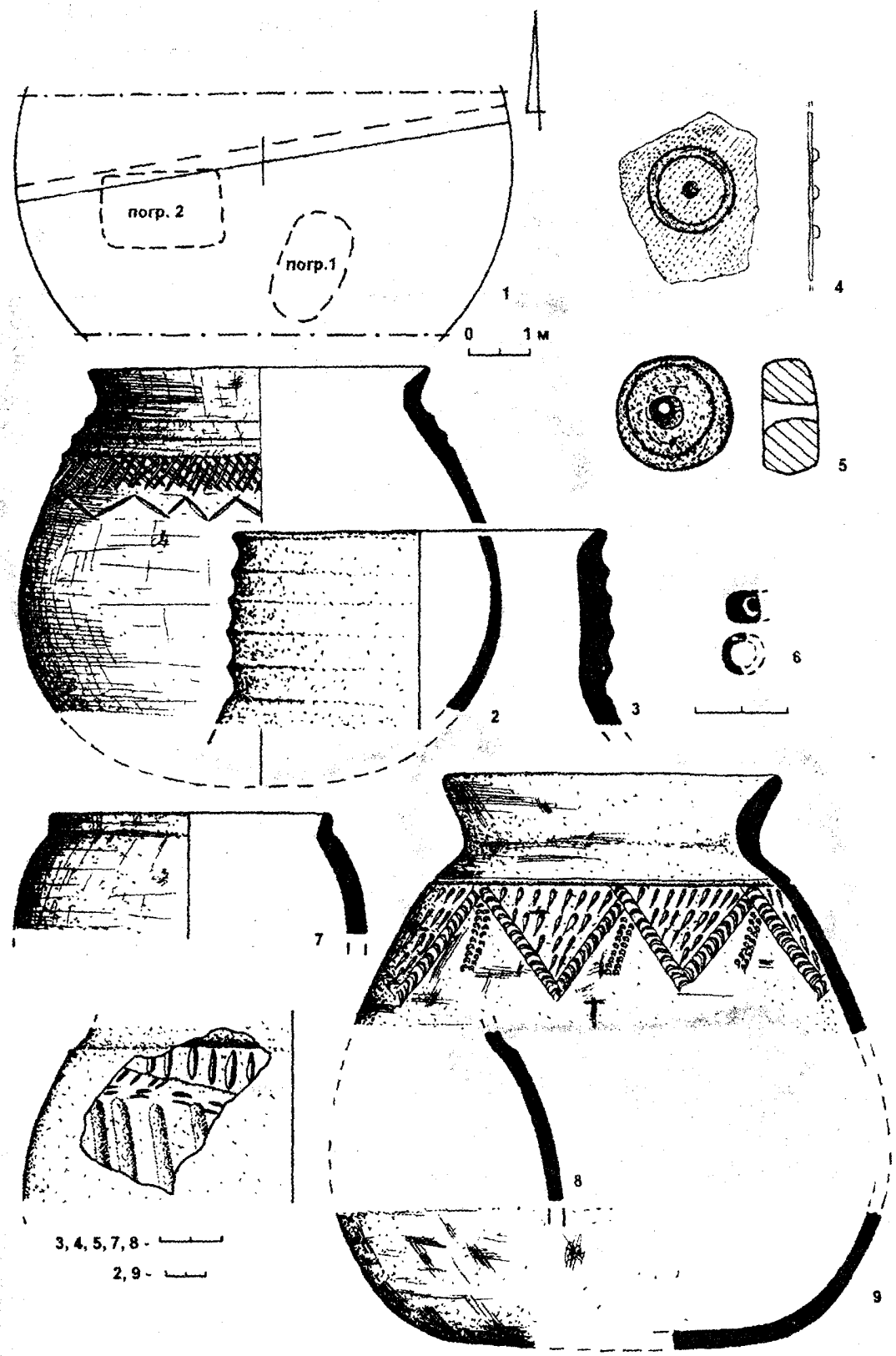


Рис. 4. Исянбетово, курган 1: 1 - план кургана; 2-3 - глиняные сосуды; 4 - фрагмент бронзового зеркала; 5 - глиняное пряслице; 6 - часть бусины; 7-9 - глиняные сосуды. Погребение 1 - 2-6, погребение 2 - 7-9.

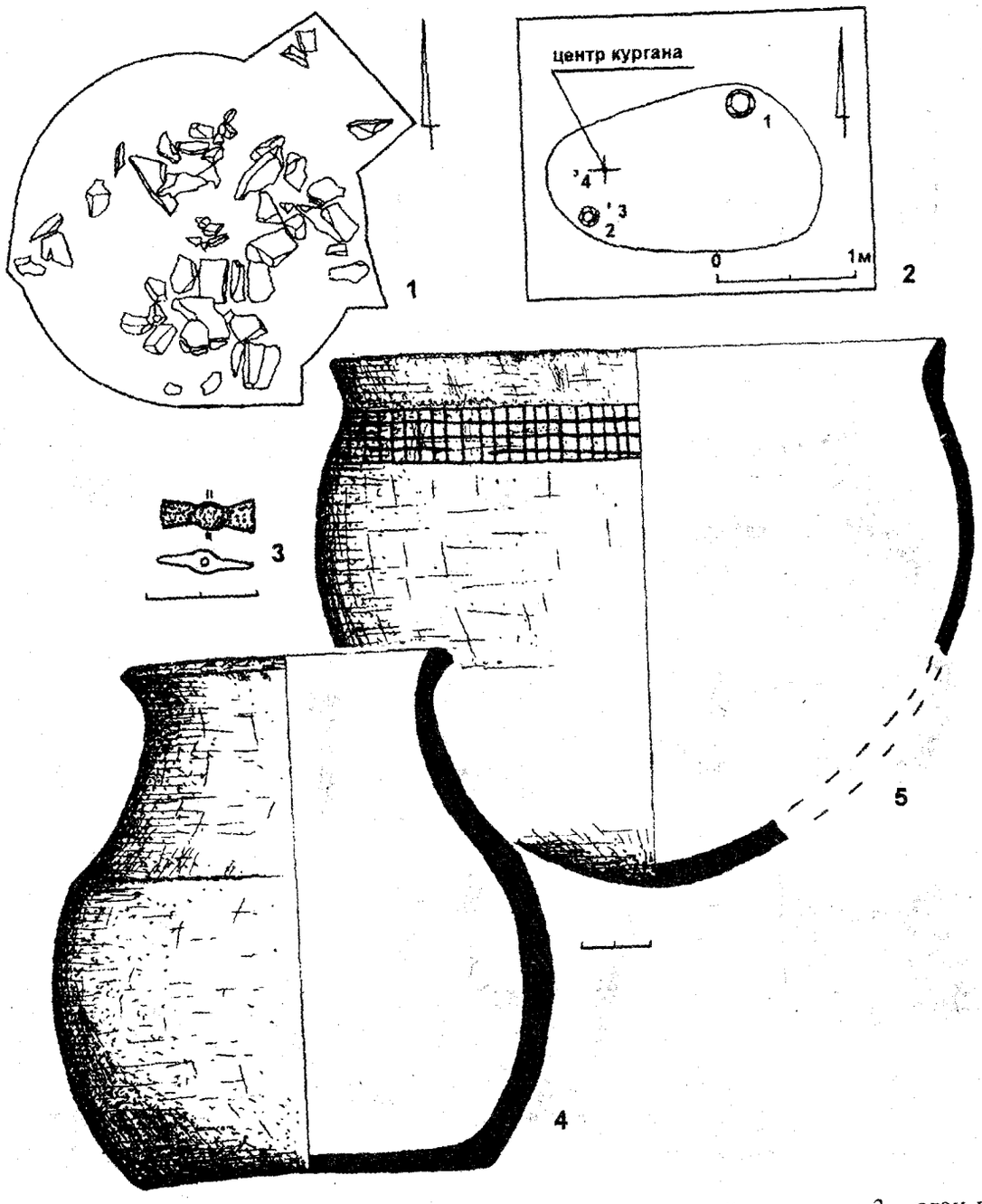


Рис. 5. Одиночный курган Гадельша III; 1 - план поминальной выкладки; 2 - план погребения; 3 - лазуритовая бусина; 4-5 - глиняные сосуды.

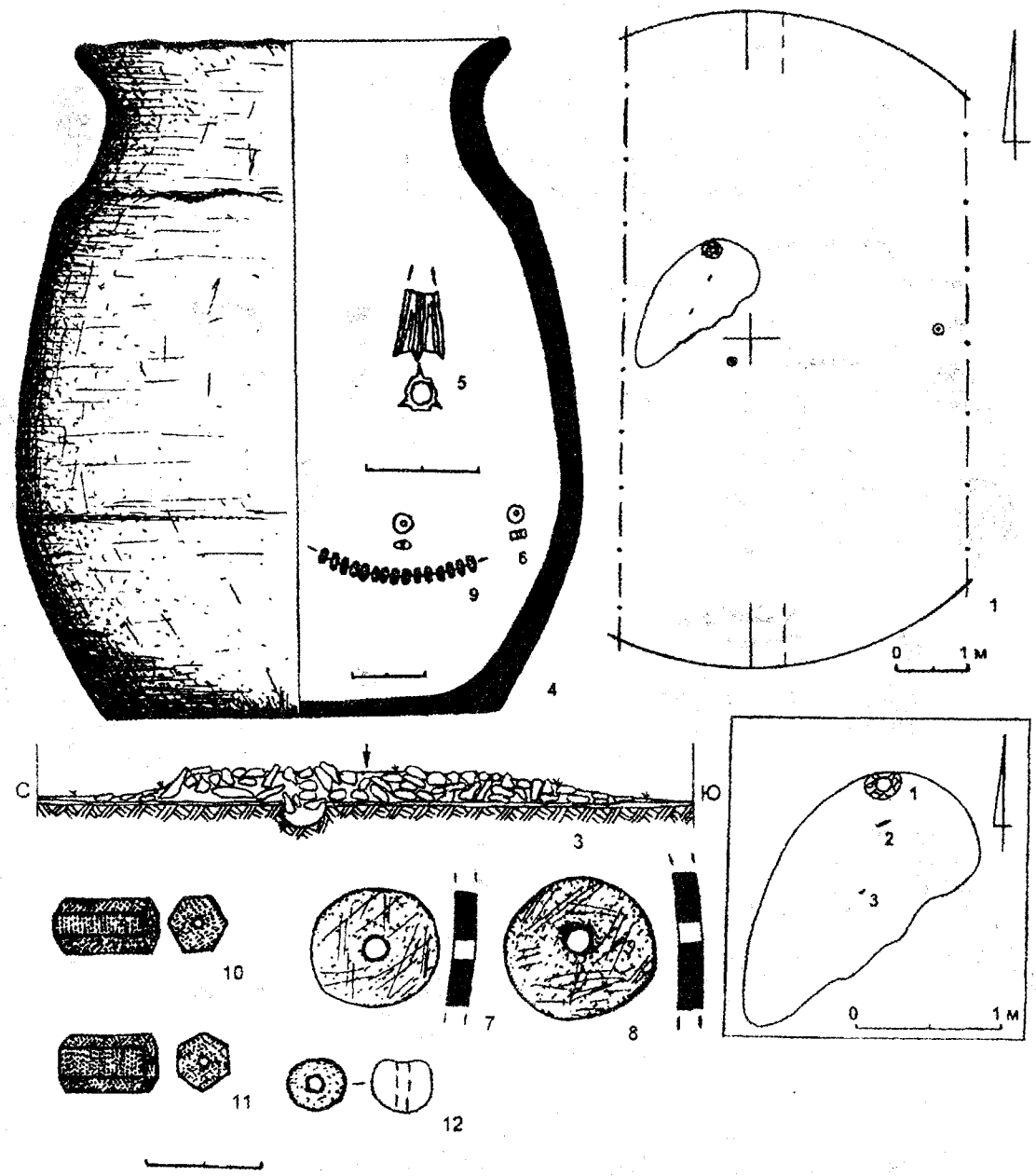


Рис. 6. Гадельша IV, курган 1: 1-2 - план погребения; 3 - профиль насыпи; 4 - глиняный сосуд; 5 - бронзовый наконечник стрелы; 6 - бисер; 7-8 - пряслица.

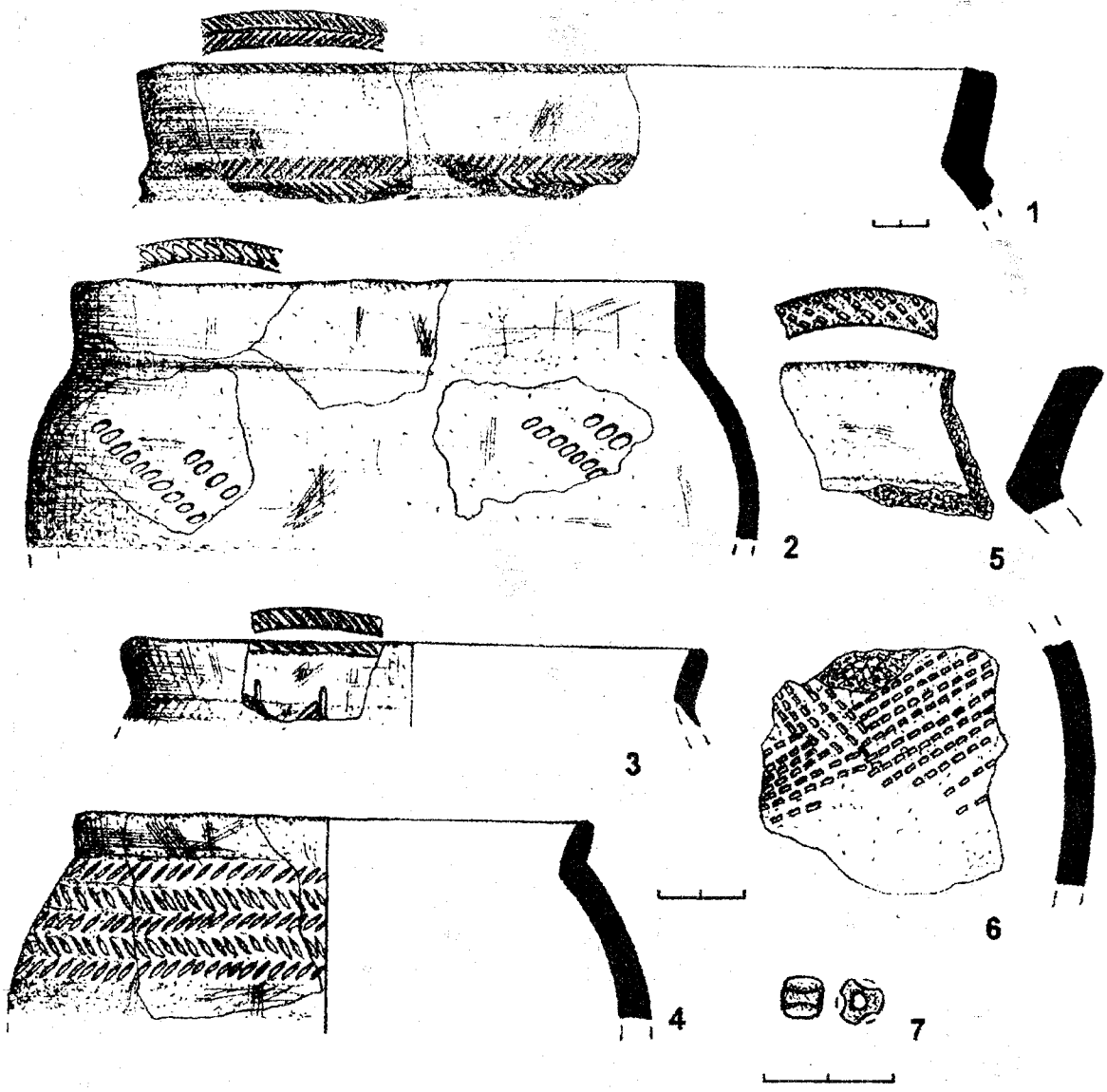


Рис. 7. Тепяновский курган: 1-6 - глиняные сосуды; 7 - пастовая бусина.

В. К. Федоров
(Уфа, НМ РБ)

О ФУНКЦИОНАЛЬНОМ НАЗНАЧЕНИИ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ «САВРОМАТСКИХ ЖЕРТВЕННИКОВ» ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ (I)

Интересно было бы подробно исследовать этот вопрос...
А. А. Бобринский, 1887 г.

Несмотря на более чем столетнее изучение, так называемые «савроматские жертвенники» (далее – СЖ) Южного Урала по сей день представляют собой археологическую загадку. Лишь вчерне намечены пути разрешения вопросов их генезиса. Не определена степень тождества их аналогичным артефактам других скифоидных культур Евразии. Не дано сколько-нибудь убедительного истолкования семантики украшающих их зооморфных и символических изображений. Само название – «савроматские жертвенники» – в настоящее время не более чем дань традиции, оба его компонента не корректны. Эти предметы наверняка не «савроматские», и едва ли – «жертвенники». Вопрос об их функциональном назначении, несмотря на то, что предложен уже целый ряд гипотез, остается открытым.

Беря на себя смелость обращения к нему после исследований Б. Н. Гракова, А. М. Талыгрена, К. Ф. Смирнова, а в последние годы – В. Ю. Зуева и В. Н. Васильева, хочу сделать несколько предварительных замечаний. Главным из них считаю следующее. Прежде чем уверенно рассуждать на подобную тему, методологическая добросовестность потребовала бы от автора а) минералогического анализа материала СЖ, б) трасологического анализа их поверхности, в) микрохимического анализа веществ, обнаруженных на поверхности СЖ и т.д. Подобных сведений в литературе, посвященной СЖ либо нет вовсе, либо они удручающе скудны. СЖ рассеяны по музеям и научным учреждениям Уфы, Стерлитамака, Челябинска, Оренбурга, Орска, Самары, Актюбинска, Уральска, Алма-Аты, Санкт-Петербурга, Москвы и др. городов; все вышеперечисленные мероприятия потребовали бы создания мобильной группы специалистов, мобильного необходимого оборудования (фактически – передвижной лаборатории), достаточного количества времени и значительных средств; все это, к сожалению, для автора является сейчас нереальным. Слабым оправданием представляется то обстоятельство, что никто из исследователей, до сих пор занимавшихся проблемами функционального назначения СЖ, перед собой подобных задач не ставил, прекрасно обходясь без всех этих сложных, трудо- и затратоемких исследований. Кроме того, возможности иных методов исследования, помимо естественнонаучных, представляются мне отнюдь не исчерпанными.

Необходимым считаю также оправдаться в намеренном территориальном ограничении исследования. В действительности артефакты, подобные СЖ Южного Урала, распространены гораздо шире; территория их распространения наиболее верно и полно очерчена В. Ю. Зуевым (1996, с. 61). Однако, именно на Южном Урале они наиболее многочисленны, исключительно многообразны, наиболее хорошо изучены. Их зооморфная, орнаментальная, символическая декорировка, к примеру, в полной мере представлена только на Южном Урале; в остальных регионах распространения встречены лишь единичные и отнюдь не самые яркие экземпляры такого рода. Однако, несмотря на относительно хорошую изученность южно-уральских СЖ, огромное количество их остается вне научного оборота. Из литературы можно почерпнуть сведения лишь о 50-60% артефактов и комплексов, где они были обнаружены. Только комплексы с СЖ, исследованные в Башкирии и, отчасти, в Самарской и Челябинской областях (а это лишь северная периферия распространения СЖ на Южном Урале), опубликованы более или менее полно. Основная же масса их найдена в Оренбургской обл. России и Актюбинской и Уральской областях Казахстана; их информативная база о СЖ зияет огромными провалами. Долгое время только материалы раскопок К. Ф. Смирнова и М. Г. Мошковой (Тара-Бутак, Мечетсай, Пятимары, Увак, Новый Кумак, Аландское) были опубликованы с достаточной полнотой. В последние годы появились публикации комплексов с СЖ из могильников Барышников, Гумарово, Чкаловский, Линевский, Покровка, Новотроицкий, Жаман-Каргала, Салтак, Челкар. Не менее же интересные комплексы из таких памятников, как Жалгыз-Оба, Кумиссай, Курайли и Восточно-Курайли, Кызылжар, Лебедевка, Лиманы, Нагорное, Новоорский, Рыбный Сакрыл, Уркач, Четыре Мара, Шпаки и многих других, пока, к сожалению, недоступны исследователю.

С разной степенью полноты я, конечно, имею информацию о большинстве из этих комплексов, поэтому все сколько-нибудь значимые обобщения, сделанные на основании опубликованных материалов, всегда «имеют в виду» и неопубликованные. С чистой совестью почти во всех случаях я могу сказать, что тот или иной вопрос проработан мною со всей возможной доскональностью. К сожалению, этого я не мог бы сказать, имея дело с материалами, скажем, степного Алтая или Причерноморья. Здесь я, в значительной мере, сталкиваюсь с ситуациями, знакомыми мне лишь в общих чертах; я, например, не видел «живьем» и не держал в руках ни одного из артефактов, происходящих с иных, нежели Южный Урал, территорий. Эта неравномерность в моих знаниях позволяет мне привлекать «чужие» материалы лишь иногда, в качестве аналогий, в тех случаях, когда они уместны, и не более того.

* * *

Историография вопроса. ***Дореволюционная.*** Уже на самой заре изучения каменных блюд скифской эпохи наметилось две линии в толковании их функционального назначения – «утилитарная» и «ритуальная». Первая «мини-дискуссия» (если ее можно так назвать) по этому поводу известна, главным образом, в кратком изложении К. Ф. Смирнова: *«Предположение А. А. Бобринского, который рассматривал песчаниковые блюда Приднепровья как предметы для растирания красок или зерна, уже давно было подвергнуто сомнению со стороны ряда исследователей. В. П. Алабин, впервые описавший каменные блюда из хут. Крыловский, отметил, что они мало приспособлены для растирания красок в туалетных целях и, тем более, хлебных зерен и служили, скорее всего, для совершения каких-то религиозных обрядов. Мнение В. П. Алабина было поддержано А. В. Поповым, обратившим внимание на оригинальную орнаментацию савроматских блюд и столиков»* (1964, с. 166). Хотя смысл этой первоначальной дискуссии о предназначении каменных блюд передан К. Ф. Смирновым, в целом, верно, мнения участников все же были не совсем такими, какими они выглядят в его книге. Неверно сделаны им и ссылки на работы А. А. Бобринского.

Он первым в своей замечательной работе «Курганы и случайные находки близ местечка Смелы», 1-й том которой вышел в 1887 году, задался вопросом, для каких целей служили каменные блюда? Подробно описав погребения с каменными блюдами и сами блюда, найденные в курганах №№28, 33 и 38 у с. Гуляй-город (с. 75, 88, 89, 100, 104, 118), А. А. Бобринский позволил себе сделать некоторые обобщения: *«Величина их и форма далеко не одинаковы. Они то овальные, то круглые; иногда очень малы, иногда большие. Какое было назначение этих блюд? Подставки ли это для разставления на них горшков или других предметов? Служили ли они для растирания чего-либо, например хлебных зерен или красок? Интересно было бы подробно исследовать этот вопрос; желательно бы знать, были ли когда либо находимы при таких блюдах ручные жернова или камни для растирания? Стояли ли на этих подносах горшки или другие предметы? В неразграбленном кургане № XXXVIII, где найдено между прочим большое блюдо такого рода, при нем были куски красной и белой краски*[1]*, что и наводит на мысль о назначении этих блюд для растирания красок. Повторяю: вопрос этот требует еще дальнейшего разъяснения»* (1887, с. 118-119).

П. В. Алабин[2], опубликовавший в 1895 году описания находок крестьянина Тарасова в кургане у хут. Крыловского (в т.ч. три СЖ, которые автор называет «скамьями», «скамейками»), и каменного блюда со свастикой (*«рельефное изображение двух витушек, в два вершка каждая, перекрещивающихся между собою, как буква Х»*) на днище, найденного в Самарском уезде, поступивших в Самарский Публичный музей, сопоставил их с находками, описанными А. А. Бобринским. Дословно повторив все, сказанное последним по поводу назначения каменных блюд, П. В. Алабин не соглашается с ним: *«Я, со своей стороны, полагаю, что наше блюдо* (со свастикой – В. Ф.) *для растирания красок или хлебных зерен служить не могло по своей валкости, имея дно полусферического очертания, – по его незначительным размерам, наконец, принимая во внимание его наружную, хотя и грубую, но все-таки некоторую украшающую его отделку. Я полагаю, что это блюдо, как и вышеописанные скамьи, были принадлежностью каких-либо религиозных обрядов, быть может, буддийского богослужения, или просто употреблялись как посуда в домашнем хозяйстве»* (с. 9).

В 1911 году было опубликовано выступление А. Попова по поводу доклада А. И. Деревенскова о находках на Маячной горе близ Оренбурга. Найденным здесь СЖ и их обломкам А. Попов привел все известные к тому времени аналогии, а также дословно процитировал мнения А. А. Бобринского и П. В. Алабина о назначении подобных предметов, и высказался по этому поводу сам: *«Вместе с г. Алабиным мы скажем, что те и другие* (блюда с ножками и без ножек – В. Ф.) *скорее служили для каких-либо религиозных обрядов, нежели для растирания красок или зерен, как предполагает гр. Бобринский. Зерен на таком блюде можно растереть и то с большими неудобствами лишь самое незначительное количество – (с горсть,) не играющее никакой роли в хозяйстве, (за исключением разве религиозной), а о растирании красок и говорить нечего: ни на одном блюде нет никаких следов окраски, а они должны были бы быть, если бы на блюдах многократно растирали краски, так как эти последние прекрасно сохранились до нашего времени в курганах положенными на тех же блюдах»* (с. 65).

Критика, которой подвергли А. А. Бобринского П. В. Алабин и А. Попов, на мой взгляд, чересчур сурова. Легко заметить, что А. А. Бобринским гораздо больше задано вопросов, нежели дано ответов, а мнение о возможном растирании на блюдах красок или зерен высказано им в самой предположительной форме. И в других местах своего труда А. А. Бобринский высказывается об этом соответствующе: *«Этот предмет служил вероятно для растирания краски... Это, может быть, принадлеж-*

[1] Отметим неточность А. А. Бобринского – выше, при описании погребения в кургане № 38, им сказано следующее: *«При этом блюде найдены довольно большие куски красной краски и распавшиеся в пыль куски желтой краски»* (там же, с. 100).

[2] Петр Владимирович Алабин (1824–1896), самарский городской голова, основатель и руководитель Самарского музея, исследователь Ананьинского могильника. У К. Ф. Смирнова ошибочно – «В. П. Алабин».

ность туалета» (1887, с. 89), *«Эти предметы предназначались, вероятно, для растирания красок, а может быть и зерен»* (1901, с. 79). П. В. Алабин предполагал не только религиозное, но и чисто утилитарное использование «скамей» как посуды в домашнем хозяйстве. К тому же именно он, а не А. Попов, обратил внимание на *«оригинальную орнаментацию савроматских блюд и столиков»* (К. Ф. Смирнов). Предположение П. В. Алабина о принадлежности «скамей», может быть, к атрибутам *«буддийского богослужения»* (аккуратно повторенное и А. Поповым), вероятно, было сделано чисто интуитивно. Ниже мы увидим, что эта догадка, по-видимому, в какой-то мере оказалась верной. Высказанному в прямодушной и даже несколько грубоватой форме мнению А. Попова нельзя отказать в безупречной, с позиции здравого смысла, логике. Особенно это касается растирания красок. Действительно, А. Попов располагал сведениями уже о более чем двух десятках каменных блюд и «столиков» (как он называл СЖ на ножках), и ни на одном из них не было следов растирания краски.

1920-е–1930-е гг. Следующие работы, затрагивающие проблему функционального назначения СЖ, относятся к 1920-1930-м гг. и принадлежат перу Б. Н. Гракова и А. М. Тальгрена. Они опубликованы в Хельсинки, в продолжающемся издании Eurasia Septentrionalis Antiqua[3]. Мне не удалось с ними познакомиться, поэтому я вынужден привести основные их положения в передаче К. Ф. Смирнова и В. Ю. Зуева. *«Б. Н. Граков, основываясь на совместных находках этих блюд и таких несомненно культовых веществ, как мел и реальгар, и на декорировке блюд сакральным звериным стилем, счел их переносными алтарями. Это же предположение высказал А. М. Тальгрен. В специальной статье он сравнил савроматские каменные блюда и столики с металлическими жертвенными столами Минусинского края и Семиречья. Переносные алтари (portable altars) могли служить, по его мнению, курильницами (incense burners), подставками или столами для жертвенной посуды»*, – пишет К. Ф. Смирнов (1964, с. 166). Комментируя выводы А. М. Тальгрена, К. Ф. Смирнов далее отмечает: *«Если привлечь более обширные сравнения, чем это сделал А. М. Тальгрен, то не остается сомнений в том, что савроматские блюда использовались в качестве алтарей или жертвенников»* (там же).

В изложении В. Ю. Зуева акценты расставлены совершенно по иному: *«Б. Н. Граков в те годы высказал также свое мнение насчет функционального назначения каменных столиков... Оставляя в целом этот вопрос открытым, он счел возможным усомниться в ритуальном назначении этих предметов, заметив, что если бы они использовались в ритуале, то вряд ли их закапывали [бы] в могилах. Однако в 1937 г. известный финский археолог А. М. Тальгрен оспорил точку зрения Б. Н. Гракова в статье «Переносные алтари». Смело сопоставив культовые бронзовые рамки из Сибири и семиреченские бронзовые ритуальные столы с каменными столиками и блюдами Южного Приуралья, он довольно категорично назвал последние... «переносными алтарями», служившими подставками для ритуальных сосудов или курильниц»* (1991, с. 47). В. Ю. Зуев, однако, приводит заключительные слова статьи А. М. Тальгрена: *«...моя компиляция может считаться скорее гипотезой, нежели чем историческим построением. Характер этих каменных сосудов из Приуралья как сакральных не доказан. Их отношение к бронзовым столам неясно»*, с таким комментарием: *«Эти слова автора гипотезы о каменных «переносных алтарях» следует помнить тем ученым, которые полагаясь только на историографическую традицию, пишут об особых «алтарях-жертвенниках» населения Южного Приуралья скифского времени»* (там же).

Не имея возможности высказаться по существу статей Б. Н. Гракова и А. М. Тальгрена 1920-30-х годах, хочется отметить следующее. Нетрудно заметить, что и К. Ф. Смирнов, и В. Ю. Зуев отнеслись к работам предшественников не без тенденциозности, каждый избрал для цитирования именно те фрагменты, которые соответствовали их собственным воззрениям.

1947 г. Б. Н. Граков. Важнейшим этапом в изучении СЖ было появление статьи Б. Н. Гракова «ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ (пережитки матриархата у сарматов)», опубликованной в 1947 году. Кратко охарактеризовав некоторые из известных к тому времени находок (хут. Крыловский, Елга, пос. Черниговский), присовокупив к ним собственные материалы (к.2 и 3 Бис-Обы[4], к.5 урочища «Горбатый мост»), Б. Н. Граков достаточно много внимания уделил проблеме функционального назначения СЖ. *«Что касается каменных блюд,* – писал он, – *то в них едва ли можно признать туалетные дамские принадлежности: для растирания румян и белил они слишком громоздки. Для этой цели употреблялись створки речных раковин и костяные ложечки[5]. В кургане № 1* (Елга – В. Ф.) *блюдо находи-*

[3] B. Grakov. Monuments de la culture scithique entre le Volga et les monts Oural // ESA. III. 1928; B. Grakov. Deux tombeaux de l'époque scythique aux environs de la ville d'Orenburg // ESA. IV. 1929; A. M. Tallgren. Portable altars // ESA. XI. 1937.

[4] В дальнейшем в литературе эти курганы фигурируют под номерами 7 и 8.

[5] *«створки речных раковин и костяные ложечки»* едва ли употреблялись для растирания румян и белил. Первые слишком малы и хрупки, в них могло происходить лишь смешивание небольшой порции уже растертой краски с жиром и хранение приготовленной таким образом косметики. По той же причине краски не могли растираться и в костяных ложечках, огромное большинство которых обнаружено внутри колчанов вместе со стрелами, без всякой связи с красками (Федоров В. К., 1992). Растирание красителей, все-таки, осуществлялось действительно на каменных плитках, однако эти последние ни

лось на своеобразном столбе, сбитом из глины и извести. Белая глина, мел и известь на всех ступенях сарматской культуры Прикаспия хорошо представлены в погребальном ритуале. Скорее всего, они играли очистительную роль. Блюдо с Горбатого моста содержало на своей поверхности, как уже сказано, две раковины третичного времени, по консистенции почти мел, кусочек реальгара, по своей режущей кристаллической структуре никак не могшего служить румянами, вероятнее всего, знаменовавшего оживляющую кровь и часто встречаемого в могилах блюменфельдской культуры, и небольшую гальку со слабо стертой нижней стороной. Вся поверхность этого блюда была густо натерта реальгаром, но она не была отшлифована. Галька, вероятно, служила для натирания поверхности краской. Эти блюда служили, по их связи с мелом и реальгаром, по декорировке сакральным звериным стилем, переносными алтарями. Служили ли они только для заупокойного культа? Нет. Блюду в могиле с урочища Бис-Оба недоставало части края, отбитого еще в быту, и уже в таком виде оно попало в могилу. Эти переносные алтари, следовательно, жили и в быту. Кочевой быт савроматов блюменфельдского времени вызвал к жизни эту форму переносных алтарей, столь для него удобную. Мел, вероятно, играл очистительную роль в жизни. Реальгар на блюде, может быть, символизировал кровавые жертвы на нем при жизни жрицы. Дело в том, что полагающийся покойнику-савромату, мужчине ли, женщине ли, кусочек реальгара, лежал сам по себе при покойнике, вне связи с блюдом» (с. 109-110).

С высоты сегодняшнего дня, конечно, бросается в глаза как мизерная источниковая база, использованная Б. Н. Граковым, так и легковесность его аргументации в пользу «переносных алтарей». Рассуждения об «очистительной роли» белых веществ и «символизации кровавых жертв» красными, действительно, трудно назвать иначе, нежели умозрительными. И, тем не менее, обращает на себя внимание следующее. Б. Н. Граков вообще не упоминает о гипотезе А. А. Бобринского и не связывает СЖ с растиранием красок, хотя бы в сакральных целях. Не думаю, что здесь проявляется тенденциозность Б. Н. Гракова, увлеченного своей теорией о «савроматских жрицах». Скорее, это просто следование фактам, главный из которых – отсутствие следов растирания красок на СЖ. Единственный случай (Горбатый мост) свидетельствует не о растирании, а о натирании СЖ краской: *«вся поверхность этого блюда была густо натерта реальгаром»*. Выше Б.Н. Граков пишет об этом же СЖ: *«поверхность блюда не носит никаких следов растирания, но окрашена красной краской»* (с. 107).

1964 г. К. Ф. Смирнов. Качественные изменения в изучении СЖ произошли в работе К. Ф. Смирнова «Савроматы» (1964). Им всесторонне изучено 45 артефактов, предложена их типология, сделаны наблюдения по хронологии и генезису (с. 162-170). Особое внимание К. Ф. Смирнов уделил проблеме функционального назначения СЖ. Исследовав условия их находок в закрытых комплексах, зооморфную и орнаментальную декорировку, следы антропогенного воздействия на СЖ, он пришел к тем же выводам, что и А. М. Тальгрен и Б. Н. Граков, но в расширительном плане. Далее работа К. Ф. Смирнова будет мною неоднократно цитироваться, поэтому здесь остановлюсь лишь на самых общих выводах данного исследователя. *«Мне представляется,* – писал К. Ф. Смирнов, – *что савроматские жертвенные блюда были универсальными культовыми объектами, связанными прежде всего с почитанием огня, но не обязательно только с ним. На них могли ставить жертвенные сосуды и другие предметы, служившие для отправления туземных культов, например, раковины с краской, зеркала и пр. На них воскуривали или растирали ароматические вещества, смолистые душистые куски сосны и можжевельника, благовонные травы, смолу. Такие воскурения у многих народов представляли своего рода жертвоприношения туземным богам и предкам. Могли также жечь одурманивающие вещества»* (там же, с. 254). Безусловным положительным моментом в исследовании К. Ф. Смирнова является стремление рассмотреть все связанные с СЖ аспекты во всем их удивительном разнообразии и, исходя из результатов изучения, дать приемлемое толкование назначению этих загадочных предметов. Выводы, сделанные К. Ф. Смирновым, очень обстоятельны, тщательно аргументированы, хорошо продуманны и взвешены. И, тем не менее, его толкование трудно назвать иначе как обтекаемым и расплывчатым. Несмотря на все предложенные объяснения тех или иных связанных с СЖ вопросов, главный из них остался, по существу, без ответа: каково изначальное, приоритетное конкретное предназначение СЖ? В том, что таковое имелось, сомневаться вряд ли приходится. Дефиниция СЖ как *«универсальных культовых объектов»*, предложенная К. Ф. Смирновым, – вынужденная, обусловленная не столько фактами, сколько отсутствием приемлемого объяснения их удивительного многообразия.

Тем не менее, его мнение на многие годы укрепилось в отечественной археологической науке как наиболее приемлемое. Едва ли не все исследователи раннекочевнических древностей Южного Урала при рассмотрении вопроса о СЖ неизменно повторяли в основных чертах выводы К. Ф. Смирнова[6]. Какие-либо новации отсутствовали полностью.

в коей мере не тождественны СЖ.

[6] В качестве примера укажу на работы М. К. Кадырбаева, раскопки которого значительно увеличили корпус источников по проблеме. Его мнение о СЖ всегда было конгруэнтно мнению К. Ф. Смирнова (Кадырбаев М. К., 1977, с. 248-250; 1977а, с.210-211; Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж. К., 1978, с. 69; Kadyrbaev M. K., 1981, s. 33-34).

2-я пол. 1960-х–1980-е гг. Такое положение утвердилось в южно-уральской раннекочевнической археологии. Дискуссия о функциональном предназначении каменных блюд, однако, продолжалась, но поддерживали ее, в основном, археологи, занимающиеся изучением древностей лесостепной Скифии и Нижнего Дона. Хотя их интересы касались, конечно же, местных каменных блюд, обе стороны неизменно ссылались на мнения Б. Н. Гракова и К. Ф. Смирнова о южно-уральских СЖ. Так, вполне солидаризируется с ними В. Г. Петренко (1967, с. 36). Однако уже годом позже сомнения в ритуальной принадлежности этих предметов были высказаны В. А. Ильинской: *«едва ли кусочки красной или белой краски, или комочки серы имели какой-то ритуальный смысл, символизирующий огонь или кровавое жертвоприношение. Все это выглядит гораздо утилитарнее»* (1968, с. 150); и в дальнейшем она не отступала со своей позиции: *«мы уже отмечали, что не имеем оснований вслед за К. Ф. Смирновым, относить каменные блюда к числу специальных принадлежностей культа – своеобразных каменных алтариков, а считаем их предметами чисто утилитарного назначения»* (1975, с. 155). Подобные же мнения высказывались также И. Б. Брашинским (1973, с. 56), В. Ю. Мурзиным (1984, с. 87). Некоторые авторы (например, Галанина Л. К., 1977, с. 25) равно относились к обеим точкам зрения, не отдавая предпочтения ни одной из них[7].

Критиком «косметической теории» выступил Б. А. Шрамко: *«...эти каменные блюда нельзя рассматривать только как предметы женского туалета. Среди упоминающихся в публикациях кусков «красной и желтой краски» имеются ядовитый реальгар (сернистый мышьяк) и сера, которые не могут использоваться в качестве косметики... Мы считаем более убедительным мнение Б. Н. Гракова и К. Ф. Смирнова, считающих песчаниковые блюда культовыми предметами, переносными алтариками»* (1987, с. 102). Этот неожиданный поворот во взгляде на раннекочевнические каменные блюда и красители, не встретил, однако, никакого отклика. В. С. Ольховский высказал мнение, что *«не исключено «переплетение» бытовой и ритуальной функций блюд и плиток»* (1991, с. 72).

Вообще охарактеризовать эту «дискуссию» можно лишь как вялотекущую – никого из исследователей эта проблема по-настоящему не занимала, все высказывания кратки, не более одного-двух абзацев, аргументация той и другой сторон очень скудна. По сей день в работах археологов Нижнего Дона можно встретить попытки разрешить проблему функционального назначения каменных блюд, на мой взгляд, неправдоподобные[8].

Конец 1980-х – 1990-е гг. С начала 1990-х гг., однако, положение в корне изменилось. Целая плеяда молодых исследователей предприняла настоящую атаку на утвердившиеся в науке представления о ритуальной сущности СЖ. В. Ю. Зуев (1989, 1991, 1996), Т. В. Мирошина (1990), В. Н. Васильев (1998)[9] выступили с резкой критикой взглядов Б. Н. Гракова и К. Ф. Смирнова, «вернув» этим предметам чисто утилитарную функциональность; все вышеперечисленные исследователи единодушно признают в СЖ всего лишь косметические краскотерки[10]. Не без помощи «косметологического» истолкования природы последних Т. В. Мирошина «отменяет» пережитки матриархата у савроматов, В. Ю. Зуев ниспровергает «миф о савроматских жрицах» и пр.

Несомненно, любые представления со временем корректируются, видоизменяются, а зачастую и вовсе отвергаются, едва лишь для этого появляются достаточно веские основания. Имеются ли такие основания у Т. В. Мирошиной, В. Ю. Зуева и В. Н. Васильева? Попробуем разобраться, подробно рас-

---

[7] И через двадцать лет ее позиция не изменилась (1997, с. 164).

[8] Так, например, Л. С. Ильюков и М. В. Власкин высказали недавно следующую гипотезу: *«тонкий слой воды, налитый в неглубокий каменный алтарик, мог служить магическим целям, выступать в качестве ритуального зеркала – зеркала воды, к которому обращались во время каких-то магических действий, заклинаний, прорицаний и т.п. Было бы заманчиво считать прообразом савромато-сарматских массивных зеркал с валикомбортиком каменные алтарики с невысоким бортиком, популярные в савроматское время»* (1992, с. 213). В том же году названные авторы опубликовали статью, посвященную пестам и ступам катакомбной культуры Нижнего Дона (Власкин М. В., Ильюков Л. С., 1992). Интересно, что при определении функционального назначения этих предметов авторы пошли по традиционному пути, обратившись, прежде всего, к данным трасологии (с.188-190). То обстоятельство, что в случае с СЖ М. В. Власкин и Л.С. Ильюков пренебрегли апробированной методикой, отдав предпочтение явно фантастической, экстравагантно аргументированной гипотезе, объясняется, несомненно, ощутимым флёром загадочности, окружающим СЖ.

[9] Существует еще три работы 1990-х гг., посвященные южно-уральским СЖ. Это тезисы докладов студента БГУ А. Л. Банникова на XXIX-XXXI УПАСКах (1997, 1998, 1999). Автор связывает СЖ с погребально-поминальной обрядностью, выстраивая в довольно-таки стройную систему многие из присущих СЖ особенностей (зооморфную декорировку, орнаменты на фризе, следы растирания древесины, краски). Тем не менее, его гипотеза нуждается в значительных доработках. Так, к ней полностью приложимо давнее высказывание Б. Н. Гракова о том, почему же тогда эти предметы в таком заметном количестве оказываются в погребениях?

Уже после того, как эта статья была написана, мне удалось познакомиться с только что вышедшей из печати небольшой работой В. Е. Трегубова (1999). Автор ее также приводит аргументацию против отождествления СЖ с краскотерками, отстаивая их культовую природу.

[10] Оставляя им, впрочем, некую куцую роль «вспомогательных культовых предметов», имея в виду то обстоятельство, что раскраска или татуировка тела могла иметь сакральный характер.

смотрев аргументацию указанных исследователей.

СЖ – «алтари огня». К, безусловно, верным, на мой взгляд, положениям, высказанным Т. В. Мирошиной, В. Ю. Зуевым и В. Н. Васильевым, является аргументация против отождествления СЖ с «алтарями огня». *«Следы огня на блюдах недостоверны, и к тому же единичны»*, – пишет Т. В. Мирошина (1990, с. 172). *«Предположение о том, что на «савроматских» каменных столиках и блюдах разжигали священный огонь*, – пишет В. Ю. Зуев, – *нереально с функциональной точки зрения, поскольку выточенные, как правило, из песчаника каменные изделия в форме столиков и блюд не выдерживают нагревания до большой температуры и лопаются при воздействии на них огня»* (1996, с. 59)[11]. В. Ю. Зуеву вторит В. Н. Васильев: *«Во-первых, подавляющее большинство жертвенников изготовлено из хрупкого песчаника и в случае разжигания огня, просто не выдержат перепада температур. Во-вторых, ни на одном жертвеннике не обнаружено достоверных следов огня – копоти или прокала»* (1998, с. 32). Полностью соглашаясь с приведенными выше аргументами, хочу добавить, что ни «углубления для жира», ни жирные пятна, ни даже находки внутри СЖ пепла и угольков[12] не могут служить показателями возжигания внутри них огня. Открытый огонь на поверхности СЖ должен вызвать необратимые изменения в камне[13], а использование его в качестве жировой светильни – сильную закопченность поверхности. Ни того, ни другого мы никогда не наблюдаем[14].

По поводу еще одного проявления связи СЖ с «огненным ритуалом» К. Ф. Смирнов писал: *«Вероятно, на алтариках сжигали также и ароматические вещества. Правда, для этого обычно пользовались глиняными сосудами – курильницами, в которых жгли смолы, пахучие травы и хвою. Савроматские столики в отдельных случаях, видимо, служили пьедесталами для этих глиняных курильниц»* (1964, с. 167). Упоминает об этом и Т. В. Мирошина: *«Для культа огня скорее всего употреблялись курильницы, которые находят рядом с блюдами или на них»* (1990, с. 172). Должен сказать, что, несмотря на усиленные поиски, обнаружить среди южно-уральских древностей чего-либо подобного мне не удалось[15]. Случаи, сколько-нибудь близкие предположению о СЖ, как о «пьедесталах для курильниц», зафиксированы в скифском Поднепровье. В к. 488 Макеевки *«на блюде оказались обломки глиняной миски, украшенной рядом сквозных дырочек по верхнему краю»* (Галанина Л. К., 1977, с. 25). Могила в Макеевке ограблена, и находка на блюде обломков сосуда может иметь случайный характер. В ненарушенном же погребении в к. 2 1886 г. у с. Аксютинцы *«находилось овальное каменное блюдо с заостренными концами... На нем стоял небольшой чернолощеный сосуд с сильно отогнутыми краями, биконическим корпусом и малым дном»* (Ильинская В. А., 1968, с. 36, табл. XIX, 1, 2).Более, однако, мне кажется, эти случаи относятся к одному из вопросов, заданных А. А. Бобринским о возможном назначении каменных блюд: *«Подставки ли это для раз-*

---

[11] *«Песчаниковое челнообразное блюдо, лопнувшее от жары на двое»*, найденное в погребении с трупосожжением в к. 35 Бобрицкого могильника, упоминает А. А. Бобринский (1901, с. 114).

[12] *«Желтоватые и темные пятна сохранились и на алтарике из с. Сары-Озек.* – пишет К. Ф. Смирнов, – *Несомненно, в углублении этого алтарика разжигался огонь, так как внутри были найдены пепел и угольки»* (1964, с. 167). Случай этот единичен и не ясен. Если на поверхности этого «жертвенника» разжигался открытый огонь, от которого остались пепел и угольки, то образовался бы прокал, а не *«желтоватые и темные пятна»*. Если же это была масляная светильня, там не должно быть пепла и угольков. К тому же, как пишет выше К.Ф. Смирнов, *«это случайная, недатированная находка»* (там же, с. 164). В п.2 к.3-4 могильника III Аландское внутри СЖ вместе с мелкими кусочками древесного угля лежали два альчика, кусочки реальгара, три ракушки и небольшая деревянная палочка (Мошкова М. Г., 1972, с. 70). Думается, о разжигании огня внутри этого СЖ, на основании находок внутри него угольков, говорить не приходится.

Можно отметить еще один аналогичный случай. В погребении «а» могильника Тасмола VI в Центральном Казахстане на дне «алтарика» *«сохранились остатки древесных угольков»* (Маргулан А. Х. и др., 1966, с. 335, рис. 30, 3). Но разводился ли внутри этого «алтарика» открытый огонь? Теоретически, угольки могли быть помещены в него однократно (во время погребения), в остывшем виде (как это было, видимо, в Аландском).

[13] *«Среди палестинских алтарей наиболее близок савроматской группе прямоугольный алтарь с четырьмя высокими ножками на массивной базе из Лахиша.* – пишет К. Ф. Смирнов, – *Он также использовался для сожжения фимиама, о чем ясно говорит обожженная, с трещинами от огня, углубленная поверхность алтаря»* (1964, с. 168). СЖ, безусловно, не использовались для «сожжения фимиама», о чем ясно говорит их необожженная, без трещин от огня поверхность.

[14] Уже после того, как эта статья была написана, появилась публикация погребения с СЖ из курганной группы у хут. Барышникова (Оренбургская обл.). Автор отмечает, что у СЖ *«одна половина бортика и частично внутренние поверхности закопчены»* (Краева Л. А., 1999, с. 179), делая затем следующий вывод: *«Говоря о функциональном назначении этого изделия, следует отметить, что характер расположения следов закопченности поверхностей не дает основания говорить о возжигании на нем ароматических веществ. Скорее всего, блюдо было частично помещено в огонь в ходе какого-то очистительного ритуала»* (там же, с. 180). С этим предположением, безусловно, следует согласиться.

[15] Что показывает небрежность Т. В. Мирошиной в обращении с выводами предшественников. Слова К. Ф. Смирнова (на которого она во всем опирается) *«в отдельных случаях, видимо»* по отношению к СЖ как к «пьедесталам для курильниц» Т. В. Мирошина попросту выбрасывает и преподносит «пьедесталы» как установленный факт. Курильницы никогда не находят не только стоящими на СЖ, но и рядом с ними; вообще в комплексах, содержащих СЖ, находки их крайне редки (Смирнов К. Ф., 1973, с. 169).

ставления на них горшков..?» (см. выше). Это явно не курильницы[16].

Таким образом, единственными аргументами в пользу того, что СЖ могли быть «переносными алтарями огня» остается лишь окрашенность некоторых из них в красный и белый цвет, да кусочки красных и белых веществ, найденные на поверхности или рядом с СЖ. Этого, конечно, недостаточно. Ниже я приведу ряд других свидетельств существования все-таки ощутимой связи СЖ (особенно его нижней части) с огненным культом, однако и они, на мой взгляд, отнюдь не позволяют называть СЖ «алтарями огня»[17].

СЖ – растиральники. Еще одно, на мой взгляд, совершенно верное наблюдение, связанное с СЖ, принадлежит В. Ю. Зуеву. *«Визуальный осмотр нескольких десятков каменных столиков, блюд, плит и чашечек, происходящих из разных регионов Евразии,* – пишет он, – *привел меня к заключению о том, что практически на всех предметах имеются следы растирания непрочных органических и минеральных веществ, хотя степень сработанности рабочей поверхности терочников почти всегда различна. На наиболее долго использовавшихся предметах следы эти имеют, как правило, продольные углубления, пролегающие вдоль всей поверхности каменных терочников»* (1996, с. 64).

Полностью солидаризуясь в этом плане с В. Ю. Зуевым, отмечу, что собственные наблюдения над южно-уральскими СЖ привели меня к близким выводам. Практически все осмотренные мною экземпляры имели отнюдь не гладкую внутреннюю поверхность; более того, как кажется, шероховатость ей придавали искусственно множественными точечными ударами, превращая в настоящую терку[18]. Следы трения также несомненны: выбоины от точечных ударов прекрасно фиксируются у бортиков СЖ, тогда как в центральной части они почти всегда сглажены. При осмотре некоторых экземпляров складывается впечатление, что операция превращения внутренней поверхности в терку производилась неоднократно по мере стирания щербинок. Дно таких СЖ имеет глубокую вогнутость, иногда совершенно истончилось[19]. Окончательные выводы, однако, может дать только специальное трасологическое исследование внутренней поверхности СЖ; это касается и характера растираемых здесь веществ.

Во всяком случае, мне представляется несомненным, что **СЖ служили, прежде всего, для растирания чего-то на их внутренней поверхности; данное их предназначение было приоритетным, все же остальные следы проявления антропогенного воздействия, фиксируемые на них, имеют вторичный, а порою и случайный характер**.

На этом, однако, мои схождения во взглядах на СЖ с авторами 1990-х гг. заканчиваются. Все они решительно отвергают культовый характер СЖ, что, по моему мнению, по меньшей мере, недостаточно ими аргументировано. Высказывания же их, как правило, отличаются демонстративной категоричностью, отнюдь не вытекающей из аргументации. Считаю необходимым подробно остановиться на системе доказательств прикладного утилитарного назначения СЖ, выстраиваемой авторами 1990-х; мне она представляется несостоятельной. Отвергая их аргументацию, я, в свою очередь, предлагаю собственную гипотезу о возможном функциональном предназначении СЖ. Хочу подчеркнуть, однако, что это лишь гипотеза.

СЖ – краскотерки или предметы культа? *СЖ и татуировка.* Наиболее последовательным ригористом в деле «десакрализации» СЖ является В.Ю. Зуев. Его позиция понятна: «развенчивая» «миф о савроматских жрицах», необходимо, прежде всего, низвести до заурядных бытовых «галантерейных вещичек» алтари этих самых жриц. Остальные ис-

---

[16] Проблему «подставок под курильницы», равно как и проблему иранских (зороастрийских) прототипов южноуральских СЖ на ножках (последняя подробно рассмотрена К. Ф. Смирновым; 1964, с. 168-170) все же нельзя сбрасывать со счетов (как это, фактически, делает В. Ю. Зуев; 1996, с. 59). Е. А. Дорошенко, описывая убранство зороастрийского храма, упоминает *«низкие каменные стулья, на которых размещена ритуальная утварь»* (1982, с. 77). В книге М. Бойс «Зороастрийцы: Верования и обычаи» (М., 1988) на одной из вкладок между с. 160-161 представлен зал для богослужений и других религиозных обрядов в храме огня (г. Бомбей, XIX в.). Металлические алтари огня здесь находятся на каменных квадратных подставках с четырьмя ножками, по форме и размеру необыкновенно похожих на южно-уральские СЖ. Эти последние, однако, имеют в большинстве случаев выщербленную, часто вогнутую внутреннюю поверхность, совсем неуместную у предметов типа подставки, и не подходящую для выполнения такой функции. Напомним, что СЖ, особенно в ранний период изучения, исследователи неоднократно именовали «столиками», «скамьями», «скамейками».

Поэтому появляющиеся иногда в литературе интерпретации изображений на СЖ в свете «алтарей огня» представляются мне малообоснованными (Лукьяшко С. И., 1997, с. 134-142; 1997а, с. 134; Богородцев А. В., 1999, с. 55; Трегубов В. Е., 1999, с. 9-10).

[18] В литературе указания на это обстоятельство практически отсутствуют, хотя в отчетах исследователи упоминают о нем. Например, К. Ф. Смирнов, публикуя материалы центрального погребения к.5 Ново-Кумакского могильника, где был найден круглый СЖ на трех ножках, ничего об этом не пишет (1977, с. 10). В отчете же значится: *«Поверхность столика шероховатая, на ней легко растирать любые вещества»* (1971, с. 20). Также и на прорисовках СЖ, сопровождающих публикации, эта их особенность, практически, не отражена. Примером скрупулезной тщательности может служить рисунок СЖ из п.2 к.5 Гумаровского могильника, где наглядно показана его внутренняя поверхность со следами множества точечных ударов; в тексте об этом обстоятельстве не упоминается (Зуев В. Ю., Исмагилов Р. Б., 1999, табл.10, 15).

[19] А в случае с СЖ из п.2 к.6 у хут. Барышникова дно его было, по-видимому, протерто насквозь (Краева Л. А., 1999, с.179, рис.8).

следователи занимают более гибкую позицию, оставляя все-таки для СЖ функцию *«вспомогательных культовых предметов (для принадлежности татуировки, например)»* (Мирошина Т. В., 1990, с. 172). Сходное мнение высказала М. Г. Мошкова: *«Находка игл около «жертвенника» и зеркала* (имеется в виду погребение у с. Андреевка в Самарской обл. – В.Ф.) *говорит о возможности употребления этого набора для нанесения татуировки, что носило несомненно сакральный характер»* (1997, с. 71). Это же мнение было высказано В. Н. Васильевым: *«На наш взгляд,* ***ритуальные красящие вещества, приготовленные на ритуальных краскотерках, были предназначены для нанесения татуировки, имевшей, несомненно, ритуальный характер»*** (1998, с. 32).

Данная гипотеза, при всей ее привлекательности, по существу, ничем не аргументирована. Находки игл совместно с СЖ не только не носят системного характера, но и вообще единичны. Интересная сводка сведений о татуировках у ранних кочевников, приведенная В. Н. Васильевым, работает «вхолостую», так как абсолютно не связана с СЖ. Единственный случай «пересечения» татуировки и СЖ в закрытом комплексе (Пазырык, к.2) отнюдь не свидетельствует о том, что между ними имеется какая-либо реальная взаимосвязь. К тому же, пазырыкская «светильня» найдена в компактной группе предметов, предназначенных для совершенно иных целей (см. ниже). То же самое можно сказать о зооморфной декорировке СЖ и сюжетах раннекочевнических татуировок. Во-первых, они отнюдь не совпадают, во-вторых, с равным успехом можно сопоставить зооморфно декорированные СЖ с любой другой категорией раннекочевнических древностей, оформленных в зверином стиле. Однако, наибольшие сомнения в возможности применения СЖ для растирания тату-красителей, являются серьезнейшие препятствия, возникающие в отождествлении СЖ вообще с предметами, предназначенными для растирания любых, и в особенности косметических, красителей (см. об этом ниже).

Жрицы. Шаманки. «За» и «против». Сторонники «десакрализации» каменных блюд приводят и следующий аргумент: все или большая часть погребений с «жертвенниками» женские, но у иранцев нет института женщин – служительниц культа, нет и шаманок[20]. Т. В. Мирошина, ссылаясь на устное сообщение Л. А. Лелекова, пишет: *«...в Иране шаманизм неизвестен. Поэтому наличие у савроматов женщин – служительниц культа, нуждается в дополнительных доказательствах»* (1990, с. 172). К сожалению, мне неизвестно, что именно имел в виду Л. А. Лелеков, но Т. В. Мирошина экстраполирует его мнение об отсутствии шаманизма в Иране на все иранские народы; на следующей (173) странице читаем: *«Шаманок у иранских народов нет, как отмечалось»*. И это притом, что в той же статье исследовательница пишет о таджикских шаманках (там же, с. 171)! Тезис об отсутствии шаманства у иранцев основан на явном недоразумении; вопросу о местных корнях среднеазиатского шаманства, восходящих к иранскому этносу, посвящена значительная литература (Снесарев Г. П., 1969; Сухарева О. А., 1975; Муродов О., 1975, Басилов В. Н., 1992 и др.). Последний дает обстоятельную сводку сведений о древнем иранском шаманстве с обширной библиографией (там же, с. 10-11). В современном шаманстве названный исследователь выделяет особый «таджикский» тип, отличающийся от «тюркского», в частности, тем, что шаманами были преимущественно женщины (с. 199). Если же шаманами становились мужчины, они носили женскую одежду, вели женский образ жизни, точно так же, как скифские энареи (с. 96). Авторитетное мнение Л. А. Лелекова является либо изначально неверным, либо превратно понятым Т.В. Мирошиной; во всяком случае, оно трактуется ею в нужном для ее построений свете; при этом исследовательницу не смущает, что оно вступает в противоречие с объективной реальностью.

Примерно в том же ключе высказывается В. Ю. Зуев: *«...весьма важным мне представляется и то обстоятельство, что обслуживание алтарей огня в зороастрийском культе являлось священной обязанностью небольшой касты мужчин-жрецов (Хазанов 1970:143)»*. Здесь все верно – зороастрийские жрецы действительно были мужчинами. Но кто и когда доказал, что ранние кочевники были зороастрийцами?! Напротив, все исследователи склоняются, что они принадлежали к «туранскому» миру дэвопоклонников – злейших врагов зороастрийцев. И пусть религиозная подоснова их верований была единой (маздеистские культы), есть ли основания экстраполировать все без исключения каноны зороастризма на кочевой мир?

Из письменных источников мы ничего достоверно не знаем ни о «жрицах», ни о шаманках у ранних кочевников. Но мы вообще слишком мало знаем о последних, поэтому-то и раскапываем их погребения; и если археологический материал представляет собой нечто неизвестное письменным источникам, нужно ли прилагать старания во что бы то ни стало втиснуть его в их рамки?

Вернемся к цитированной В. Ю. Зуевым работе А. М. Хазанова. Вот как выглядит полностью интересующий нас отрывок: *«Те же самые алтари, обслуживание которых в Иране было привилегией особой жреческой корпорации, исключительно мужской по составу, у сарматов оказались в руках женщин-жриц»* (1970, с. 143), т.е. выражена мысль полностью противоположная отстаиваемой В. Ю. Зуевым позиции[21]. Более того, чуть выше А. М. Хаза-

[20] При этом исследователи, не замечая того, выстраивают классический «порочный круг»: «это не жрицы, т.к. это не алтарики» – «это не алтарики, т.к. это не жрицы».

[21] Правда, А. М. Хазанов во всем, что касается савроматских жриц, базируется на данных К. Ф. Смирнова, ар-

нов пишет: *«Серьезные указания на то, что в савроматском обществе какие-либо важные религиозные функции принадлежали мужчинам, полностью отсутствуют»* (там же). Не чуждо зороастрийскому обществу, по всей видимости, и шаманство, причем шаманство именно женское. Так, в Иране для исполнения обряда *суфрее сабзи*, откровенно шаманского по своей сути, *«находят опытную старую женщину, причем предпочитают женщину, исповедующую зороастризм»* (Хедаят С., 1958, с. 277).

Декорировка СЖ. Серьезные сомнения в чисто утилитарном, «косметическом» предназначении СЖ вызывает то обстоятельство, что ряд из них украшен мастерски вырезанными скульптурными и рельефными зооморфными изображениями, орнаментальными композициями, знаками и символами. Круг этих образов, сюжетных и орнаментальных мотивов, знаков и символов весьма ограничен, что при частой их повторяемости не может не навести на мысль о некой семантической значимости, как изображений, так и предметов, ими украшенных. Попытки истолкования семантики изображений на СЖ, предлагавшиеся до сих пор, носят весьма поверхностный характер[22].

Сторонники «косметической» теории утилитарного использования жертвенников решают эту проблему каждый по-своему. Если Т. В. Мирошина ее вообще не касается, то В. Ю. Зуев специально и весьма подробно оговаривает данное обстоятельство: *«Часть этих предметов (главным образом столики и блюда) помимо тщательной отделки формы часто украшены зооморфными и орнаментальными изображениями, что трактуется сторонниками концепции «савроматских жриц» как несомненное доказательство принадлежности к культу этих предметов. Этот довод нельзя считать убедительным, поскольку очень часто столики и блюда с изображениями заменяются в других аналогичных комплексах простыми плоскими камнями или миниатюрными каменными чашечками. Для примера приведу сравнение трех комплексов из Южного Приуралья (Рис. 1) – Черниговского кургана 1888 г. (Зуев 1991: 42-53), Гумаровского кургана № 3 (Зуев, Исмагилов 1997) и Саринского кургана № 7 (Смирнов 1964). Весь погребальный обряд и наиболее важные элементы инвентаря из этих курганов настолько близки между собой (особенно – бронзовые зеркала с пуансонным орнаментом на ручке), что погребенные в них женщины явно принадлежали к одному кругу и, м.б., были даже родственницами. Однако в погребении одной из них стоял каменный треножник с зооморфными изображениями, у другой – четырехугольный столик без каких-либо изображений, а у третьей – вообще лежал в могиле плоский камень со следами сильной затертости на одной из поверхностей. На этом примере хорошо видно, что все эти предметы, как равно и все многообразие форм каменных изделий из других комплексов, несомненно объединяют не формальные параметры, не стиль и семантика имеющихся на них изображений, а их* ***функциональное назначение****, их практическая пригодность к определенным действиям, которые допускают разнообразие форм и стилей отделки этих вещей»* (1996, с. 63-64). Этот впечатляющий пример (не менее впечатляюще проиллюстрированный графически) является ключевым звеном в определении В. Ю. Зуевым СЖ как косметических краскотерок. Однако, во-первых, для того, чтобы экстраполировать выводы, сделанные на основании изучения трех комплексов, на весь массив интересующих нас погребений и артефактов, как представляется, нужны более веские основания; во-вторых же, как показала проверка, данные, приведенные В. Ю. Зуевым, частично или полностью недостоверны.

Полноценным источником, собственно, являются лишь материалы к.3 Гумаровского могильника, погребение в котором не было потревожено. СЖ, однако, был найден не в погребении, а на древней поверхности, на некотором расстоянии от могилы (что может указывать на его участие в погребальном ритуале). С т.н. «косметическим набором», найденным в могиле (зеркало, раковина Gryphaea, два железных шильца и кусок красной краски) в числе прочего инвентаря, СЖ никак не связан. Пол погребенного определен условно, т.к. кости его полностью истлели; судя по инвентарю, он мог быть как мужским, так и женским (Зуев В. Ю., Исмагилов Р. Б., 1999, с. 108, табл. 6,: 7)

Относительно Черниговского кургана, раскопанного «бугровщиками» в 1888 г., поставленную задачу облегчает сам В. Ю. Зуев, детально исследовавший все обстоятельства находки (1991, с. 42-53). Из имеющихся материалов остается неизвестным не только пол погребенного там человека, но и количество погребенных. Находчиками и очевидцами отмечены лишь *«скотские и человечьи кости»*, *«много гнилого березового дерева и всякого рода костей, быть может есть и человечьи»* (с. 42, 44). Это обстоятельство заставляет с осторожностью подходить и к утверждению В. Ю. Зуева, что все найденные вещи принадлежат женщине, и вообще, относятся ли они к инвентарю одного погребенного, которых в кургане могло быть несколько.

Что же касается кургана № 7 Сары, то, опять-таки, по иронии судьбы, благодаря В. Ю. Зуеву, в свое время любезно предоставившему мне ксерокопию отчета Д. И. Захарова 1928 г. «По обследованию курганов близ с. Сары» (хранится в архиве

…ентацию которого, как и Б. Н. Гракова, В. Ю. Зуев …стью отвергает.

[22] В качестве примера, из работы К. Ф. Смирнова: *«…раз медведя, выступающий в савроматском искусстве чаравне с образом волка, вероятно был тесно связан с культом огня, как у древних племен Прикамья и …он олицетворял солнце. Не потому ли головы медведей изображали на ножках савроматских каменных …арей?»* (1964, с. 245). Гадательный характер этого и …ных ему толкований очевиден.

ИИМК РАН), неопровержимо устанавливается, что ни *«плоского камня со следами сильной затертости»*, ни меча, совершенно аналогичного мечам из Черниговского и Гумаровского курганов, ни ряда других предметов, присутствующих на иллюстрации, сопровождающей статью В. Ю. Зуева, в кургане № 7 Сары найдено не было. Архивные разыскания, предпринятые также Б. Ф. Железчиковым, показали, что эти предметы были найдены при грабительских раскопках крестьян и происходят из других курганов этого же могильника (1997, с. 275). Погребение же в кургане № 7, как это явствует из отчета Д. И. Захарова, от крестьянских «раскопок» не пострадало. В. Ю. Зуев, чьи горячие призывы к скрупулезности и аккуратности в обращении с археологическими источниками у всех на слуху, сам в данном случае не уберегся от непростительной небрежности. Таким образом, эффектная теория о взаимозаменяемости СЖ с зооморфными украшениями, СЖ без таковых и простых каменных плиток[23] в силу их единого функционального назначения базируется на данных, существующих лишь в воображении В. Ю. Зуева, и сама по себе является образчиком «научного мифотворчества».

Гораздо более стройной в этом плане выглядит гипотеза М. Г. Мошковой и В. Н. Васильева о СЖ, как о специализированных краскотерках для приготовления красителей для татуировки. Зооморфная, орнаментальная и символическая декорировка СЖ хорошо увязывается с сакральным характером нанесения татуировок в древнем мире, а также с сюжетами раннекочевнических татуировок, аналогии которым, при желании, можно обнаружить в декорировке СЖ. Однако гипотеза эта базируется на столь шатких аргументах (см. выше), что ее трудно назвать иначе, нежели как эвристической догадкой.

Из всего вышеизложенного, на мой взгляд, следует, что наличие устойчивых зооморфных, орнаментальных и символических мотивов, постоянно повторяющихся на новых и новых находках СЖ, и, по всей вероятности, строго регламентированных, продолжает оставаться одним из аргументов сакрального предназначения рассматриваемых предметов.

СЖ и погребальный инвентарь «жриц». Одним из важнейших аргументов в пользу «псевдожертвенников-краскотерок» сторонники этого тезиса считают их совстречаемость со вполне определенным постоянно повторяющимся комплексом предметов, по их мнению, безусловно, связанным с приготовлением и использованием косметики. *«В погребениях с каменными столиками, блюдами и чашечками,* – пишет В. Ю. Зуев, – *как правило присутствуют бронзовые зеркала различных форм, красящие вещества (красного, белого, голубого, зеленого, желтого и черного цветов), положенные в створки раковин Grifea или миниатюрные сосудики (довольно часто находимые среди остатков ларцов из ценных пород древесины, в которых они и лежали), железные или бронзовые ножи, шилья, галькирастиральники»* (с. 60). К подобным же выводам пришел В. Н. Васильев. Им были проанализированы 42 закрытых комплекса с территории Южного Урала, результаты были сведены в таблицы (1998, табл. II и III). На основании этих таблиц В. Н. Васильев выделяет т.н. «жреческий комплекс», куда входят зеркала, красящие вещества, раковины Gryphaea (встречены, соответственно, в 71%, 55% и 43% случаев; там же, с. 31-32).

Оба исследователя дают перечень и других находок, встречающихся в комплексах вместе с СЖ, причем с явной тенденцией «отрыва» их от СЖ и «туалетных наборов» и «жреческих комплексов». *«Иногда встречаются костяные ложечки,* – пишет далее В. Ю. Зуев, – *и очень часто глиняные и бронзовые пряслица. Кроме этого туалетного набора в погребениях обычно стоят глиняные сосуды, лежит мясная напутственная пища. Погребенные женщины имеют на теле разнообразные украшения (ожерелья из пастовых и металлических бус, драгоценные серьги, браслеты и кольца). Очень часто, особенно на ранних этапах, их сопровождают предметы вооружения – лук и колчаны со стрелами, короткие мечи и кинжалы. Принадлежность к всадничеству маркируется обычным положением в могилу либо полных наборов конского снаряжения, либо основных его частей»* (1996, с. 60-61). В. Н. Васильев также обращает внимание на иные категории инвентаря: *«При выделении «жреческого» комплекса инвентаря необходимо выделить вещи, встречающиеся в погребениях, но не имеющие к комплексу прямого отношения. На наш взгляд, таковыми являются оружие, особенно наконечники стрел, а также бусы и керамика. ... Из состава комплекса, очевидно следует исключить кумалаки, учитывая их небольшой процент встречаемости. Судя по низкой встречаемости костяных ложечек (10%) их также придется исключить из «жреческого» комплекса»* (1998, с. 31-32). Прежде, чем обратиться к собственным наблюдениям, отмечу, что более, видимо, точные данные В. Н. Васильева показывают отнюдь не тотальную (*«как правило»*, по В. Ю. Зуеву) совстречаемость СЖ и зеркал, красителей и раковин. Последние найдены менее чем в половине комплексов; процент находок красителей, учитывая предлагаемую идентификацию СЖ с краскотерками, также относительно невелик.

Интересные и, вероятно, объективные результаты дает более тонкий анализ. Дело в том, что В. Н. Васильев, как и, по-видимому, В. Ю. Зуев, подвергли исследованию весь без исключения инвентарь комплексов, содержащих СЖ. А между тем СЖ, в ряде

[23] А как быть с погребениями, где одновременно найдены и СЖ, и каменная плитка-краскотерка? Например, в к.3 могильника Бесоба при костяке найдены *«на уровне бедренной кости – большой каменный жертвенник из розового песчаника на трех ножках ... у ног – красная краска в виде порошка в матерчатом мешке, плоская почти прямоугольная каменная краскотерка и глиняный сосуд»* (Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж. К., 1978, с. 67).

случаев, находятся в могилах внутри компактных групп предметов. Группы эти обособлены, отчленены от всего остального инвентаря, и расположение это, по всей видимости, неслучайно. Для погребений на древнем горизонте или нарушенных погребений в ямах (в тех случаях, когда компактные группы вещей, содержащие СЖ, не задеты) такой подход является наиболее предпочтительным. Иначе сразу же возникают сомнения: не пропущена ли какая-либо существенная категория инвентаря, изъятая или перемещенная в древности? Не включены ли предметы, не имеющие отношения к комплексу? Таблица, где учтены лишь предметы, находящиеся вместе с СЖ в обособленных компактных группах, ни в коем случае не подменяет результаты исследований В. Ю. Зуева и В. Н. Васильева, но, на мой взгляд, вносит существенные дополнения.

ПРЕДМЕТЫ И ИНЫЕ ОБЪЕКТЫ, НАХОДЯЩИЕСЯ ВНУТРИ ПОГРЕБЕНИЙ ВМЕСТЕ С СЖ В ОБОСОБЛЕННЫХ КОМПАКТНЫХ ГРУППАХ

№ п/п	Название комплекса и источник сведений о нем	Инвентарь и иные объекты
1.	Елга (Преображенка) (Нефедов Ф. Д., 1899, с. 41).	Сбитый из глины с известью выступ, ручка зеркала ольвийского типа, бронзовое колесико.
2.	Андреевка (Матвеева Г. И., 1980, с. 21).	Ольвийское зеркало, две бронзовые иглы, раковина, амулет – бронзовое колечко.
3.	Красносамарский I, к.1 п.1 (Мышкин В. Н., Скарбовенко В. А., 1996, с. 203, рис. 7).	Скопление золы, пятно тлена органического происхождения, кусок мела, бронзовое зеркало.
4.	Альмухаметово, к.8 (Пшеничнюк А. Х., 1983, с. 44).	Бронзовое зеркало с ручкой в виде фигуры женщины, глиняный горшочек, горшок больших размеров, 15 бронзовых наконечников стрел, стеклянные бусы, железный стержень.
5.	Альмухаметово, к. 10 п.2 (Пшеничнюк А. Х., 1983, с. 48, табл.XXXVI, 1).	Бронзовое зеркало, кость барана.
6.	Альмухаметово, к.17 (Пшеничнюк А. Х., 1983, с. 50-51, табл. XXXVIII).	Два горшка, бронзовое зеркало в плетеном из камыша футляре, стеклянные глазчатые бусы.
7.	Переволочан, к.8 кост.1 (Пшеничнюк А. Х., 1995, с. 75)	Два развала сосудов.
8.	Переволочан, к.8 кост.2 (Пшеничнюк А. Х., 1995, с. 75)	Бронзовое зеркало.
9.	Петропавловский (Сунгатов Ф. А., Мигранов Р. А., 1998, с. 116-117, рис. 2).	Глиняное пряслице, челюсти барана (?).
10.	Варна, к.2 п.2 (Боталов С. Г., Таиров А. Д., 1996, с. 119, рис. 3, 4).	Костяная трубочка, заполненная голубым порошком и заткнутая с двух сторон деревянными пробками, костяной гребень с зооморфным изображением на щитке, костяная пластина с треугольными вырезами на одной стороне, образующими редкие зубья, костяная прямоугольная пластина с 11-ю небольшими отверстиями по краю, бронзовый амулет-колесико.
11.	Обручевка, к.2 п.1 кост.2 (Гаврилюк А. Г., Таиров А. Д., 1993, с. 61, рис. 2).	Очаг в виде глиняной оградки 0,8 Х 0,8 м с линзой зольника и мелкими угольками внутри.
12.	Верхнекардаиловка II, к.3 (Васильев В. Н., Федоров В. К., 1994, с. 157).	Кусок дерева, по форме и размеру соответствующий углублению в СЖ, кусочек горного хрусталя, кусочек кварца.
13.	Аландское III, к.3-4 п.2 (Мошкова М. Г., 1972, с. 59, рис. 3, V).	Зеркало, три ракушки Gryphaea, два альчика, кусочки реальгара, обломок небольшой деревянной палочки.
14.	Новый Кумак, к.1 п.1 (Смирнов К. Ф., 1978, с. 62, рис. 2а).	Удила и бронзовые части уздечного набора, 4 гальки, покрытые каким-то черным налетом, деревянная поделка (возможно, дно от шкатулки), кусочек горного хрусталя.
15.	Новый Кумак, к.5 центр. погр. (Смирнов К. Ф., 1977, с. 10, рис. 2).	9 «гадательных камней» со следами сажи, бронзовое зеркало в футляре из коры, 2 раковины Gryphaea (одна из них с зеленовато-синей минеральной краской), маленький железный ножичек, кусочек белемнита, реальгара, черное сажистое вещество, белая яйцевидная галька-растиральник, миниатюрный туалетный сосудик, костяная ложка с изображением головы волка, стеклянные бусы.

16.	Новый Кумак, к.18 (Смирнов К. Ф., 1977, с. 23, рис. 8).	3 гальки, один из боков которых был потерт, группа бронзовых наконечников стрел, горшок, бронзовое колесико с куском деревянной палочки в отверстии, раковина Gryphaea со следами красной краски, кости ног и ребра барана.
17.	Новый Кумак, к.18 (Смирнов К. Ф., 1977, с. 23, рис. 8).	2 конкреции, кусочки красной краски, железное шило, бронзовое зеркало, горшок, плоский кварцитовый камень.
18.	Новый Кумак, к.19 п.2 (Смирнов К. Ф., 1977, с. 24).	Бронзовое зеркало, 2 железных шильца, 5 деревянных брусочков, железный ножичек, кварцитовая галька-растиральник, 3 потертых камня красноватого цвета, кусок реальгара, глиняное пряслице, сосуд.
19.	Новотроицкий I, к.2 п.3 (Бытковский О. Ф., 1998, с. 120, рис. 3, 4).	Два кусочка светлой (желтой) охры со следами растирания на поверхности.
20.	Гумарово, к.1 п.2 (Зуев В. Ю., Исмагилов Р. Б., 1999, с. 109, табл. 2, 2; 3, 4)	Зеркало.
21.	Гумарово, к.5, п.2 (Зуев В. Ю., Исмагилов Р. Б., 1999, с. 109, табл. 9, 2; 10, 15).	Бронзовое зеркало, серебряное колесико.
22.	Горбатый мост, к.5 (Граков Б. Н., 1947, с. 107).	Куски реальгара, речная галька и три большие ископаемые третичные раковины.
23.	Тара-Бутак, к.2 п.3 (Смирнов К. Ф., 1964, рис. 18, 3; 1975, с. 42).	Кусок соснового дерева со следами обработки, 2 сосуда, удила, подвеска из кабаньего клыка, кучка обожженных галек, пряслице.
24.	Тара-Бутак, к.3 (Смирнов К. Ф., 1975, с. 43).	Кусок обработанного соснового дерева.
25.	Чкаловский, к.4 п.3 (Воронова С. А., Порохова О. И., 1992, с. 232, рис. 7, 2).	Круглый терочник из красного песчаника.
26.	Чкаловский, к.6 п.4 (Воронова С. А., Порохова О. И., 1992, с. 237, рис. 13, 6).	Маленький круглодонный сосуд, бронзовое зеркало.
27.	Покровка 2, к.3 п.2 (Яблонский Л. Т., и др., 1994, с. 34, рис. 50).	Бронзовое зеркало, 3 раковины грифеи, чашечка, сделанная из эпифизарной кости крупного животного, костяной амулет, фрагмент деревянного блюда, крупинки красного аурипигмента (реальгара).
28.	Жаман-Каргала I, к.14 п.1 (Гуцалов С. Ю., 1996, с. 156, рис. 1).	Сосуд, «сланец серого цвета», два альчика.
29.	Бесоба, к.3 (Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж. К., 1978, с. 67, рис. 1).	Глиняный сосуд, кусочки реальгара, точильный камень.
30.	Бесоба, к.12 (Кадырбаев М. К., 1984, с. 86).	Железный нож, три ритуальные гальки.

В. Ю. Зуев о подобных компактных группах предметов пишет следующее: *«когда эти «священные» красители лежат щепотками в раковинах и маленьких чашечках по соседству с зеркалом, небольшим по размеру каменным столиком, блюдом или плиткой с шероховатой поверхностью, галькой или палочкой-растиральником, ножом и костяной ложечкой, то гораздо уместнее, на мой взгляд, говорить о туалетном наборе, чем о культовом комплексе сакральных вещей»* (1996, с. 59). Данные этой таблицы вступают в заметное противоречие с описанием В. Ю. Зуева. Ему не соответствует в полной мере, фактически ни одна компактная группа. Рядом с СЖ оказываются самые разнообразные предметы, в том числе, явно не имеющие отношения к приготовлению косметики. Помимо кусочков цветных минералов, зеркал, раковин с красителями и без них, каменных и деревянных растиральников (следов краски на которых не отмечено ни в одном случае), в этот список попадают как предметы из обычных категорий инвентаря – сосуды, кости животных, наконечники стрел, удила с уздечным набором, пряслице, бусы, так и нестандартные – бронзовые колесики, гребень с зооморфными изображениями, костяные пластины непонятного назначения, кусочки горного хрусталя, кварца, альчики, подвеска из кабаньего клыка, чашечка, сделанная из эпифизарной кости животного, кусочек белемнита, конкреции, костяной амулет. Обращает на себя внимание и тесное соседство СЖ с необычными объектами – выступом, сбитым из глины с известью, квадратным глинобитным очагом, пятном золы и органического тлена.

Хочу обратить внимание на комплекс из п.3 к.2 могильника Тара-Бутак, являющийся, согласно В. Ю. Зуеву, одним из эталонных погребений, ярко свидетельствующих о несомненном косметическом предназначении СЖ. Инвентарь этого погребения образует две компактные группы. Первая, у северной стенки деревянной рамы, вытянута вдоль левой руки погребенной. В нее входят зеркало, три раковины с красками, костяная чашечка с краской и одна галька. Вторая группа располагается у южной стенки рамы, между ее ЮВ углом и правой ногой погре-

бенной. В нее входят удила, подвеска из кабаньего клыка, два сосуда, кучка обожженных галек, пряслице и СЖ с куском потертого дерева. Все предметы, связанные с приготовлением и использованием косметики, находятся в противоположной от второй группы части могилы. СЖ максимально удален от них и входит в группу предметов, не имеющих никакого отношения к косметике.

По моему мнению, проблема взаимовстречаемости СЖ с другими предметами погребального инвентаря более сложна, нежели это представляется В. Ю. Зуеву и В. Н. Васильеву, и требует более тонкого подхода, нежели «вырывание» из обширного комплекса сопутствующих СЖ предметов лишь тех, которые «работают» на ту или иную концепцию.

...а о растирании красок и говорить нечего.
А. Попов, 1911 г.

СЖ и растирание красок. Говорить об этом, однако, вопреки мнению А. Попова, высказанному еще на заре изучения СЖ, придется много. Сторонники «косметической» теории утилитарного использования жертвенников в качестве главного аргумента приводят наличие на их поверхности пятен растертой краски: *«Чаще их поверхность покрыта реальгаром (иногда мелом)»* (Мирошина Т. В., 1990, с. 172); *«Очень часто на поверхностях этих предметов имеются следы впитавшегося в поры песчаника жира, а также пятна разнообразных минеральных красителей»* (Зуев В. Ю., 1996, с. 64); *«Неоспоримо, однако, лишь одно: жертвенники использовались для растирания красок. На это указывают не только следы краски, но и совместные находки их с красящими веществами»* (Васильев В. Н., 1998, с. 32). Возразить против этого, казалось бы, нечего. И, тем не менее, при тщательном рассмотрении истинного положения дел, немедленно возникают серьезнейшие сомнения как в предназначении СЖ для растирания красок, так и в косметической природе связанных с СЖ красителей.

Начнем с того, что перечисленные авторы не **приводят ни одного примера** (разрядка моя – В. Ф.) находки СЖ со следами растертой краски. Объяснение тому очень простое – ни один из защитников «косметической» теории самостоятельных исследований в этом направлении не проводил[24], все они лишь повторяют один из выводов, сделанных в свое время Б. Н. Граковым и К. Ф. Смирновым.

Если бы названные исследователи взяли бы на себя труд проверить, хотя бы по литературным данным[25], – насколько часты находки СЖ со следами растирания красок, едва ли их выводы были бы столь категоричными. В действительности, находки эти весьма редки. Объективности ради считаю необходимым перечислить их[26]:

---

[24] Так, В. Н. Васильев придает решающее значение [illegible] взаимовстречаемости СЖ и красящих веществ в [illegible] комплексах. Находки СЖ со следами растертой [illegible]он, как ни странно, оставляет без внимания.

[25] Следует оговориться, что в литературе о следах [illegible] на СЖ исследователи упоминают, по-видимому, не [illegible]. Так, К. Ф. Смирнов в 1964 г. отметил плотный [illegible] мелового порошка на подставке и в нижнем углублении СЖ из к.3 Тара-Бутака (с. 166). При публикации того же кургана в 1975 г. об этом обстоятельстве не упоминается (с. 43). Остается лишь полагаться на скрупулезность публикаторов и принимать отсутствие данных о следах краски как свидетельство того, что их нет в действительности. Должен сказать, однако, что при визуальном обследовании ряда СЖ в коллекциях научных учреждений Уфы, Самары, Челябинска и Оренбурга, следы краски оказались в наличии лишь на двух экземплярах – из к.2 Обручевки, о чем было известно и из публикации, и к.2 Яковлевки, из собственных раскопок. О следах краски на остальных осмотренных СЖ в литературе не упоминалось.

[26] Не лишним будет и краткий обзор состояния проблемы вне южно-уральского региона. Связь каменных блюд и плит с красной краской отмечена на территории Лесостепной Скифии (Ковпаненко Г. Т., Бессонова С. С., Скорый С. А., 1989, с. 71, 87, 113).В Южном Приаралье следы растирания реальгара (о «реальгаре» см. ниже – В. Ф.) и темно-коричневой краски найдены на поверхности двух «жертвенников» из к.45 Южного Тагискена (Итина М. А., Яблонский Л. Т., 1997, с. 18-19). Крупинки реальгара найдены внутри одного «жертвенника» из могильника Сакар-чага (там же, с. 42). В Уйгараке *«лишь у одного жертвенника на нижней стороне донышка была растерта красная краска»* (Вишневская О. А., 1973, с. 67). *«Беспорядочные штриховые следы красной краски»* зафиксированы практически на всех каменных плитках с изображением головы барана, основная масса которых найдена в междуречье Исети и Миасса (Колеватова Н. Ю., Шилов С. Н., Ченченкова О. П., 1994, с. 129). Данные о связи с красителями тасмолинских «алтариков» Центрального Казахстана удручающе неконкретны: *«На дне углублений у некоторых из этих предметов иногда заметны следы растирания каких-то красок»* (Маргулан А. Х. и др., 1966, с. 392). Еще сложнее ситуация с огромным массивом подобных артефактов из степного Приишимья, с Верхней Оби и Алтая. В обобщающих работах, где подробно рассматриваются местные каменные «алтарики», никаких данных о связи их с красящими веществами нет (Хабдулина М. К., 1994, с. 60; Могильников В. А., 1997, с. 88-91). Мне известно лишь высказывание А. П. Уманского (1992, с. 55) об «алтариках» Рогозихинского могильника, повторенное затем А. Л. Кунгуровым и А. А. Тишкиным (1996, с. 137) уже в отношении всего массива данных находок на Алтае: *«Ни нагара, ни жира, ни следов краски на алтариках не обнаружено»*. Тем не менее, *«каменный алтарик с красной краской»* был найден в кулажургинском могильнике Кызылтас в Восточно-Казахстанской области, т.е. в территориально близком регионе. Интересно, что сосуды из погребения с алтариком также были окрашены красной краской (Ткачев А. А., Ткачева Н. А., 1994, с. 98). Наличие или отсутствие краски во всех случаях, по-видимому, определялось неспециалистами. Приведенные данные свидетельствуют как о существовании, видимо, особой связи некоторой части «алтариков» с красной краской во всех регионах их распространения, так и об отсутствии сколько-нибудь серьезных исследований по этому вопросу.

1. СЖ из к.5 урочища «Горбатый мост»: *«Поверхность блюда не носит никаких следов растирания, но окрашена красной краской, на блюде лежали куски реальгара*[27]*»* (Граков Б. Н., 1947, с. 107);

2. из п.1 к.7 могильника Увак: *«Против таза лежала вверх ножками половина прямоугольного каменного жертвенника на четырех ножках со следами красной краски внутри и на ножках»* (Смирнов К. Ф., 1975, с. 66);

3. *«Красная краска, вероятно, также реальгар, была втерта в алтарик из кургана* (к.5 – В. Ф.) *группы Пятимары II, а на нижней части его дна сохранились следы мелового порошка»* (он же, 1964, с. 166-167);

4. из к.2 могильника Обручевка: *«... каменный жертвенник с тремя ножками в виде голов медведей (на внутренней поверхности жертвенника и на его дне следы красной краски)»* (Гаврилюк А. Г., Таиров А. Д., 1993, с. 53);

5. из п.2 к.3-4 могильника III Аландское: *«Почти всюду на поверхности его сохранились следы мела, а на дне лежали... кусочки реальгара»* (Мошкова М. Г., 1972, с. 59);

6. Уш-Кунь (Уш-Кюн): *«Поверхность несколько углублена к середине, сглажена и местами имеет красноватый оттенок, видимо, от растирания краски»*[28] (Попов С. А., 1964, с. 263);

7. из погр.7-8 к.20 могильника Новый Кумак: *«обломок плоского каменного жертвенника с углубленным орнаментом по бортику. Жертвенник разбит преднамеренно. На нем – густые слои мелового порошка»* (Смирнов К. Ф., 1977, с. 29, рис. 12, 27).

8. из погр.2 к.6 могильника у хут. Барышникова: *«Почти по всему «жертвеннику», за исключением небольшого участка бортика 7х5 см, зафиксированы следы красной краски. Возможно, «жертвенник» был окрашен в красный цвет»* (Краева Л. А., 1999, с. 179).

Несколько СЖ найдено со следами краски только на днище, т.е. не на основной рабочей поверхности:

1.–2. *«На нижних частях жертвенников из кургана 7 группы Бис-Оба и к.10* (п.2 – В. Ф.) *Мечетсайского могильника сохранились следы красной краски»* (Смирнов К. Ф., 1964, с. 166)[29];

3. у костяка 2 п.1. к.2 Обручевки: *«На тыльной его стороне сохранились следы красной краски»* (Гаврилюк А. Г., Таиров А. Д., 1993, с. 61);

4. из п.1 к.2 Яковлевки: *«Сверху и снизу имеются неглубокие выемки: поверхность нижней покрыта тонким слоем темно-красной краски»* (Федоров В. К., Васильев В. Н., 1998, с. 65);

5. *«На подставке и в нижнем углублении жертвенника из тарабутакского кургана 3 остался плотный слой мелового порошка»* (Смирнов К. Ф., 1964, с. 166);

6. из п.2 одиночного кургана на берегу озера Челкар: *«Он имел квадратную форму с сильно округленными углами, невысокий бортик, округлое дно и четыре невысоких ножки. ...Дно столика окрашено красной краской»* (Железчиков Б. Ф., Кушаев Г. А., 1999, с. 128, рис. 5, 7).

Приведенная сводка свидетельствует о том, что следов краски только на внутренней поверхности (разрядка моя – В. Ф.) не имеет ни один СЖ (к «красноватому оттенку» внутренней поверхности СЖ из Уш-Кюна осторожнее отне-

---

[27] Определение минеральных красителей из раннекочевнических погребений зачастую органолептически производится самими археологами, без консультаций с минералогами, не говоря уже о специальных анализах. На практике это приводит сплошь и рядом к безусловным ошибкам, от которых бывают не застрахованы и опытные исследователи. Например, в монографии М. А. Итиной и Л. Т. Яблонского «Саки Нижней Сырдарьи» достаточно подробно рассматривается вопрос об особой связи приаральских «жертвенников» и реальгара, и вообще о роли реальгара у ранних кочевников (1997, с. 41-42). Однако, утверждение: *«В Южном Тагискене реальгар красного, желтого и синего цвета, был найден на поверхности одного из зеркал»*, заставляют задуматься над тем, что же исследователи понимают под «реальгаром»? В чистом виде реальгар имеет кристаллы яркого оранжево-красного цвета. Под действием солнечного света и кислорода воздуха реальгар переходит, с выделением оксида мышьяка, в желтый минерал аурипигмент. Таким образом, если «красный» и «желтый реальгар» Южного Тагискена теоретически еще могут в действительности являться реальгаром и его производным – аурипигментом, то «синий реальгар», очевидно, все же, – какое-то другое вещество. В этом свете суждения М. А. Итиной и Л. Т. Яблонского об особой роли реальгара у саков Приаралья нельзя считать в полной мере корректными. Позволю себе привести пример, когда для определения минералов, найденных на усадьбе новгородского художника XII века (в том числе и реальгара), представительная выборка их образцов была подвергнута анализам микроскопическому, микрохимическому, люминесцентному, лазерному спектральному, эмиссионному спектральному и рентгеноструктурному (Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л., 1981, с. 124-126).

[28] В. Е. Трегубов пишет об этом СЖ следующее: *«Чаша круглая ... со следами красной краски, зафиксированными в момент обнаружения. В настоящее время следов краски на поверхности не отмечено, она стерта, либо смыта»* (1999, с. 5). Визуальные определения следов краски нельзя признать сколько-нибудь надежными. Ср. заключение специалиста по поводу пятен на внутренней поверхности СЖ из Петропавловского одиночного кургана: *«Здесь же отмечается полоса вишнево-коричневого цвета. Цвет полосы естественный и обусловлен окрашиванием породы по микротрещине гидроокислами железа»* (определение к.г.-м.н. М. Ю. Авижанской; Сунгатов Ф. А., Мигранов Р. А., 1998, с. 116).

[29] Б. Н. Граков, исследовавший могильник Бис-Оба и неоднократно описывавший в своих работах найденный в к.7 СЖ, ничего о следах красной краски на нём не пишет (1947, с. 106; 1962, с. 41), а ведь именно ему принадлежит ставшее уже классическим постулирование особой связи СЖ и красной краски (1947, с. 109-110).

стись с сомнением). Все экземпляры имеют следы краски на разных участках поверхности, преимущественно на днище[30].

Необходимо упомянуть еще несколько находок, указывающих на вероятную связь СЖ с красителями. Это кусочки различных красящих веществ, найденные лежащими на поверхности СЖ[31]. Помимо кусочков реальгара с поверхности СЖ из к.5 урочища «Горбатый мост» и п.2 к.3-4 могильника III Аландское, это:

1. СЖ из погр.1 к.1 Красносамарского I могильника: *«На его краю лежал кусок мела»* (Мышкин В. Н., Скарбовенко В. А., 1996, с. 203, рис. 7, 1,2);

2. СЖ из погр.2 к.2 Варненского могильника: *«На нем находились костяная трубочка, заполненная голубым порошком и заткнутая с двух сторон деревянными пробками»*, а также ряд других предметов (Боталов С. Г., Таиров А. Д., 1996, с. 119).

3. СЖ из погр.3 к.2 Новотроицкого I могильника: *«Рядом с жертвенником лежали два кусочка светлой (желтой) охры со следами растирания на поверхности»* (Бытковский О. Ф., 1998, с. 120, рис. 3, 4).

О следах растирания краски на этих СЖ указаний в цитированной литературе нет. Следы синей и желтой краски на СЖ вообще никогда никем не фиксировались.

Растирание минеральных красителей на камне оставляет, как правило, несмываемые и не стираемые следы[32]. Каменные плитки прекрасно сохраняют эти следы в течение сколь угодно долгого времени. Первые подобные находки известны уже в среднем палеолите, т.е. на самой заре изобразительного искусства (Столяр А. Д., 1985, с. 125). Представляется невозможным самопроизвольное исчезновение таких следов с савроматских растиральников красок.

Существует и еще один аспект, заставляющий усомниться в возможности использования СЖ для систематического растирания косметических красителей. В. Н. Васильев, соглашаясь с В. Ю. Зуевым в определении данных предметов как краскотерок, указывает на то обстоятельство, что *«кроме белой и красной краски, в погребениях находят следы черного, голубого и зеленого красящих веществ»* (1998, с. 32). В погребениях, но не на СЖ! Чрезвычайно трудно представить себе растирание белых, красных, черных, голубых, зеленых и, добавим, желтых красок внутри единственной краскотерки[33]. Растира-

---

[30] К сожалению, из публикации не ясно, как именно *«густые слои мелового порошка»* покрывали обломок СЖ из погр.7-8 к.20 могильника Новый Кумак. В частности, были ли покрыты мелом места изломов? Если это так, то версию о растирании красок внутри СЖ следовало бы почти наверняка отбросить, заменив ее версией о преднамеренном натирании краской некоторых СЖ, скорее всего, разовым, непосредственно перед погребением.

[31] Объективности ради следует привести по возможности полный список предметов (помимо кусочков дерева, находки которых подробно будут рассмотрены ниже), обнаруженных *in situ* лежащими на поверхности СЖ. Это: речная галька, кусок реальгара и три ископаемые раковины («Горбатый мост», к.5; Граков Б. Н., 1947, с. 107), два альчика, мелкие кусочки древесного угля и реальгара, три ракушки и небольшая деревянная палочка (III Аландское, п.2 к.3-4; Мошкова М. Г., 1972, с. 59, 70), кусок мела и бронзовое зеркало (I Красносамарский, п.1 к.1; Мышкин В. Н., Скарбовенко В. А., 1996, с. 203), зеркало (Альмухаметово, к.10 п.2; Пшеничнюк А. Х., 1983, с. 48), зеркало ольвийского типа (Андреевка; Матвеева Г. И., 1980, с. 21; само зеркало лежало на локте левой руки погребенной, на СЖ находилась лишь его ручка), обломок ручки зеркала ольвийского типа и бронзовое колесико (курган «Елга», Нефедов Ф. Д., 1899, с. 41), конкреция (Новый Кумак, к.18, Смирнов К. Ф., 1977, с. 23), деревянная ложка (Новоорский II, к.2 п.2, Федоров В. К., 1992, с. 84), россыпь бараньих альчиков (Лиманы, к.6 п.2, Кушаев Г.А., 1982), удила (Новый Кумак, к.1 п.1, Смирнов К. Ф., 1978, с. 62), костяной гребень, резные костяные пластины и бронзовое колесико (Варна, к.2 п.2, здесь СЖ лежал опрокинутым, и некоторые из этих предметов, видимо, соскользнув с его днища, находились впритык к его стенкам, Боталов С. Г., Таиров А. Д., 1996, с. 119, рис. 4). Едва ли мы имеем дело с каскадом случайностей. Сторонники «косметической» теории о них даже не упоминают, но материал накоплен уже значительный, и не требовать объяснений он не может.

[32] Приходится только удивляться тому обстоятельству, что определение СЖ как краскотерок производится сторонниками «косметической» теории без микроскопического трасологического анализа их поверхности, без попыток обнаружения микрочастиц растертой краски и их специального анализа. В литературе мне удалось обнаружить единственный случай, когда предмет, сопоставимый с южно-уральскими СЖ, был подвергнут специальному исследованию (овальная каменная плита из сооружения 2 могильника Гек-Даг II в южном Закаспии). Г. Ф. Коробкова определила его как краскотерку (Мандельштам А. М., 1976, с. 24). Едва ли, однако, есть основания экстраполировать данные единичного анализа на весь массив подобных находок. Лишь исследование представительной выборки СЖ дало бы объективные данные о характере следов на рабочей поверхности, характере растираемой субстанции, продолжительности использования того или иного СЖ и др.

[33] Грубую плитку с тремя ячейками со следами красок из п.1 к.9 Новоорского I могильника В. Н. Васильев выделяет в особый тип IV *«плоских жертвенников с несколькими «рабочими» ячейками»* (1998, с. 26), на мой взгляд, совершенно неоправданно. Это самая настоящая краскотерка, не имеющая к СЖ никакого отношения. Здесь проблема несмешения растираемых красителей решена единственно возможным способом – обособлением участков для растирания. Ничего подобного у СЖ мы никогда не наблюдаем. По поводу «гигиенически-косметического», по мнению В. Ю. Зуева, назначения СЖ, В. Н. Васильев не без иронии пишет: *«В самом деле, если взять на выбор несколько достаточно полных комплексов с красками различных цветов, от охры до синего или зеленого, то можно только представить, какая защитная (от солнца и степного ветра) маска получится из женского лица»* (там же, с. 32). Косметические красители разных цветов, одновременно присутствующие на женском лице, никого не удивляют по сей день. Удивительно отсутствие следов всех этих красителей на рабочих поверхностях СЖ. Мож-

ние краски одного цвета автоматически отменяет возможность растирания здесь же краски другого цвета. Для этого пришлось бы не просто вымыть, выскоблить краскотерку. Напомним, что рабочая поверхность многих СЖ подвергалась намеренному выщерблению, становилась неровной, с множеством мелких впадинок: выковырять откуда краску было бы очень нелегкой задачей. При попытке растереть краску иного цвета, было бы невозможно избежать ее смешения с предшествующей. Потребовалось бы, наверное, сбить верхний слой камня вместе с въевшейся старой краской, но при таком порядке использования тщательно изготовленный «псевдожертвенник-краскотерка» прослужил бы очень недолго (не говоря уже о фантастических трудозатратах при банальном приготовлении косметики).

Позволю себе сделать некоторые предварительные выводы, касающиеся связи СЖ и красящих веществ:

1. Визуально следы растертой краски фиксируются на единичных экземплярах;
2. Обнаружены следы лишь белых и красных веществ;
3. Следы эти фиксируются на всех поверхностях СЖ, чаще на донных, реже – на внутренних;
4. Никаких объективных данных о химическом составе красителей не имеется;
5. В некоторых случаях имеются сомнения в искусственной окрашенности поверхности СЖ;
6. Нет никаких данных о том, имеем ли мы дело с систематическим растиранием красок или с одномоментным окрашиванием.

Не имея объективных данных о химическом составе красителей и о характере их растирания (многократное–однократное) очень трудно судить об их прикладном назначении. Все-таки некоторые наблюдения возможны и здесь, хотя все они носят сугубо предположительный характер. Априорно принимая белый и красный красители (а других на СЖ не обнаружено) как мел и реальгар, попытаемся выяснить, каково могло быть их утилитарное применение.

I. Мел. Истолченный в порошок мел с незапамятных времен применяется в качестве белого косметического красителя. К приведенному В. Ю. Зуевым этнографическому примеру можно прибавить еще сотни и сотни. Иное дело – татуировка. Мне не удалось отыскать в литературе никаких свидетельств того, что мел когда-либо применялся при татуировании, даже темнокожими народами. Самыми распространенными красителями во все времена были сажа и копоть. В их приготовлении процесс растирания вообще не присутствует. Необходимо отметить и еще один небезынтересный факт: в п.3 к.4 могильника Чкаловский найден СЖ, который сам был выточен из куска мела (Воронова С. А., Порохова О. И., 1992, с. 231-232, рис. 7, 6).

II. Реальгар. Здесь ситуация и вовсе приобретает драматический оттенок. Б. Н. Граков уже отмечал, что реальгар *«по своей режущей кристаллической структуре никак не может служить румянами»* (1947, с. 109). Но дело не только в этом. Реальгар (AsS, сернистый мышьяк) ядовит, и втирание его в кожу, и тем паче введение непосредственно в ткани при татуировании, по меньшей мере, рискованно[34].

но только представить, в какую невообразимую палитру должны, если следовать В. Н. Васильеву, они были бы превратиться.

[34] Вопрос о токсичности сульфидов мышьяка (реальгара и аурипигмента) имеет несколько составляющих, а именно: дозы, опасные для жизни и здоровья, и способы введения их в организм. Не являясь специалистом, я не могу дать исчерпывающего квалифицированного заключения о степени опасности манипуляций с реальгаром и аурипигментом в качестве косметических и татукрасителей. По литературным данным можно отметить следующее. Сульфиды мышьяка – реальгар As_4S_4 и аурипигмент As_2S_3 – обнаруживают очень малую токсичность. Доза, вызывающая гибель 100% экспериментальных животных (крыс) при оральном введении, по сравнению с другими соединениями мышьяка, весьма велика – 6400 мг/кг. Самая низкая известная токсическая доза, также для крыс, при оральном введении, на порядок ниже – 500 мг/кг, а при подкожном – еще ниже – 125 мг/кг (Гамаюрова В. С., 1993, с. 97, 101, табл. 3. 1). В пересчете на взрослого человека весом 60 кг получается, что для отравления при подкожном введении (в т.ч., очевидно, и при татуировке) минимальная доза должна составить 7,5 г. При больших площадях татуированной поверхности кожи (а по пазырыкским мумиям мы знаем, что величина этих площадей была значительной) эта доза не только может быть достигнута, но и перекрыта. Что же касается возможности поглощения мышьяка непосредственно через кожу у человека, то данные об этом крайне ограничены. В обзоре ВОЗ упоминается описанный в литературе случай системного отравления у больного, щека которого смазывалась пастой, содержащей мышьяк (неорганическое соединение, какое именно – не конкретизируется) (Мышьяк, 1985, с. 60). Еще раз повторю, что вопрос о степени токсичности реальгара при различных способах его введения в организм нуждается в специальном рассмотрении специалистами. Реальгар употребляется в пиротехнике, как консервирующее средство при изготовлении чучел (Реальгар, 1930, с. 216). В красильном деле реальгар и аурипигмент употребляются в качестве краски для живописи, в кожевенном производстве – как пигмент для красок (Вредные вещества ..., 1997, с. 216). Известно применение реальгара в косметике, но не как красителя, а в качестве депилятория (для удаления волос), что, несомненно, связано с его токсичностью (Реальгар, там же).

Еще одна составляющая: осведомленность древних о ядовитости реальгара. При очень малой токсичности его вредоносное действие, даже при условии постоянного употребления, должно проявляться лишь с течением продолжительного времени. Связывалось ли оно древними с реальгаром? Мбх в рассказе об обычаях племени бахликов (бактрийцев?) упоминает *«светлокожих дев с глазами, удлиненными пламенно-алым мышьяком»* (VIII, 30, 19-26). Едва ли речь идет о чем-то ином, нежели о реальгаре. Не исключено, что о ядовитости реальгара древние вообще не подозревали. Из проявлений вредоносного воздействия сульфидов мышьяка на организм известно, в частности, что аурипигмент нарушает функцию семенни-

Сомнения в использовании сернистого мышьяка в качестве косметического средства были высказаны уже достаточно давно, и именно в связи с вопросом о функциональном назначении каменных блюд в культурах ранних кочевников (Шрамко Б. А., 1987, с. 102). Конечно, нельзя исключать, что южноуральскими кочевниками использовались и иные красные вещества, например, сурик (Смирнов К. Ф., 1975, с. 149) или красный мел (Максимова М. И., 1948, с. 49)[35]. Следует, однако, заметить, что сурик также ядовит, а документированных находок красного мела в пределах южно-уральского региона неизвестно. Находки же реальгара здесь хорошо документированы независимым определением специалистов (Аникеева О. В., 1995, с. 72; 1996, с. 73; Минеева И. М., Горожанин В. М., 1998, с. 180), хотя они и не связаны напрямую с СЖ. В Уйгараке, где в погребениях найдено много реальгара (в том числе – в виде кусочков в непосредственной близости от «жертвенников»), красная краска, растертая на костяных пластинах (косметических краскотерках), оказалась, однако, киноварью. *«Отсутствие следов реальгара на костяных пластинках,* – пишет О. А. Вишневская, – *указывает, видимо, на то, что в Приаралье он в косметике, по-видимому, не использовался»* (1973, с. 85-86).

Таким образом, есть основания для следующего заключения. Даже если систематическое растирание внутри СЖ мела и реальгара будет подтверждено специальными исследованиями, косметическое предназначение их следует признать вероятным, но не более того. Приведенный В. Ю. Зуевым *«интересный случай применения косметики в погребальном обряде скифов»*, описанный В. А. Ильинской[36] (Зуев В. Ю., 1996, с. 65), отнюдь не свидетельствует о том, что краска для подрумянивания щек покойницы была натерта именно внутри каменного алтарика. Из числа же принадлежностей для татуировки СЖ следует, по-видимому, исключить.

Натирание краской разных поверхностей СЖ – внутренних, донных, ножек; использование для этого красителей лишь определенных цветов (красного и белого), при существующей у ранних кочевников Южного Урала разнообразнейшей косметической гамме; использование ядовитого реальгара – все это вновь подводит нас к предположению Б. Н. Гракова и К. Ф. Смирнова о некой семантической нагрузке окрашивания СЖ, об их сакральной связи с красными и белыми веществами.

СЖ и растирание древесины. Еще один вопрос, который необходимо рассмотреть в связи с «косметической» теорией функционального назначения СЖ, связан с растиранием внутри них ароматической древесины. Т. В. Мирошина (1990, с. 172) упоминает об этом лишь вскользь, заимствуя соответствующую опцию у К. Ф. Смирнова. В. Н. Васильев, также опирающийся на К. Ф. Смирнова, сведения о растирании древесины попросту исключает, т.к. они никак не вписываются в его теорию о «псевдожертвенниках-краскотерках» для нанесения татуировок. Гораздо большее внимание этому обстоятельству уделяет В. Ю. Зуев, т.к. оно, по его мнению, является прямой иллюстрацией к словам Геродота о «шероховатых камнях» на которых скифянки растирают ароматную древесину (1996, с. 64-65).

Рассмотрим все известные случаи. Помимо вышеупомянутой находки из п.2 к.3-4 могильника III Аландское обломка *«небольшой деревянной палочки диаметром около 1 см»* (Мошкова М. Г., 1972, с. 59), имеются следующие находки:

1. в к.2 могильника Тара-Бутак *«на жертвеннике лежал кусок соснового дерева прямоугольной формы со следами обработки; кроме того, жертвенник был покрыт каким-то коричневым тленом»* (Смирнов К. Ф., 1975, с. 42);

2. в к.3 могильника Тара-Бутак *«в жертвеннике лежал кусок обработанного соснового дерева»* (там же, с. 43);

3. в к.3 могильника Верхнекардаиловка II лежал *«жертвенник-алтарик, изготовленный из речного голыша, внутри которого находился кусок дерева, по форме и размеру соответствующий углублению в жертвеннике»* (Васильев В. Н., Федоров В. К.,

---

ков крыс (Гамаюрова В. С., 1993, с. 138). При известной доле фантазии можно связать половые расстройства у скифов, многократно описанные античными авторами (Геродот, I, 105; IV, 67; Псевдо-Гиппократ, «О воздухе...», 28-30) и, очевидно, вызвавшие к жизни институт энареев, с использованием реальгара; на мой взгляд, однако, это было бы чересчур экстравагантно. *«Известны также случаи рака дыхательных путей и желудочно-кишечного тракта при длительном контакте с мышьяковистыми инсектицидами, реальгаром и т.д.»* (Вредные вещества ..., 1977, с. 219). Вопрос об осведомленности древних о токсичности реальгара также нуждается в специальном рассмотрении. Есть свидетельства и иного рода (см. след. примечание).

[35] Последний добывался в Африке, Италии, на о. Лемносе и в Каппадокии. Особенно ценился красный мел о. Лемноса. Он развозился в разные страны и продавался в качестве румян. Среди других сортов красных красок, распространенных в античном мире, М. И. Максимова называет сандарак: *«Естественный сандарак добывался главным образом в шахтах Пафлагонии. Работа в этих шахтах была губительна для здоровья, вследствие обилия ядовитой пыли. Работали здесь исключительно рабы и осужденные преступники; среди них была такая высокая смертность, что добычу сандарака часто приходилось прекращать из-за недостатка рабочих рук. Современные ученые полагают, что сандарак древних соответствовал нашему сандараку, т.е. представлял собой красный мышьяк»* (там же, с. 49-50). Красный мышьяк и упомянутый выше М. И. Максимовой желтый мышьяк (с. 47) – несомненные реальгар и аурипигмент. Едва ли растирание реальгара на поверхности СЖ могло обходиться без вдыхания его ядовитой пыли.

[36] *«На скуловых костях молодой женщины, погребенной в кургане № 15 у Старинской птицефабрики, были видны яркие следы розовой краски, свидетельствующие о том, что щеки умершей были натерты минеральной краской, очевидно, смешанной с жиром».*

1994, с. 157);

4. в п.1 к.2 Яковлевки: *«В непосредственной близости от жертвенника был найден кусок дерева, по внешнему виду отличающийся от многочисленных обломков перекрытия, также найденных в могиле. Деревянный брусочек выделялся правильностью граней и, как кажется, затертостью поверхности»* (Федоров В. К., Васильев В. Н., 1998, с. 72).

5. в к.2 п.2 Новоорского II могильника *«особо отметим находку деревянной ложки внутри каменного жертвенника»* (Федоров В. К., 1992, с. 84).

Тара-бутакские находки долгое время являлись единственными в своем роде; все ссылки в литературе на факты растирания древесины внутри СЖ основаны именно на них. Особенно большое значение придает им В. Ю. Зуев. Считаю необходимым привести соответствующие места из его работ: *«Интересный факт дает погребение 3 в кургане 2 Тара-Бутакского могильника второй половины VI–V вв. до н. э. На поверхности найденного там большого каменного столика-растиральника была зафиксирована спрессованная масса растертого соснового дерева, имевшая когда-то жировую добавку»* (1989, с. 135). *«Весьма точно процесс приготовления косметики, описанный Геродотом, был зафиксирован археологически в погребении кургана 2 могильника «Тара-Бутак». На большом каменном столике в момент открытия погребения был зафиксирован полустертый кусок древесины еловой породы, лежавший в окружении растертой и запекшейся (вероятно, от присутствия жира) древесной массы (Смирнов 1975: 39-42)»* (1996, с. 65).

Я намеренно привел эти цитаты вместе со ссылкой на работу К. Ф. Смирнова, из которой, якобы, В. Ю. Зуев почерпнул сведения о *«растертой и запекшейся (вероятно от присутствия жира) древесной массе»*. Легко убедится, что ничего подобного в данной работе нет. К. Ф. Смирнов отметил лишь, что *«жертвенник был покрыт каким-то коричневым тленом»* (см. выше). В другой своей работе К. Ф. Смирнов писал об этом же СЖ: *«Коричневатый тлен растительного происхождения, покрывавший углубление алтаря из кургана 2, остался, вероятно, от травы или хвои»* (1964, с. 167).

В изложении В. Ю. Зуева тара-бутакская находка выглядит совершенно «по-геродотовски». Если же строго придерживаться текста К. Ф. Смирнова[37], сопоставление далеко не так убедительно. Первоначально последний осторожно указал на траву или хвою, затем ограничился еще более общей фразой о *«каком-то коричневом тлене»*. Из публикаций К. Ф. Смирнова остается неясным, растирался ли на СЖ сам кусочек древесины, либо он использовался в качестве песта для растирания какой-то травы или хвои[38].

Находки из Верхнекардаиловки и Яковлевки, сделанные автором и В. Н. Васильевым в последние годы, как кажется, могут внести ясность в этот вопрос. К сожалению, верхнекардаиловский кусок дерева рассыпался в мелкую труху при выемке его из углубления в СЖ. В Яковлевке же выпавший из опрокинутого на бок (устроителями впускного захоронения) СЖ аналогичный кусок дерева прекрасно сохранился. Специальное исследование, проведенное к.б.н. А. Р. Ишбирдиным (ИБ УНЦ РАН), показало, что это кусок древесины сосны намеренно обработанный таким образом, чтобы его нижняя часть повторяла форму выемки в СЖ. С полным основанием А. Р. Ишбирдин заключает, что кусок древесины является ни чем иным, как пестом-давилкой (1998, с. 164). Таким образом, речь в данном случае идет вовсе не о растирании древесины внутри СЖ, а о связке типа «ступа-пест». Также не свидетельствует в пользу растирания древесины внутри СЖ находка в одном из них деревянной ложки.

Некоторые выводы. Необходимо признать, что решение проблемы функционального назначения СЖ, со времени постановки ее А. А. Бобринским, фактически не сдвинулось с места. Накопленные данные до сих пор не проанализированы со всей необходимой тщательностью, самым же «узким» местом является трасология поверхности СЖ. Из всех предложенных гипотез наиболее обоснованной по сей день остается та, что была предложена в 1964 году К. Ф. Смирновым. О несвободности ее от недостатков говорилось выше. Культовое предназначение СЖ, однако, представляется несомненным. Попытки опровергнуть данное положение, предпринятые В. Ю. Зусвым, Т. А. Мирошиной и В. Н. Васильевым, на мой взгляд, неубедительны. Тем не менее, в их работах приведены многочисленные новые данные, «высвечен» ряд слабых мест в исследованиях предшественников, а главное, надеюсь, благодаря их максималистскому запалу, демонстративной самоуверенности, нарочитой категоричности и у других исследователей пробудится интерес к данной проблеме.

Положение с возможностью определения функционального назначения СЖ далеко не тупиковое. Помимо трасологии (исследования эти, несомненно, с течением времени, будут проделаны), имеется еще целый ряд данных, либо вообще не привлекавшихся исследователями, либо рассматривавшихся лишь бегло, на единичных примерах, в отрыве от всего комплекса сведений, предоставляемых нам находками СЖ. К таковым относятся: 1) различия в материале изготовления (камень, глина, дерево), 2) различия в форме (четырехугольник, круг, овал), 3) отсутствие-наличие ножек, их количество (четыре,

[37] К сожалению, никаких данных о том, сохранился ли тлен из этого СЖ, подвергался ли он анализу, я не имею: не имеет их, судя по ссылке на старую работу К. Ф. Смирнова, и В. Ю. Зуев.

[38] Так, в п.1 к.19 могильника Новый Кумак найден *«деревянный «терочник» овальной формы с органическим коричневым налетом на гранях»* (Смирнов К. Ф., 1977, с. 24, рис. 11, 6).

три, две, одна), 4) расположение СЖ внутри погребения, соседство с различными объектами, различными категориями инвентаря, 5) находки предметов in situ внутри СЖ, список их (см. выше) весьма примечателен, 6) зооморфная декорировка СЖ, в том числе **многофигурные композиции с несомненным сюжетным содержанием**, 7) орнаментальные композиции, знаки и символы, нередко встречающиеся на СЖ, 8) объективные данные о связи СЖ с красителями, имеющей, как показано выше, далеко не столь простой характер, как это представлялось предыдущим исследователям. Во второй части предлагаемого исследования будет рассмотрена гипотеза о функциональном назначении СЖ, в той или иной мере объясняющая, на мой взгляд, все присущие им удивительно многообразные особенности. Как кажется, она органично вписывается в картину религиозных представлений ранних кочевников Южного Урала, реконструируемую по данным археологических и письменных источников. Вторая часть статьи планируется к публикации в 3-м выпуске УАВ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алабин П. В., 1895. Древности, найденные в Самарской губернии и хранящиеся в Самарском Публичном Музее. Самара.

Аникеева О. В., 1995. Минералого-петрографическое исследование каменного материала из могильников у с. Покровка // Курганы левобережного Илека. Вып.3.

Аникеева О. В., 1996. Новые данные о происхождении каменного материала из могильников у с. Покровка // Курганы левобережного Илека. Вып.4.

Банников А. Л., 1997. Зооморфные изображения на южноуральских жертвенниках I тысячелетия до нашей эры (к постановке проблемы) // XXIX Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция: Тез. докл. Челябинск.

Банников А. Л., 1998. Жертвенники с зооморфными изображениями как элемент культуры сарматских племен Южного Урала VI-V вв. до н. э. // Материалы XXX Урало-Поволжской археологической конференции молодых ученых. Самара.

Банников А. Л., 1999. «Савроматские жертвенники» как маркер выделения жреческого слоя у ранних кочевников Южного Урала VI-V вв. до н. э. // XXXI Урало-Поволжская конференция студентов, аспирантов и молодых ученых (УПАСК). Тез. докл. Самара.

Басилов В. Н., 1992. Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. М.

Бобринский А. А., 1887. Курганы и случайные находки близ местечка Смелы. Т.I. СПб.

Бобринский А. А., 1901. Курганы и случайные находки близ местечка Смелы. Т.III. СПб.

Богородцев А. В., 1999. Культ огня в погребальном обряде сармат // Историко-археологические изыскания: Сб. трудов молодых ученых. Вып.3. Самара.

Бойс М., 1988. Зороастрийцы: Верования и обычаи. М.

Боталов С. Г., Таиров А. Д., 1996. Памятники раннего железного века в окрестностях села Варна // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск.

Брашинский И. Б., 1973. Раскопки скифских курганов на Нижнем Дону // КСИА. Вып.133.

Бытковский О. Ф., 1998. Савроматские погребения Новотроицкого I могильника // Археологические памятники Оренбуржья. Вып.II. Оренбург.

Васильев В. Н., 1998. К вопросу о сарматских каменных жертвенниках кочевников Южного Урала // УАВ. Вып.1.

Васильев В. Н., Федоров В. К., 1994. Разведочные раскопки в северо-восточном Оренбуржье // Башкирский край. Вып.5.

Васильев И. Б. и др., 1973. Работа Московского отряда Нижнекамской экспедиции // АО-1972. М.

Вишневская О. А., 1973. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII-V вв. до н. э. М.

Власкин М. В., Ильюков Л. С., 1992. Каменные песты и ступы катакомбной культуры Нижнего Дона // СА. № 3.

Воронова С. А., Порохова О. Н., 1992. Чкаловский курганный могильник // Древняя история населения волго-уральских степей. Оренбург.

Вредные вещества в промышленности: Справочник для химиков, инженеров, врачей. Т.III. Неорганические и элементорганические соединения. Изд. 7-е. Л., 1977.

Гаврилюк А. Г., Таиров А. Д., 1993. Курганы у села Обручевка в Южном Зауралье // Кочевники уралоказахстанских степей. Екатеринбург.

Галанина Л. К., 1977. Скифские древности Поднепровья: (Эрмитажная коллекция Бранденбурга) // САИ. Д1-33.

Галанина Л. К., 1997. Келермесские курганы. М.

Гамаюрова В. С., 1993. Мышьяк в экологии и биологии. М.

Граков Б. Н., 1947. ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ (пережитки матриархата у сарматов) // ВДИ. № 3.

Граков Б. Н., 1962. Две заметки по скифо-сарматской археологии // КСИА. Вып.89.

Гуцалов С. Ю. 1996. Впускные погребения Илека предсавроматского времени // Вопросы археологии Западного Казахстана. Вып.1. Самара.

Дорошенко Е. А., 1982. Зороастрийцы в Иране. М.

Железчиков Б. Ф., 1997. Выверенная база данных по погребальным памятникам савроматской эпохи // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып.II. Раннесарматская культура. М.

Железчиков Б. Ф., 1998. Археологические памятники Уральской области. Волгоград.

Железчиков Б. Ф., Кушаев Г. А., 1989. Курганы на берегу озера Челкар в западном Казахстане // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 2. Волгоград.

Зуев В. Ю., 1989. Ритуал очищения у скифов и массагетов в аспекте культурно-исторического единства Евразийской Скифии VII–V вв. до н. э. // Маргулановские чтения. Алма-Ата.

Зуев В. Ю., 1991. Курган 1888 г. у поселка Черниговского // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Л.

Зуев В. Ю., 1996. Научный миф о «савроматских жрицах» // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб.

Зуев В. Ю., Исмагилов Р. Б., 1999. Курганы у дер. Гумарово в Южном Приуралье // АПО. Вып.III.

Ильинская В. А., 1968. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев.

Ильинская В. А., 1975. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII–VI вв. до н. э.). Киев.

Ильюков Л. С., Власкин М. В., 1992. Сарматы междуречья Сала и Маныча. Ростов н/Д.

Итина М. А., Яблонский Л. Т., 1997. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М.

Ишбирдин А. Р., 1998. О некоторых результатах исследования объектов органического происхождения из курганов эпохи бронзы и раннего железного века Южного Урала // УАВ. Вып.1.

Кадырбаев М. К., 1977. Казахстан в I тысячелетии до нашей эры: Западный и Северный Казахстан // История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней: В 5-ти т. Т. 1. Алма-Ата.

Кадырбаев М. К., 1977а. Каменные алтари-жертвенники из Северо-Западного Казахстана // СА. № 3.

Кадырбаев М. К., 1984. Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.

Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж. К., 1978. Погребение жрицы, обнаруженное в Актюбинской области // КСИА. Вып.154.

Ковпаненко Г. Т., Бессонова С. С., Скорый С. А., 1989. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион). Киев.

Колеватова Н. Ю., Шилов С. Н., Ченченкова О. П., 1994. Южно-уральские плитки с изображением головы барана из Курганского и Шадринского музеев // Шадринская старина. Шадринск.

Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л., 1981. Усадьба новгородского художника XII в. М.

Краева Л. А., 1999. Памятники раннего железного века из западного Оренбуржья // АПО. Вып.III.

Кунгуров А. Л., Тишкин А. А., 1996. Результаты исследования памятника эпохи раннего железа Усть-Иштовка 1 на Алтае // Археология, антропология и этнография Сибири. Барнаул.

Кушаев Г. А., 1982. Отчет за 1982 год // Архив ИА им. А.Х. Маргулана МН–АН РК.

Кушаев Г. А., 1993. Этюды древней истории степного Приуралья. Уральск.

Лукьяшко С. И., 1997. Об изображениях на культовых предметах скифо-сарматского мира (к проблеме культурных взаимодействий) // Донские древности. Вып.5. Азов.

Лукьяшко С. И., 1997а. Символика огня в скифо-савроматских памятниках VI-V веков до н. э. // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов.

Максимова М. И., 1948. Сырьевая база и первичная обработка материалов // Эллинистическая техника. М.–Л.

Мандельштам А. М., 1976. К характеристике памятников ранних кочевников Закаспия // КСИА. Вып.147.

Маргулан А. Х. и др., 1966. - Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата.

Матвеева Г. И., 1972. Новые савроматские памятники в Башкирии // СА. № 1.

Матвеева Г. И., 1980. Археологические памятники железного века на территории Куйбышевской области. Куйбышев.

Минеева И. М., Горожанин В. М., 1998. Минералого-петрографическое описание каменных предметов археологической коллекции Национального музея РБ // УАВ. Вып.1.

Мирошина Т. В., 1990. Амазонки у сарматов и проблема матриархата // Проблемы скифо-сарматской археологии. М.

Могильников В. А., 1997. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н. э. М.

Мошкова М. Г., 1972. Савроматские памятники северо-восточного Оренбуржья // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М.

Мошкова М. Г., 1997. Проблема миграций в сарматской археологии и работах К. Ф. Смирнова // Донские древности. Вып.5. Азов.

Мурзин В. Ю., 1984. Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев.

Муродов О. Шаманский обрядовый фольклор у таджиков средней части долины Зеравшана // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М.

Мышкин В. Н., Скарбовенко В. А., 1996. Савроматские и раннесарматские погребения Самарского Заволжья (по итогам раскопок 1974–1987 гг.) // Краеведческие записки. Вып.VIII. Самара.

Мышьяк: Гигиенические критерии состояния окружающей среды. Женева, 1985.

Нефедов Ф. Д., 1899. Отчет об археологических исследованиях в Южном Приуралье, произведенных летом 1887 и 1888 гг. Ф.Д. Нефедовым // МАВГР. Т.3.

Обыденнов М. Ф., 1997. Археологические памятники верховьев Агидели: Отчеты Иштугановской комплексной экспедиции. Вып.1. Уфа.

Ольховский В. С., 1991. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н. э.). М.

Петренко В. Г., 1967. Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н. э. // САИ. Вып. Д1–4.

Попов А., 1911. По поводу доклада А. И. Деревенскова // ТОУАК. Вып. XXIII.

Попов С. А., 1964. Археологические находки на территории Оренбургской области // АЭБ. Т.2.

Пшеничнюк А. Х., 1983. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.

Пшеничнюк А. Х., 1995. Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа.

Реальгар // МСЭ. Т.7. 1930.

Смирнов К. Ф., 1964. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.

Смирнов К. Ф., 1971. Отчет о работе Оренбургской экспедиции Института археологии АН СССР и Оренбургского краеведческого музея // Архив ИА РАН, Р-1, № 4510, а.

Смирнов К. Ф., 1973. Курильницы и туалетные сосудики азиатской Сарматии // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.

Смирнов К. Ф., 1975. Сарматы на Илеке. М.

Смирнов К. Ф., 1977. Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа.

Смирнов К. Ф., 1978. Дромосные могилы ранних кочевников Южного Приуралья и вопрос о происхождении сарматских катакомб // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.

Снесарев Г. П., 1969. Реликты домусульманских верований у узбеков Хорезма. М.

Столяр А. Д., 1985. Происхождение изобразительного искусства. М.

Сунгатов Ф. А., Мигранов Р. А., 1998. Петропавловский одиночный курган // УАВ. Вып.1.

Сухарева О. А., 1975. Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М.

Ткачев А. А., Ткачева Н. А., 1994. Кулажургинские курганы могильника Кызылтас // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул.

Трегубов В. Е., 1999. Зооморфные жертвенные алтари // Областной краеведческий музей: Сб. науч. статей и публикаций. Вып.1. Оренбург.

Уманский А. П., 1992. Рогозихинские курганы по раскопкам Барнаульского пединститута в 1985 году // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул.

Федоров В. К., 1992. Савромато-сарматские костяные ложечки: К вопросу об индоарийских корнях некоторых явлений савромато-сарматской культуры // Башкирский край. Вып.2. Уфа.

Федоров В. К., Васильев В. Н., 1998. Яковлевские курганы раннего железного века в Башкирском Зауралье // УАВ. Вып.1.

Хабдулина М. К., 1994. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы.

Хазанов А. М., 1970. Материнский род у сарматов // ВДИ, 2.

Хедаят С., 1958. Нейрангистан // Переднеазиатский этнографический сборник. Сб.1. М.

Шрамко Б. А., 1987. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев.

Яблонский Л. Т. и др., 1994. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 // Курганы левобережного Илека. Вып.2. М.

Яблонский Л. Т. и др., 1996. Раскопки могильников Покровка 1, 2, 7, и 10 в 1995 году // Курганы левобережного Илека. Вып.4. М.

Kadyrbaev M. K., 1981. Denkmäler des Sauromatenadels in Westkasachstan // Das Alterum. 1.

ПРИЛОЖЕНИЕ[1]

М. Ф. Обыденнов
(Уфа, БГУ)

<НОВЫЕ НАХОДКИ САВРОМАТСКИХ АЛТАРЕЙ-ЖЕРТВЕННИКОВ С ТЕРРИТОРИИ БАШКИРИИ>

Кроме савроматского оружия на территории Башкирии в числе случайных находок встречаются обломки алтарей-жертвенников. Первый обломок жертвенника найден на поселении Кюнь II в Краснокамском р-не БАССР в жилище с курмантауской керамикой (Васильев И. Б. и др., 1973, с. 168). Размеры камня 11,5x7x8,5 см. На сером песчанике вырезаны округлые глаза и округлые уши, и смоделирована голова какого-то животного (медведя?). Сходные по изображениям ножки имеются у жертвенника из кургана 1 могильника Кумис-сай, описанного М. К. Кадырбаевым (1977, с. 205-206, рис. 2). В 1987 году механизатором Любишевым в 8 км от с. Дарьино Мелеузовского района БССР в горах, у ручья в районе д. Старо-Казановка был найден обломок подпрямоугольной формы ножки столика жертвенника из серого песчаника. Высота ножки 12 см, размер 3x3,8 см. На камне вырезано изображение лошади или фантастического хищника (сайгака?) Близкое изображение имеется на жертвеннике из урочища Курайли (там же, с. 208-209, рис. 7).

Судя по стилю изображения, первое выполнено в обобщенно-натуралистической манере раннего периода скифо-сибирского «звериного» стиля. Второе, вероятно, позднее, и относится к позднему периоду скифо-сибирского искусства. Образ сайгака или козла усложнен включением принципов «фантастического» хищника, который является соединением двух половинок волчьих хищников.

Жертвенник из Кумис-сая по погребальному комплексу М. К. Кадырбаев датирует VI-V вв. до н. э. (с. 207). Очевидно, этим временем следует датировать кюньский обломок и находку из Дарьинского музея. Данная датировка важна еще и тем, что позволяет датировать жилище и комплекс курмантауской керамики на поселении Кюнь, где была найдена ножка жертвенника.

Описанные нами находки обломков алтарей-жертвенников стилистически связаны с Орско-Илекским междуречьем и попали в Центральные районы Башкирского Приуралья в результате сезонных миграций ранних кочевников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильев И. Б. и др., 1973. Работа Московского отряда Нижнекамской экспедиции // АО-1972. М.

Кадырбаев М. К., 1977. Каменные алтари-жертвенники из Северо-Западного Казахстана // СА. № 3.

[1] В 1994 г. отделом археологии НМ РБ был подготовлен к изданию и выпущен в свет сборник научных статей «Вооружение и военное дело древних племен Южного Урала», куда М. Ф. Обыденновым была предоставлена статья, посвященная случайным находкам мечей и кинжалов савромато-сарматского времени с территории Башкирии. Там же автор предполагал опубликовать два обломка зооморфных СЖ. Однако в связи с тем, что статьи подобного же содержания были подготовлены В. Н. Васильевым и Н. С. Савельевым, по согласованию с авторами материал был опубликован в виде двух сводных статей: Васильев В. Н., Обыденнов М. Ф. «Кинжалы предсавроматского и савроматского времени из Башкирии» и Обыденнов М. Ф., Савельев Н. С. «Оружие ранних кочевников: новые находки в Башкортостане». Находки СЖ опубликованы не были. Рисунок обломка СЖ с поселения Кюнь II уже публиковался ранее (Васильев И. Б. и др., 1973, с. 168), но в ином ракурсе. Рисунок обломка СЖ из с. Старо-Казановка был опубликован М. Ф. Обыденновым в 1997 г. без каких-либо сведений о нем. Сам рисунок не вполне удовлетворителен (рис. 71). Ныне редакция УАВ считает возможным опубликовать с более качественными иллюстрациями ту часть статьи М. Ф. Обыденнова, которая была посвящена данным находкам (название дано редакцией).

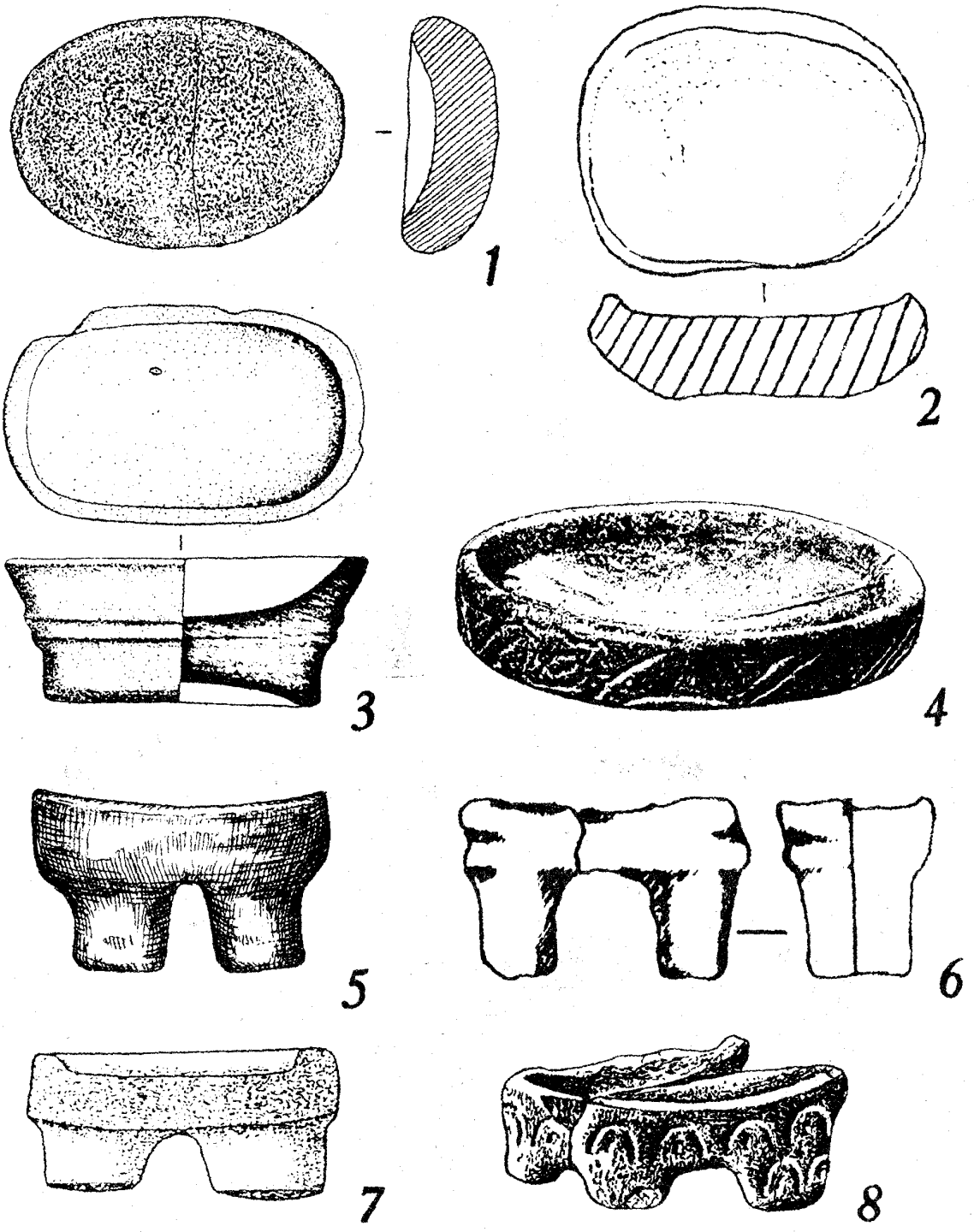


Рис. 1. Наиболее полно иллюстративный материал по СЖ представлен в статье В. Н. Васильева (1998), где даны прорисовки 72-х артефактов. Находок СЖ на Южном Урале, однако, гораздо больше; по разным причинам ряд из них в сводку В. Н. Васильева не попал. Ниже приведены рисунки еще пятнадцати артефактов. 1 – Новотроицкий I к.2 погр.3 (по О. Ф. Бытковскому, 1998, рис. 4, 2). 2 – Жаман-Каргала I к.14 погр.1 (по С. Ю. Гуцалову, 1996, рис. 1, 3). 3 – Покровка 2 к.3 погр.2 (по Л. Т. Яблонскому и др., 1994, рис. 77, 4). 4 – Новый Кумак к.1 погр 1 (по К. Ф. Смирнову, 1978, рис.2а), 5 – Рыбный Сакрыл II (по Г. А. Кушаеву, 1993, рис. 12, Б), 6 – Алебастрово II к.7 (по Б. Ф. Железчикову, 1998, рис. 34, 5), 7 – Покровка 10 к.2 погр.1-2 (по Л. Т. Яблонскому и др., 1996, рис. 67, 2), 8 – случайная находка в Учалинском р-не РБ (по Г. И. Матвеевой, 1972, рис. 3, 2). Масштаб разный.

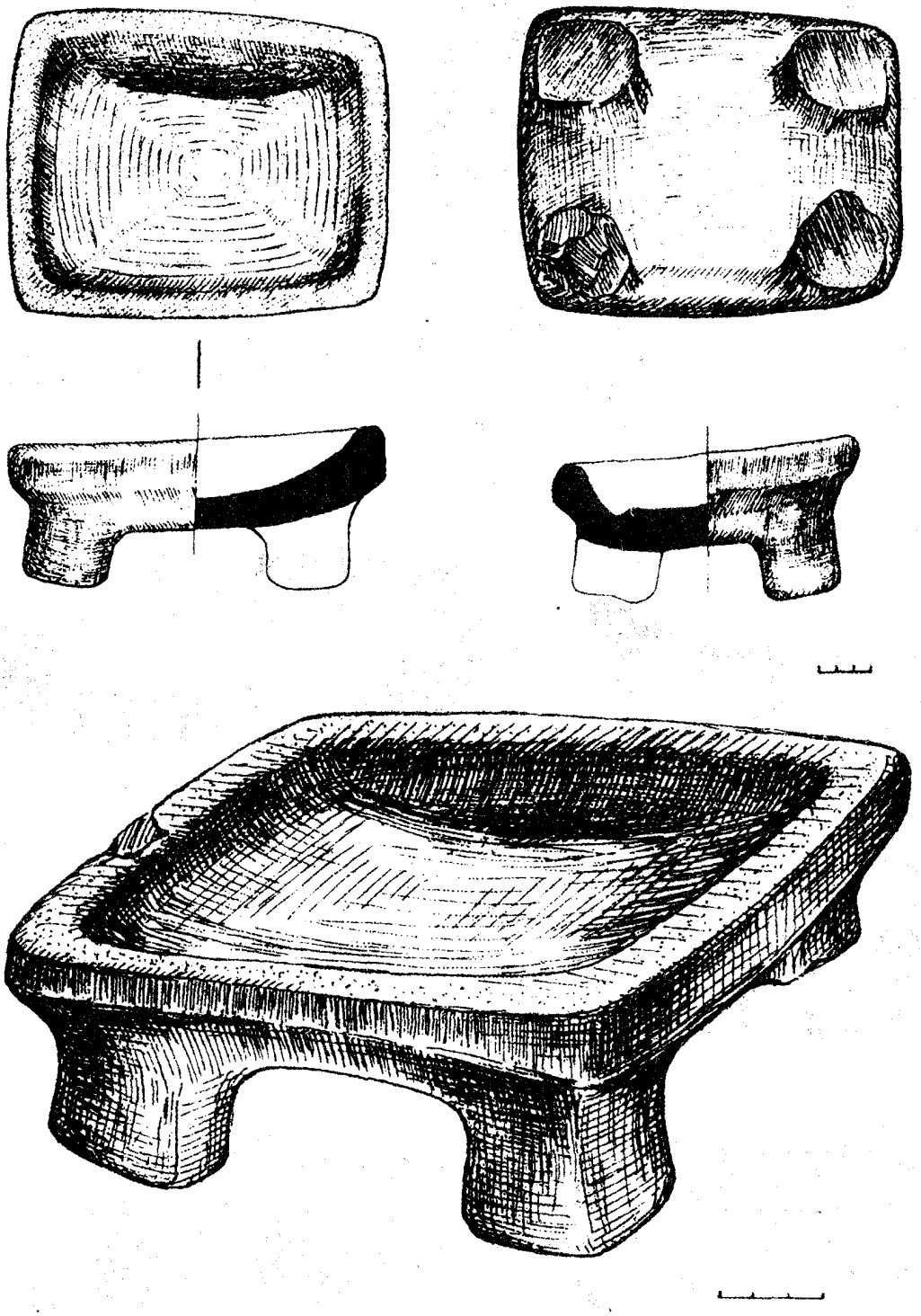


Рис. 2. СЖ, судя по документам, поступивший в НМ РБ (о.ф. № 6422/1) 17 августа 1970 г. из д. Этбармас Зианчуринского р-на РБ (юго-западная Башкирия). Очевидно, случайная находка. Одна ножка отбита в древности. На внутренней поверхности следы многочисленных точечных ударов, в центральной части сильно сглаженные. Вдоль одной из длинных сторон, у бортика, – канавкообразное углубление.

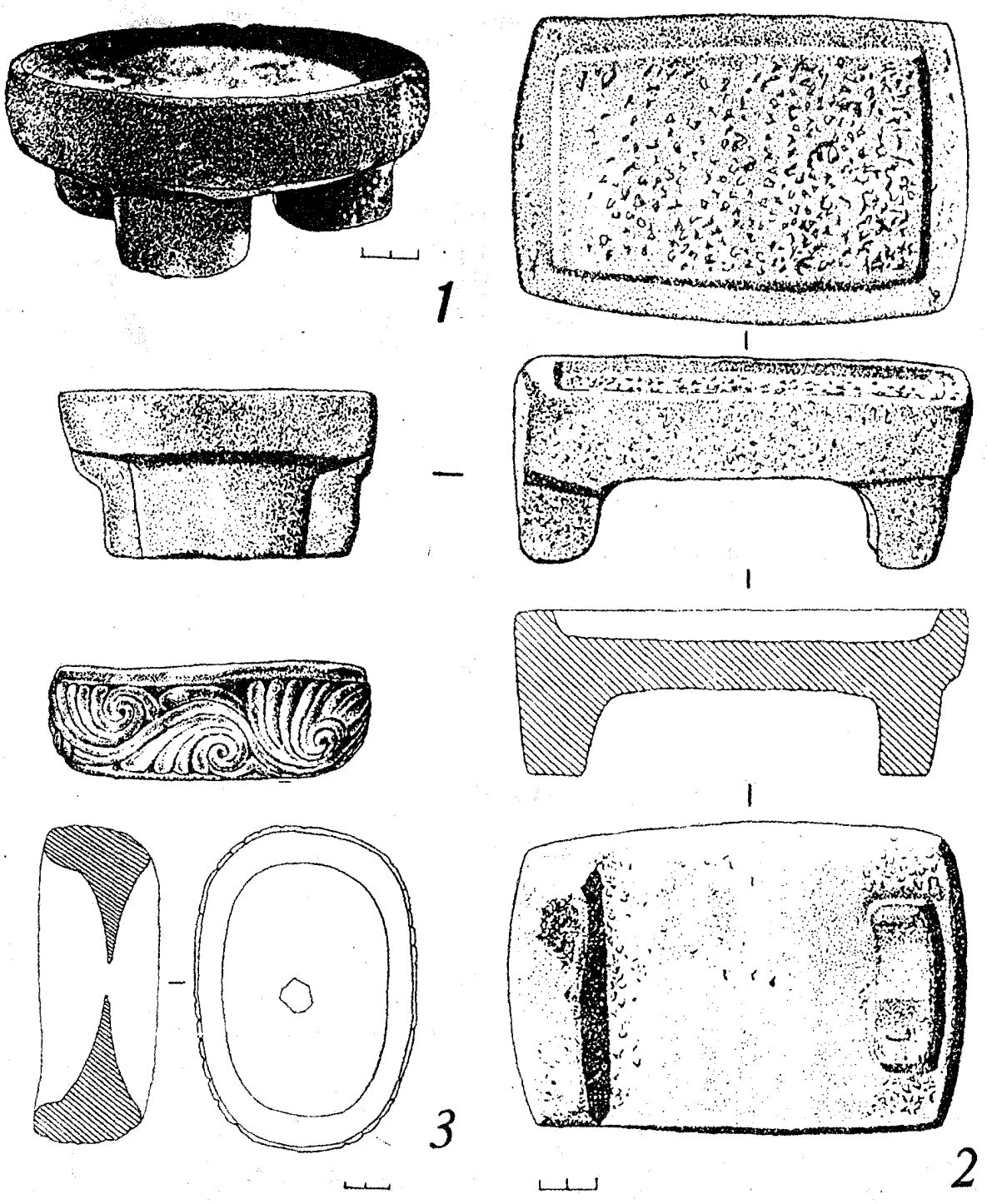


Рис. 3. 1 – Гумарово к.1 п.2, 2 – Гумарово к.5 п.2 (оба по В. Ю. Зуеву, Р. Б. Исмагилову, 1999, табл. 3, 4; 10, 15), 3 – Барышников к.6 п.2 (по Л. А. Краевой, 1999, рис. 8).

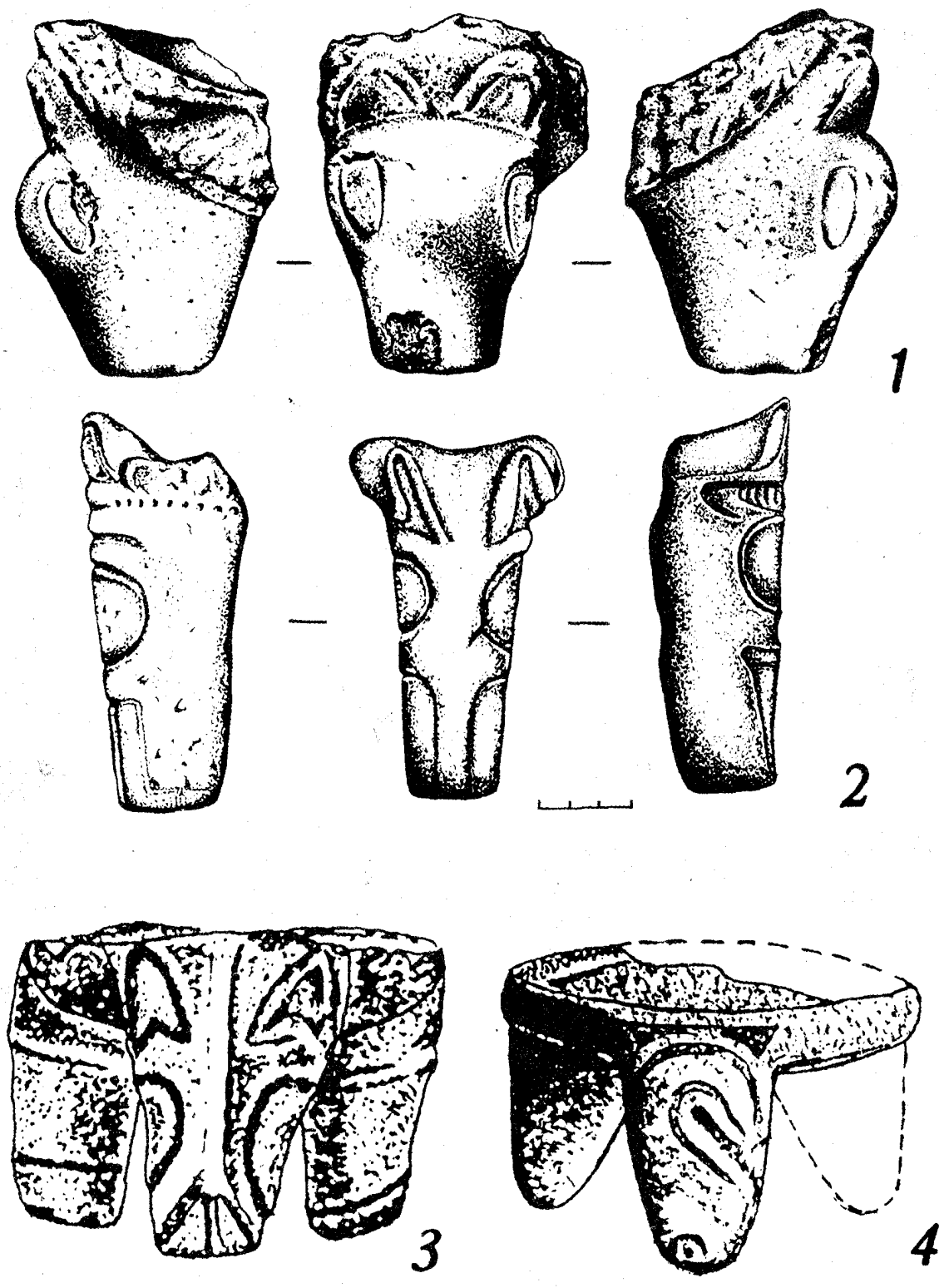


Рис. 4. 1 – Кюнь II; 2 – Старо-Казановка; 3 – СЖ, найденный при рытье траншеи через курган у с. Мустафино Шарлыкского р-на Оренбургской обл.; 4 – СЖ со стилизованным изображением головы барана на ножках, найденный в верховьях р. Киргильды, против г. Новотроицка Оренбургской обл. (оба по В. Е. Трегубову, 1999, с. 5-7, рис. 6, 9). Масштаб разный. Еще один СЖ с прочерченным изображением полной фигуры барана на ножке: см. в наст. сборнике статью В. В. Родионова и С. Ю. Гуцалова, рис. 9, 1.

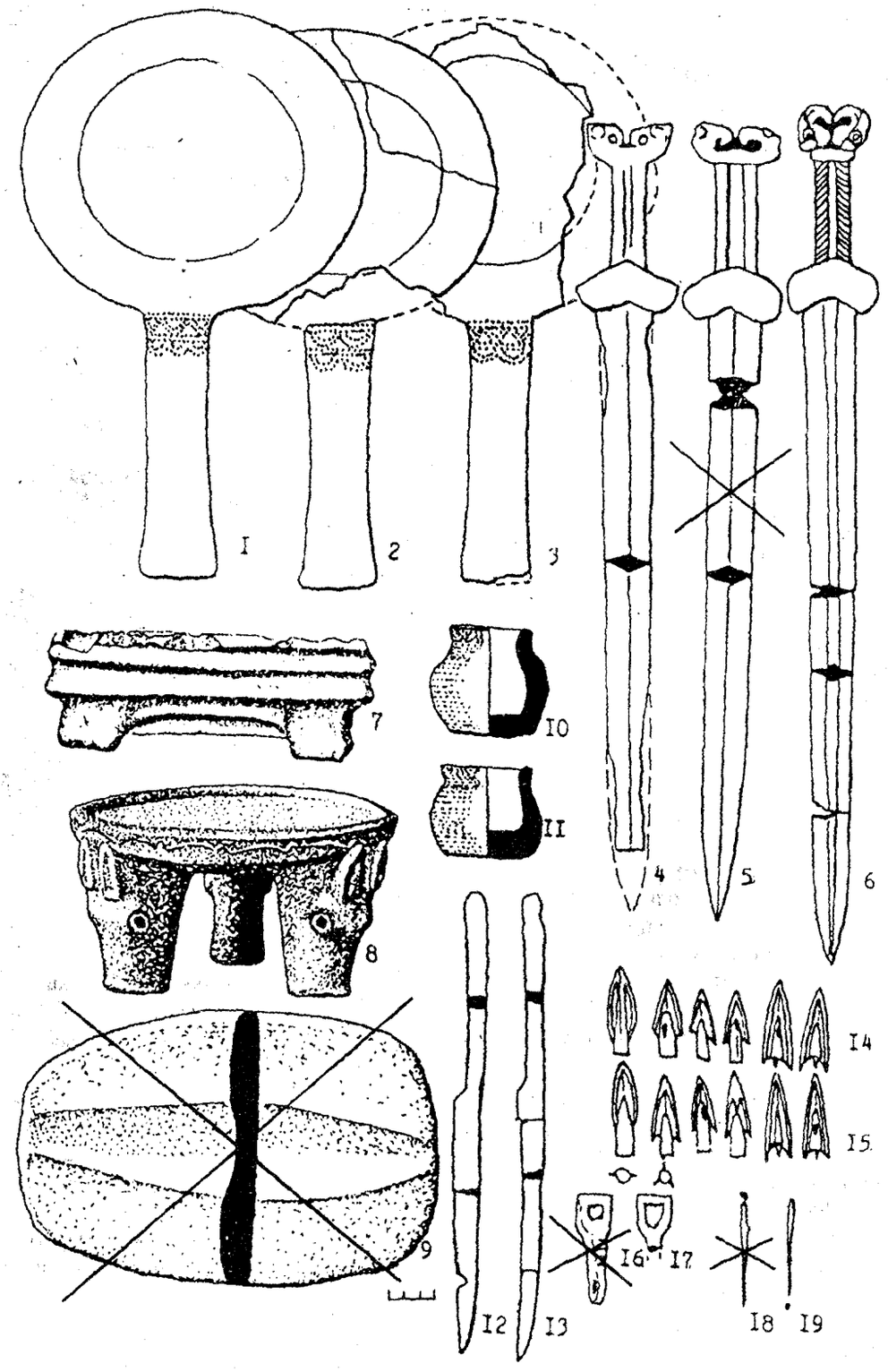


Рис. 5. Графическая иллюстрация, сопровождающая работу В. Ю. Зуева «Научный миф о «савроматских жрицах», СПб, 1996. Согласно нумерации В. Ю. Зуева: **1, 4, 7, 11, 13, 17, 19** – Гумарово, курган 3; **2, 5, 9, 10, 12, 15, 16, 18** – Сара, курган 7; **3, 6, 8, 14** – Черниговский курган 1888 года. На самом деле вещи под №№ **5, 9, 16, 18** (для наглядности они на данной иллюстрации перечеркнуты) не были найдены в кургане 7 Сары; они происходят из грабительских раскопок крестьян в других курганах этого могильника.

А. Х. Пшеничнюк
(Уфа, ИИЯЛ УНЦ РАН)

ДЕРЕВЯННАЯ ПОСУДА ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО УРАЛА

До недавнего времени находки деревянной посуды и ее остатков в памятниках ранних кочевников Южного Урала были чрезвычайно редки. Немногочисленны они и среди синхронных материалов соседних регионов (Степи Европейской части СССР..., с. 110-112; Степная полоса Азиатской части СССР..., табл. 7, 4-5; 29, 62-65; 119, 64-65). Полная сводка описание и анализ находок деревянной посуды скифского времени в свое время были даны в работе А. П. Манцевич (1966). В последующие годы коллекция деревянной посуды ранних кочевников сколь либо существенно не пополнялась. Лишь в конце 1980-х – начале 1990-х гг. на Южном Урале было найдено значительное количество остатков деревянной посуды. Имеются в виду находки в двух курганных могильниках рубежа V-IV вв. до н.э. (Переволочанском и Филипповском), исследованных экспедицией Института истории, языка и литературы УНЦ РАН под моим руководством.

Переволочанский курганный могильник находится на ЮВ республики Башкортостан в Хайбуллинском р-не. В 1974 и 1991 гг. раскопано 10 из 12 курганов. Остатки деревянных сосудов обнаружены лишь в одном, центральном кургане 10, во впускных погребениях (Пшеничнюк А. Х., 1995, с. 81-92).

В непотревоженном подбойном погребении 1 на ступеньке у входа в подбой находились остатки узды, костяные накладки боевого пояса и деревянный сосуд. Дерево практически полностью истлело, но земляное заполнение сосуда отличалось от могильного заполнения, и форма сосуда прослеживалась очень четко. Он имел форму чаши с округлым дном, D устья 23 см, высота 11 см. Дно сосуда было расколото и сшито серебряной проволочкой. Устье чаши было украшено маленькой золотой оковкой, размером 3,7х2 см с загибом на внутреннюю часть чаши (рис. 1).

Во впускном, также подбойном мужском погребении 2 за черепом прослежены остатки 7 деревянных чаш с уплощенными днищами диаметром от 12 до 24 см. Возле 3-х чаш сохранились серебряные оплетки в виде спиралей, которыми сшивались расколотые стенки сосудов.

В погребении 4 возле черепа погребенного мужчины сохранились следы 2-х деревянных чаш. Диаметры чаш 22 см, высота 9-10 см. Обе чаши украшены тремя серебряными оковками с роговидными завитками (рис. 2, *1,2*). Следы еще одной деревянной чаши диаметром около 26 см прослежены за черепом.

Филипповский курганный могильник расположен в Илекском р-не Оренбургской обл., в междуречье Урала и Илека в 100 км западнее г. Оренбурга. Могильник состоял из 25 курганов разных размеров. В течение 5-ти полевых сезонов 1986-1990 гг. раскопано 17 курганов (Пшеничнюк А. Х., 1995, с. 126). В 9 из них обнаружены остатки деревянной посуды, как правило, в центральных (основных) погребениях. В некоторых случаях фиксировались лишь следы от днищ сосудов на дне могилы. В кургане 1 сохранились части 2-х деревянных сосудов. В большинстве же погребений – это золотые, реже серебряные оковки сосудов.

Форма и размеры сосудов разнообразны. Об этом можно судить по отпечаткам днищ сосудов на дне могильных ям, по плохо сохранившимся деревянным частям сосудов, а большей частью – по форме и размерам металлических оковок стенок и ручек.

Отпечатки днищ сосудов прослежены в 3-х курганах (1,3,14). Предположительно это были невысокие чаши с уплощенным дном. Чаша из кургана 1 имела D 30 см, отпечатки 2-х чаш из кургана 14 погр.2 – 28 см. У одной из них прослежены и отпечатки стенок на высоту 6 см, а также обнаружено 6 маленьких золотых гвоздочков, которыми, видимо, были прибиты унесенные грабителями оковки. В кургане 3 прослежены отпечатки днищ 3-х сосудов: 2 отпечатка от чаш или блюд больших размеров, диаметром около 50 см и один от небольшого сосуда диаметром 15 см. Интересно отметить, что рисунок всех отпечатков представляет собой концентрические круги – следы годичных колец дерева. Это позволяет сделать предположение, что чаши изготовлялись путем выдалбливания со стороны поперечного среза ствола.

В кургане 1 в заполнении могилы ближе ко дну обнаружены остатки 2-х деревянных сосудов. Деревянная основа одного сосуда почти полностью истлела или сгорела. Сохранились 2 золотые ажурные оковки с загибом на внутреннюю сторону, золотые оковки вертикальной ручки в виде объемной фигурки хищника (волка?) и золотые гвоздочки, которыми они прибивались к деревянной основе. Судя по расположению оковок, сосуд имел вид современной кружки диаметром 10-12 см, стенки с 2-х сторон были украшены оковками, а с одной из сторон между оковками была прибита ручка в виде хищника, также оббитая двумя оковками. Четко прослежено, что стенки сосуда были окованы не по всему периметру, а украшена лишь незначительная часть сосуда. Высоту сосуда можно определить лишь приблизительно (типа рис. 3).

Второй сосуд сохранился лучше. Почти целой оказалась половинка верхней части сосуда, что позволяет с известной долей приблизительности сделать графическую реконструкцию. Он имеет горшечную форму, D по венчику 16,5 см, высота неизвестна, так как он был сверху сильно сдавлен, дно не сохранилось. Сосуд был снабжен, видимо, парой го-

ризонтальных ручек – сохранились вбитые в дерево золотые гвоздочки в один горизонтальный ряд, по шейке сосуд был украшен тонкими плохо сохранившимися золотыми пластиночками в виде змеек (рис. 2, *3*).

Металлические оковки деревянных сосудов найдены в 7 исследованных курганах Филипповского могильника. Подавляющее большинство из них происходит из тайника 1 кургана 1. В общей сложности здесь насчитывается около 350 золотых оковок стенок и ручек сосудов самых разнообразных форм, выполненных, как правило, в так называемом зверином стиле. Большинство оковок стенок – это оковки закраин сосудов с загибом на внутреннюю сторону. Гораздо реже встречаются оковки срединной или придонной части сосуда, без загиба на внутреннюю сторону. Ручки также неоднородны, подразделяются на 3 типа, условно названные нами вертикальными, горизонтальными и боковыми.

Вертикальные ручки выполнены в виде объемной фигуры хищника стоящего на четырех лапах с опущенной вниз головой. Ручка вырезалась из цельного куска дерева, затем с 2-х сторон оббивалась тонкими листами золота, которые прибивались к деревянной основе тонкими золотыми гвоздочками, четырехгранными в сечении. Затем золотое покрытие тщательно обжималось по форме фигурки с помощью какого-то неострого чекана (выколотка), повторяя все детали фигурки (мышцы, шерстяной покров, глаза и т.д.). Сосуд с вертикальной ручкой имел вид современной кружки (рис. 3).

Горизонтальные ручки парные, крепились к сосуду с 2-х противоположных сторон, придавая ему вид кастрюльки. Они также вырезались из куска дерева. На лицевой (верхней) стороне с помощью резца изображалась так называемая сцена терзания или фигурка животного. Оборотная (нижняя) сторона была гладкой. С обеих сторон ручка оббивалась тонкими золотыми листами. На лицевой стороне методом выколотки прорабатывались все детали изображенные на деревянной основе. Горизонтальных ручек насчитывается 10 пар, возможно, их было больше – часть оковок имеют очень плохую сохранность и определить их назначение трудно (рис. 4).

Боковые ручки представляют собой объемную верхнюю часть фигуры животного – голову и шею. Ручки с 2-х сторон оббиты золотыми листами, обжимающими основу с помощью выколотки (рис. 5).

Определить количество сосудов, спрятанных в тайнике 1, можно лишь приблизительно. Основным репером для подсчета является количество оковок и ручек. Однако дело в том, что количество оковок на одном сосуде было различным. Чаще всего, видимо, это 2 оковки, противостоящие друг другу. Это хорошо прослеживается на сосудах с горизонтальными ручками. Эту мысль подтверждают находки парных оковок, т.е. 2-х одинаковых. Двумя оковками, очевидно, были украшены сосуды, выполненные в виде стилизованной фигуры животного. Например, большой сосуд в виде фигуры медведя: ручка выполнена в виде выступающей объемной головы животного, хвост в виде оковки треугольной формы. Вся поверхность ручки и оковки орнаментирована S – видными завитками, выполненными тонкой гравировкой. Чаша стояла на 4-х ножках в виде объемных ног медведя, также оббитых золотыми листами. D чаши примерно 29 см, высота собственно чаши 15 см, высота вместе с ножками 20,5 см (рис. 6). Или другой сосуд в виде фигуры лошади, также оббит двумя оковками. Одна оковка изображает переднюю часть фигуры животного, другая – заднюю. Обе части фигуры изображены на горизонтальной поверхности. В «передней» оковке, в центре вырезано отверстие, в которое вставлена ручка в виде реалистически исполненной объемной головы и шеи лошади. D чаши 15,5 см (рис. 7). Аналогично исполнена еще одна чаша – в виде фигуры хищника кошачьей породы (рис. 8), а также маленький сосудик с длинной изогнутой ручкой в виде грифона, исполнявший роль ковшика или черпачка (рис. 9). Двумя оковками с роговидными завитками был украшен маленький сосудик с вертикальной ручкой в виде фигуры хищника, найденный на дне могилы центрального кургана.

Однако немало, видимо, было и сосудов с иным количеством оковок. Так, один большой и глубокий деревянный сосуд горшковидной формы был по всей верхней части оббит двумя парами больших золотых оковок с изображением сцены охоты на сайгаков (рис. 10). В одном из погребений Переволочанского могильника, как было показано выше, две деревянные чаши были украшены тремя серебряными оковками, расположенными по венчику на равном расстоянии друг от друга (рис. 2, *1,2*), а в другом погребении этого же могильника большая деревянная чаша была украшена только одной маленькой золотой оковкой (рис. 1).

В тайнике 1 Филипповского центрального кургана немало как единичных оковок или ручек сосудов (рис. 11-13), так и по 3, 4, 6 и более одинаковых оковок, которые можно рассматривать и как украшения одного сосуда, и двух и даже трех. Например, в коллекции 3 одинаковые оковки в виде фигуры двугорбого верблюда. Вполне логично предположить, что ими был украшен один сосуд. Судя по контурам венчиков оковок, это была чаша диаметром 26 см (рис. 14, *1*). 4 оковки, примерно таких же размеров, исполнены в виде фигуры кабана. D чаши, украшенной этими оковками, составлял 28,5 см. На этой чаше свободно могли «разместиться» как 2, так и все 4 оковки (рис. 14, *2*). То же самое можно говорить и о 8 оковках с изображением оленя: это мог быть один, два и даже 4 сосуда; об оковках с роговидными завитками (рис. 15-16) и т.д.

И все-таки, судя по количеству парных оковок, разнообразных ручек сосудов, наиболее вероятное количество деревянных сосудов в тайнике 1 – 100-110. Бóльшую часть среди них составляли невысокие круглодонные чаши (миски) диаметром от 9-10 до 20-23 см без каких-либо ручек. Не менее 8 сосу-

дов такого типа были снабжены горизонтальными ручками, составляющими с оковками одно целое (рис. 5). Несколько сосудов имели форму низких чаш диаметром 28-30 см. 10-12 небольших сосудов были снабжены вертикальными ручками в виде объемной фигуры животного (хищника). По форме и размерам они напоминают современные кружки (рис. 3). 3 сосуда представляют собой небольшие ковшики или черпачки с ручкой в виде фигуры грифона или змеи (рис. 9).

В большинстве случаев золотыми пластинами оковывалась лишь верхняя часть сосуда (венчик) с загибом пластины на внутреннюю сторону. Некоторые сосуды дополнительно украшались по тулову небольшими ажурными пластинками разнообразной формы. Оковки прибивались к деревянной основе золотыми гвоздочками, четырехгранными в сечении. В верхней части гвоздочками пробивались наружная и внутренняя части оковок по типу заклепок. Ряд сосудов отремонтирован – трещины скреплены (сшиты) тонкой серебряной проволокой, плоской в сечении. Поскольку дерево полностью истлело, сохраняется лишь серебряная проволока в виде оплетки или спирали.

Таким образом, материалы Переволочанского и Филипповского курганных могильников наглядно подтверждают, что древние кочевники широко использовали в обиходе не только глиняную и металлическую посуду, но и деревянную. Судя по всему, деревянная посуда использовалась кочевниками как в сугубо утилитарных бытовых целях, так и при совершении различных ритуальных церемоний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Манцевич А. П., 1966. Деревянные сосуды скифской эпохи // АСГЭ. Вып. 8.

Пшеничнюк А. Х. 1995. Переволочанские курганы // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа.

Пшеничнюк А. Х., 1995. Царский курган у с. Филипповка на Южном Урале // Ядкяр: Вестник гуманитарных наук. № 1. Уфа.

Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.

Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992.

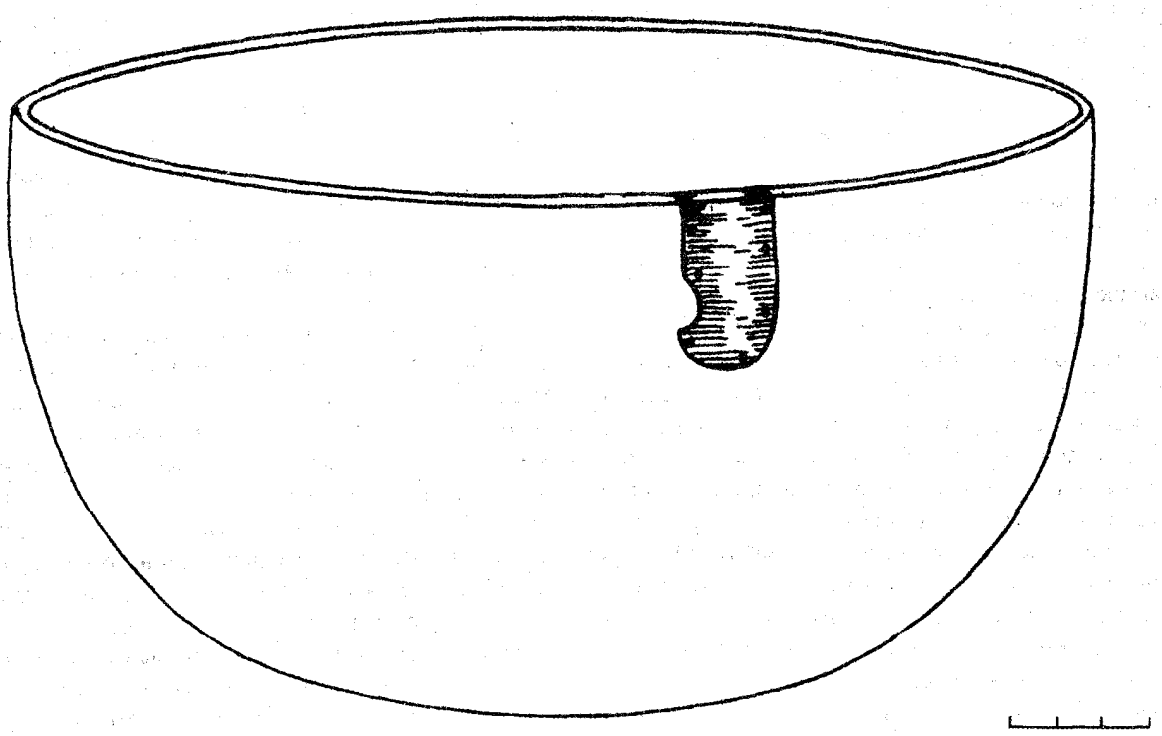
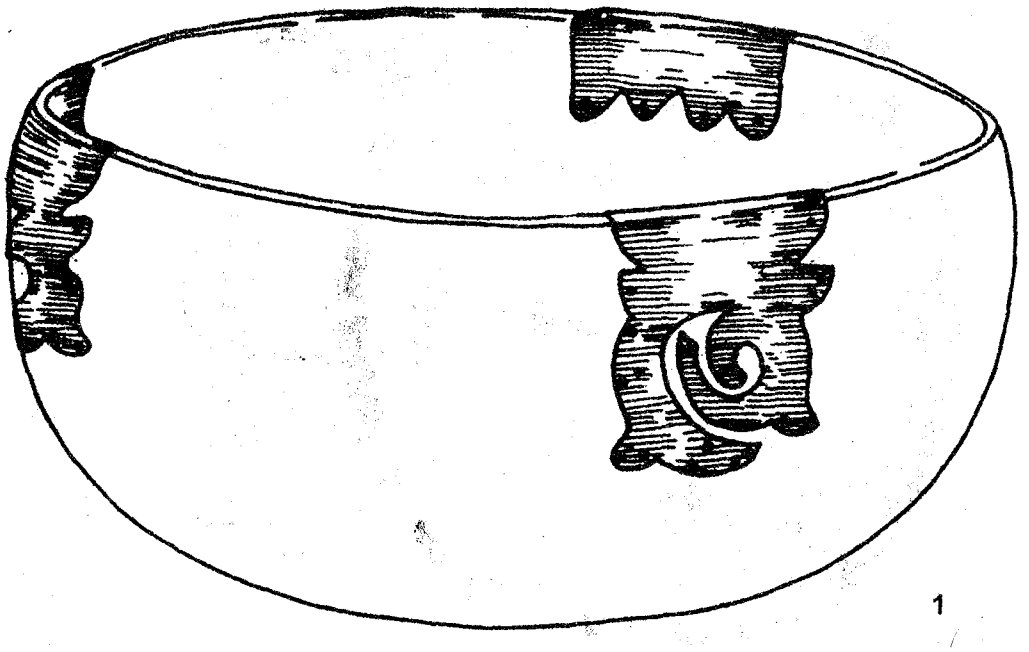
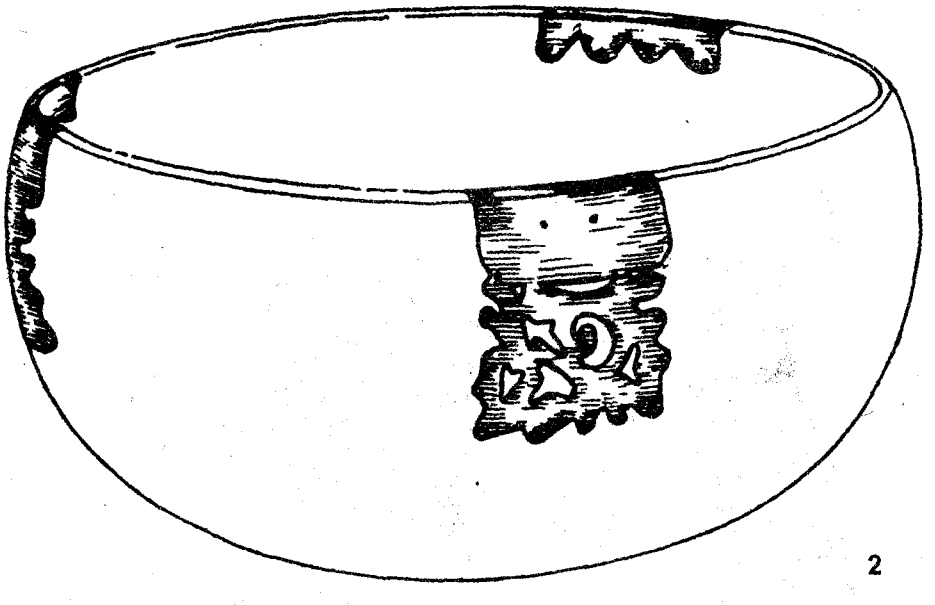


Рис. 1. Реконструкция деревянного сосуда. Переволочан, к. 10, п. 1.





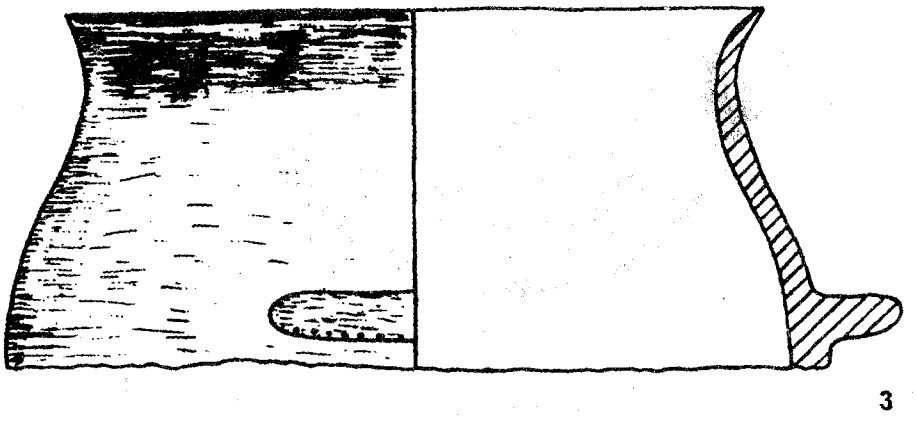


Рис. 2. Реконструкции деревянных сосудов: .1-2 – Переволочан, к. 10, п. 4;
3 – реконструкция деревянного сосуда с горизонтальными ручками. Филипповка, к. 1.

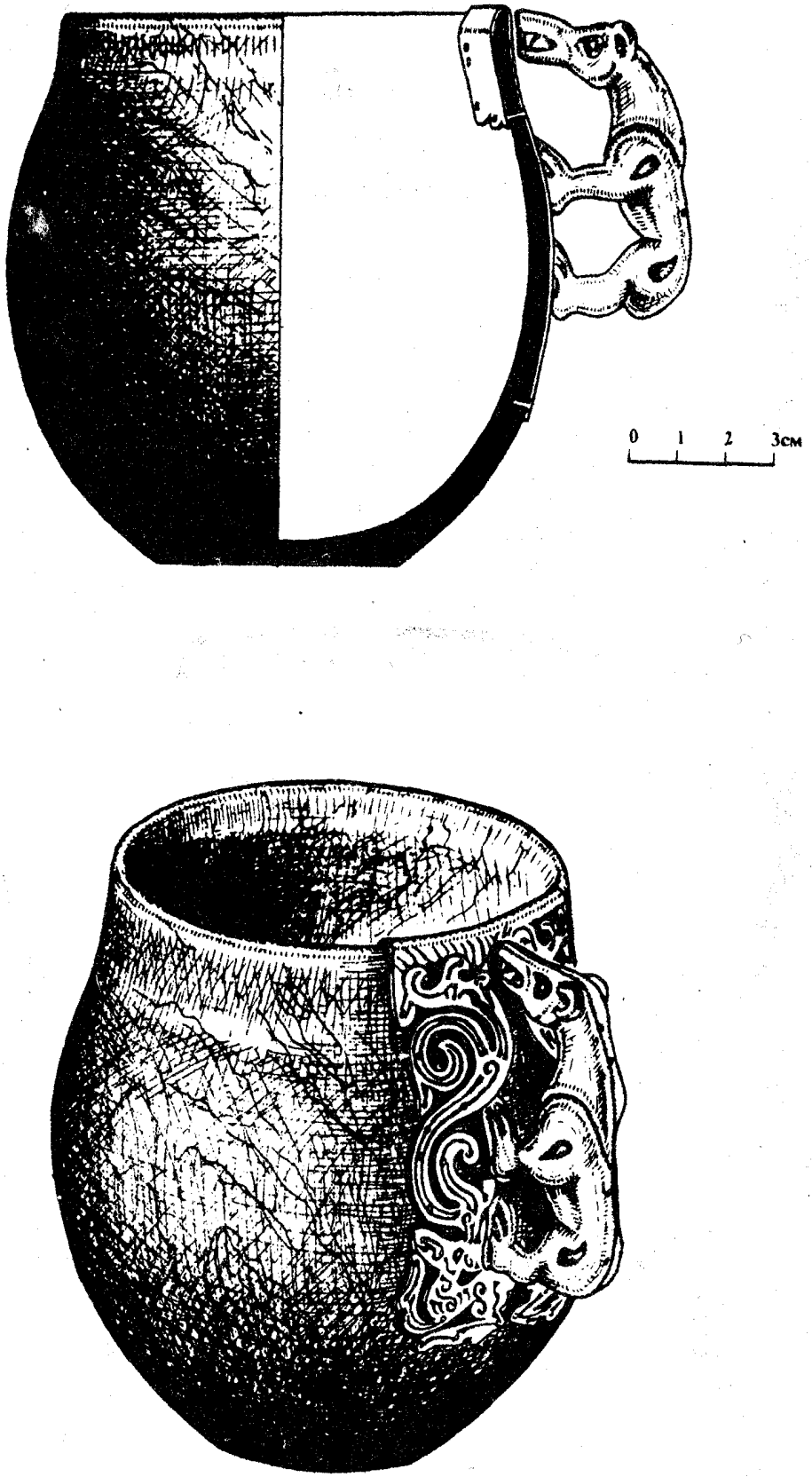


Рис. 3. Реконструкция деревянного сосуда с вертикальной ручкой. Филипповка, к. 1.

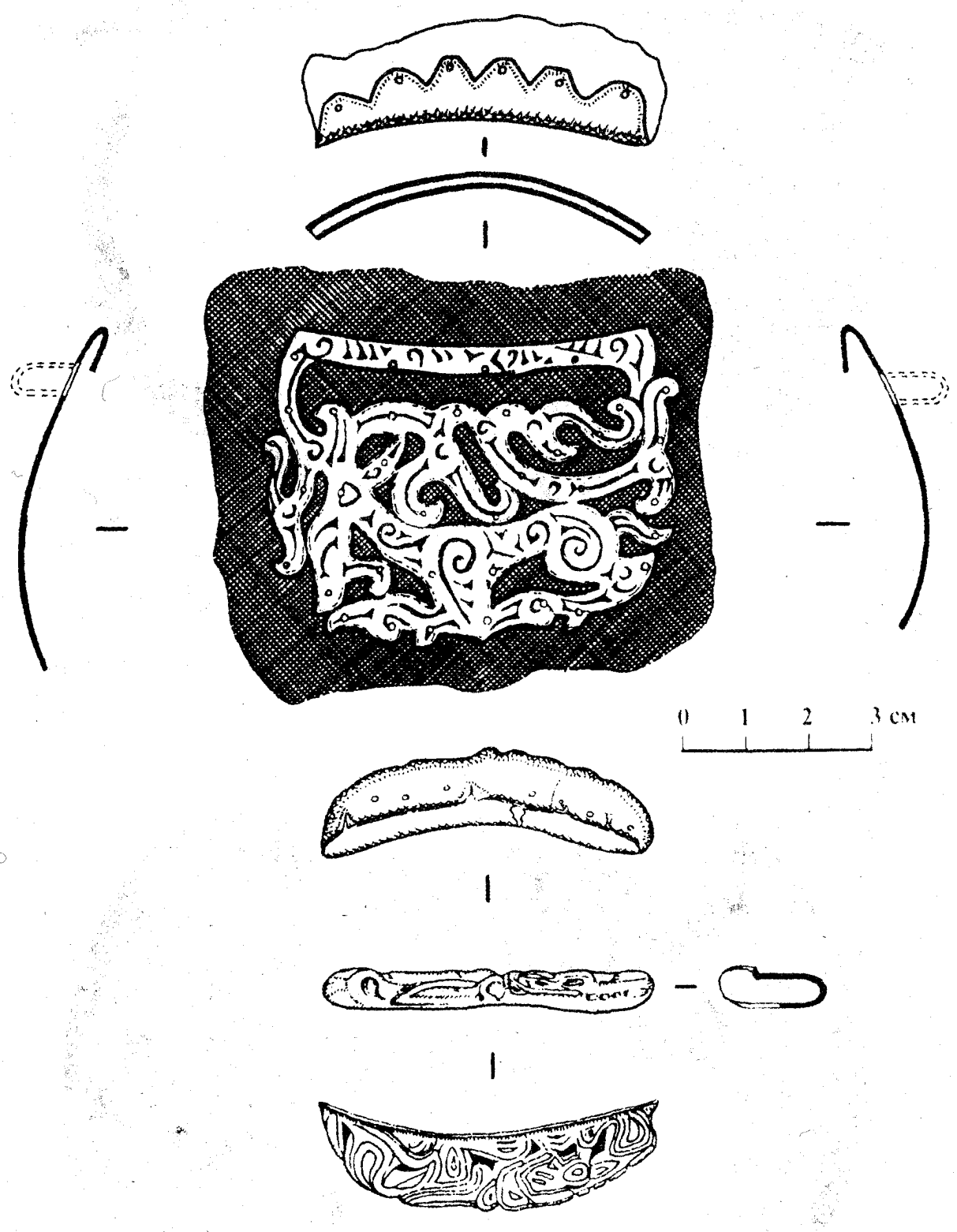
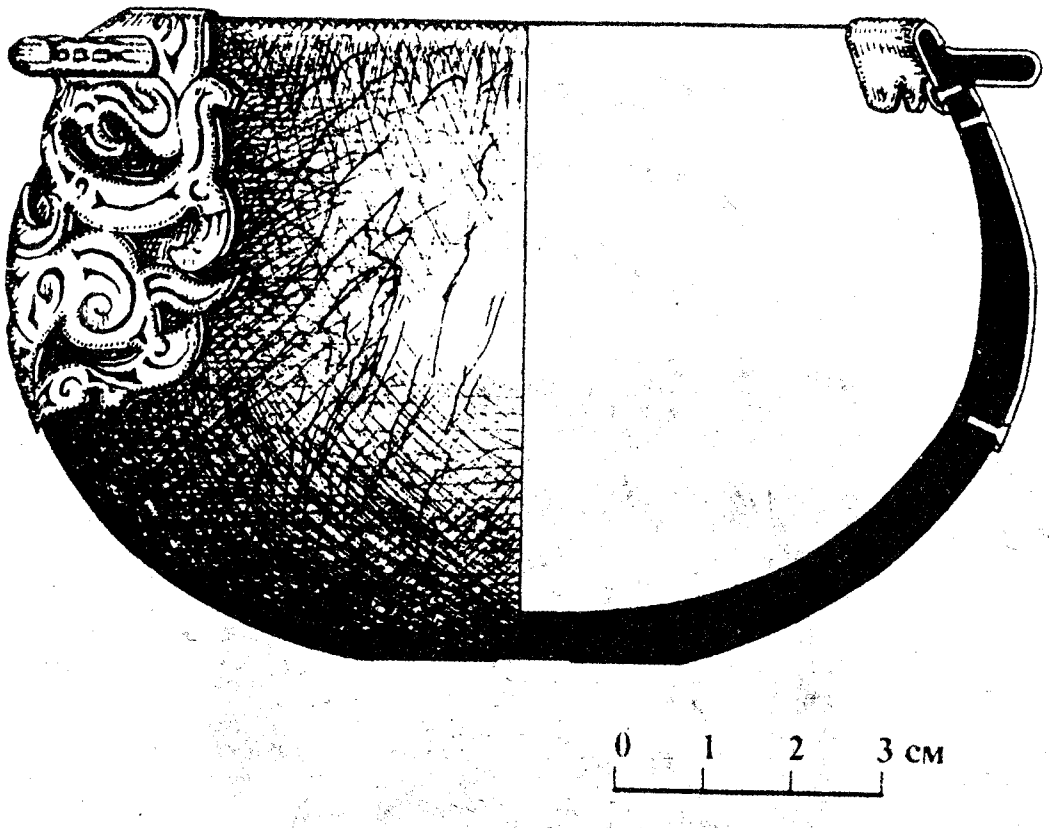


Рис. 4. Золотые оковки и ручка сосуда. Филипповка, к. 1.



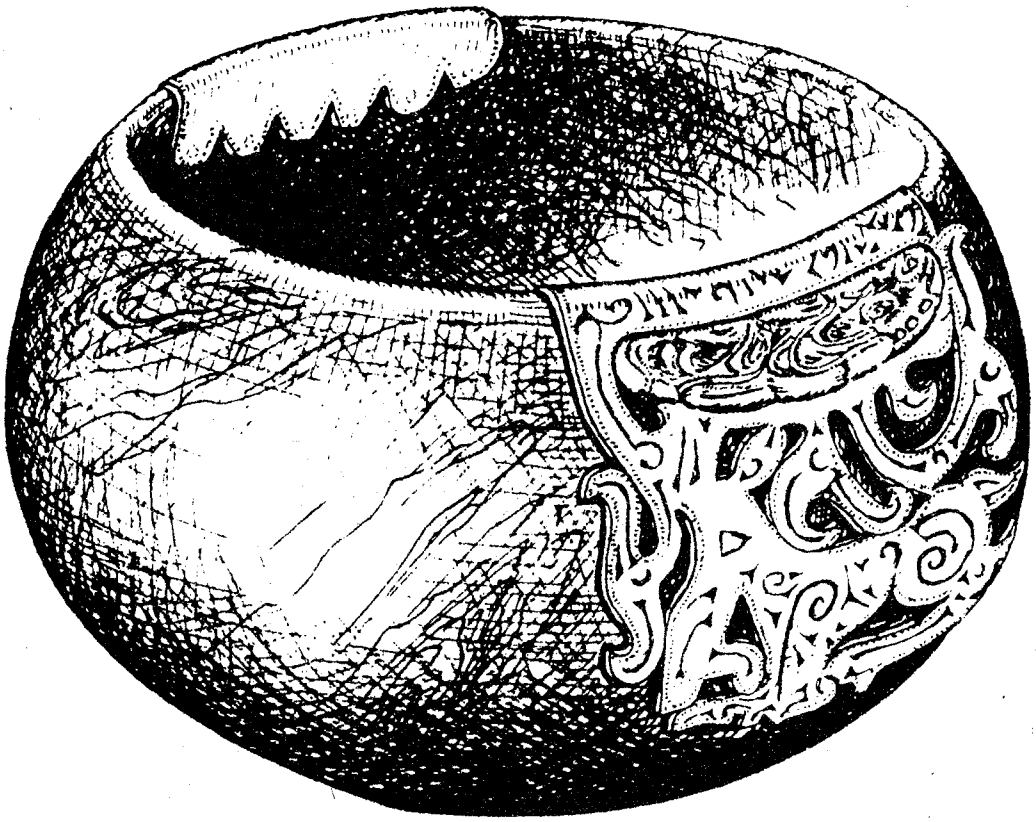


Рис. 5. Реконструкция деревянного сосуда. Филипповка, к. 1.

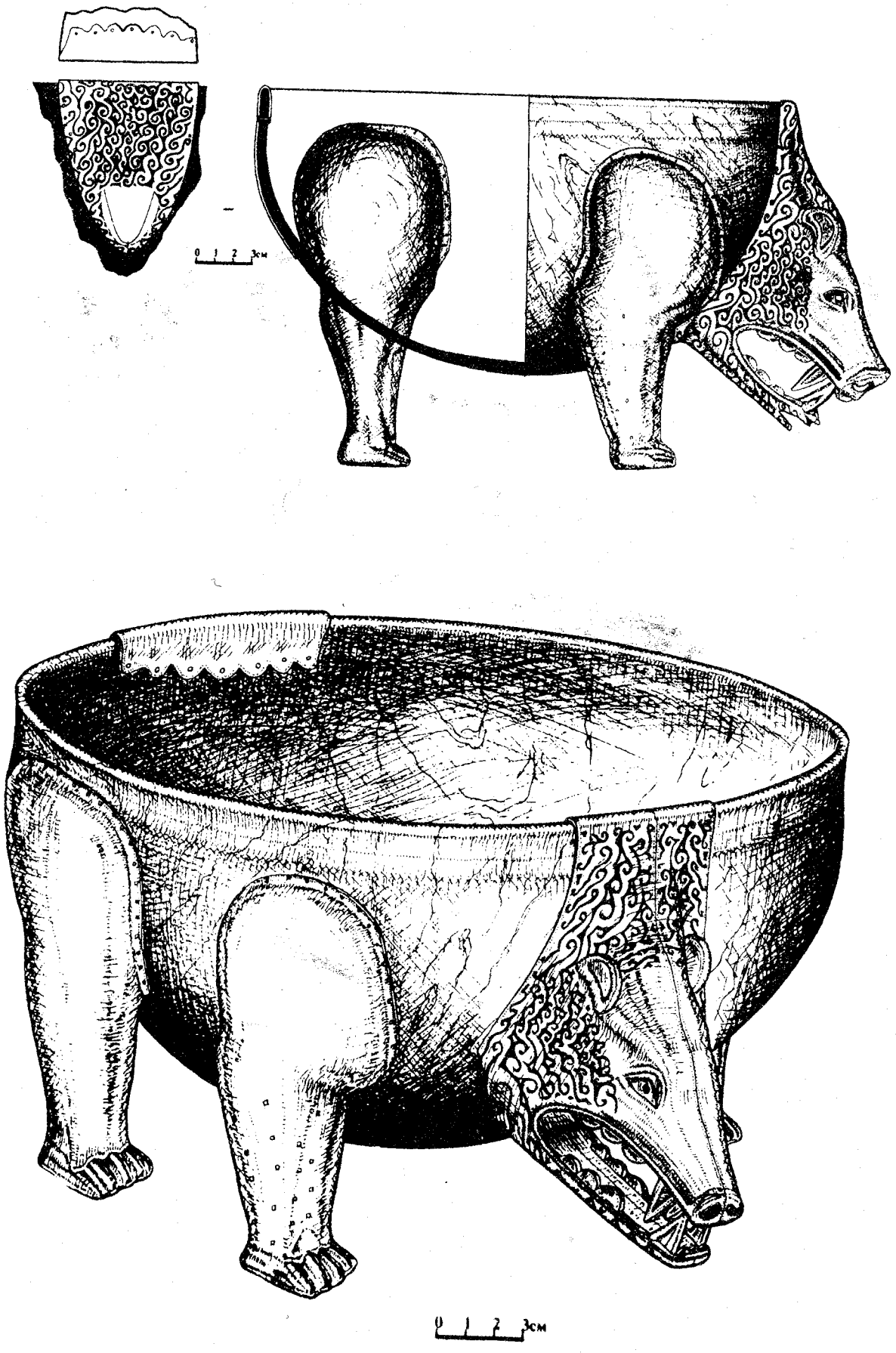
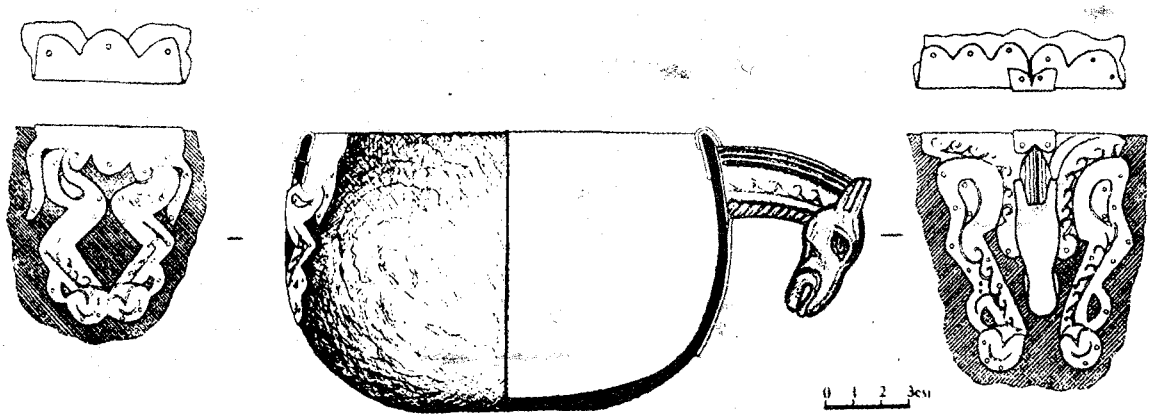


Рис. 6. Реконструкция деревянного сосуда с боковой ручкой (стилизованная фигура медведя). Филипповка, к. 1.



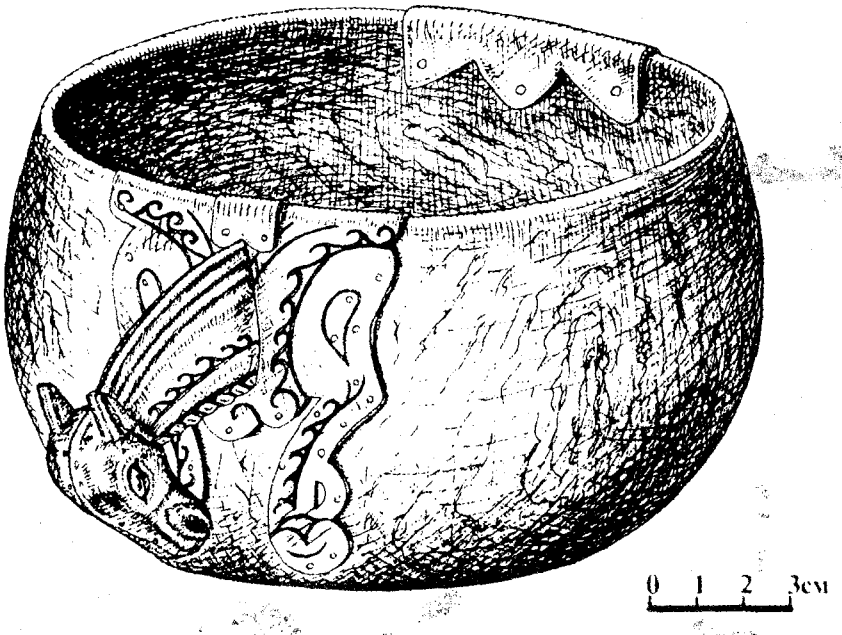


Рис. 7. Реконструкция деревянного сосуда с боковой ручкой (стилизованная фигура лошади). Филипповка, к. 1

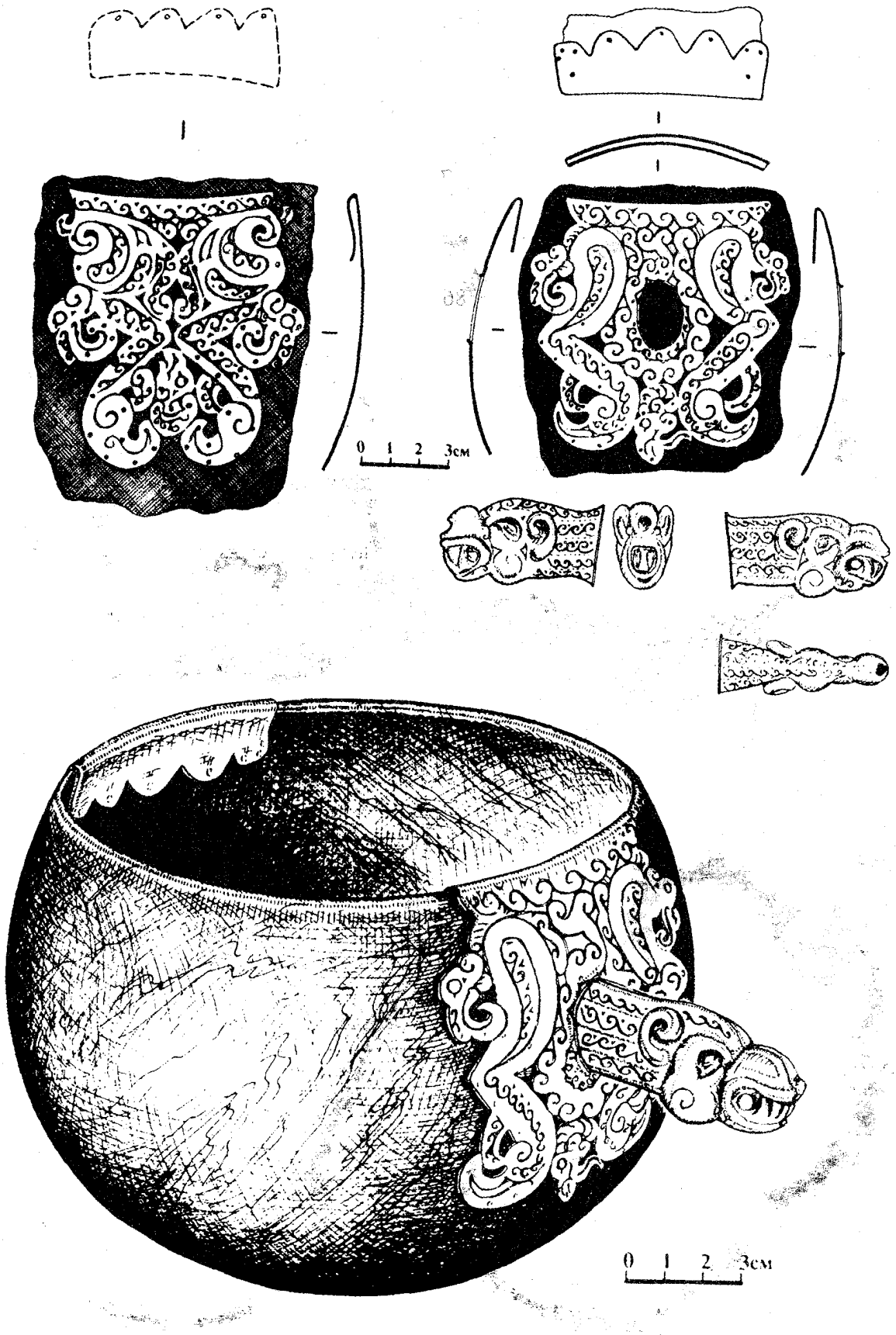


Рис. 8. Реконструкция деревянного сосуда с боковой ручкой (стилизованная фигура хищника). Филипповка, к. 1.

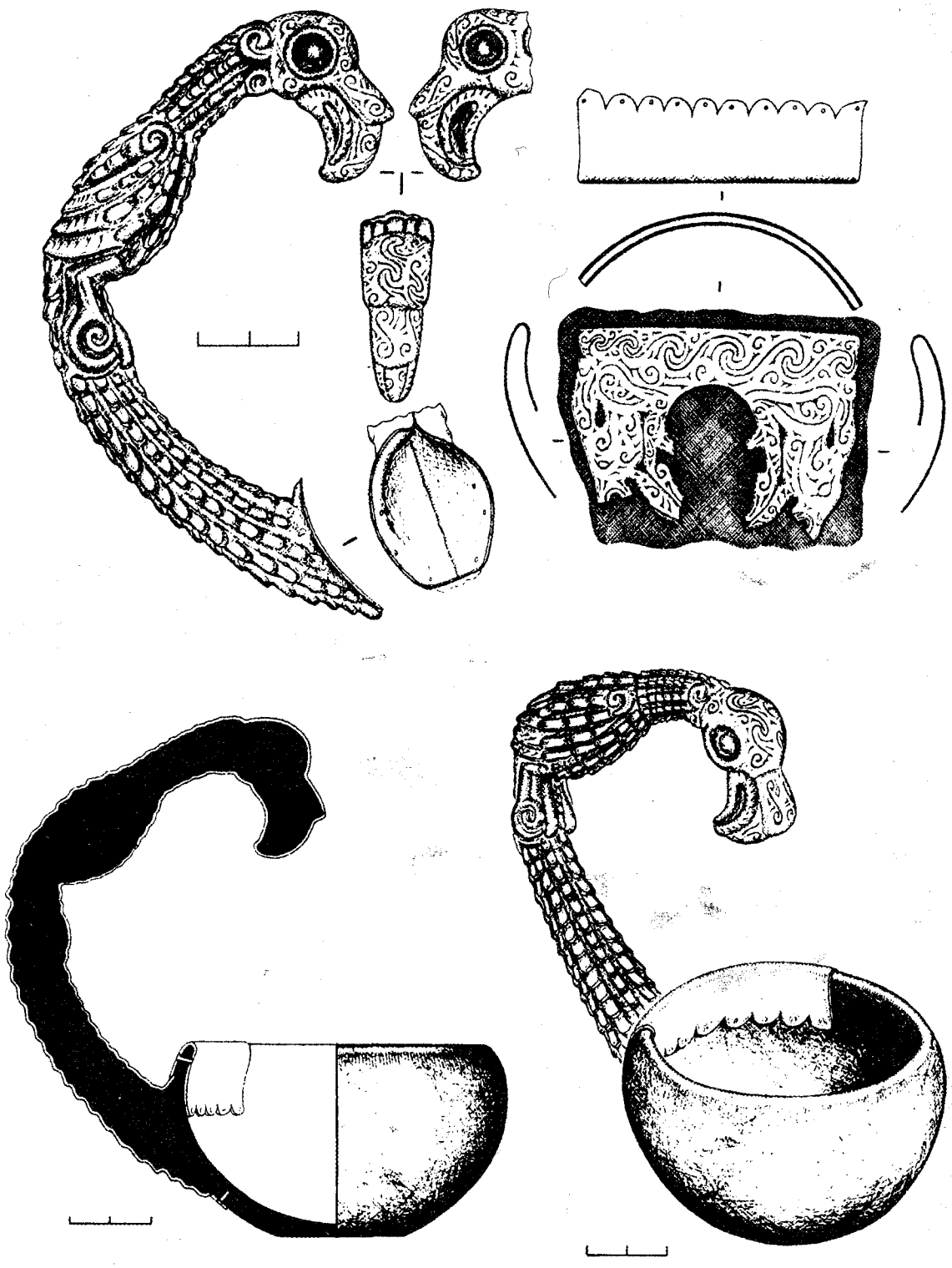


Рис. 9. Реконструкция деревянного сосуда (черпачок) с ручкой в виде грифона. Филипповка, к. 1.

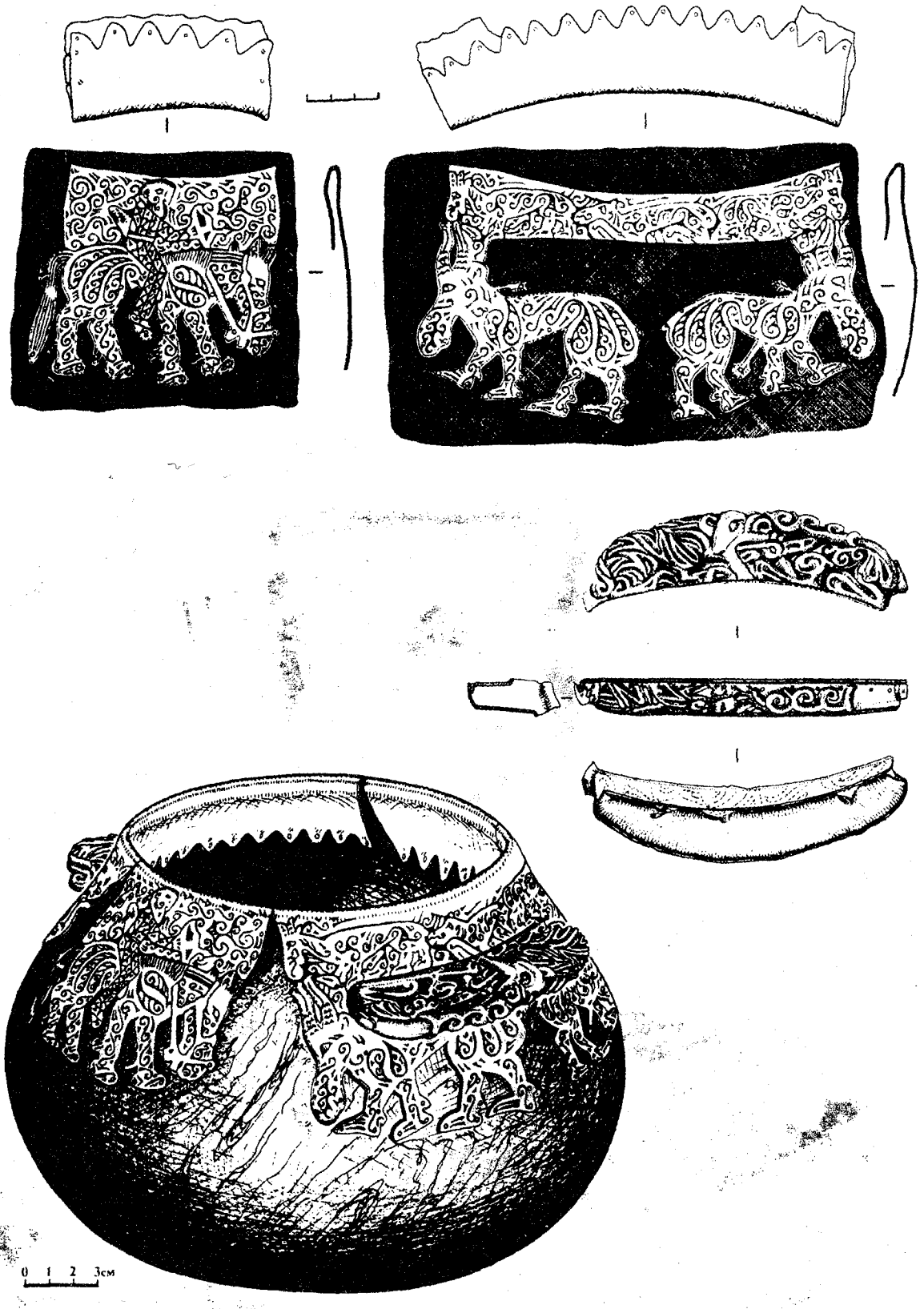
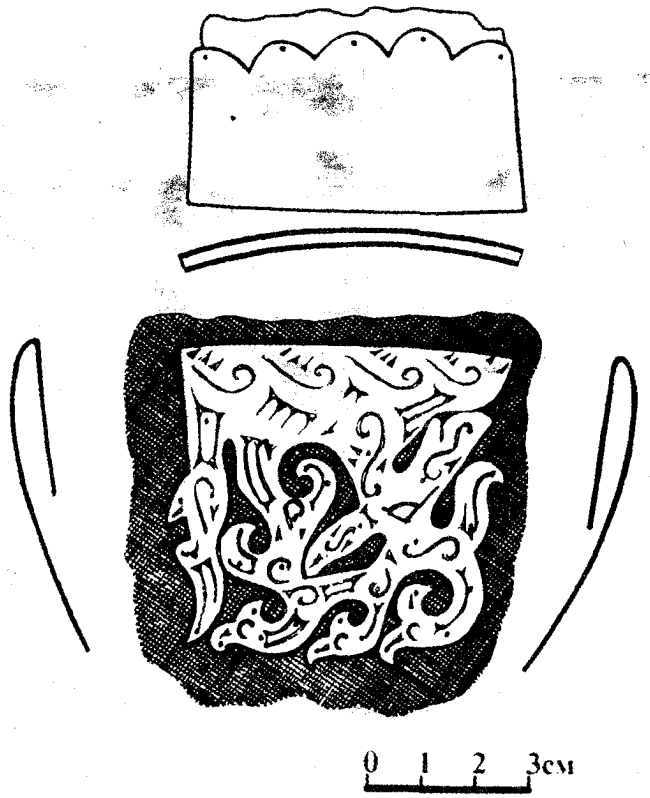


Рис. 10. Реконструкция деревянного сосуда с горизонтальными ручками (сцена охоты). Филипповка, к. 1.



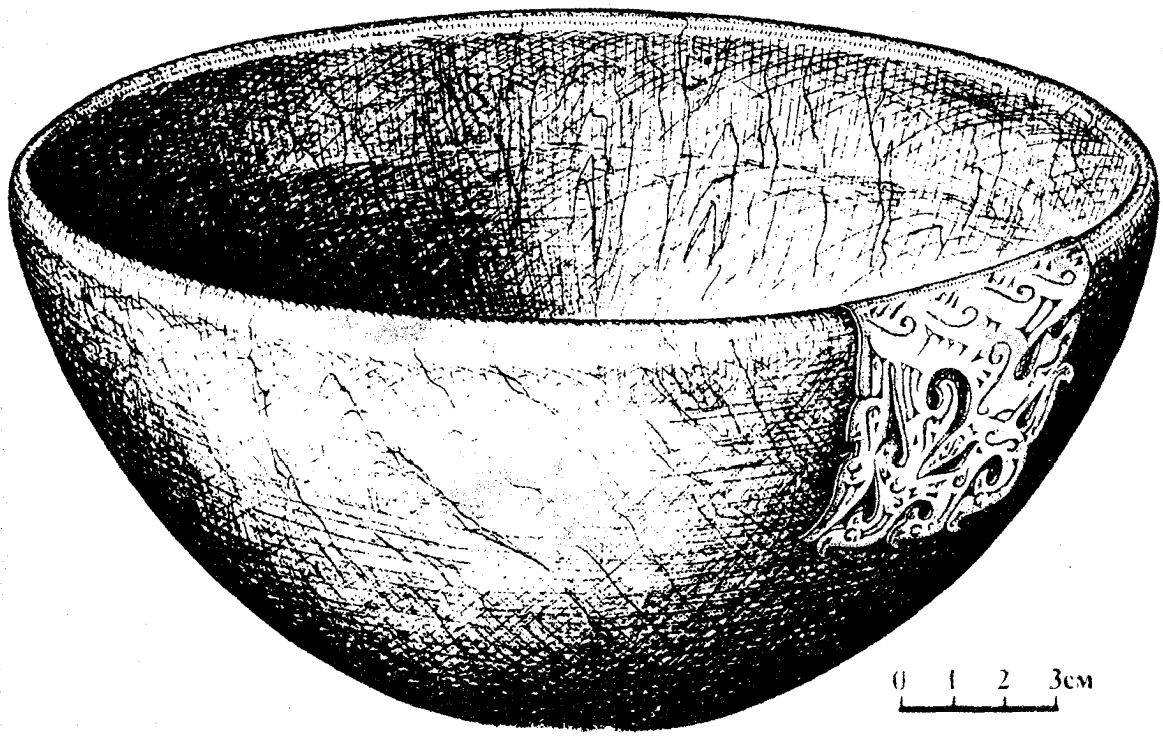


Рис. 11. Реконструкция деревянного сосуда с одной оковкой. Филипповка, к. 1.

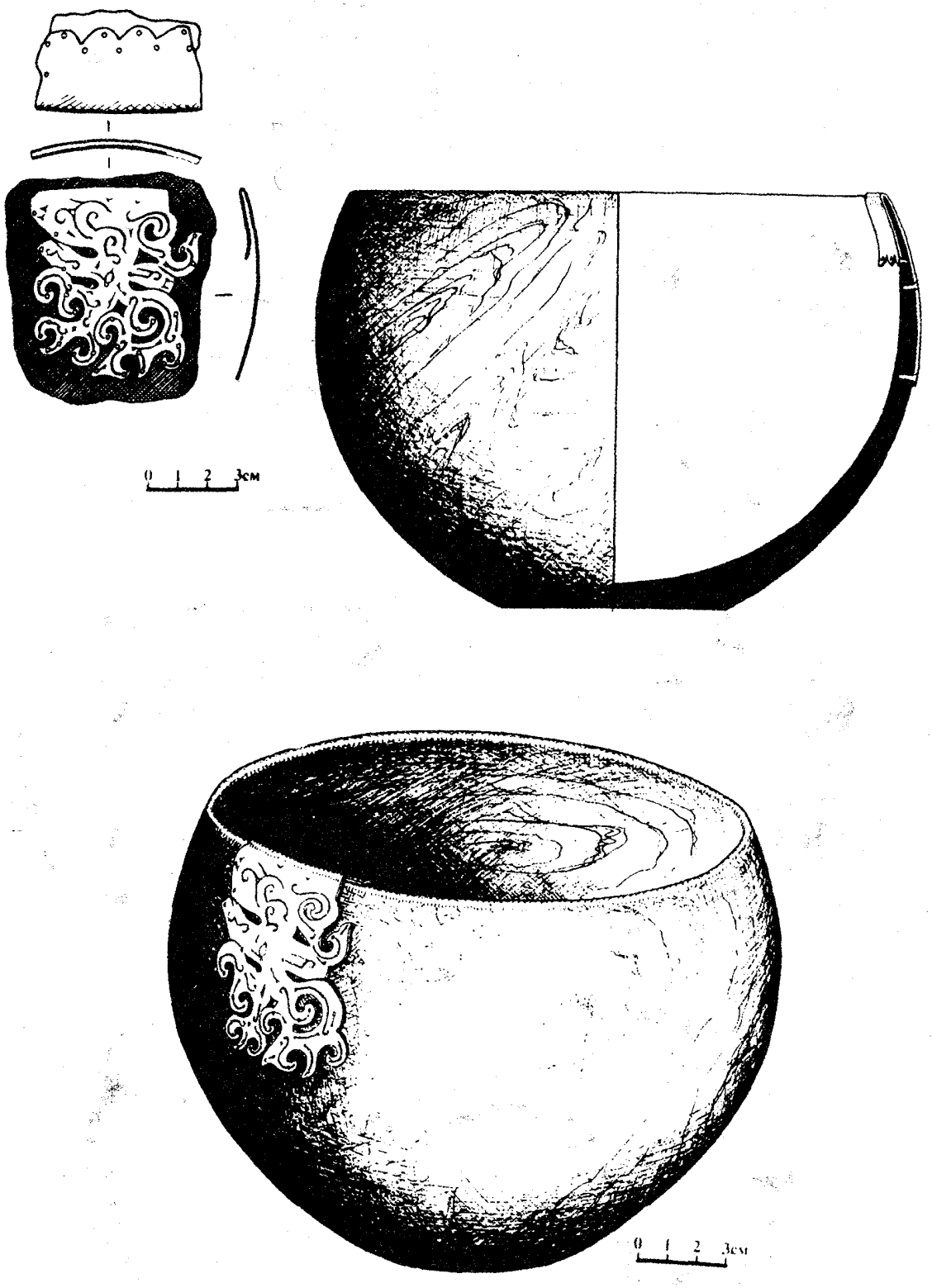


Рис. 12. Реконструкция деревянного сосуда с одной оковкой. Филипповка, к. 1.

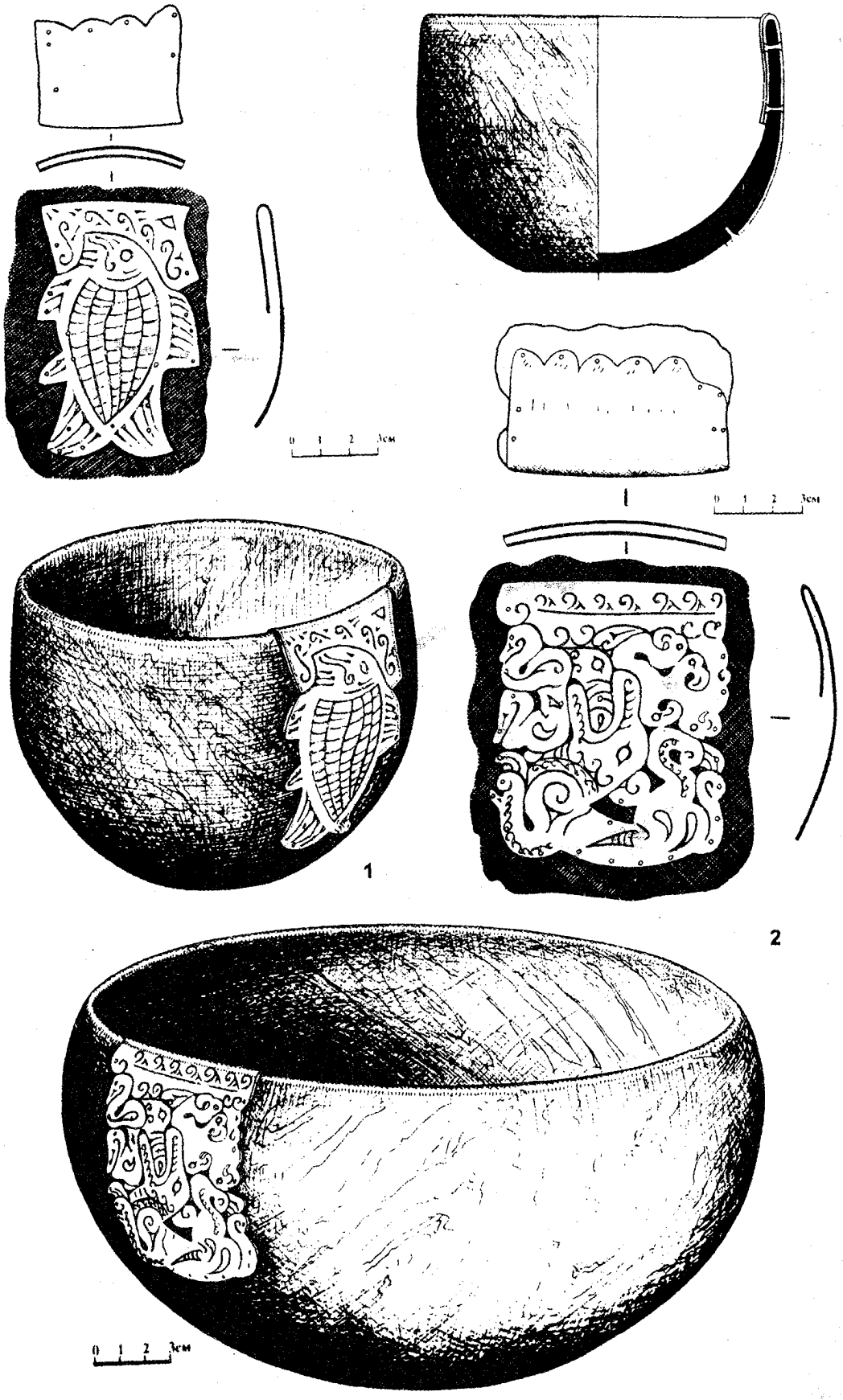


Рис. 13. Реконструкции деревянных сосудов с одной оковкой: 1 – в виде рыбы; 2 – со сценой терзания. Филипповка, к. 1.

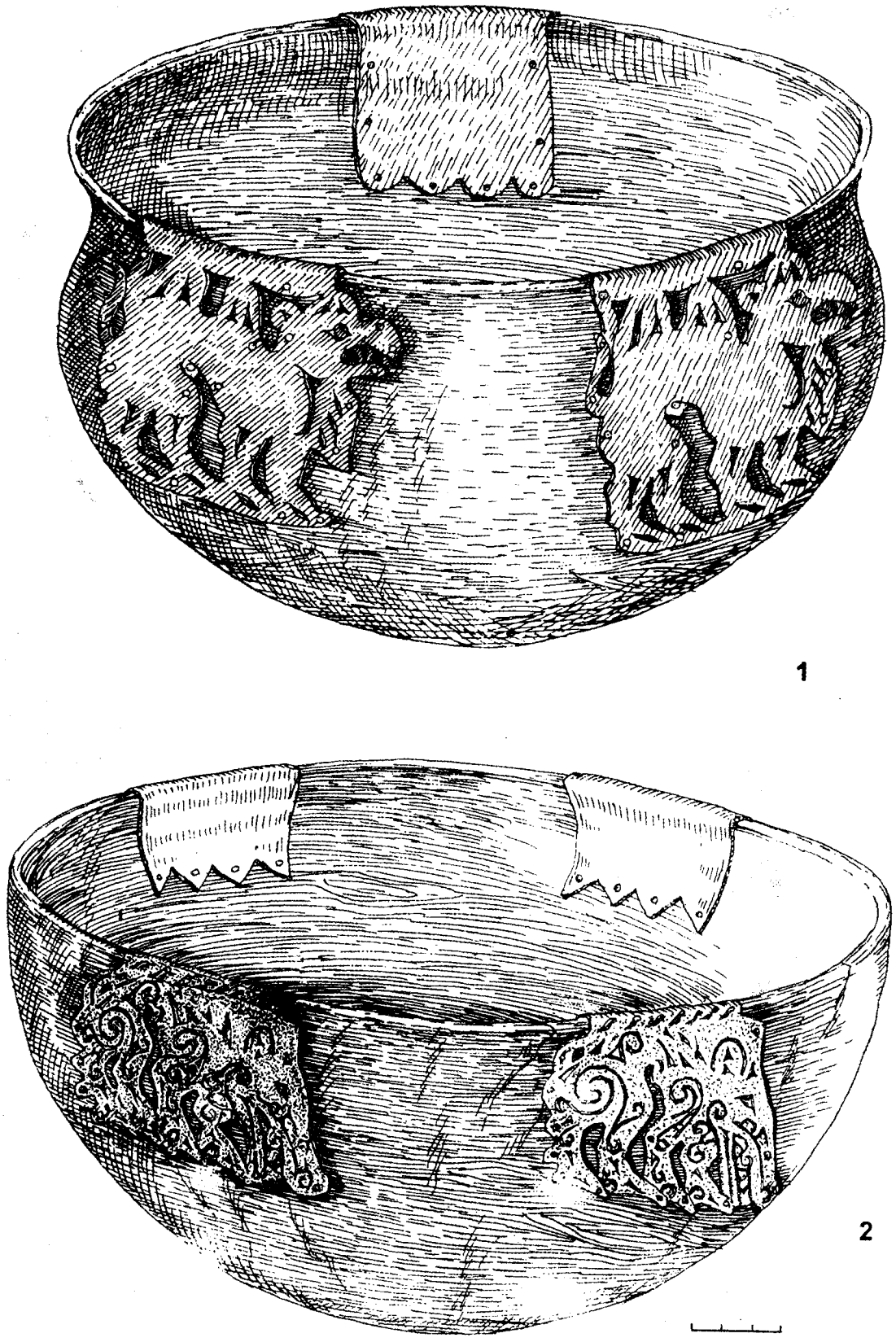


Рис. 14. Реконструкции деревянных сосудов: 1 - с тремя оковками в виде верблюда; 2 – с четырьмя оковками в виде кабана. Филипповка, к. 1.

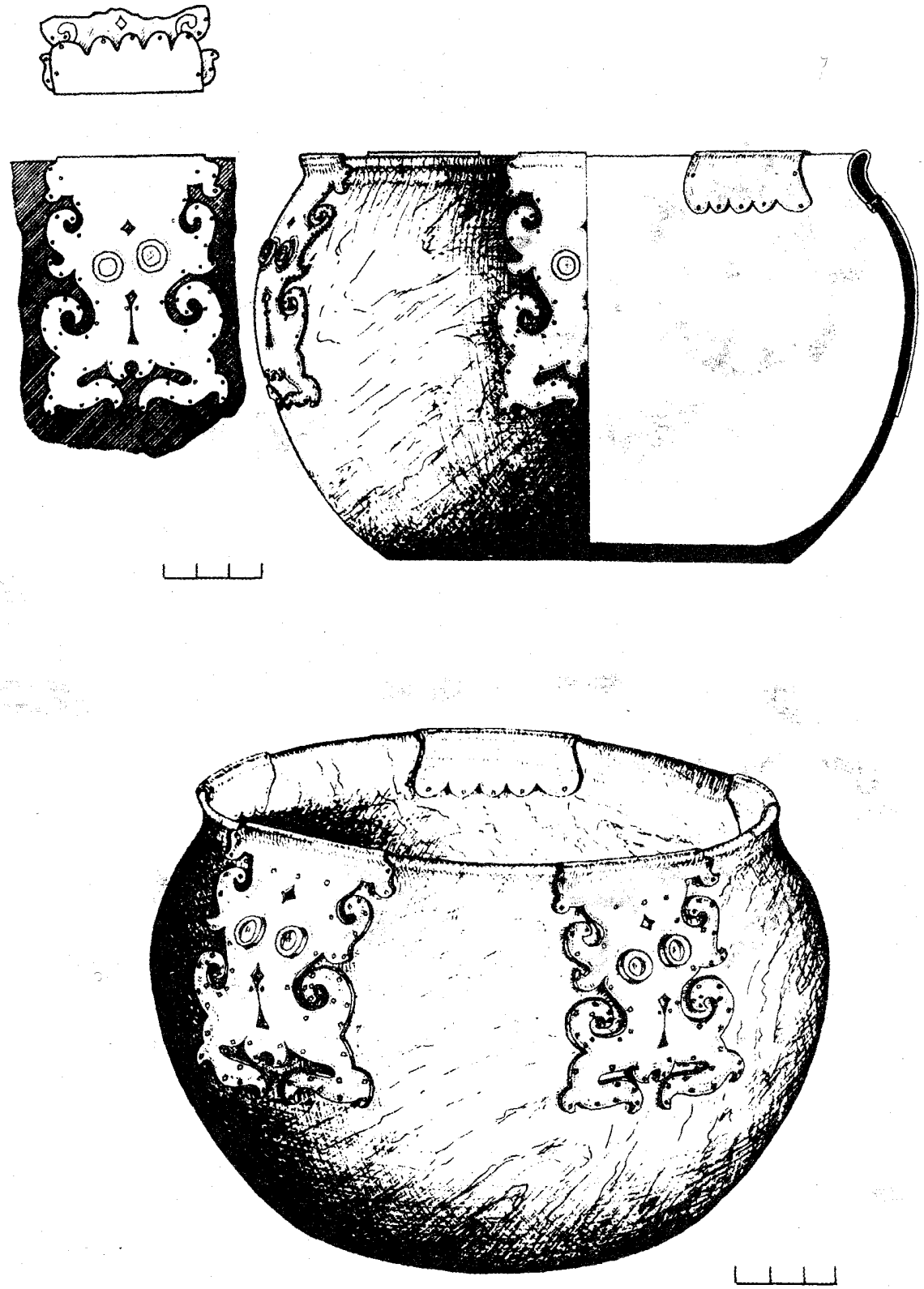


Рис. 15. Реконструкция деревянного сосуда с пятью оковками. Филипповка, к. 1.

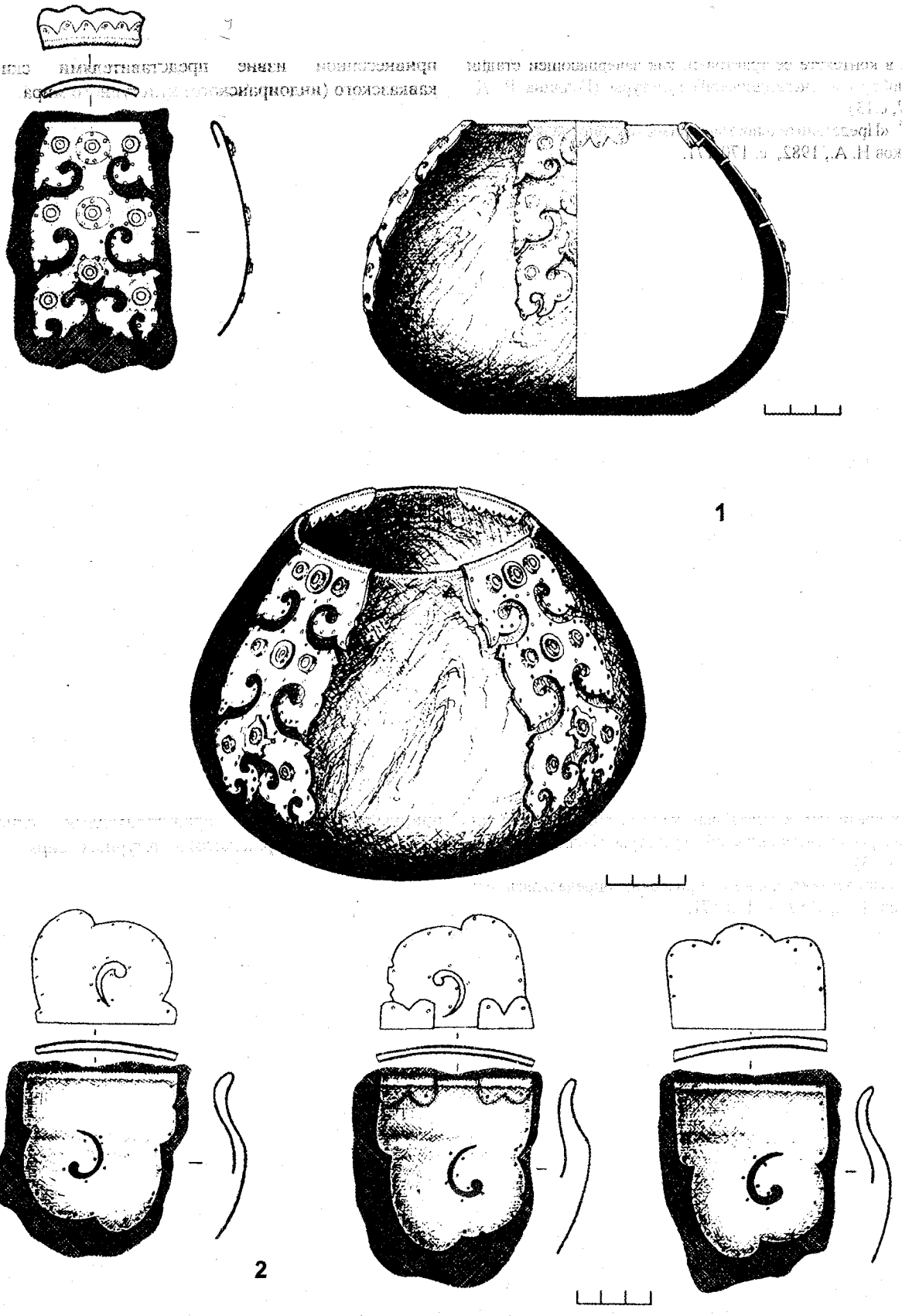


Рис. 16. 1 - реконструкция деревянного сосуда с четырьмя оковками; 2 – золотые оковки с роговидными завитками. Филипповка, к. 1.

В. А. Иванов
(Уфа, ИИЯЛ УНЦ РАН)

НАБОРНЫЕ ПОЯСА ОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

(к проблеме происхождения и семантики)

Практически во всех публикациях, касающихся культуры оседлого населения Урало-Поволжья эпохи раннего железного века, фигурируют пояса, украшенные металлическими накладками и привесками (наборные), как одна из показательных категорий материальной культуры данного населения. Однако формальная статистика показывает, что это не совсем так. Из результатов анализа погребальных комплексов ананьинской (ахмыловской) (Старший Ахмыловский могильник)[1], пьяноборской (Чеганда II, Кушулевский, Сасыкульский, Юлдашевский, Уяндыкский, Камышлы-Тамакский могильники), караабызской (Охлебининский, Шиповский, Биктимировский могильники) и мазунинской[2] культур следует, что частота встречаемости поясных наборов (или их частей) в погребениях указанных культур не столь велика, как это может показаться на первый взгляд (табл. 1).

Приведенные данные показывают, что, как признак погребального обряда и категория материальной культуры, поясные наборы являются представительными[3] лишь для караабызской культуры, занимающей особое место в этнокультурной карте Урало-Поволжья эпохи раннего железного века, и мазунинской, в генезисе которой караабызский компонент играл не последнюю роль.

О происхождении караабызской культуры в бассейне р. Белой существуют несколько точек зрения. Так, А. Х. Пшеничнюк — основной исследователь караабызских древностей — считает, «что в формировании караабызской культуры участвовали две группы племен — местные ананьинцы и пришлые гафурийские племена, при ведущей роли ананьинского населения» (1973, с. 232). Под «местными ананьинцами» исследователь подразумевает носителей т.н. «бельского варианта ананьинской культуры», сложившегося на основе курмантауской культуры эпохи позднего бронзового века (там же, с. 225).

На мой взгляд, этнокультурную основу «караабызцев» составили носители западно-волжского (по А. Х. Халикову (1977, с. 6)) варианта ананьинской культуры или ахмыловской культуры — по В. С. Патрушеву (1984, с. 187), часть которых, в силу пока ещё не ясных обстоятельств, в середине I тыс. до н.э. продвинулась из районов Волго-Камья в Приуралье Иванов В. А., 1978, с. 19). Думается, что анализ поясных наборов указанного населения даст некоторые дополнительные факты для решения этой проблемы.

Публикуя пояса из Старшего Ахмыловского могильника (найденные, кстати, в мужских погребениях), В. С. Патрушев разделяет их на четыре типа, различающиеся по количеству и форме деталей: 1 — сложный пояс, украшенный бляшками-накладками и висячими шнурками с бронзовыми пронизками и подвесками; 2 — пояса, украшенные бляшками или пронизями и подвесками; 3 — пояса, украшенные только накладками разнообразных форм и 4 — пояса, имеющие только подвески. Причем, ближайшие аналогии большинству поясных украшений исследователь находит в скифо-кавказских древностях (Патрушев В. С., 1984, с. 51-54). В контексте ахмыловской культуры этот факт выглядит вполне естественно, поскольку южные, кавказские связи «ахмыловцев» документируются и другими категориями их материальной культуры: круглыми плоскими и выпуклыми бляхами с гладкой и орнаментированной поверхностью, налобными венчиками из орнаментированных накладок и колоколовидных привесок, пронизями, зооморфными навершиями, булавками, биметаллическими кинжалами, боевыми топорами и др. (там же, с. 23-50, 75-81; Иванов В. А., 1980, с. 74-77).

Появление всех этих вещей на Средней Волге исследователи — М. Н. Погребова и Д. С. Раевский — связывают с переселением сюда на рубеже VII-VI вв. до н. э. части «отложившихся скифов» и примкнувших к ним носителей кобанских (закавказских) культурных традиций (1992, с. 207-221). Причем, анализируя характер использования «ахмыловцами» импортных вещей (в первую очередь — деталей кобанских поясов, которыми украшались женские налобные венчики) названные исследователи приходят к заключению о том, что «миграция из Закавказья не имела здесь долговременных культурных последствий, и довольно быстро скифо-кавказские черты были почти полностью поглощены автохтонным элементом» (там же, с. 221). Следовательно, традиция применения наборных поясов в мужском костюме у оседлого населения Волго-Камья является привнесенной извне представителями скифо-кавказского (индоиранского) культурного мира.

---

[1] Здесь и далее используются только опубликованные материалы (Агеев Б. Б., Мажитов Н. А., 1985; Васюткин С. М., 1980; Васюткин С. М., Калинин В. К., 1986; Генинг В. Ф., 1967; его же, 1971; Генинг В. Ф., Мырсина Е. М., 1967; Мажитов Н. А., 1968; Мажитов Н. А., Пшеничнюк А. Х., 1968; Патрушев В. С., Халиков А. Х., 1992; Пшеничнюк А. Х., 1968; его же, 1973; его же, 1986).

[2] В данном случае мазунинская культура рассматривается в контексте ее трактовки, как завершающей стадии пьяноборской (чегандинской) культуры (Голдина Р. Д., 1987, с.13).

[3] «Представительность» признаков определялась по: Мажитов Н. А., 1982, с. 170-171.

Таблица 1.

Частота встречаемости поясных наборов в погребениях эпохи раннего железного века Урало-Поволжья

Культура	Дата	Погребения с целыми поясами (в %)	Погребения с частичными наборами (в %)	Всего погребений
Ананьинская (Ахмыловская)	Конец VIII – VI вв. до н. э.	—	1,6	1010
Караабызская	IV в. до н. э. – II в. н. э.	5,1	12,2	353
Пьяноборская	II в. до н. э. – II в. н. э.	0,5	2,6	1757
Мазунинская	III-V вв. н. э.	10,1	3,4	697

Во 2-й половине I тыс. до н. э., в эпоху «развитого» и «позднего» ананьина, происходит заметная переориентация культурных связей оседлого населения Урало-Поволжья в восточном направлении, что нашло свое выражение в появлении в комплексах позднеананьинских могильников Прикамья (Ананьинский, Зуевский, Таш-Елга) предметов вооружения сибирских типов: бронзовых чеканов черешковых наконечников стрел, кинжалов с зооморфными рукоятями. В это же время в бассейне средней Белой появляются памятники гафурийского типа, создатели которых, по мнению А. Х. Пшеничнюка, явились одним из этнокультурных компонентов караабызской культуры. Вместе с ними здесь же появляются и новые типы украшений — бронзовые бляшки в виде льва и оленей, подвески в форме лука или «скифских котлов» и др. — аналогичные украшениям из сибирских комплексов карасукской, тагарской и кулайской культур (Иванов В. А., 1980, с. 79). Эти артефакты являются составной частью материальной культуры ранних «караабызцев» (IV-III вв. до н. э.), у которых наборные пояса практически отсутствуют.

Положение коренным образом меняется, начиная со второго (по А. Х. Пшеничнюку) этапа караабызской культуры, т.е. с III-II вв. до н. э. Именно в это время в женских караабызских погребениях получают широкое распространение, а в мужских появляются — пояса, украшенные характерными бронзовыми накладками в виде сдвоенных лошадиных голов, ромбиков или скрепленных между собой умбонов. Очень часто пояса оказываются лежащими в развернутом виде рядом с погребенным, но это — признак погребального обряда, в данном случае для рассматриваемой темы не столь существенный.

Прежде всего, нас интересует причина бурного «ренессанса» поясных наборов в культуре оседлых племен Приуралья во 2-й половине — конце эпохи раннего железного века. Их может быть две: культурный импульс извне (по аналогии с ананьинской эпохой) или следствие внутреннего развития самой культуры. В качестве источника первого логично рассматривать сарматские племена Урало-Поволжья, на территории Башкирского Приуралья непосредственно соседствовавшие с «караабызцами» и имевшие с ними культурные контакты.

Сам сарматский мир наборных поясов не знал, хотя отдельные детали поясов могут рассматриваться как общие для сарматов и для оседлых лесных племен Приуралья. Это — бронзовые кольцевые и 8-образные пряжки с неподвижным крючком, характерные для пьяноборских погребальных комплексов Камы и Нижней Белой. В настоящее время в Урало-Поволжье известно около 150 подобных пряжек, по памятникам леса и степи, распределяющихся следующим образом: пьяноборские могильники Прикамья — 73% (из них 3,5% — 8-образные); погребения III этапа караабызской культуры (II в. до н. э. — II в. н. э.) — 15,3% (из них 3,0% — 8-образные); сарматские (прохоровского времени) комплексы Поволжья и Приуралья — 12,0% (из них 5,5% — 8-образные). Б. Н. Граков, А. А. Иессен, а вслед за ними и М. Г. Мошкова появление пряжек с неподвижным крючком у ранних кочевников Приуралья связывают с установлением постоянных торгово-культурных контактов между сарматами и Ираном (Мошкова М. Г., 1960, с. 306). Можно предположить, что подобные пряжки (на фоне многочисленных сарматских аналогий в пьяноборских и караабызских погребальных комплексах) есть результат контактов оседлых племен Приуралья с сарматскими племенами Урало-Волжских степей (носителями прохоровской культуры).

Вместе с тем, ближайшей к Южному Уралу территорией, где наборные пояса бытовали на всем протяжении рассматриваемого периода, являются степи Южной Сибири и Центрального Казахстана, во 2-й половине I тыс. до н. э. входившие в ареал сакского этнокультурного мира. И хотя пояса здесь также занимают весьма незначительное место в общем комплексе материальной культуры (Добжанский В. Н., 1990, с. 20), но среди них, в плане интересующей нас темы, встречаются весьма выразительные. В данном случае имеются в виду пояса типа III (по В. Н. Добжанскому), украшенные бляхами в зверином стиле. Для нас данные пояса представляют особый интерес по следующим причинам: во-первых, — стиль украшения (зооморфные бляхи, зеркально расположенные по концам ремня) (к-н Иссык; мог. Дужерлиг-Ховузу I, к. 2), во-вторых, — композиция изображений на ременных бляхах (зеркально скомпонованные головы грифонов или дру-

гих животных (стоянки Сергушкин III и Окуневка в Туве) и, в-третьих, — система крепления блях к ремню с помощью петель на тыльной стороне (там же, с. 22-23, 114, табл.VII).

Прямой аналогией этим поясам является пояс из кургана 4 Шиповского могильника (группа I), найденный в женском погребении (Пшеничнюк А. Х., 1976, с. 43, рис.7,*6-10)*. К поясным украшениям, надо полагать, относится и бронзовая бляха в виде фигуры льва из насыпи к. 9 указанного памятника (там же, с. 42, рис. 6,*19)*, стилистически близкая бляхе из могильника Обские Плесы I на Алтае (Добжанский В. Н., 1990, с. 115, табл.VIII, 4). Аналогичным образом были украшены и пояса из грунтовых погребений Шиповского могильника: погр. 5 и 8 — шесть поясных накладок в виде зеркально скомпонованных конских (?) голов, симметрично расположенных по сторонам центральной круглой бляхи; погр. 23 — десять накладок в виде «конских» голов по сторонам бляхи; погр.61 — 4 накладки и т.д. (Пшеничнюк А. Х., 1976, с. 86, 88, 92, 97).

Курганные погребения Шиповского могильника в целом датируются IV-I вв. до н. э., а грунтовые — I-III вв. н. э. (там же, с. 74, 77). Если исходить из гипотезы о том, что наборные пояса ранних Шиповских погребений есть результат внешнего культурного импульса, то ближайшим по территории культурным кругом, откуда этот импульс мог последовать, является ареал тасмолинской культуры, западные пределы которого в V-III вв. до н. э. достигают Тургайской ложбины (Степная полоса ... , 1992, с. 131, карта 5). В погребальных комплексах этой культуры представлены поясные наборы, состоящие, правда, из бронзовых обойм и пряжек. Характерно, что количество обойм на поясах таково (10 обойм), что они не покрывали весь ремень, а, надо полагать, располагались симметрично по концам пояса (там же, с. 136).

В этой связи любопытные результаты демонстрирует статистика состава поясных наборов караабызской культуры на всем протяжении её существования: из 61 погребения, где встречены наборные пояса[4], 70,5% содержат наборы, состоящие из 4-10 накладок, расположенных по сторонам бляхи-застежки или пряжки и только в Биктимировском и Охлебининском могильниках найдены пояса, полностью покрытые накладками (в общей сложности — в 18 погребениях, что составляет только 5,1% от общего числа караабызских погребений, задействованных в настоящей работе).

Аналогичную картину наблюдаем мы и в комплексах пьяноборской культуры, где полные поясные наборы, состоящие, правда, из накладок совершенно иных типов, занимают крайне незначительное место (из 55 погребений с деталями поясных наборов только 16,3% содержат полные пояса).

Учитывая хронологию пьяноборской культуры (не ранее II в. до н. э.; Агеев Б. Б., 1992, с. 105-106) и явное влияние караабызского населения на формирование этнокультурного облика прикамских «пьяноборцев»[5], есть основания предполагать, что наборные пояса, как деталь традиционного костюма и вообще как элемент материальной культуры, для прикамских финно-пермяков конца эпохи раннего железного века есть результат культурного воздействия со стороны приуральского (караабызского) населения, которое, в свою очередь, само формировалось под воздействием аналогичного импульса со стороны племен сако-сибирского этнокультурного мира.

Приведенные данные, таким образом, определенно свидетельствуют о том, что, во-первых, наборные пояса для оседлых племен лесной зоны Волго-Камья отнюдь не являются исконным, традиционным элементом их материальной культуры, а постоянно выступают как результат культурного влияния извне; во-вторых, влияние это было разнонаправленным: в первой половине I тыс. до н. э. — с юга, со стороны скифо-кавказского этнокультурного мира, а во 2-й половине I тыс. до н. э. — с востока, со стороны сако-сибирских племен; в-третьих, как в том, так и в другом случаях появление наборных поясов в материальной культуре оседлых племен Урало-Поволжья сопровождалось (а точнее — являлось следствием) внедрением в местную этнокультурную среду иноэтничного компонента: «отложившихся скифов» — в ананьинскую эпоху и «гафурийцев» — в IV в. до н. э.

В заключение особо следует остановиться на социальном содержании наборных поясов у оседлых племен региона: судя по сопутствующему им инвентарю, пояса, украшенные металлическими накладками, в финно-пермской (пьяноборской) и финно-угорской (караабызской) среде выступают только как украшение женского костюма. Иначе говоря, если у кочевников евразийских степей наборные пояса являлись знаком воинского достоинства[6], то, попадая в сферу материальной культуры оседлого лесного населения Приуралья и Прикамья, они утрачивали свою социальную знаковость и выступали в роли индикатора меняющихся эстетических воззрений. Это не значит, конечно, что финно-пермские и финно-угорские племена региона абсолютно лишали пояса их социальной семантики, но содержание ее было, надо полагать, иным и оно само по себе должно стать предметом специального исследования.

---

[4] Шиповский, Охлебининский, Биктимировский, Биктимировский III, Уфимский могильники.

[5] В погр. 51 Юлдашевского могильника найден пояс, полностью украшенный типично караабызскими накладками в виде спаренных **головок «лошадей»** (Пшеничнюк А. Х., 1986, с. 57-59).

[6] Во всяком случае, **именно так** они трактуются, применительно к культуре **средневековых** кочевников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агеев Б. Б., 1992. Пьяноборская культура. Уфа.

Агеев Б. Б., Мажитов Н. А., 1985. Новый памятник пьяноборской культуры в Башкирии. Препринт. Уфа.

Васюткин С. М., 1980. Ангасякский могильник — ранний памятник бахмутинской культуры // Памятники эпохи средневековья в верхнем Прикамье. Ижевск, 1980.

Васюткин С. М., Калинин В. К., 1986. Ново-Сасыкульский могильник // Археологические работы в низовьях Белой. Уфа.

Генинг В. Ф., 1967. Ижевский могильник // ВАУ. Вып. 7.

Генинг В. Ф., 1971. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч.2. // ВАУ. Вып.11.

Генинг В. Ф., Мырсина Е. М., 1967. Мазунинский могильник // ВАУ. Вып. 7.

Голдина Р. Д., 1987. Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа // Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов.

Добжанский В. Н., 1990. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск.

Иванов В. А., 1978. Население нижней и средней Белой в ананьинскую эпоху. Автореф. канд. дисс. М.

Иванов В. А., 1980. Культурные связи оседлых племен Приуралья с кочевниками Великого пояса степей в эпоху раннего железа // Скифо-Сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980.

Мажитов Н. А., 1968. Бахмутинская культура. М.

Мажитов Н. А., Пшеничнюк А. Х., 1968. Камышлы-Тамакский могильник // АЭБ. Т. Ш.

Мошкова М. Г., 1960. Раннесарматские бронзовые пряжки // МИА. № 78.

Патрушев В. С., 1984. Марийский край в VII-VI вв. до н. э. Йошкар-Ола.

Патрушев В. С., Халиков А. Х., 1982. Волжские ананьинцы. М.

Погребова М. Н., Раевский Д. С., 1992. Ранние скифы и древний Восток. М.

Пшеничнюк А. Х., 1968. Охлебининский могильник // АЭБ. Т. Ш.

Пшеничнюк А. Х., 1973. Кара-абызская культура // АЭБ. Т. V.

Пшеничнюк А. Х., 1976. Шиповский комплекс памятников // Древности Южного Урала. Уфа.

Пшеничнюк А. Х., 1986. Юлдашевский могильник // Археологические работы в низовьях Белой. Уфа.

Рычков Н. А., 1982. Оценка представительности и характера распределения признаков погребальных памятников // Методологические и методические вопросы археологии. Киев.

Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1992.

Останина Т. И., 1992. Покровский могильник IV-V вв. Каталог археологической коллекции. Ижевск.

Халиков А. Х., 1977. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа. VIII-VI вв. до н. э. М.

Р. Д. Голдина, С. Р. Волков
(Ижевск, УдГУ)

ШЛЕМЫ ТАРАСОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Изучение предметов вооружения позволяет внести дополнительные штрихи в картину этнической и социальной истории финно-угорских народов эпохи раннего средневековья. Некоторые массовые виды оружия дают широкие возможности для статистического анализа и получения широких обобщений, другие же, уникальные, позволяют определенным образом их детализировать. К числу последних относятся предметы защитного вооружения. В последние десятилетий в Среднем Прикамье и в бассейне Вятки обнаружено 18 шлемов, происходящих из восьми могильников (рис. 1). Среди них значительный интерес представляют находки этой категории вещей в погребениях Тарасовского могильника II-V вв. н.э. в Среднем Прикамье.

Памятник расположен в 1 км к ЮВ от с. Тарасово Сарапульского района Удмуртской республики. Он занимает выступ коренной террасы правого берега р. Камы, образованный в месте впадения в нее в древности небольшого ручья. В настоящее время русло реки проходит в 2 км севернее. Могильник находится на территории селища позднеананьинско-раннепьяноборского времени. В 1980-94 гг. памятник исследовался Камско-Вятской экспедицией Удмуртского университета под руководством Р. Д. Голдиной, раскопки продолжаются и в настоящее время. В четырех погребениях Тарасовского могильника были обнаружены шлемы.

Шлем из погр. 6 (мужчина, 17-20 лет) имеет форму близкую к полусферической. Его купол склепан из различного размера прямоугольных и трапециевидных железных пластин, имеет небольшой наносник. Наносник украшен приклепанной к нему узкой бронзовой пластиной, закручивающейся на концах и орнаментированной по бокам небольшими насечками. К нижнему краю шлема при помощи шарниров крепилось лицевое покрытие – железные нащёчники. Предполагаемый диаметр – 19,5 см, высота купола – 13,5 см. Бармица отсутствует (рис. 2-*17*). Шлем находился в ногах погребенного. На ногах от правого бедра к левой ступне лежал железный меч (рис. 2-*18*). Под ним и рядом с ним найдены бронзовые пряжки (рис. 2-*10,11*), накладки (рис. 2-*3*, 4-*6*), наконечник ремня (рис. 2-*8*), бусина (рис. 2-*9*), железные пряжка и нож (рис. 2-*13, 14*) в деревянных ножнах с бронзовыми обкладками (рис. 2-*12*). В области грудной клетки зафиксирована еще одна бронзовая пряжка (рис. 2-*15*) и фрагменты железного предмета (рис. 2-*7*). У левой голени встречены фрагменты железных удил (рис. 2-*16*).

Шлем из погр.782 (женщина, 18-20 лет) имеет совершенно другую конструкцию (рис. 3). Его основу составляет несущий железный обод диаметром 20 см. Купол шлема высотой 13,5 см составлен из узких железных вертикальных пластин. Их длинные стороны не смыкаются между собой. Нижними концами пластины прикреплены (приварены?) к ободу, а верхними – к пластине круглой (?) формы. Таким образом, корпус шлема представляет собой своего рода решетку. К ободу шлема, вероятно, по всей окружности, была приклепана узкая бронзовая полоса с насечками по краям. В лицевой части она проходила также и по наноснику, повторяя его форму. Заклепки, крепившие ее, тоже бронзовые, с небольшими полусферическими головками. С обеих сторон обода сохранились бронзовые петельки для крепления лицевого покрытия, которое, судя по их конструкции, было несъемным. Железные нащёчники имеют изгиб, соответствующий профилировке лица. По краям так же, как и обод, они украшены узкими бронзовыми пластинами с насечками. В верхней части также сохранились бронзовые петельки для крепления к ободу через отверстие в нем. Общая форма шлема – сфероконическая. Бармица не применялась.

Шлем был уложен на ступни погребённой. Кроме шлема, в могиле был найден богатый вещевой комплекс: у правого плеча умершей находились две бронзовые бляшки (рис. 4-*4,5*); у левого – халцедоновый диск, служивший, вероятно, в качестве навершия рукояти меча (рис. 4-*2*). Справа от тела была уложена конская узда с бронзовыми подвесками и накладками (рис. 5 – *1-32,34*). Слева от умершей был уложен железный меч в деревянных ножнах (рис. 5-*38*), а на мече – кожаный пояс с бронзовыми накладками и бронзовой пряжкой и железным наконечником ремня (рис. 6-*1-33*). У меча находились обломки железной пряжки, халцедоновая бусина (рис. 4-*1*), железный нож в деревянных ножнах, окрашенных алой краской (рис. 4-*8*). Вероятно, ножны меча были украшены бронзовыми обкладками, а ремень портупеи имел бронзовый наконечник (рис. 5-*35-37*). У бедра умершей обнаружена бронзовая пряжка (рис. 4-*6*) и фрагмент железного предмета. У левого колена железный крючок, ниже, у голени, еще одна бронзовая пряжка (рис. 4-*3*); у ступней ног, справа, собраны фрагменты железных удил (рис. 5-*33*). Ниже шлема, у торца могилы найдена железная крица весом 5,2 кг (рис. 4-*7*).

Шлем из погр.1685 (пол не определим) имеет плохую сохранность, поэтому восстановить его форму и размеры не удалось. О конструкции предположительно можно судить по отдельным фрагментам (рис. 7-*1-7*). В основе конструкции, вероятно, лежал железный несущий обод, а купол был сварен из узких железных вертикальных пластин, но, в отличие от предыдущего изделия длинные стороны пластин были сварены между собой, и корпус шлема был не решетчатый, а цельный. Нижние концы пластин приварены к ободу с внешней

стороны. Нижняя часть наголовья украшена, возможно, по всей окружности, двумя рядами заклепок с крупными бронзовыми полусферическими головками. Шлем был снабжен железными нащёчниками, фрагментов бармицы и наносника не обнаружено.

В данном случае шлем вместе с втульчатым топором (рис. 8-*5*) был помещен в изголовье, в северо-восточном углу погребения. В северо-западном углу был найден наконечник копья (рис. 9-*31*) и костяное изделие, причем у копья сохранилось древко длиной 165 см. Справа от черепа находились фрагменты железного предмета. Под головой в области шеи были найдены фрагменты золотых нитей, очевидно, украшавшие одежду. У левой руки лежал железный двуручный меч (рис. 9-*32*). Деревянная рукоять была окрашена в красный цвет, обмотана бронзовой проволокой и имела в качестве навершия халцедоновый диск. Меч был в деревянных ножнах с бронзовым наконечником. Слева от него лежал железный нож в деревянных ножнах, очевидно, прикрепленный к ножнам меча при помощи железных обойм (рис. 9-*32*). Несколько бронзовых пряжек относились, скорее всего, к портупее (рис. 9-*22-25,28;* 10-*2,8-10*). У нижней части ножен были найдены фрагменты бронзового предмета. Возле ног погребенного обнаружены две обувные пряжки с наконечниками ремней (рис. 8-*1,2*), а у правой ноги – еще одна стеклянная бусина (рис. 10-*1*). В южной части погребения была уложена кожаная узда с бронзовыми накладками (рис. 10-*3-7*; 9-*1-21*). Рядом с ней находились фрагменты железных удил (рис. 9-*30*) и так называемая «коса-горбуша» (рис. 9-*29*). В ногах умершего был уложен железный панцирь, а под ним – четыре проушных топора (рис. 8-*4,6-8*). Панцирь частично реконструируется. Он набран из длинных прямоугольных вертикальных железных пластин, соединенных между собой при помощи слегка расплющенных железных колец, причем длинные стороны пластин частично перекрывали друг друга (рис. 11; 12-*1*; 13-*2*). На относительно хорошо сохранившейся нагрудной части панциря отчетливо прослеживаются три набранных таким образом горизонтальных ряда, причем верхние перекрывают нижние. Длина пластин верхнего яруса не восстанавливается, ширина – 30-35 мм. Пластины среднего яруса имеют средние размеры 140х35 мм. Наиболее крупными являются пластины нижнего ряда, средняя величина которых 220х35 мм. Между собой ряды пластин, очевидно, скреплялись при помощи кожаной подкладки, приклёпанной к пластинам с изнаночной стороны, остатки которой довольно хорошо сохранились (рис. 11). Такая система крепления пластин обычно называется ламеллярной (Соловьев А. И., 1987, с. 50). В нижней части нижнего яруса (на подоле панциря) кожаная подкладка немного загнута наружу (рис.11; 13-*5*). Судя по количеству фрагментов, спина воина была защищена аналогичным образом, но эта часть доспеха сохранилась гораздо хуже (рис. 12-*2*; 13-*1,2,4,5*). Возможно, что наряду с наборной конструкцией, часть панциря, закрывающая верхнюю треть спины, была сварена из крупных пластин (рис 13-*4*). Остается неявной конструкция верхней части (оплечье). Не исключено, однако, отсутствие этого конструкционного элемента. Благодаря гибкости в горизонтальной плоскости данный экземпляр мог представлять собой своего рода длинную широкую «ленту», оборачивавшуюся вокруг тела и застегивавшуюся с одного бока. Следует отметить и то, что панцирь имеет ярко выраженную вертикальную профилировку в соответствии с изгибами человеческого тела (рис. 11), вследствие чего в застегнутом состоянии мог удерживаться на корпусе и без помощи оплечья. В пользу данного предположения говорит и тот факт, что вместе с панцирем была найдена лишь одна железная пряжка (рис.13-*3*).

Шлем из погр.1784 (пол не определим), вероятно, изготовлен из одной цельнокованной пластины железа, сварочные швы не прослеживаются. Форма купола – сфероконическая размер по диаметральным линиям – 19,5х20,5 см, высота – 17,5 см. С внешней стороны он полностью покрыт тонкой серебряной фольгой. Вдоль диаметральных осей, перекрещиваясь на вершине под прямым углом, проходят две узкие полоски золотой фольги, каждая из которых приклепана к корпусу двумя рядами бронзовых заклепок с большими полусферическими головками. Такой же двойной ряд заклепок проходит по нижнему краю шлема, причем нижний ряд крепит выведенный на лицевую сторону край кожаного подшлемника (рис. 14) На внутренней стороне фрагменты подшлемника также имеются в большом количестве. Шлем не имеет наносника и лицевого покрытия, но снабжен бармицей – сеткой кольчужного плетения. Диаметр колец 10-15 мм. Не совсем ясна система крепления бармицы. На нижнем крае шлема отсутствуют крупные заклепки или отверстия. Возможно, бармица крепилась к подшлемнику. Шлем был найден слева от черепа, рядом находилась бронзовая пряжка (рис. 15-*2*). Справа вдоль тела был положен железный меч в деревянных ножнах, с деревянной рукоятью (рис. 15-*12*) и навершием из зеленоватого стекла. Справа от меча были найдены бронзовые – пряжка (рис. 16-*6*) и наконечник ремня (рис. 16-*5*), пряслице (рис. 15-*10*). Слева от таза лежали бронзовые пряжка (рис. 15-*5*), наконечник ремня (рис. 15-*9*) и предмет неясного предназначения (рис. 15-*11*), а также железный нож в ножнах (рис. 16-*10*) и череп небольшого животного. У левой голени была найдена кожаная уздечка с бронзовыми накладками (рис. 16-*1-3,8*) и двумя пряжками (рис. 15-*3*; 16-*7*) и железными удилами (рис. 16,*9*). В ногах были найдены две бронзовые пряжки (рис. 15-*7,8*) два наконечника ремня (рис. 15-*1,6*) от обувных ремешков и еще одна пряжка (рис. 15-*4*). Слева от ног была расчищена железная кольчуга, рядом находились 6 железных топоров (рис. 17-*2-7*), наконечник копья (рис.16-*11*) и «коса-горбуша» (рис.17-*1*). Интересно, что кольчуга была повреждена, очевидно, в процессе использования, а

затем починена с помощью бронзовой проволоки.

Таким образом, шлемы Тарасовского могильника представлены тремя различными технологическими приемами: сваренные, склепанные и «цельнокованые», конструкция у всех четырех экземпляров тоже различна. Планиграфически погребения со шлемами не составляют единой локальной группы, хотя необходимо отметить, что два последних погребения, расположены рядом, в северной части могильника, и несколько отличаются по погребальному обряду от двух первых. Все погребения Тарасовского могильника, имеющие в составе погребального инвентаря защитное вооружение датируются по бронзовым украшениям IV – началом V вв.н.э. В материалах предшествующего периода не обнаружено никаких прототипов для создания данной категории вооружения. Но, вместе с тем данный памятник не уникален в этом отношении: на некоторых могильниках Камско-Вятского бассейна в IV – начала V вв.н.э. найдены погребения со шлемами. Учитывая отсутствие традиций использования доспехов местным населением, нетрудно прийти к выводу, что в данном случае имеет место некое инокультурное влияние. В ходе раскопок новых могильников в Камско-Вятском междуречье – Тарасовского (Р. Д. Голдина), Первомайского (Л. Д. Макаров), Кудашевского (О. А. Казанцева) – получены обширные новые материалы, в число которых входит и защитное вооружение. Накопленные в настоящий момент данные позволяют произвести предварительные обобщения и выдвинуть более или менее обоснованные предположения относительно истоков и масштабов этого импульса.

В настоящее время шлемы найдены на четырех могильниках бассейна Вятки: Тюм-Тюме (Ошибкина С. В., 1970), Первомайском (Макаров Л. Д., 1988), Худяковском (Голдина Р. Д., 1987, с. 41-67), Суворовском (Генинг В. Ф., 1963, с. 107-125), и на четырех прикамских некрополях: Тураевском (Генинг В. Ф., 1976, с. 55-108), Тарасовском, Нивском (Останина Т. И., 1978, с. 92-117), Кудашевском (Казанцева О. А., 1990; 1992; 1993) (рис.1). Всего известно 18 погребений с находками такого рода. Возникает закономерный вопрос: является ли распространение шлемов на столь широкой территории результатом единого культурного влияния, или же было обусловлено действием нескольких факторов? Для ответа на этот вопрос необходимо проанализировать сходство и различия как самих шлемов, так и погребений с этой категорией находок.

Шлемы, наряду с панцирями и кольчугами являются наиболее дорогостоящей частью экипировки и, вследствие этого представляют собой надежный индикатор воинских захоронений. Сравнительный анализ морфологии боевых наголовий может дать большой объем информации об особенностях их функционального назначения и, в результате, о требованиях, предъявляемых к их конструкции. Но подобное сравнение возможно лишь на достаточно больших сериях, в настоящее же время лишь небольшое количество экземпляров реконструированы и описаны должным образом. Тем не менее, даже в рамках ограниченной информации такое сравнение представляет значительный интерес.

Конструкция в общих чертах восстанавливается практически у всех 18 шлемов. Наибольшее число (12 экз.) относится к группе «сварных». В ней объединены как изделия из одной цельнокованной пластины, так и сваренные из узких вертикальных пластин. Такие шлемы встречены как в бассейне Вятки (могильники – Первомайский погр.9, Суворовский погр.20, 30), так и в Прикамье (Кудашевский погр.5, 6, 7, 10, 24, Тарасовский погр.1685, 1784, Тураевский 5/1, 8/1а). Прочие виды шлемов распространены в гораздо меньшей степени. К группе решетчатых шлемов (4 экз.) относится доспех из погр.782 Тарасовского могильника (рис.3). Экземпляры из погр.27 Суворовского могильника и погр.80 Нивского отличаются от него лишь оформлением верхушки шлема в виде многолучевой розетки (рис.18-*1,2*). К этой же группе относится, скорее всего, и шлем из погр.36 могильника Тюм-Тюм. Боевые наголовья, склепанные из подпрямоугольных и трапециевидных пластин наиболее хорошо представлены шлемом из Тарасовского могильника (погр.6, рис.2-*17*). По такой же схеме, вероятно, изготовлен и шлем из погр.88 Худяковского могильника. Таким образом «решетчатые», «клёпаные» и «сварные» шлемы встречаются практически на всей исследуемой территории.

Наиболее широко распространенной формой купола (определена у 15 экз.) является сфероконическая (6 экз.). Такую форму имели как решетчатые (Суворовский погр.27, рис.18-*3*, Нивский погр.80, Тарасовский погр.782, рис. 3), так и «сварные» изделия (Тарасовский погр.1784, Суворовский погр.30, рис. 18-*3*, Первомайский погр.9) на всей территории Камско-Вятского междуречья. Полусферические шлемы с более низким, нежели у сфероконических, куполом характерны только для Прикамья. К ним предварительно отнесены все шлемы из погребений Кудашевского могильника, Тураевский экземпляр (курган 7/1а, рис. 18-*4*) и клепаный шлем из погр.6 Тарасовского могильника (рис. 2-*17*). Наиболее редка коническая форма купола (Худяковский погр.88). Сюда же отнесен шлем из могильника Тюм-Тюм в виде усеченного конуса (погр.36). Шлемы такого рода найдены только в бассейне Вятки.

Наличие либо отсутствие дополнительных защитных средств определено у 16 изделий. Чаще всего в качестве таковых использовалось лицевое покрытие (нащечники). Их наличие зафиксировано на трех тарасовских экземплярах (погр.6, 782, 1685) и шлеме из Худяковского могильника (погр.88). Судя по описанию (Генинг В. Ф., 1963, с. 70), имелись они и на двух Суворовских шлемах (погр.27, 30). Всего в Камско-Вятском бассейне найдено 6 боевых наголовий с лицевым покрытием. Бармица применялась гораздо реже (в 3-х случаях), и только на прикамских экземплярах (Тарасовский, погр.1784,

Тураево, к. 5/1, 7/1а, рис. 18-4). На 7 изделиях использование дополнительных защитных средств не предусмотрено (Кудашевский, погр.5, 6, 7, 10, 24; Первомайский, погр.9; Тюм-Тюм, погр.36).

В результате даже столь беглого обзора для шлемов, происходящих из могильников Камско-Вятского междуречья, можно выделить как общие черты, так и локальные особенности. Повсеместно используются шлемы всех трех технологических схем с куполом сфероконической формы. Довольно широко распространены дополнительные защитные средства в виде лицевых покрытий. В то же время прикамский набор боевых наголовий отличается наличием изделий с полусферическим куполом и применением бармиц кольчужного плетения. В азелинских погребениях найдены шлемы с коническим куполом. Данные о некоторых элементах погребального обряда и наиболее ярких категорий вещевого инвентаря из погребений со шлемами приведены в табл.1.

Общей чертой этой группы захоронений является большой размер могильных ям: длина варьирует в пределах 210-360 см, ширина – 50-230 см, глубина – 52-355 см, средние размеры 256x109x150 см. Что, в целом больше, чем средние размеры рядовых погребений в данном регионе (Ошибкина С. В., 1979, с. 72; Генинг В. Ф., 1967, с. 14).

В ориентации погребенных наблюдаются следующие тенденции: большинство азелинских воинов уложены головой на ССЗ и СЗ, отмечен также один случай обратной ориентации (на ЮЮВ).

Как основная ориентация, так и случай с обратным направлением, достаточно традиционны для памятников этой культуры (Ошибкина С. В., 1979, с. 72). В курганных могильниках Прикамья (Тураевский, вероятно, Кудашевский) умершие обращены головой на ЗЮЗ и на ЮЗ. В Тарасовском могильнике, где бескурганные погребения с защитным вооружением рассредоточены среди «рядовых» захоронений, наблюдается ориентация головой на север с отклонениями (СВ, ССВ, СЗ), что совпадает с обычаями мазунинского населения (Генинг В. Ф., 1967, с. 12). Таким образом, можно условно выделить две группы погребений: с традиционной для азелинского и мазунинского регионов ориентацией и с нехарактерным обрядом захоронения (ориентация умерших головой на ЮЗ и ЗЮЗ, курганные насыпи).

Положение шлема относительно костяка довольно стандартно. Чаще всего он укладывался слева или справа от черепа, реже – в ногах. Лишь в одном случае он был уложен на колени погребенного.

Характерной чертой исследуемой группы погребений является своеобразие имеющихся в них комплексов вооружения. Прежде всего, обращает на себя внимание наличие большого количества кольчуг и панцирей (в 44,4% всех захоронений этой группы). Роль оружия дальнего боя (лука и стрел), напротив, была весьма невелика (22,2%). Копья у местного населения традиционно были весьма популярным видом вооружения (50,0%), но количество мечей необычайно велико (77,8%). Необходимо отметить также очень большое количество конской сбруи (в 77,8% погребений). Еще одной общей чертой погребений со шлемами является наличие в них так называемых «кос-горбуш» (44,4%). Вопрос о функциональном назначении этих предметов является темой отдельного исследования; во всяком случае, трудно согласиться с их интерпретацией в качестве сельскохозяйственных орудий, данной В. Ф. Генингом (1976, с. 87).

Но, вместе с тем, в составе вятских и прикамских комплексов вооружения имеются и определенные различия. В прикамских погребениях гораздо чаще, чем в азелинских встречаются панцири и кольчуги, мечи, «косы». Доспехи здесь встречены в 50,0% погребений со шлемами; в азелинских погребениях – в 33,3% случаев, причем только кольчуги, панцири же отсутствуют совершенно. Мечи имеются в 83,3% исследуемых могил прикамской группы; на Вятке они встречены в составе 66,7% комплексов, «коса» здесь входила в их состав лишь единожды (16,7%); а в Прикамье – в 58,3% захоронений, дважды по нескольку экземпляров в одной могиле. В то же время наконечники стрел на азелинской территории укладывались в погребение гораздо чаще, чем в Прикамье (50% и 8,3% соответственно). Аналогичная картина наблюдается и в отношении топоров (66,7% и 41,7%).

Кроме того, необходимо отметить некоторые нюансы, не зафиксированные в таблице 1. Во-первых, оружие из погребений со шлемами азелинской культуры в большинстве своем местных типов: костяные наконечники стрел, втульчатые или небольшие проушные топоры. Кроме того, в вещевой комплекс этих захоронений обычно входит значительное количество украшений костюма, что также характерно для местного населения. Иная картина наблюдается в Прикамье. В погребениях Тураевского могильника подавляющее большинство пряжек, наконечников ремней и бус относится к ремням портупеи и украшениям ножен мечей и кинжалов, а украшения костюма немногочисленны или вообще отсутствуют (Генинг В. Ф., 1976, с. 87). Это наблюдение справедливо и по отношению к воинским захоронениям Тарасовского и Кудашевского могильников. Набор вооружения из этих погребений имеет отличные от местного комплекса черты: почти полное отсутствие наконечников стрел, имеющиеся же три экземпляра (железные втульчатые), совершенно не характерны для мазунинского вооружения. В «рядовых» мазунинских погребениях очень редки топоры, а в захоронениях с шлемами их встречается до 6 экземпляров в одном комплексе, причем совершенно иных типов, нежели местные изделия.

Но, несмотря на приведенные различия в сопровождающем инвентаре, черты сходства между этими погребениями (одновременное их появление в Камско-Вятском междуречье, большие размеры могильных ям, богатый комплекс вооружения, находки предметов неясного функционального назначения –

«кос-горбуш») позволяют с уверенностью предположить их происхождение из одного источника. Очевидно, что в IV в.н.э. в этот регион продвинулась сравнительно небольшая, судя по отсутствию значительного влияния на материальную культуру аборигенного населения, группа иноэтничных мигрантов. Маловероятно, что данное явление можно связать с проникновением в конце IV в. в Приуралье группы лесостепного западносибирского населения, принесшей сюда курганный обряд захоронения (Голдина Р. Д., 1987а, с. 14). Комплекс вооружения, происходящий из погребений последней группы памятников, сильно отличается от исследуемого, и нем отсутствуют доспехи, топоры и «косы-горбуши», чаще всего встречаются костяные наконечники стрел, реже – мечи (Голдина Р. Д., 1986, с. 47-98; Голдина Р. Д., Водолаго Н. Э., 1990, с. 91).

Находки защитного вооружения в этот период очень редки. Точных аналогий шлемам не найдено. Однако следует отметить, что применение лицевого покрытия (нащёчников) наиболее характерно для западного защитного сооружения. Римские шлемы начала IV в.н.э., найденные в Паннонии и Будапеште (Археология Венгрии ... , с. 247., рис. 80), довольно близки по конструкции «сварным» экземплярам с нащёчниками из могильников Камско-Вятского междуречья. Находки панцирных пластин более часты. Ламеллярная система крепления пластин известна повсеместно (Соловьев А. И., 1987, с. 50). Особенно близкие параллели панцирю из погребения 1685 Тарасовского могильника происходит с территории Западной Сибири (Васюганье) (там же, с. 186, рис. 2). Конструкция западносибирского доспеха не восстанавливается, но система крепления пластин при помощи слегка расплющенных с лицевой стороны железных колец у обоих панцирей совершенно идентична.

Доспех из кургана 7 Тураевского могильника относится к типу чешуйчатых (Генинг В. Ф., 1976, с.101, рис.31-*2*). Такая конструкция панцирей известна столь же широко, как и ламеллярная (Соловьев А. И., 1987, с. 52). Однако, несмотря на близкие аналогии, маловероятно, что тарасовский и тураевский панцири имеют северо- или центральноазиатское происхождение, поскольку находки такого рода появляются там во второй пол. I тыс. н. э. (Соловьев А. И., 1987, с. 50; Худяков Ю. С., Соловьев А. И., 1987, с. 157-158). Обычной же формой доспеха на этой территории в середине I тыс. н. э. является нагрудник, набранный из горизонтальных пластин (Худяков Ю. С., Соловьев А. И., 1987, с. 157).

Аналогий «косам-горбушам» также пока не найдено. Некоторые данные для локализации исходного пункта этой группы населения были получены при поиске параллелей для топоров из данного круга погребений. Многие из них (рис. 8-*6-7*; 17-*3-7*) (Генинг В. Ф., 1976, рис. 28-*10*, *12*) имеют значительное сходство с топорами-франциски позднеримского времени (Каргапольцев С. Ю., Бажан М. А., 1992, рис. 4). С. Ю. Каргапольцев и М. А. Бажан полагают, что данный тип топоров происходит из междуречья Эльбы и Одера и в различных вариантах полу чает распространение на обширных территориях Восточной Европы (Прибалтика, Украина, Причерноморье, Кавказ). Они связывают данное явление с походами готских конфедератов римской империи и определяют начало этого импульса не ранее первой половины III в. н. э. (там же, с. 118-122). Не исключено, что отголоски этих перемещений достигли в IV – нач. V вв. междуречья Камы и Вятки. Для более детального обоснования данного предположения рассмотренные в настоящей работе материалы недостаточны. Возможно, что анализ всех погребений, содержащих как предметы защитного вооружения, так и топоры с «косами-горбушами», позволит получить более определенные выводы относительно их происхождения.

В настоящее время можно говорить лишь о том, что в IV в. н. э. в Прикамье проникает небольшая, хорошо вооруженная группа населения (возможно, военный отряд). Наличие специфических черт в вооружении (топоры центрально-европейских типов, значительное количество шлемов с лицевым покрытием, кольчуг и панцирей) позволит скорее предположить ее европейское, нежели азиатское происхождение. Достигнув места слияния Камы и Вятки, группа, вероятнее всего, разделилась. Меньшая и, очевидно, более слабо вооруженная часть продвигалась на север по правому берегу Вятки, где была очень быстро ассимилирована местным населением. Этим объясняется то, что при погребении пришельцев соблюдались азелинские погребальные традиции, проявившиеся в ориентации и наличии большого количества украшений костюма. В комплексе вооружения также появились местные черты: довольно часто встречаются наконечники стрел, втульчатые топоры. Но возможна и другая версия реконструкции этих событий: часть пришлого населения могла быть уничтожена в ходе военных столкновений, наиболее же престижные ценности (защитное вооружение) попали в погребения победителей в качестве трофеев. Во всяком случае, следы пребывания мигрантов на Вятке очень немногочисленны и быстро исчезают.

Большая, наиболее хорошо вооруженная и организованная часть данной группы продвигалась на северо-восток вверх по Каме. Очевидно, вследствие сравнительно большой численности ей удавалось некоторое время (до второй половины V в.н.э.) сохранять своеобразие своей духовной и материальной культуры (курганный обряд захоронения, общая ориентация головой на ЮЗ и ЗЮЗ, своеобразие комплекса вооружения). Но и здесь идёт неизбежный процесс ассимиляции, вероятно, отразившийся в материалах Тарасовского могильника (смена курганного обряда захоронения бескурганным, традиционная мазунинская ориентация погребенных).

Вопрос об этнической и социальной структуре данного населения остается открытым. Возможно,

что особенности распределения шлемов на могильниках несут в себе некоторую информационную нагрузку. Так, например, оба конусовидных шлема найдены на вятских памятниках; оба шлема из Тураевского некрополя имели бармицу, а на кудашевских боевых наголовьях ни лицевых покрытий, ни бармиц не найдено. Для подтверждения столь далеко идущих выводов недостаточен анализ только лишь предметов вооружения. Дальнейшие комплексные исследования на эту тему позволят пролить свет на многие аспекты данной проблемы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археология Венгрии: Конец II тысячелетия до н. э. – I тысячелетие н. э. М., 1986.

Генинг В. Ф., 1963. Азелинская культура III-V вв. // ВАУ. Вып.5. Свердловск.

Генинг В. Ф., 1967. Мазунинская культура в Среднем Прикамье // ВАУ Вып.7. Свердловск.

Генинг В. Ф., 1976. Тураевский могильник V в. н. э. (захоронения военачальников) // Из археологии Волго-Камья. Казань.

Голдина Р. Д., 1986. Исследования курганной части Бродовского могильника // Приуралье в древности и средние века. Устинов.

Голдина Р. Д., 1987. Погребальный обряд Худяковского могильника // Этнические и социальные процессы у финно-угров Поволжья. Йошкар-Ола.

Голдина Р. Д., 1987а. Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа (по археологическим материалам) // Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов.

Голдина Р. Д., Водолаго Н. Э., 1990. Могильники Неволинской культуры в Приуралье. Иркутск.

Останина Т. Н., 1978. Нивский могильник III-V вв. // Материалы к ранней истории населения Удмуртии. Ижевск.

Ошибкина С. В., 1970. Отчет о работе Вятской археологической экспедиции за 1970 г. // Архив ИА АН СССР, Р-1, №№ 4258-4258а.

Ошибкина С. В., 1979. Погребальный обряд Азелинской культуры по материалам могильника Тюм-Тюм // КСИА. Вып.158.

Казанцева О. А., 1990. Отчет о работах в Бардымском районе Пермской области в 1990 году // Архив кафедры археологии УдГУ, Ф.2, Д.293. Ижевск.

Казанцева О. А., 1992. Отчет о работах в Бардымском районе Пермской области в 1991 году // Архив кафедры археологии УдГУ, Ф.2, Д.304, Ижевск.

Казанцева О. А., 1993. Отчет о работах в Бардымском районе Пермской области в 1993 году // Архив кафедры археологии УдГУ, Ф.2, Д.315, Ижевск.

Каргапольцев С. Ю., Бажан М. А., 1992. Умбоны щитов и боевые топоры римского времени // ПАВ, 2.

Макаров Л. Д., 1988. Отчет о работах 1987 года в Кировской области. Т.1 // Архив кафедры археологии УдГУ, Ф.2, Д.264, Ижевск.

Соловьев А. И., 1987. Военное дело коренного населения Западной Сибири: Эпоха средневековья. Новосибирск.

Худяков Ю. С., Соловьев А. И., 1987. Из истории защитного доспеха в Северной и Центральной Азии // Военное дело Северной Азии. Новосибирск.

Таблица 1

Характеристика некоторых элементов погребального обряда и вещевого инвентаря погребений со шлемами

Могильник	№ погребения	Размеры могильной ямы	Ориентация костяка	Местонахождение шлема	Сопровождающий инвентарь						
					Защитное снаряжение	Наконечники стрел	Наконечники копий	Мечи	Топоры	Удила	«Косы»
Тюм-Тюм	36	?x?x160	?	на коленях	–	–	1	1	1	1	–
Первомайский	9	246x101x165	СЗ	в изголовье	–	–	1	1	1	1	1
Худяковский	88	349x146x63	ЮЮВ	в ногах	–	–	–	-	1	1	–
Суворовский	20	250x80x135	ССЗ	?	кольчуга ?	13	–	1?	–	–	–
Суворовский	27	210x80x105	ССЗ	в ногах	кольчуга	17	–	–	–	1	–
Суворовский	30	260x69x160	ССЗ	в изголовье	–	22	1	1	1	2	1
Тураевский	5/1	270x113x355	ЗЮЗ	в изголовье	кольчуга	–	1	1	3	1	2
Тураевский	7/1а	250x107x224	ЗЮЗ	в изголовье	панцирь	3	1	1	1	1	–
Тарасовский	6	249x81x62	ССВ	в ногах	–	–	–	1	–	1	–
Тарасовский	782	225x75x108	СВ	в ногах	–	–	–	1	–	1	–
Тарасовский	1685	360x230x213	С	в изголовье	панцирь	–	1	1	5	1	1
Тарасовский	1784	?x210x270	СЗ	в изголовье	кольчуга	–	1	1	6	1	1
Кудашевский	5	235x98x120	ЮЗ	в изголовье	–	–	–	1	–	–	6
Кудашевский	6	242x90x115	ЮЗ	в изголовье	панцирь	–	2	1	–	–	1
Кудашевский	7	230x105x115	ЮЗ	в изголовье	–	–	2	1	1	1	1
Кудашевский	10	250x120x150	?	?	–	–	–	1	–	1	–
Кудашевский	24	251x105x120	ЗЮЗ	в изголовье	кольчуга	–	–	–	–	1	1
Нивский	80	220x50x52	З	?	–	–	–	–	–	–	–

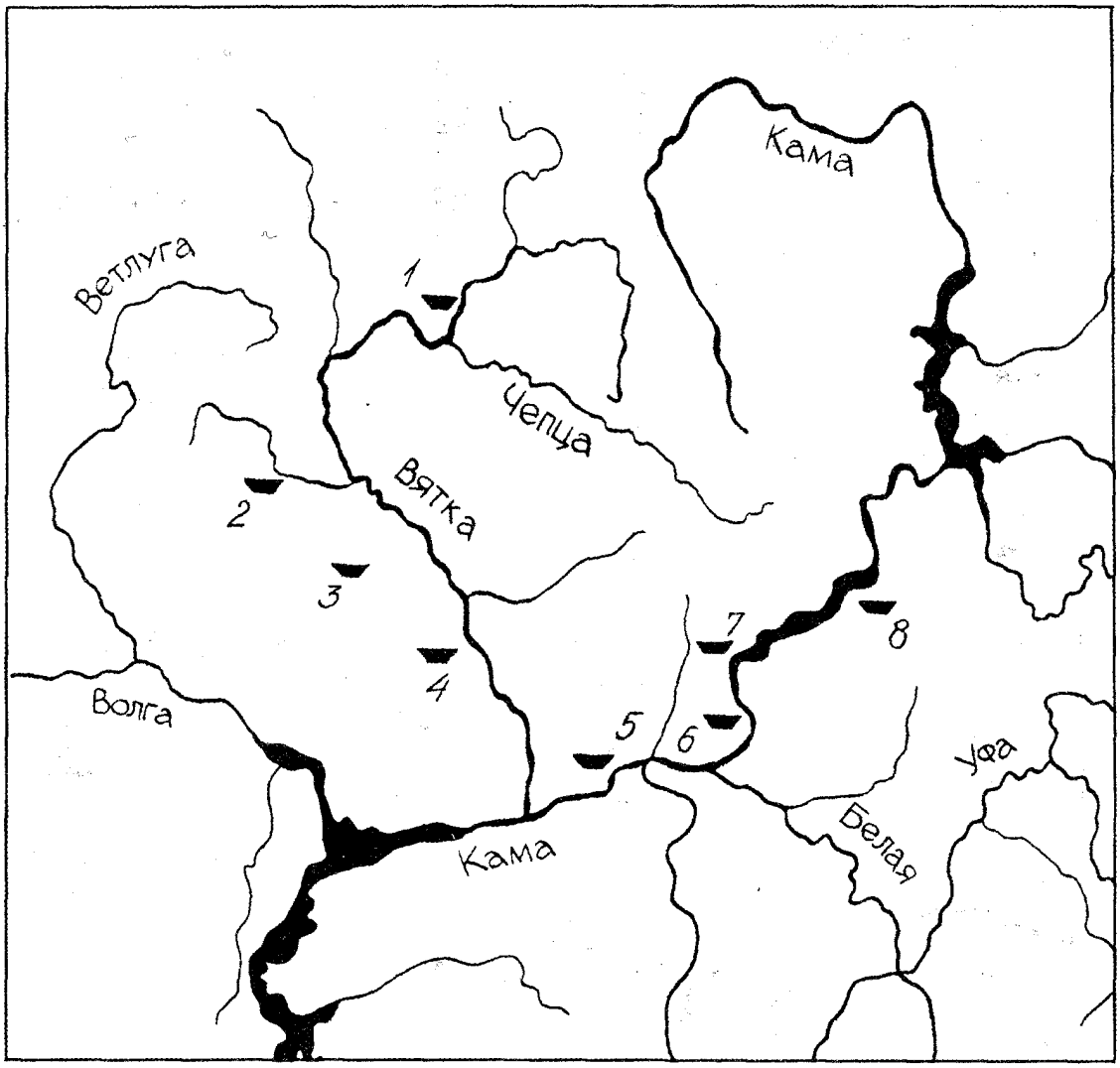


Рис.1. Находки шлемов в Камско-Вятском бассейне: 1- Первомайский могильник, 2 – Худяковский могильник, 3 – Суворовский могильника, 4 – Могильник Тюм-Тюм, 5 – Тураевский могильника, 6 -Тарасовский могильник, 7 – Нивский могильник, 8 – Кудашевский могильник.

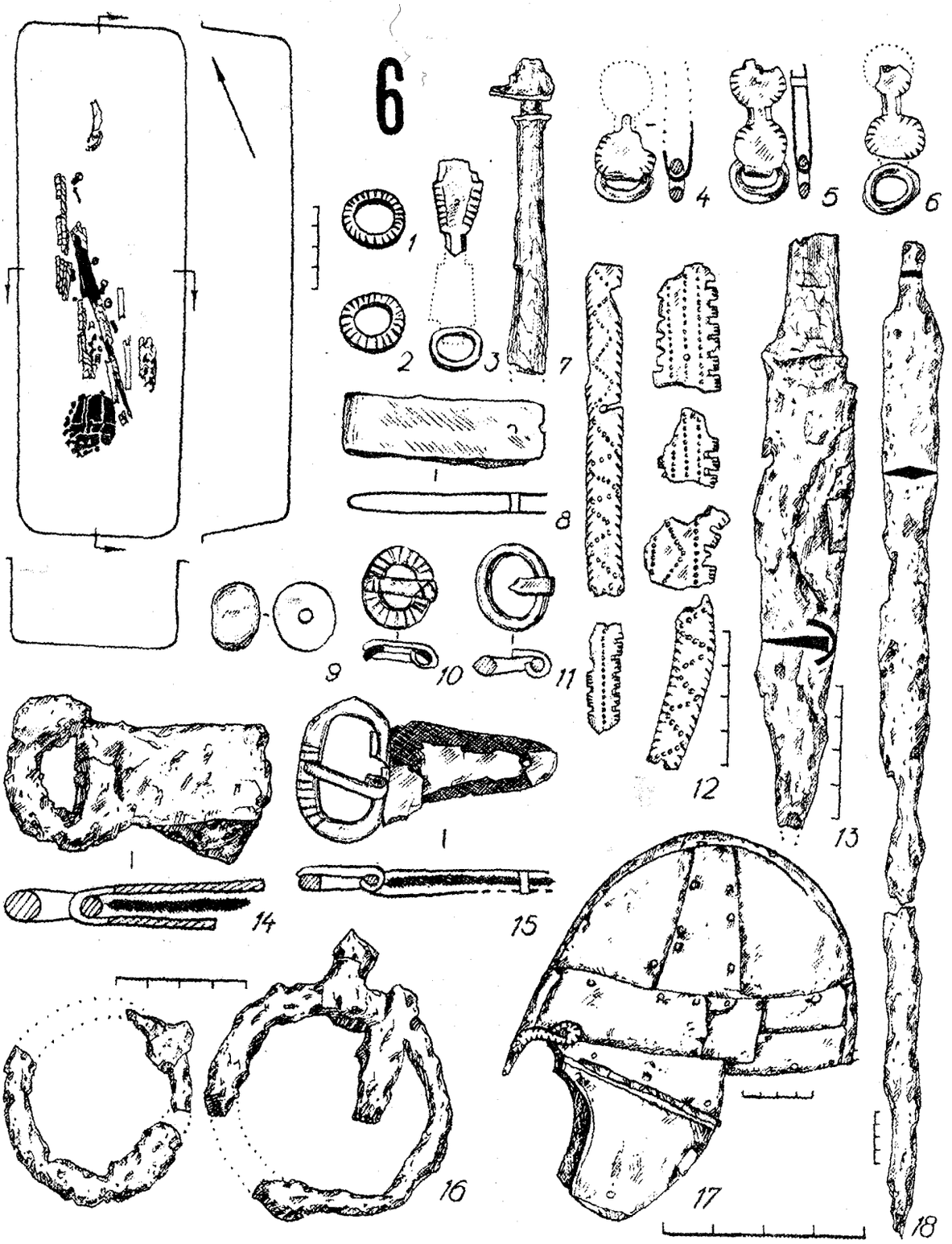


Рис.2. Тарасовский могильник. Вещи из погребения 6

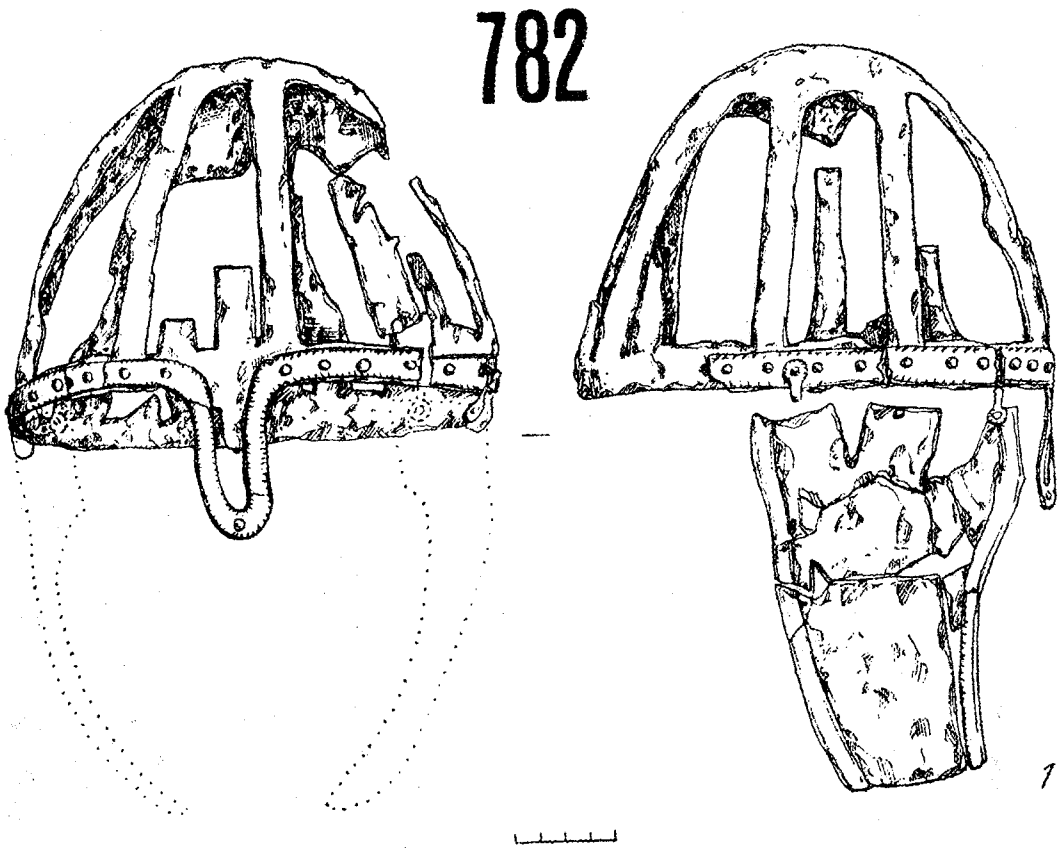


Рис.3. Тарасовский могильник. Шлем из погребения 782

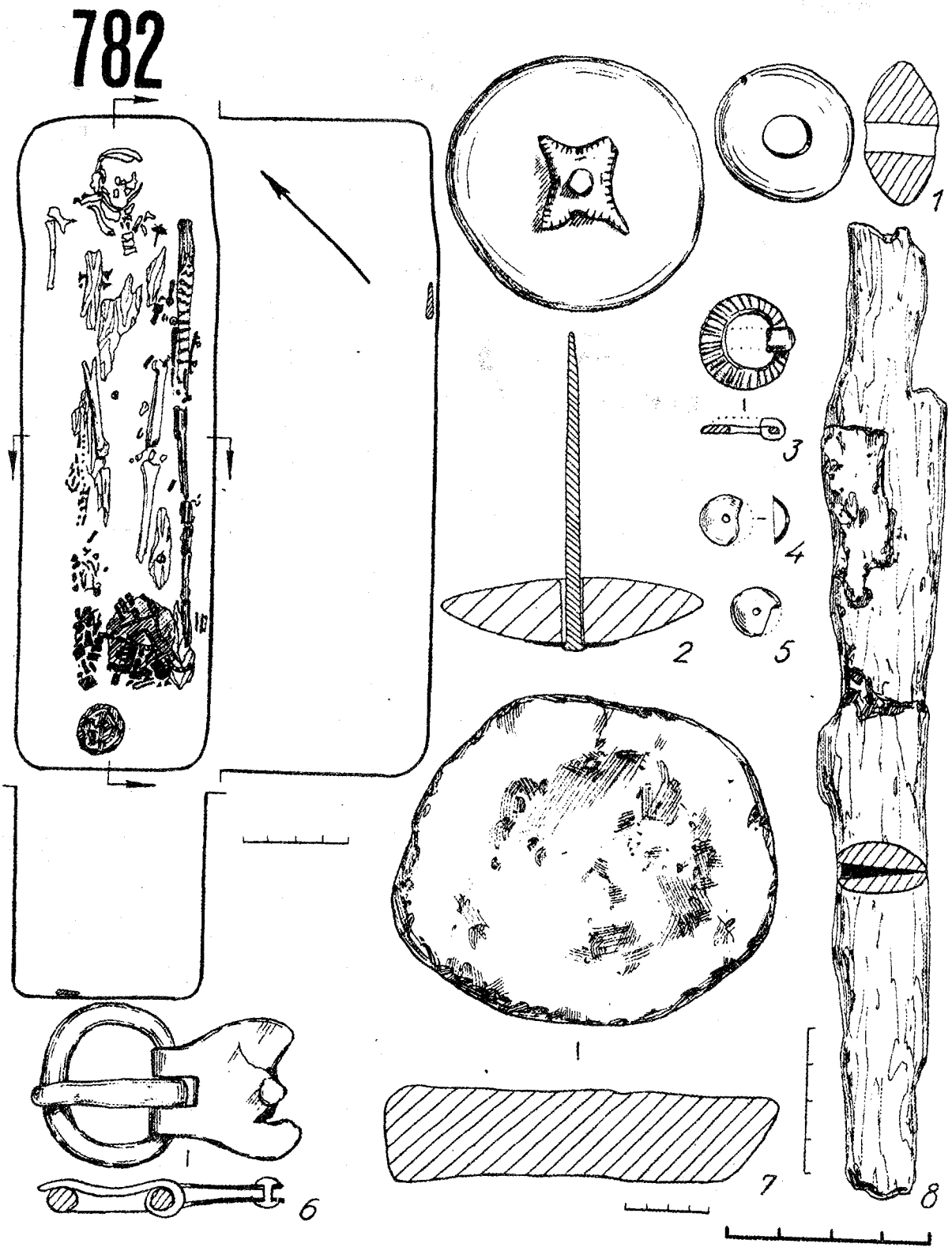


Рис.4. Тарасовский могильник. Вещи из погребения 782

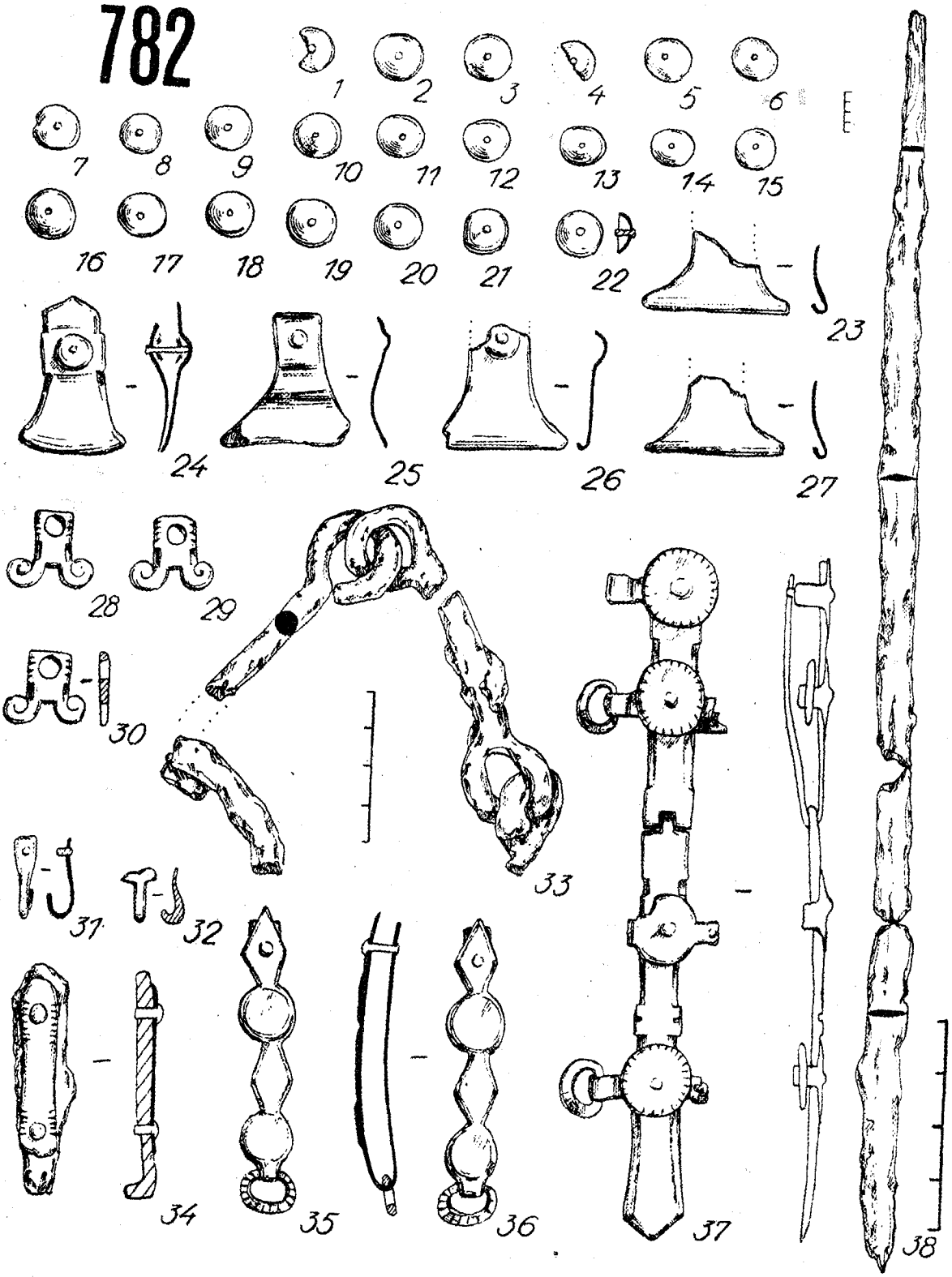


Рис.5. Тарасовский могильник. Вещи из погребения 782

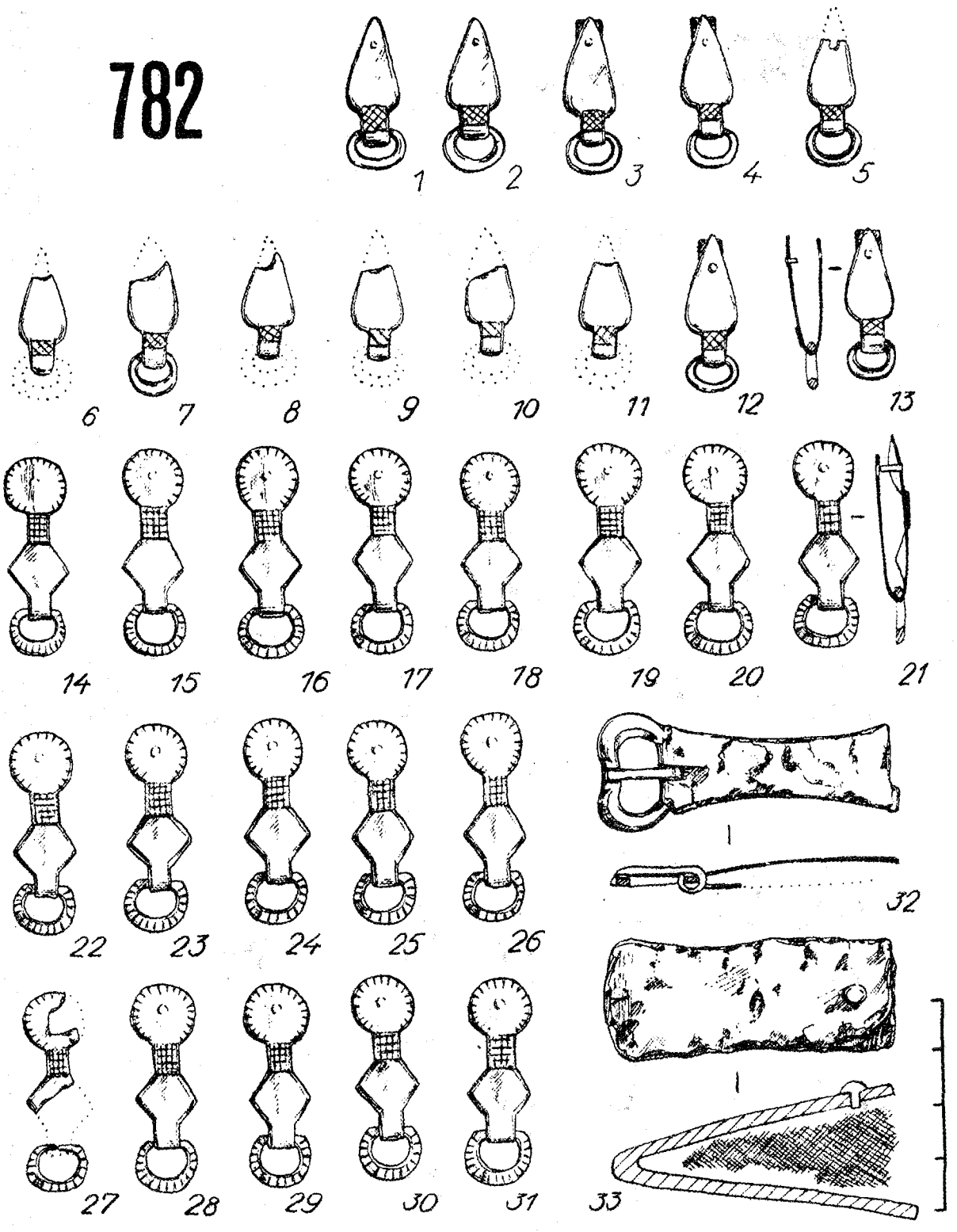


Рис.6 Тарасовский могильник. Вещи из погребения 782

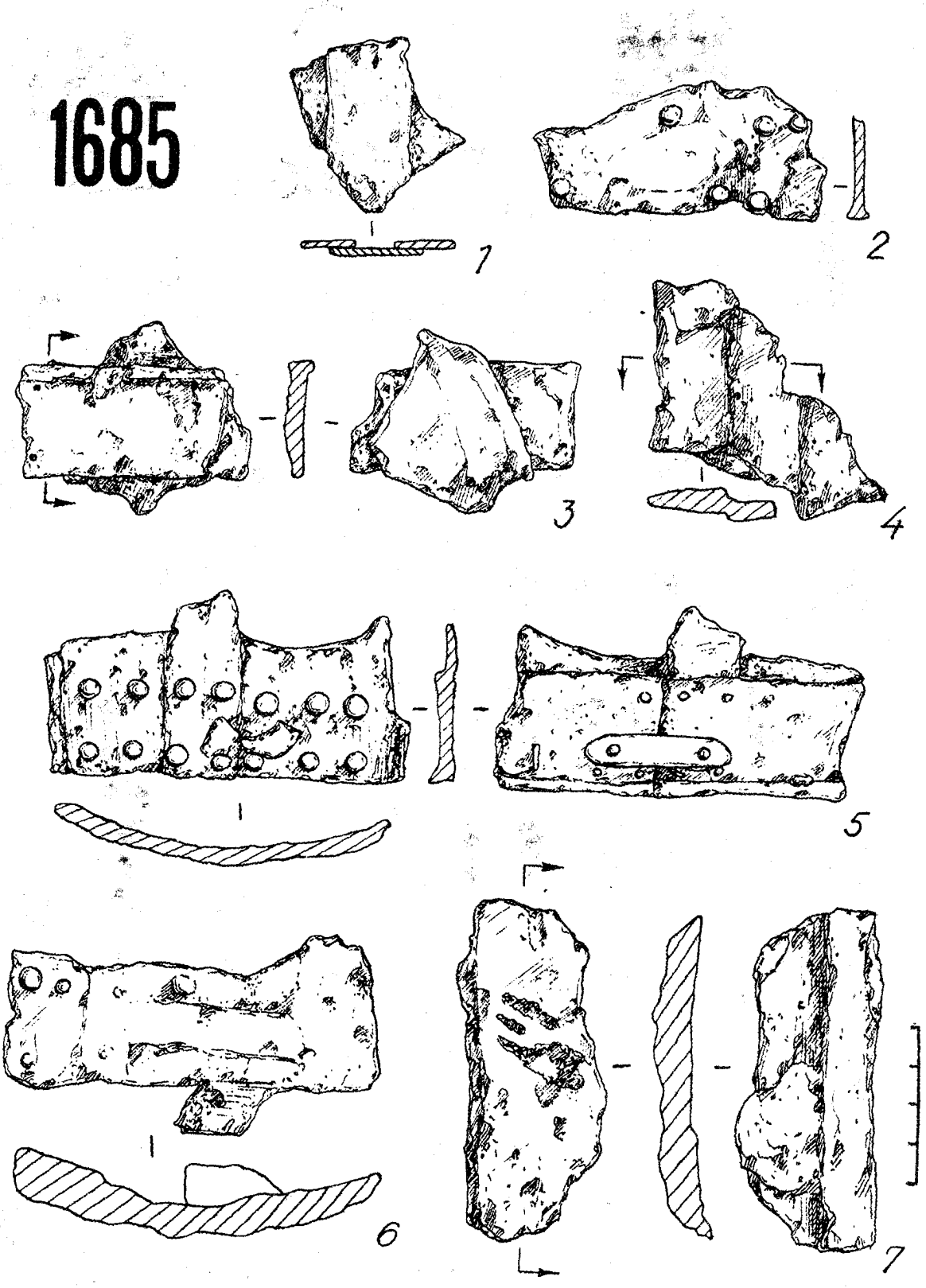


Рис.7 Тарасовский могильник. Фрагменты шлема из погребения 1685

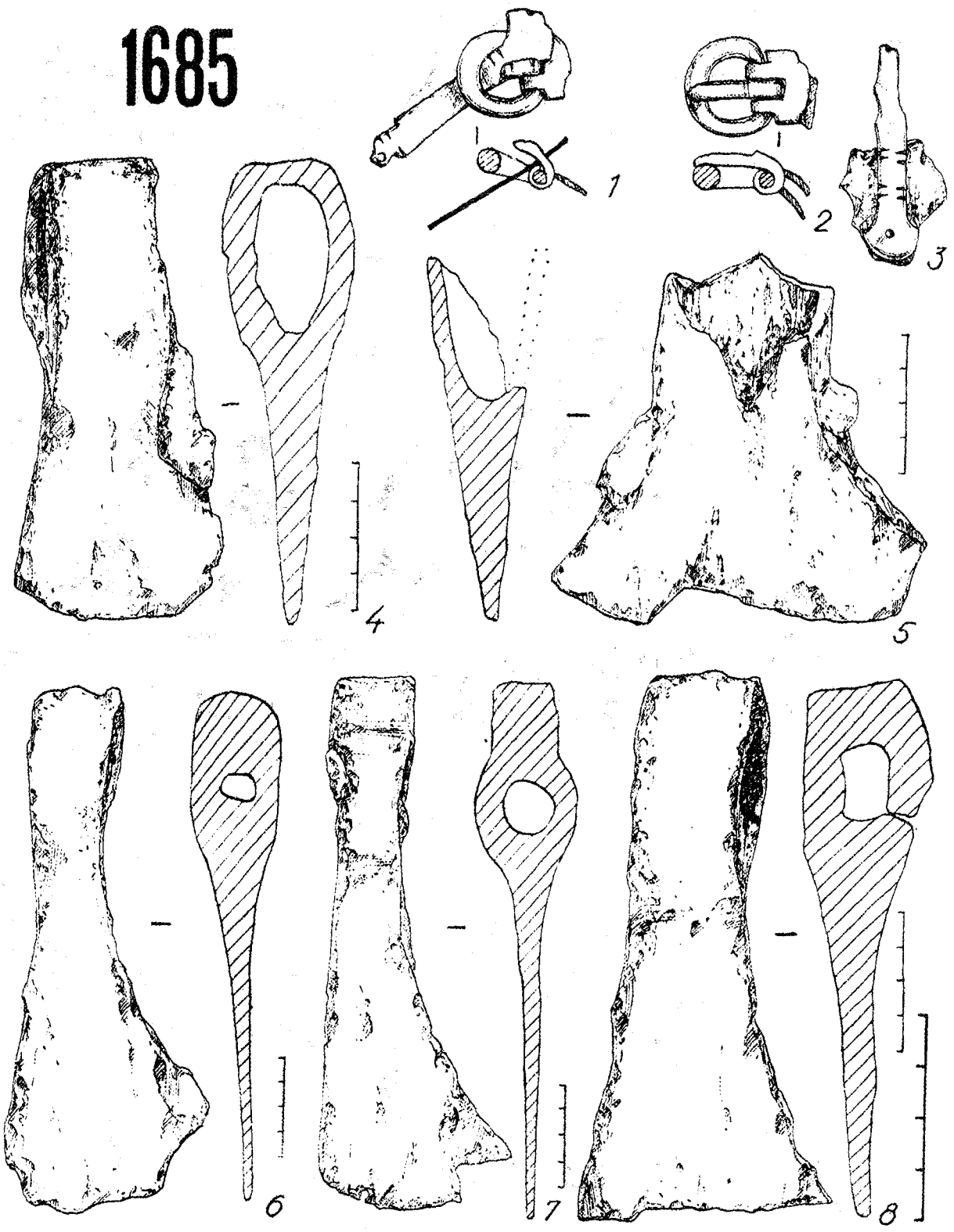


Рис.8. Тарасовский могильник. Вещи из погребения 1685

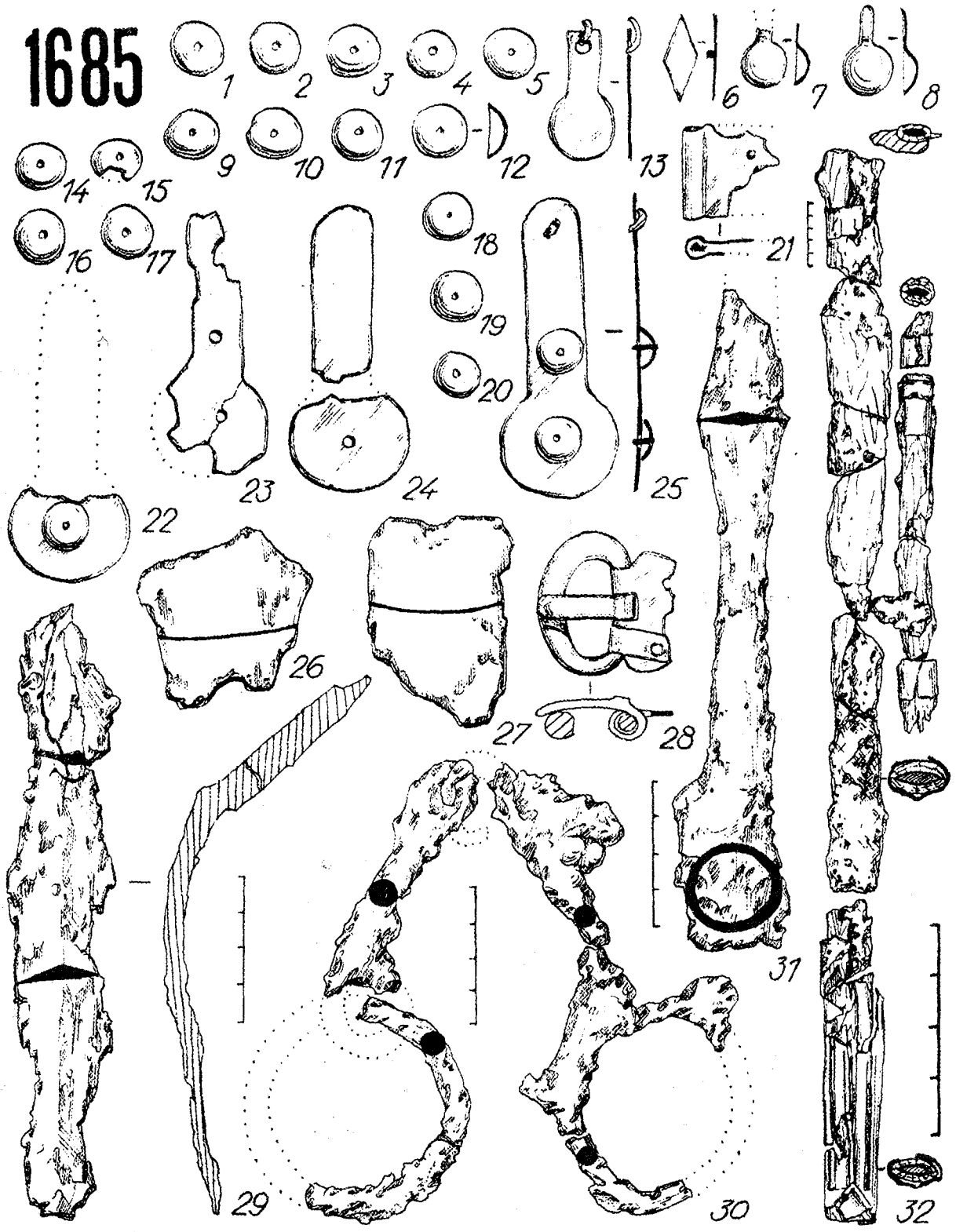


Рис.9. Тарасовский могильник. Вещи из погребения 1685

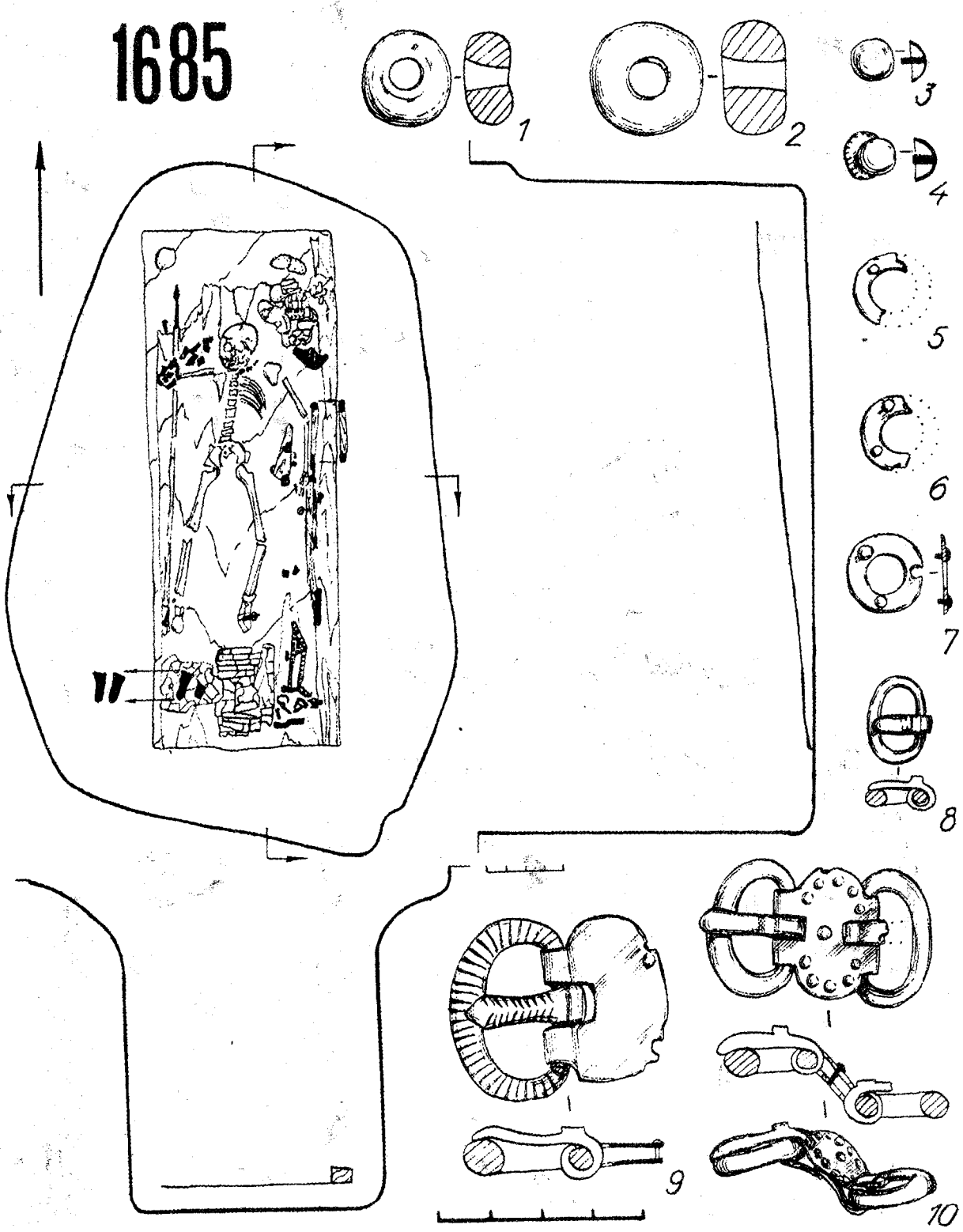


Рис.10. Тарасовский могильник. Вещи из погребения 1685

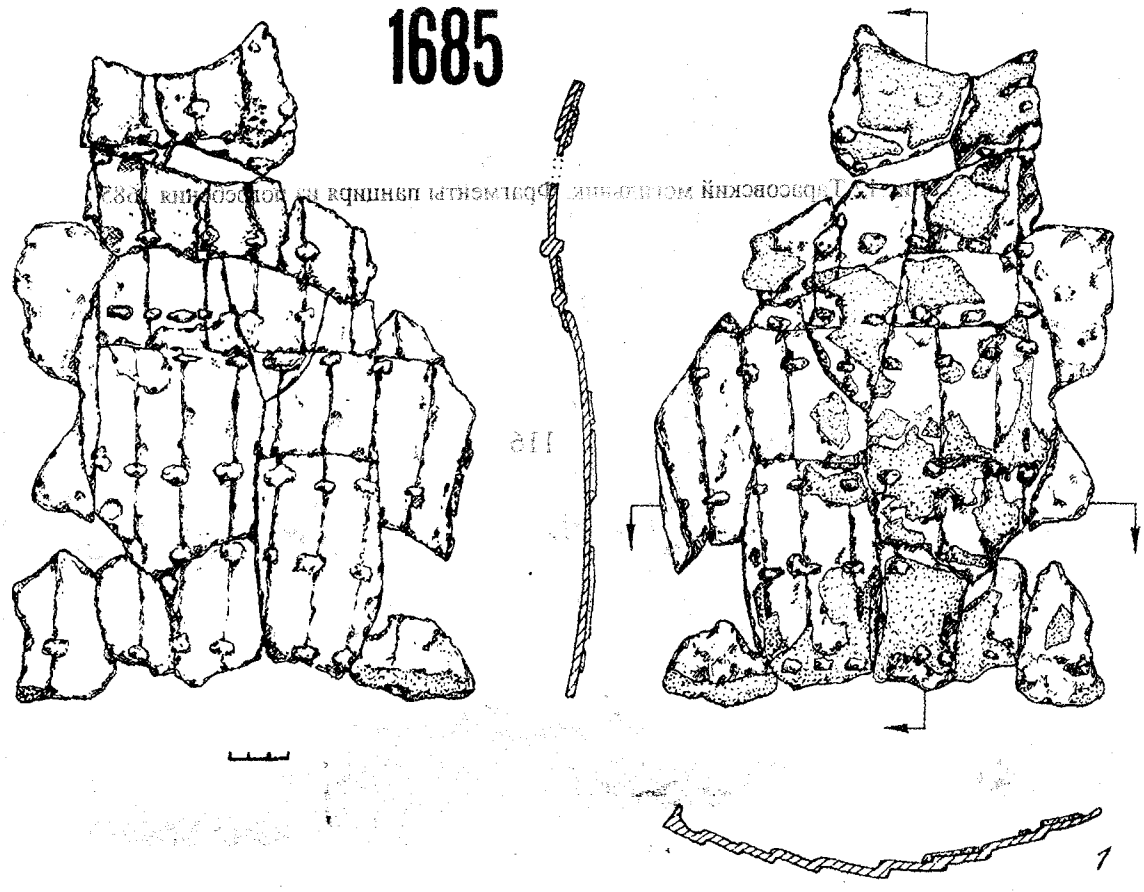


Рис.11. Тарасовский могильник. Передняя часть панциря из погребения 1685

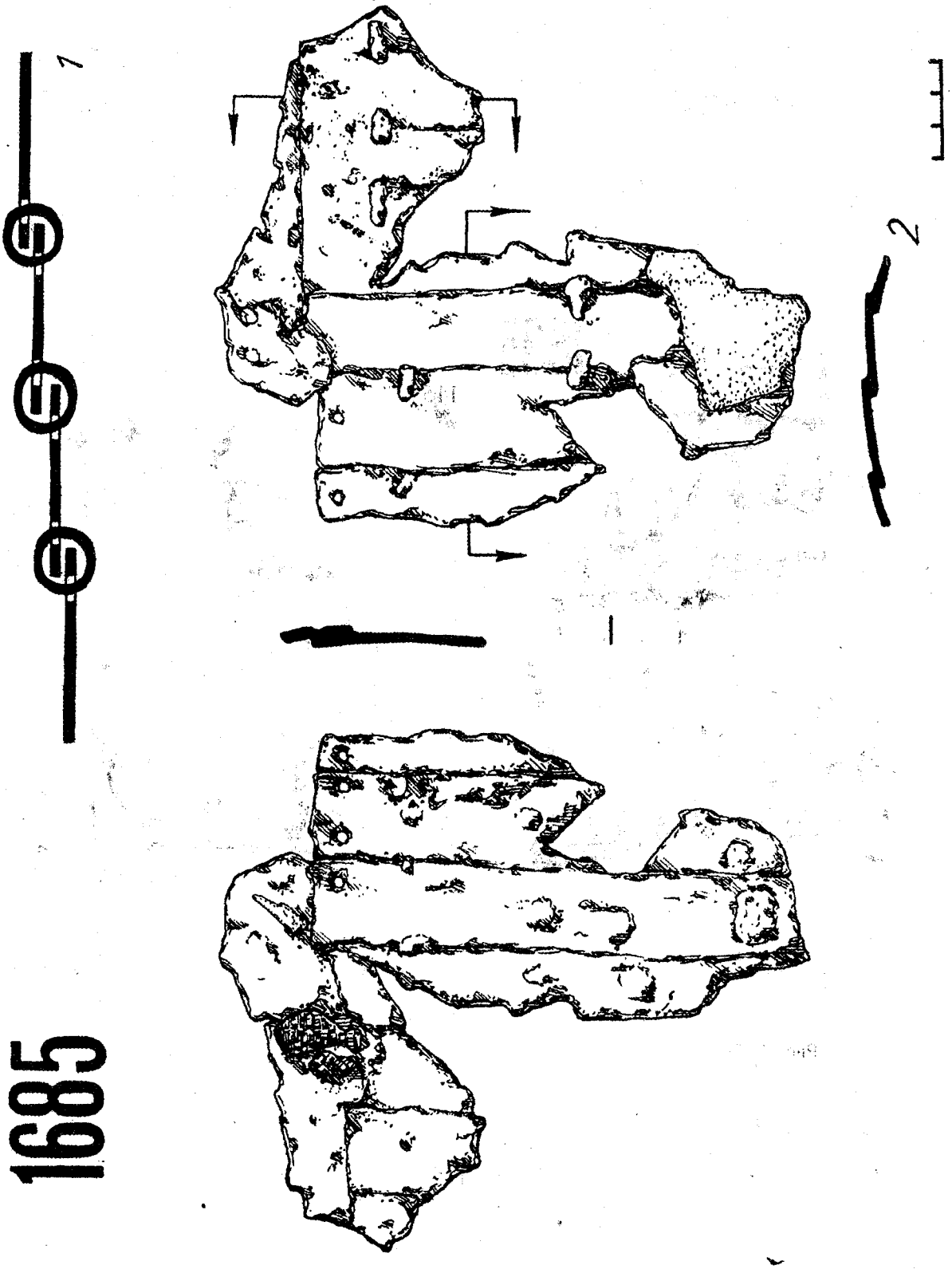


Рис.12 Тарасовский могильник. Фрагменты панциря из погребения 1685

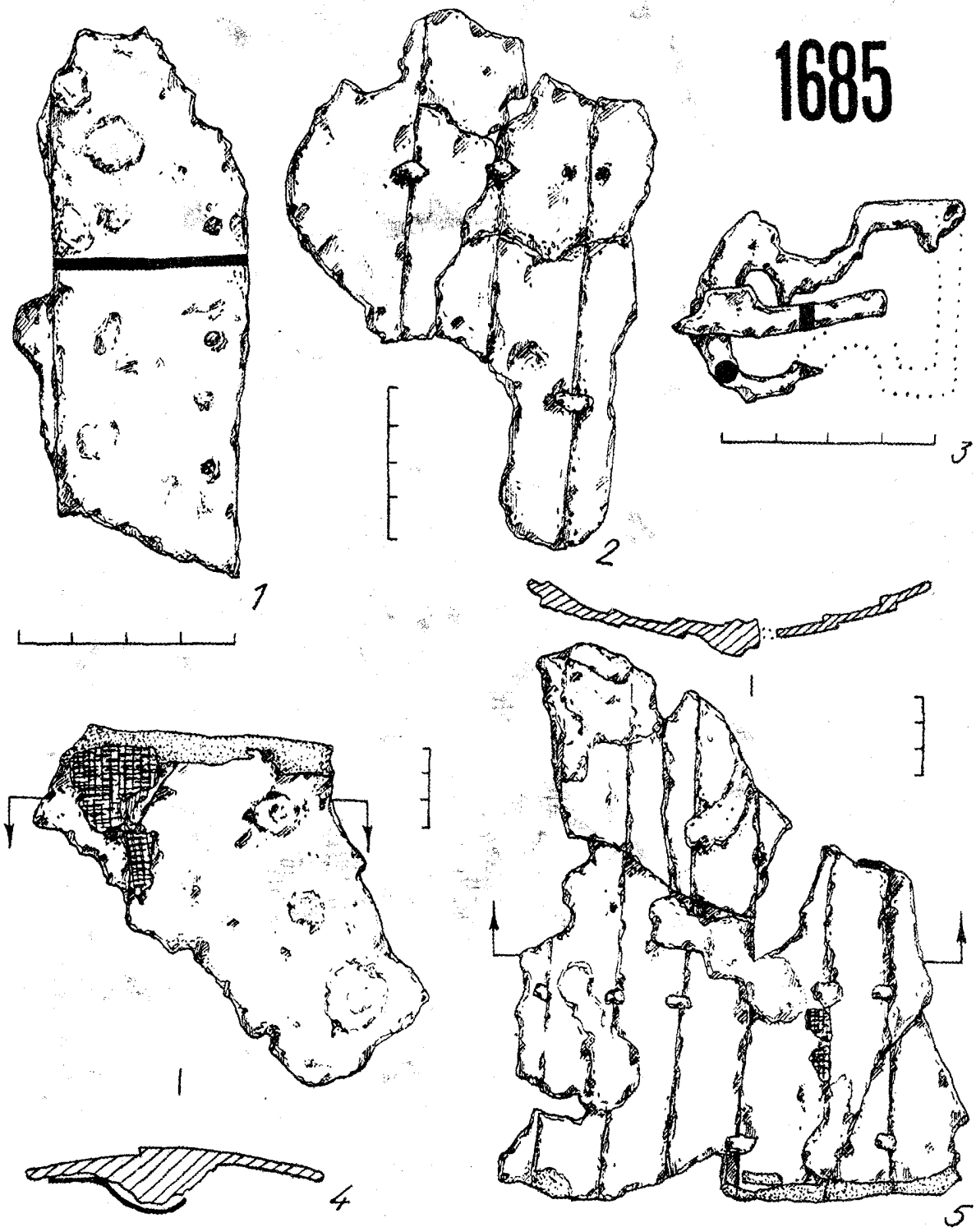


Рис.13. Тарасовский могильник. Фрагменты панциря из погребения 1685

1784

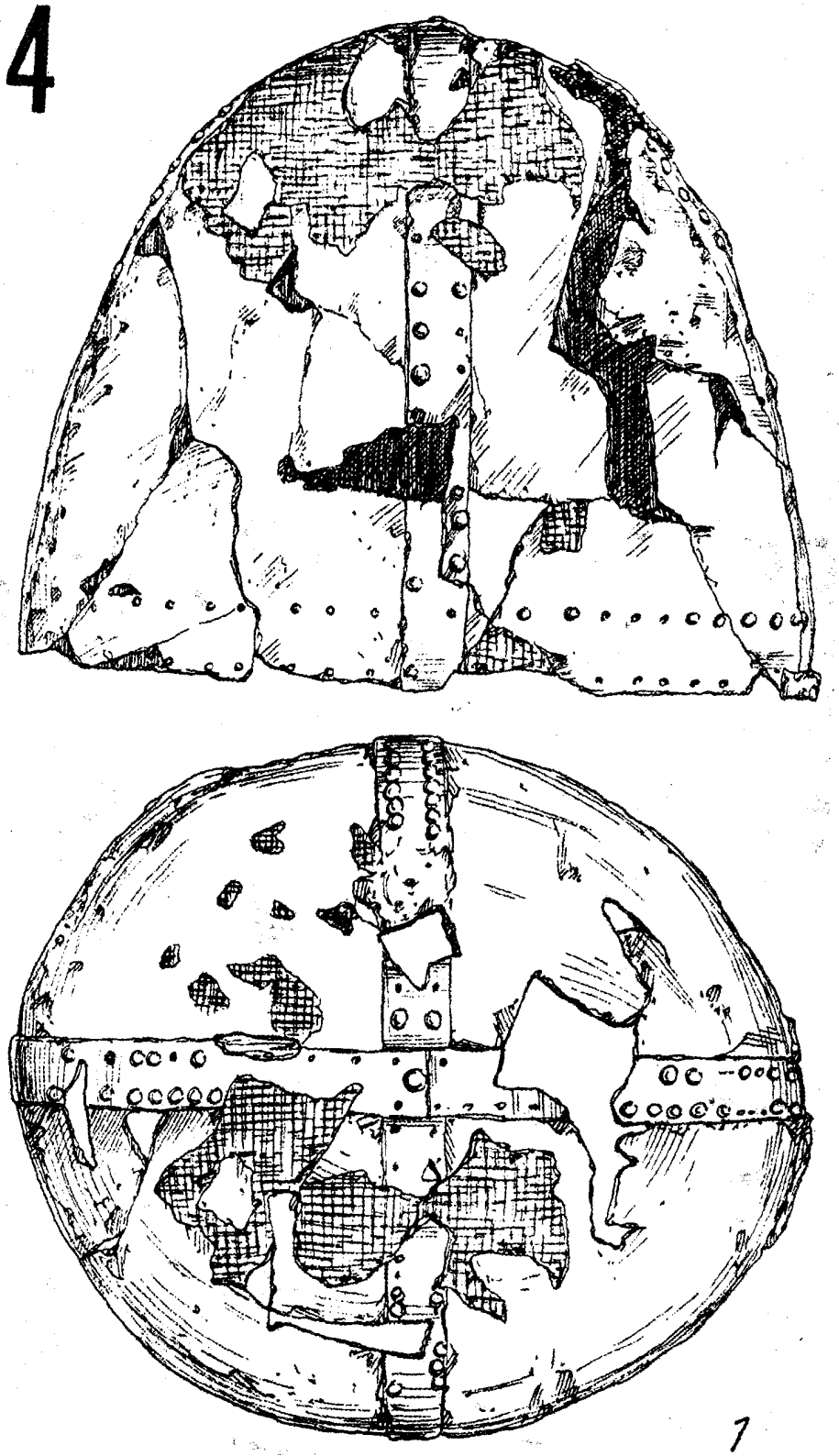


Рис.14. Тарасовский могильник. Шлем из погребения 1784

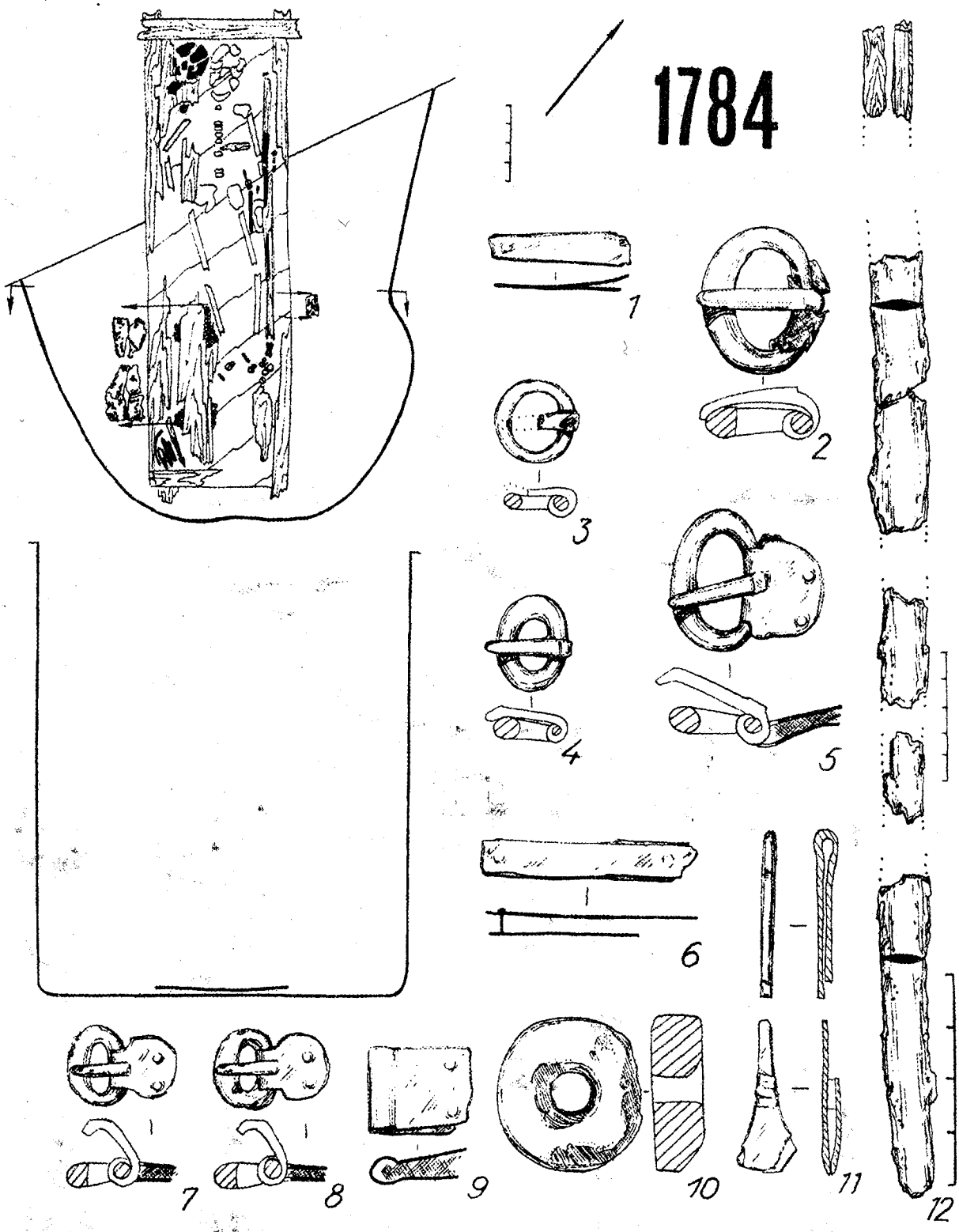


Рис.15. Тарасовский могильник. Вещи из погребения 1784

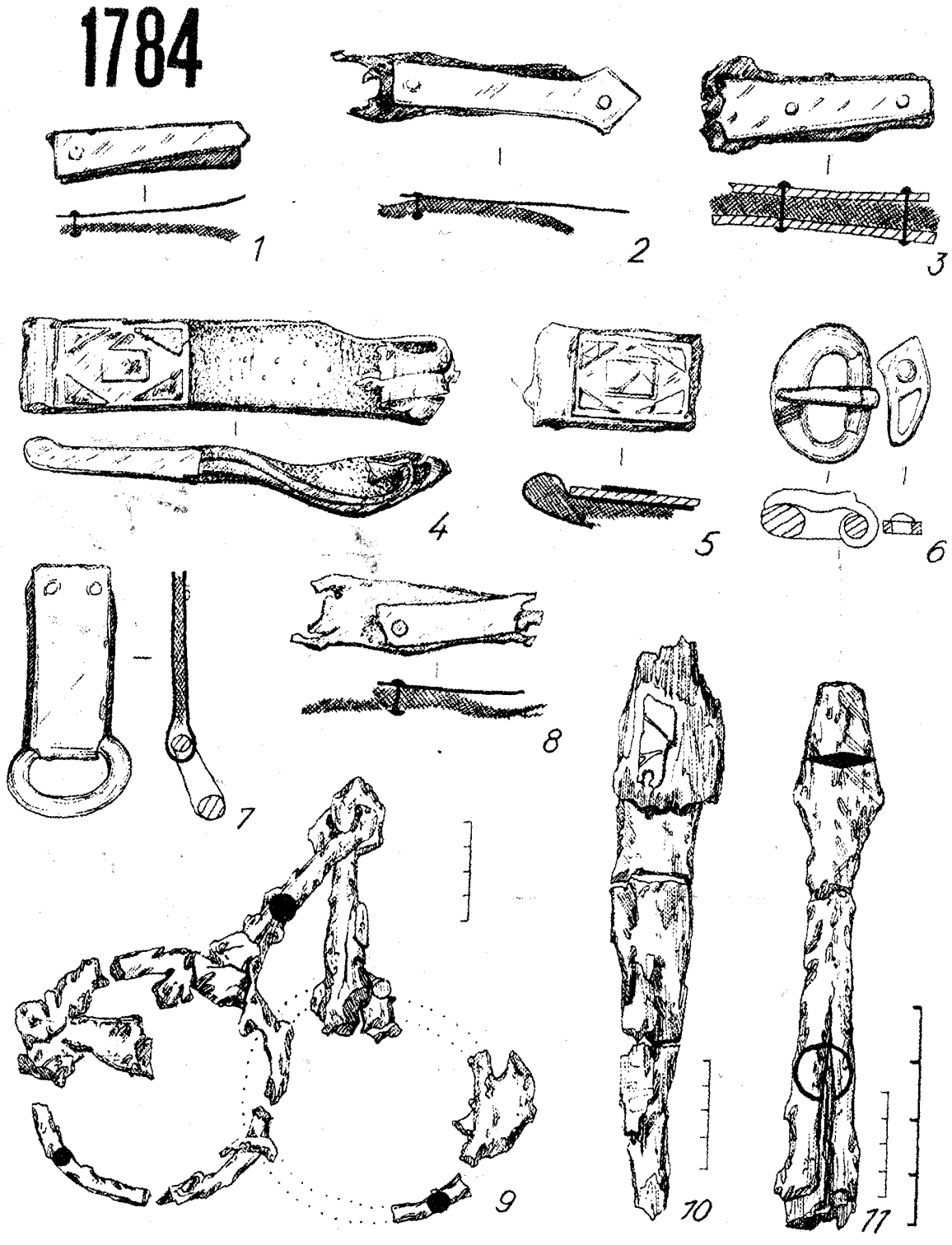


Рис.16. Тарасовский могильник. Вещи из погребения 1784

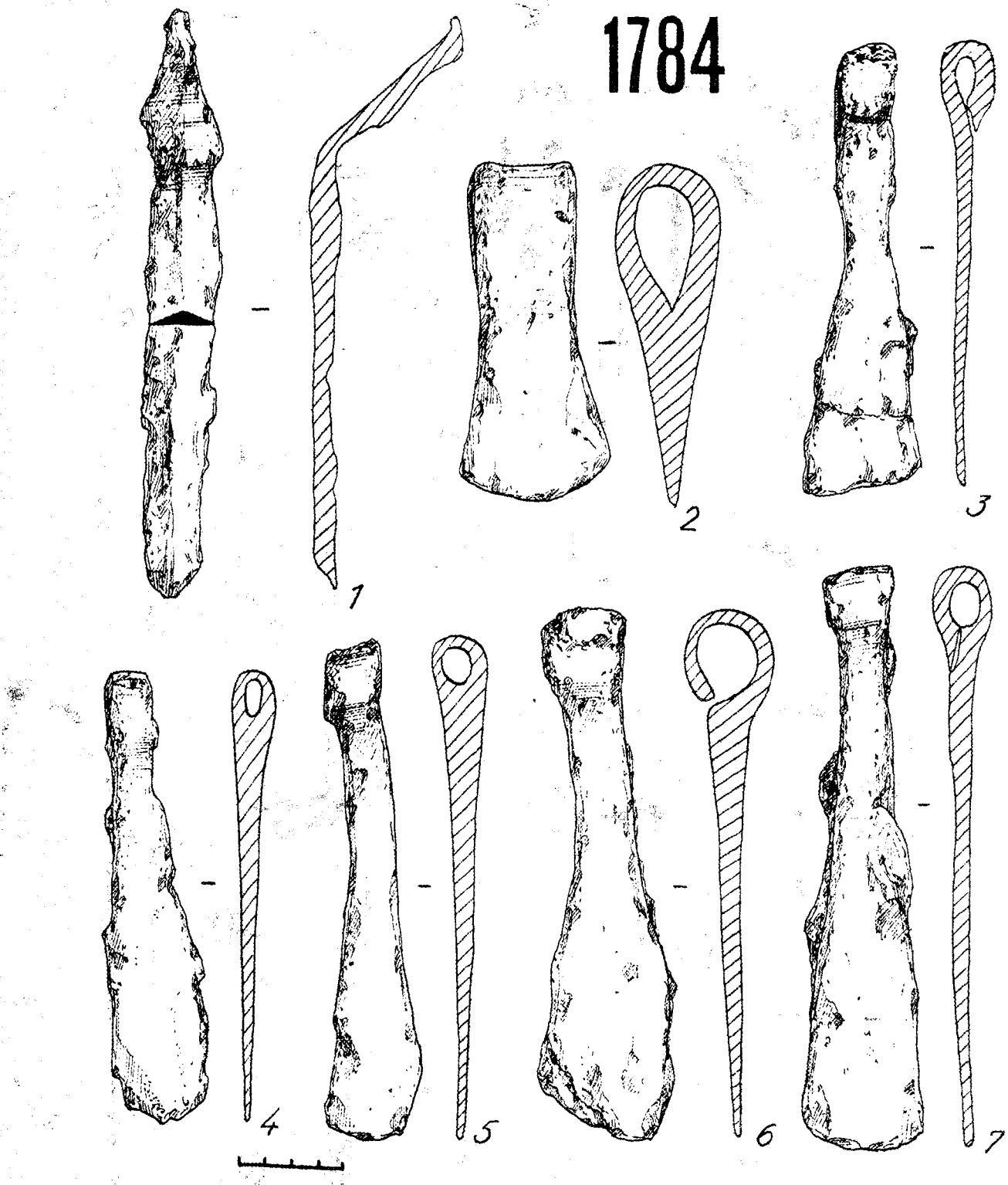


Рис.17. Тарасовский могильник. Вещи из погребения 1784

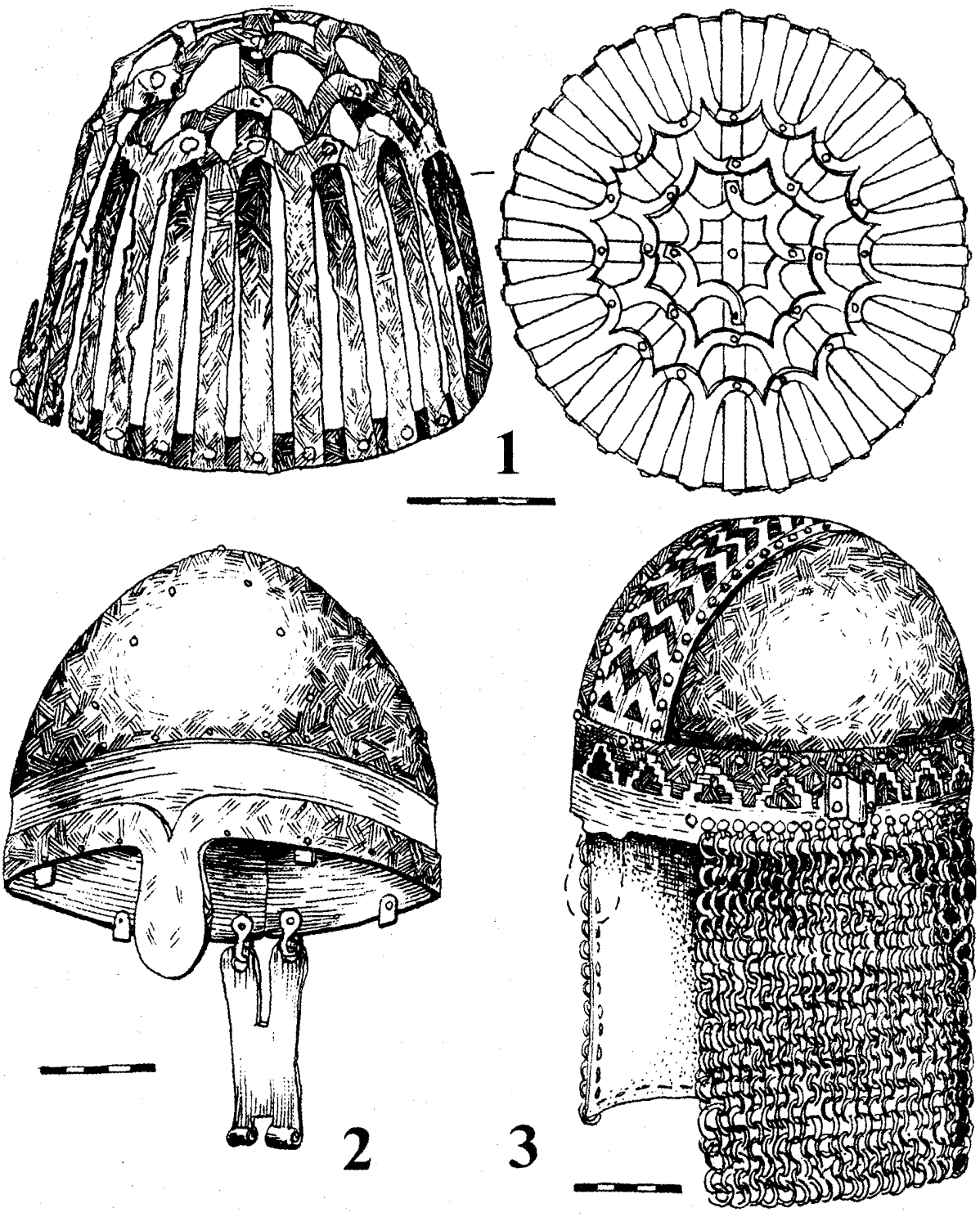


Рис.18. Шлемы из могильников Камско-Вятского бассейна:
1 – Суворовский могильник, погр.27; Нивский могильник, погр.80; 2 – То же, вид сверху;
3 – Суворовский, погр.30; 4 – Тураевский могильник, курган 7/1а.

Г. Н. Гарустович
(Уфа, ИИЯЛ УНЦ РАН)

ПОГРЕБЕНИЯ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА ОТ ЭПОХИ БРОНЗЫ К РАННЕМУ ЖЕЛЕЗНОМУ ВЕКУ В БАШКИРСКОМ ЗАУРАЛЬЕ

В эпоху финальной бронзы в Южном Зауралье получили распространение черкаскульская и саргаринская культуры. К сожалению, на сегодняшний день известно очень немного погребальных памятников этого времени. В пограничной кромке, где степь переходит в лесостепную полосу, курганы финальной бронзы исчисляются единицами. Каждая новая находка представляет интерес, и не только для региональной археологической науки. Исследование подобных захоронений напрямую связано с процессом изучения ранних стадий номадизма, а также с проблемами генезиса культур раннего железного века.

В последние годы в Хайбуллинском р-не РБ были раскопаны два кургана, а также выявлены комплексы саргаринской керамики на поселениях по берегам рек Кизяташ (Сукраковские I и II) и Бузавлык (Агеевские I и II). Поселенческие материалы находятся в стадии обработки, а наша работа имеет цель введения в научный оборот погребальных памятников.

Одиночный курган на р. Первый Макан. Раскопан в 1996 г. Располагался на пологом склоне невысокой надпойменной террасы левого берега р. Первый Макан, в 0,25 км к ЗСЗ от земляной дамбы, насыпанной через старое русло реки. Поверхность террасы не распахивалась, используется под выгон. В 0,7 км к ЮЗ от к-на возвышаются развалины кирпичной стены бывшего спиртзавода. К С и СВ от памятника пролегает русло пересыхающей речки Второй Макан – левого притока р. Первый Макан. Ближайший населенный пункт – с. Макан, находится в 5 км к СЗ от памятника.

Задернованная земляная насыпь имела диаметр 12,0, высоту 0,28 м от уровня современной поверхности (рис. 1, 1). В центре насыпи на глубине 0,5 м от нулевого репера (вершины кургана) встречен развал лепного сосуда (рис. 1, 4). Диаметр венчика 14 см. Керамика черного цвета, пористая и слоистая. Изготовлен способом лоскутного налепа. В тесте примесь толченой раковины с небольшим количеством слюдистого сланца. Обжиг костровой. Днище не сохранилось, но, вероятно, оно было плоским. Венчик невысокий (ок. 2 см), уплощенный, слегка отогнут наружу. Тулово сосуда шаровидное, плечики выражены достаточно четко. Орнамент двухзональный. Венчик украшен пояском оттисков гладкого штампа, сгруппированными в виде частой ромбической сетки. На плечиках нанесена резная горизонтальная елочка, или крупный, частый зигзаг (рис. 1, 4).

В западном секторе, в 2 м к ЗЮЗ от нулевого репера, на глубине 0,52 м обнаружены обломки трубчатых костей крупных животных (лошади или коровы) (рис. 1, 1).

Единственное в кургане погребение расположено в 1,0 м к С от нулевого репера (рис. 1, 1). Могильная яма овальной формы, размером 2,05х0,6-0,93, глубиной 1,22 м от уровня материка, ориентирована В-З (рис. 1, 2). Стенки прямые, дно ровное. Плохо фиксировавшаяся западная узкая стенка, по всей видимости, была деформирована грабительским вкопом или сурчиной. Грабительские колодцы не фиксировались ни планиграфически, ни стратиграфически, хотя имеются основания полагать, что курган был, как минимум, один раз ограблен.

В 0,8 м к Ю от могильной ямы на глубине 0,96 м расчищены остатки небольшого лепного сосуда (рис. 1, 2). Дно и большая часть стенок отсутствуют. Глина пористая, но плотная. Поверхность покрыта известковым налетом или солями. Сосуд слабо профилированный, типа чаши(?), стенки округлые, верхний срез венчика закруглен. Основные примеси в тесте – шамот и мелкотолченый тальк. Обжиг костровой, неровный. Орнамент нанесен на верхнюю часть горшка и состоит из трех параллельных поясков косопоставленных овальных оттисков (типа псевдошнура) (рис. 1, 5).

Обломки еще нескольких, как минимум – двух, горшков лежали к СЗ от могильной ямы (см. рис. 1, 2), на глубине 0,99 м.

От первого сосуда сохранился венчик диаметром 12 см и несколько фрагментов стенок. Глина плотная, с примесью раковины и талька. Невысокий (1,3 см) прямой венчик имел уплощенный верхний срез. Тулово шаровидное. Поверхность серо-черного цвета, покрыта известковым (соляным) налетом, или ошлакована. Обжиг костровой. На месте перехода венчика в тулово имеется поясок из оттисков гладкого удлиненного штампа; под известковым налетом на плечиках также заметны следы орнамента (рис. 1, 7).

От второго сосуда сохранились мелкие обломки стенок и кусок плоского днища. Судя по фактуре, именно этому сосуду принадлежали мелкие неорнаментированные фрагменты из засыпи могилы. Керамика лепная, черного цвета, кострового обжига. Основные примеси – шамот и слюдистый сланец(?). Размеры сосуда не определяются. Вылеплен в технике лоскутного налепа. Днище имеет небольшую закраину (рис. 1,8). Горшок орнаментирован оттисками мелкозубчатого штампа, составляющими лесенку или штрихованную фигуру (треугольник?) (рис. 1, 6).

Возле самого края восточной стенки, на глубине 1,00 м лежала крупная известняковая плитка (рис. 1, 3).

Заполнение могильной ямы состояло из светло-коричневого суглинка с небольшими гумусными линзами, по цвету и структуре мало отличавшемуся от материкового грунта, но имевшему меньшую плотность. В засыпи, ближе ко дну ямы встречались

древесные угольки. Над могилой на уровне материка расчищены кости животных (лошади или коровы) – обломки костей ног, ребер и лопатки, первоначально помещенные, очевидно на настил. Последний фиксировался в виде истлевших кусков деревянных – плах, обрывков бересты и кусочков хвороста. Настил, разрушенный грабителями или грызунами, первоначально, видимо, опирался на известняковые плитки, часть которых лежала в один ряд вдоль южной стенки могилы (рис. 1, 2).

Значительный ущерб кургану и захоронению нанесен грызунами. Вся насыпь, материк и могильная яма пронизаны сурчинами, в которых встречались фрагменты керамики эпохи финальной бронзы.

В могиле находился костяк женщины, лежавший вытянуто на спине, с легким разворотом на левый бок, ориентированный головой на З. Кости частично сдвинуты, череп отброшен в сторону. Руки, по всей видимости, были вытянуты вдоль тела. Полусогнутые в коленях ноги завалились влево (рис. 1, 3).

В центре могилы, справа от костяка найден сильно коррозированный однолезвийный железный нож с горбатой спинкой, длиной 4,6, шириной 1,2 см (рис. 1, 9).

На правом виске черепа имелось зеленое пятно бронзового окисла диаметром 5-6 см. Сам предмет (височная подвеска?) не сохранился.

Сукраковские II курганы. Расположены на возвышенной холмистой террасе правого берега ручья Кизяташ (Калыш-Куль) – правого притока р. Малая Уртазымка, в 6 км ССВ от с. Подольск и в 2 км к З от трассы Акъяр – Сибай. На противоположном левом берегу ручья ранее располагалась д. Сукраково, ныне не существующая.

Всего обнаружено три кургана, два из которых (№№ 1 и 3, расположенные близ деревенского кладбища) были раскопаны в 1997 г. Могильник разновременный: к. 1 датируется эпохой финальной бронзы, к. 3 возведен в XIII-XIV вв., а не раскопанный к. 2, судя по наличию каменного кольца в насыпи, следует отнести к эпохе бронзы, скорее всего, к алакульской культуре. Во всяком случае, близлежащее Сукраковское I поселение было оставлено алакульскими племенами.

Курган 1. Диаметр 8,0, высота ок. 0,15 м. На поверхности была заметна задернованная каменная наброска, размером 5 х 5 м. Обломки диабаза средних и крупных размеров лежали бессистемно, в несколько слоев (рис. 2, 1).

После снятия камней и зачистки, в центре кургана оконтурилась могильная яма неправильной овальной формы, размером 1,58х0,6-0,96, глубиной 0,35 м от уровня материка, ориентированная ССЗ-ЮЮВ (рис. 2, 3).

Заполнение могилы – гумусированный суглинок с камнями, просевшими в могильную яму из наброски (рис. 2, 2). Стенки могилы неровные, наклонены в сторону дна. Дно неровное, каменистое.

В заполнении могильной ямы, в северной части, на глубине 0,63 м от нулевого репера (0,11 м от уровня материка), найден обломок оселка из мелкозернистого песчаника темно-коричневого цвета. Длина сохранившейся части 5,5 см. Оселок изготовлен из граненой окатанной плитки. На поверхностях заметны следы стертости, а на ребре орудия имеются выбоины. По всей видимости, грань на плитке пытались убрать, с целью закруглить бока будущего оселка (рис. 2, 5).

В заполнении же, на глубине 0,67 и 0,77 м от нулевого репера (0,15 и 0,25 м от уровня материка), в центре могильной ямы лежали ребра и кости ноги барана (рис. 2, 4).

На дне могилы найдены плохо сохранившиеся остатки костяка ребенка – кости ног, рук и черепа. Первоначальное положение покойного восстанавливается как скорченное на левом боку, с ориентировкой головы к Ю (рис. 2, 6). Вещей нет.

* * *

Вопрос о принадлежности одиночного кургана на р. Первый Макан к памятникам финальной бронзы подтверждается находкой сосуда с характерной «елочной» орнаментацией саргаринско-алексеевского типа. Сложнее дело обстоит с культурной атрибуцией Сукраковского захоронения, в котором керамики не было. Привлечение аналогий помогает внести ясность в данную проблему. Так среди материалов могильника «У поворота дороги из с. Уйско-Чебаркульская в с. Октябрьское» Челябинской обл. обнаружены скорченные костяки с южной (ЮЮЗ и ЮЮВ) ориентировкой. В одном из этих захоронений стоял плоскодонный «елочный» сосуд. Вообще, следует отметить, что именно курганы Челябинской области дают нам наиболее полные аналогии (Костюков В. П. и др., 1996, с. 151-163). Косвенным свидетельством принадлежности Сукраковского кургана к эпохе перехода от бронзы к раннему железному веку можно считать факт наличия саргаринского слоя на близлежащем Сукраковском I поселении. Здесь найден сосуд (рис. 3), орнаментация и форма которого чрезвычайно близки сосуду из насыпи Маканского кургана (рис. 1, 4).

Таким образом, мы считаем оба рассматриваемых нами кургана единовременными и принадлежащими одной культуре. Материалы двух погребений, испытавших вторжения грабителей, несут мало информации о погребальном обряде. Тем не менее, рассмотреть его необходимо, поскольку даже на таком уровне фиксируются отдельные важные черты саргаринской культуры.

Прежде всего, оба памятника расположены в восточных предгорьях Южного Урала. На сегодняшний день они могут считаться самыми западными захоронениями саргаринцев. Причем, наличие в этом районе, на границе степи и предгорной лесостепи, уже значительного числа саргаринских памятников указывает на достаточно высокую здесь плотность населения в эпоху финальной бронзы. Тем не менее, есть основания утверждать, что это не были многочисленные общины. Оба исследованных

кургана – единичные. Сукраковская выкладка была пристроена близ насыпи алакульского времени; рядом с ней не было единовременных ей захоронений, а Маканский курган вообще одиночный.

Оба кургана расположены вблизи берегов малых степных речек, на незатопляемых террасах. Конструкции насыпей различны. Маканский курган имел земляную насыпь диаметром 12 м, тогда как Сукраковское погребение перекрывала каменная наброска диаметром ок. 8 м. Высота курганов небольшая – 0,28 и 0,15 м соответственно. Подобные конструкции насыпей, видимо, типичны для саргаринцев. Во всяком случае, в могильниках Челябинской обл. Сарбулат II и «У поворота...» известны земляные насыпи и каменные наброски, диаметры их близки нашим памятникам (Костюков В. П. и др., 1996., с. 151-156).

В насыпи Маканского кургана фиксировались следы поминальных ритуалов – уголь и керамика. Причем, большинство сосудов были положены не целиком, а в виде отдельных фрагментов. Над могилой расчищены кости крупных животных – коровы или лошади. Интересен факт наличия перекрытия могильной ямы, состоящего из тонких жердей, хвороста и бересты. Как мы предполагаем, перекрытие частично опиралось на каменные плитки, лежащие вдоль ЮВ стенки могилы (рис. 1, 2). Кости животных отмечены также в Сукраковском кургане. Здесь в засыпи могилы лежали ребра и трубчатые кости барана (рис. 2, 4).

В обоих курганах могильные ямы овальные, достаточно глубокие: соответственно 1,2 и 0,35 м от уровня материка (в Сукраковском кургане захоронен ребенок, которых, как правило, хоронили на меньшей глубине, нежели взрослых). Размеры могильных ям соответствовали длине тела покойных. Стенки ям отвесные или наклонены в сторону дна. В засыпи встречаются угли и вещи (оселок).

Оба рассматриваемых нами погребения различаются ориентировкой и положением костяков. Костяк Маканского захоронения лежал вытянуто на спине и ориентирован головой на З. Скелет ребенка в к. 1 Сукраковского II могильника лежал скорчено на левом боку, ориентирован на Ю. В могильниках саргаринского-алексеевской культуры ориентировка неустойчивая (Зданович Г. Б., 1988, с. 151), но в курганах челябинского Зауралья типичным следует считать разворот головы к югу (Костюков В. П. и др., 1996, с. 159). Скорченное на боку положение покойных традиционно считается преобладающей чертой похоронного обряда саргаринцев.

В рассматриваемых нами погребениях фиксируется «потревоженность» скелетов. Скорее всего, это вторичные захоронения. Кости явно сдвинуты, да и многие из них отсутствуют. Подобная черта характерна и для курганов Челябинской обл.

Как видим, обряд захоронения саргаринско-алексеевской культуры отличается бедностью элементов и малочисленностью погребального инвентаря.

Датирующие вещи найдены лишь в Маканском кургане. В первую очередь, это саргаринский сосуд с косой сеткой на шейке и горизонтальной елочкой на шаровидном тулове (рис. 1,4). Схожая керамика встречалась на Новоникольском I, Петровском II, и других поселениях Зауралья и Северного Казахстана (Зданович Г. Б., 1973, с. 122-123, рис. 5; он же, 1988, рис. 11, 3; 20, 9).

Важной находкой для определения хронологии можно считать железный нож из Маканского к-на (рис. 1, 9). Появление железных орудий в погребениях эпохи финальной бронзы явление прогнозируемое и логически объяснимое, но, тем не менее, уникальное. Однолезвийные ножи с горбатой спинкой (серповидные) в первые столетия раннего железного века получили широкое распространение (Патрушев В. С., 1984, рис. 49; Збруева А. В., 1952, табл. VI, 15; Халиков А. Х., 1977, с. 145-151). Точная форма ножа и его размеры неопределимы из-за плохой сохранности.

Все остальные предметы, найденные в курганах, безлики в культурно-хронологическом отношении. Можно лишь добавить, что граненые вытянутые оселки – явление обычное для памятников раннего железного века. По всей видимости, в Сукраковском погребении был точильный брусок, схожий с оселком из Старшего Ахмыдовского могильника (Патрушев В. С., 1984, рис. 51).

Саргаринская культура датируется X–VIII вв. до н. э. (Зданович С. Я, 1983, с. 79), и в этот промежуток укладывается время совершения рассматриваемых нами погребений.

В археологической литературе была высказана мысль о том, что курганные захоронения Челябинской обл., содержащие саргаринскую керамику, несут в обряде межовские черты – земляные насыпи, вытянутые на спине захоронения, сосуды у края могильной ямы и т.д. (Костюков В. П. и др., 1996, с. 158; Косарев М. Ф., 1981, с. 167). Как видим, в наших материалах (Маканский курган) отдельные названные элементы присутствуют. Кроме того, на Сукраковском I поселении встречались фрагменты керамики с примесью шамота, песка и раковины, имеющие выпуклые плечики и валики на шейке. Сосуды по форме очень напоминают замараевскую валиковую посуду, но украшены они в типичных саргаринских традициях: на шейке – ромбическая сетка, а на плечиках – горизонтальная елочка.

Насколько названные черты погребальной обрядности населения финальной бронзы были всеобъемлющими, можно будет судить лишь по мере накопления новых археологических материалов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Збруева А. В., 1952. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. № 30. М.-Л.

Зданович Г. Б., 1973. Стратиграфия поселения Новоникольское I // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата.

Зданович Г. Б., 1988. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск.

Зданович С. Я., 1983. Происхождение саргаринской культуры // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.

Косарев М. Ф., 1981. Бронзовый век Западной Сибири. М.

Костюков В. П., Епимахов А. В., Нелин Д. В., 1996. К вопросу о памятниках Южного Зауралья эпохи финальной бронзы // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск.

Патрушев В. С., 1984. Марийский край в VII-VI вв. до н. э. Йошкар-Ола.

Халиков А. Х., 1977. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н. э.). М.

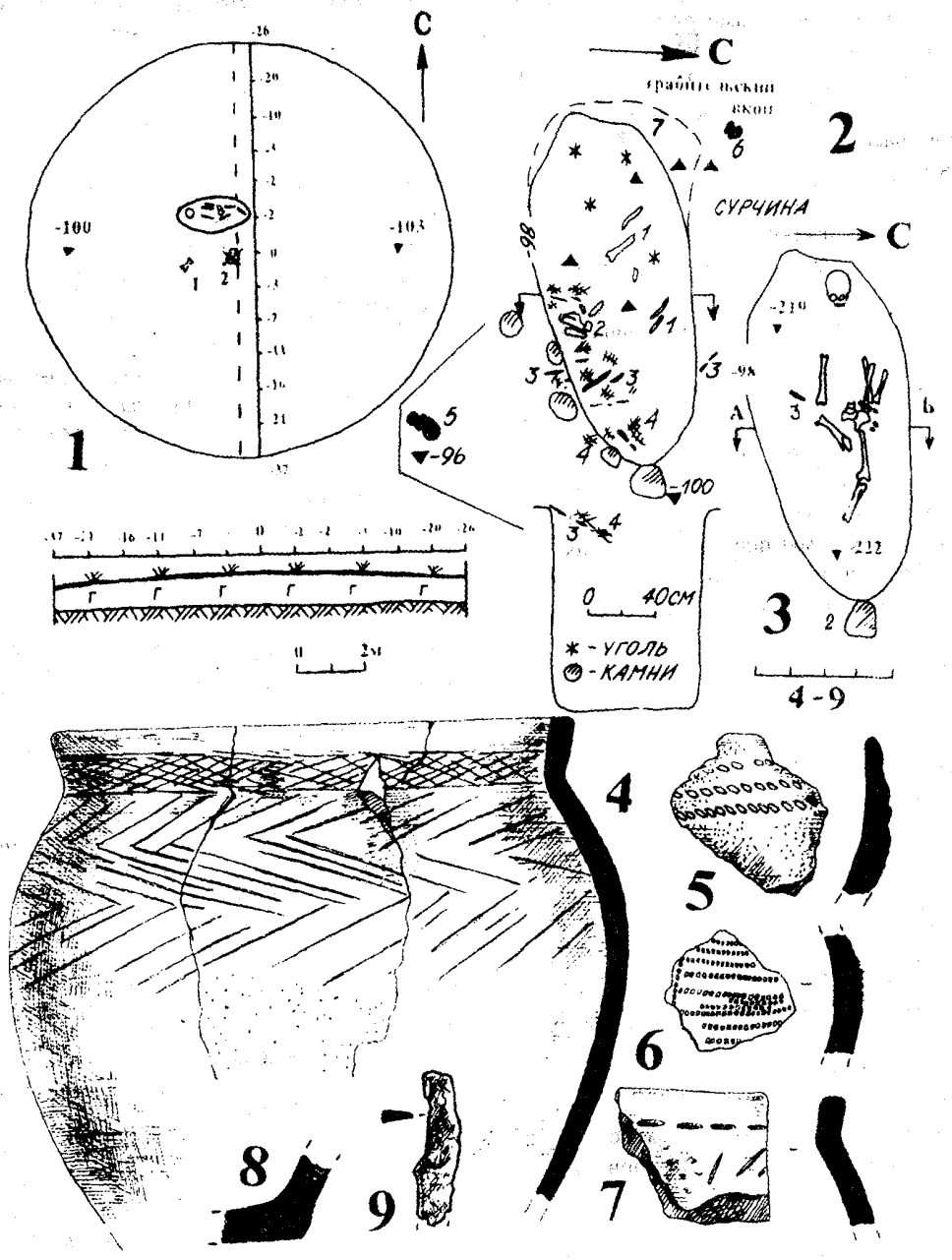


Рис. 1. Одиночный курган Макан I: 1 - план кургана (1 - кости животных; 2 - развал сосуда); 2 - план могильной ямы на уровне материка (1 - кости человека; 2 - кости животных; 3 - истлевшие деревянные плахи и хворост; 4 - береста; 5 - развал сосуда; 6 - фрагменты двух сосудов; 7 - грабительский вкоп ?); 3 - план погребения (1 - сосуд; 2 - камень; 3 - железный нож); 4-8 - фрагменты керамики из насыпи кургана; 9 - железный нож.

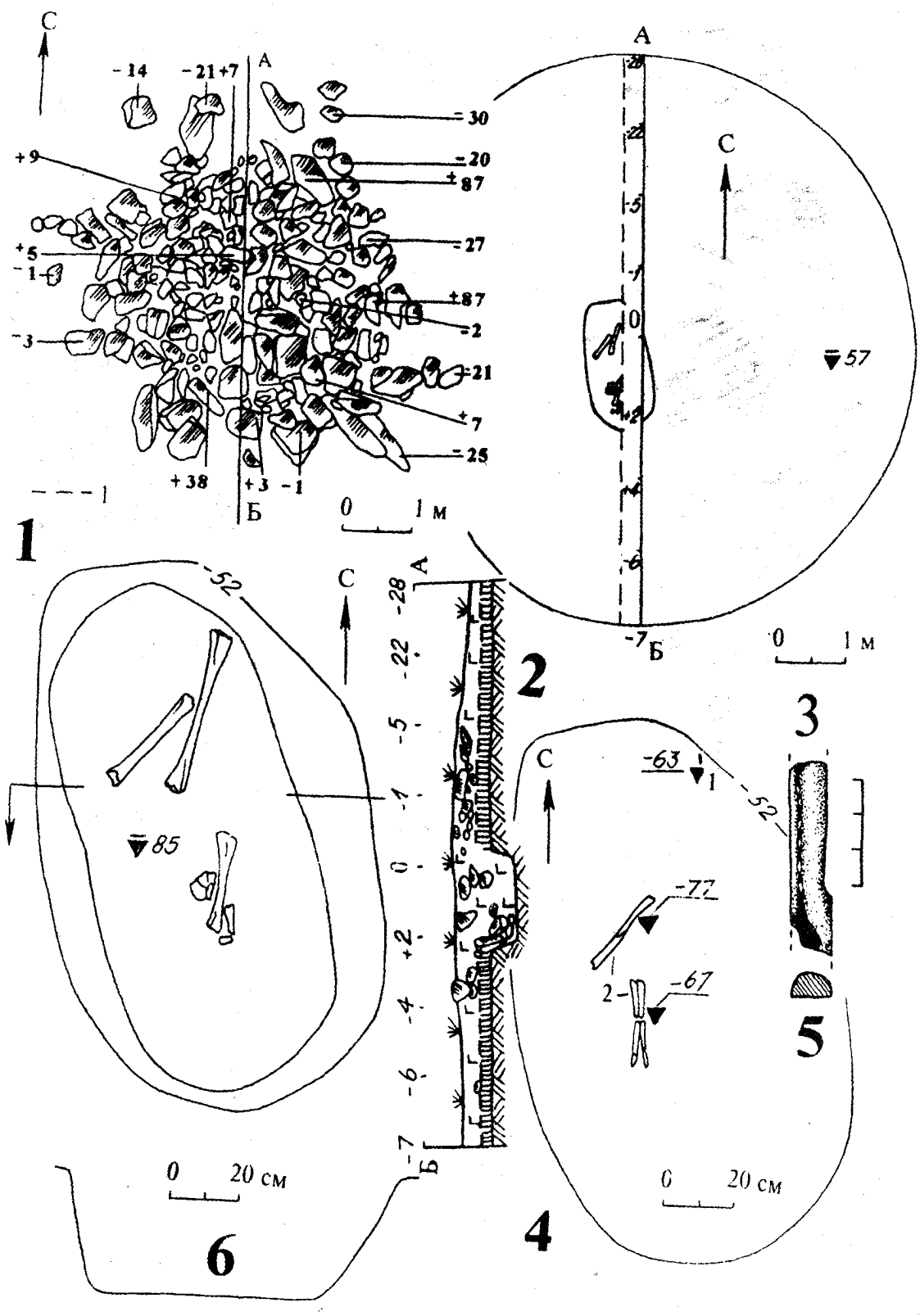


Рис. 2. Сукраковский II могильник, курган 1: 1-2 - план и профиль каменной наброски (1 - уровень погребенной почвы); 3 - план раскопа кургана; 4 - находки в засыпи могильной ямы (1 - оселок; 2 - кости животных); 5 - оселок из песчанника; 6 - план погребения кургана 1.

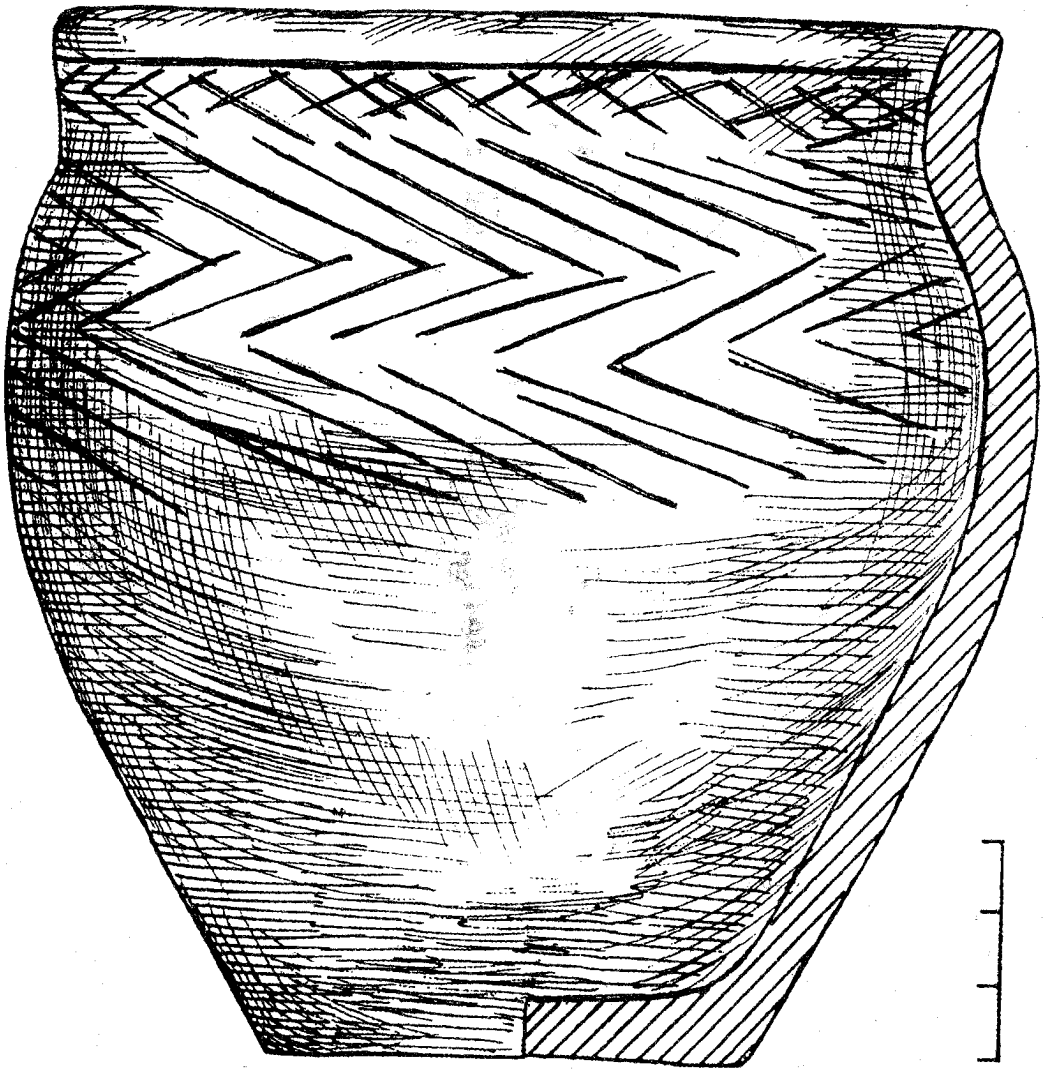


Рис. 3. Саргаринский сосуд с территории Сукраковского I поселения.

В. В. Родионов, *С. Ю. Гущалов*
(Актюбинск, ОИКМ; Челябинск, ОАЭ ЧНЦ УрО РАН)

МАТЕРИАЛЫ ПОГРЕБЕНИЙ И СЛУЧАЙНЫХ НАХОДОК САВРОМАТО-САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ФОНДОВ АКТЮБИНСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

С 1975 по 1977 г. археологическим отрядом Актюбинского областного историко-краеведческого музея под руководством В.В. Родионова были проведены раскопки курганов на правом берегу Илека, в его верховьях. Тогда же в запасники музея поступил ряд интересных случайных находок эпохи раннего железа с территории Актюбинской области. Данные материалы и публикуются в настоящей статье.

Могильник **Бисоба** был открыт еще в начале XX в. топографом С. П. Банновым (Попов А. В., 1904). Находится на пашне обширного водораздельного плато правого берега р. Илек в 5 км к З от пос. Родниковка. Состоит из 10 земляных курганов, сгруппированных в меридиональную цепочку. Раскопан был курган № 2, находившийся в северной части могильника. В результате неоднократной распашки курган имел сильно расплывшиеся контуры. Высота его 0,5, диаметр 24 м. Под пахотным слоем (до 30-35 см) находилась прослойка из суглинка с обильной, внизу, примесью комков мела (рис. 1, 1)[1]. Могильная яма находилась в центре кургана. Она была подквадратной формы, глубиной 2,3 м[2]. Стенки постепенно сужались ко дну до размеров 2,3х2,4 м. Могила ориентирована длинными сторонами по линии ССВ–ЮЮЗ. Над ней прослежен слой древесно-растительного тлена толщиной не более 3-5 см, беспорядочно наброшенного в радиусе до 3 м. В центре, у кромки могильной ямы, тлен опускается на 10-15 см и затем теряется в заполнении ямы. С глубины 0,6-0,7 м до дна могильной ямы, в ее заполнении наблюдались значительные включения мела. Дно ямы оказалось неровным, вследствие углублений, нарытых грабителями, пробивавших дно на 10-15 см. К яме шел дромос[3], прорытый под прямым углом к северной стенке, длиной 4,25, шириной 0,6-0,7 и высотой до 1 м. В юго-западном углу могилы прослежена ниша длиной 0,9 и шириной до 0,5 м, незначительно углубленная в дно могильной ямы (рис. 1, 2).

Погребение оказалось ограбленным в древности. На дне могилы лежали in situ бедренная, малая и большая берцовая кости ног, локтевая и лучевая кости правой руки, и в углублении дна в южной части погребения – фрагмент черепной крышки взрослого человека (рис. 1, 2). Судя по расположению остатков костяка, погребенный, занимая центральное положение в могиле, лежал на спине, головой на Ю., руки были вытянуты вдоль туловища.

Инвентарь данного комплекса представлен следующими находками: 1) три невыразительных глиняных черепка от лепного сосуда бомбовидной формы с короткой шейкой и отогнутым венчиком (в тесте примесь шамота) – найдены в дромосе; 2) железный колчанный крючок – из насыпи кургана (рис. 1, 3). Крючок длиной 7,7 см сделан из прута толщиной 4-7 мм, верхний конец которого раскован в петлю. Острие крючка обломано.

Могильник **Имангазы-Карасу** расположен на высокой второй надпойменной террасе левого берега р. Жаксы-Каргала, неподалеку от указателя «23 км» шоссе Актюбинск – Орск. Состоит из 4-х курганов, вытянутых вдоль края террасы на расстоянии 400 м. В течение двух полевых сезонов 1976/77 гг. был раскопан курган №3, расположенный в середине могильника. Диаметр его 14 м, высота не превышала 0,6 м. Уже на современной поверхности по периметру кургана фиксировались камни кольцевой кладки, сложенной из плиток кварцевого песчаника. Плиты достигали размеров 65х75 см, при толщине 10 см. Среди них изредка встречались валуны-окатыши размерами 30х50 см. Кладка производилась с наклоном к центру кургана. Высота кладки до 20 см в восточной и до 55 см в западной части кургана (рис. 2, 1).

Внутри кольца над центральной могилой (погребение 1) в древности был беспорядочно наброшен тальник (толщина древесного слоя до 1 см). Под набросной из тальника лежали крупные каменные плиты, наглухо перекрывавшие могилу (во время расколок в засыпи фиксировались обширные пустоты). Эти плиты лежали на кладке из камней, обрамляющих яму и со временем вдавленных в грунт или частично сползших в могилу. На одной из них лежали лопатка и ребро барана. Могильная яма имела прямоугольную форму и была ориентирована длинными сторонами по линии С–Ю. Размеры ее на поверхности 1,9х0,75 м, по дну – 2,1х0,75 м (в коротких стенках прорыты неглубокие ниши).

На дне ямы, на глубине 1,45 м, на зольной посыпке покоился скелет взрослого человека, вытянуто на спине, головой на Ю. Локти погребенного были неестественно плотно прижаты к туловищу, образуя на сгибе тупой угол. Лопатки и ключицы занимали почти вертикальное положение, а позвоночный столб, S-образно изгибаясь, имел по центру достаточно большой разрыв (рис. 3, 1). Исходя из положения верхней части скелета, можно предположить, что руки погребенного были связаны в локтях (возможно, что между спиной и локтями был какой-то матерчатый валик), а сам он находился в могиле в сидячем или полусидячем положении.

[1] Планы и разрезы могильных объектов, а также большинство рисунков вещей даны из отчетов В.В. Родионова об археологических работах в Актюбинской области в 1975-1977 гг.

[2] Здесь и далее уровень глубины могильной ямы дается от погребенной почвы.

[3] На плане погребения (рис.1, 2) «дромос» обозначен как «грабительская мина». Это представляется более правдоподобным (прим ред.).

Вокруг черепа покойника лежало 5 бронзовых наконечников стрел с остатками древков во втулках. Еще 2 найдено у нижних конечностей и 48 – у западной стенки могилы (рис. 3, II). Западнее скелета на уровне кисти левой руки лежал железный колчанный крючок очень плохой сохранности (рис. 6, 5). У западной стенки вдоль туловища лежал железный меч, возможно сломанный у рукояти еще в древности, в момент захоронения. Длина его 67 см (рис. 6, 1). На нижней поверхности клинка видны следы тлена от деревянных ножен. Под мечом, неподалеку от колчанного крючка, лежал железный стержень длиной 16 см и диаметром поперечного сечения 1 см (рис. 6, 4). В СЗ углу, в ногах покойника, в небольшой нише стоял круглодонный лепной сосуд с туловом шаровидной формы и цилиндрической горловиной с отогнутым венчиком. Высота горшка 23,5 см, диаметр устья 12 см, тулова – 20,8 см. По тулову был нанесен орнамент, прочерченный тонкой палочкой в виде ленты горизонтального штриха – по плечику и дну сосуда, между которыми – сложные спирали, завернутые по часовой стрелке, разделенные, в свою очередь, четырьмя пучками вертикальных линий (рис. 6, 3).

На периферии кургана, за пределами каменного кольца, располагалась западная могила (погребение 2). Над ней была наброска из мелких, а ниже – из более крупных каменных плиток. На нижних плитах перекрытия прослеживались следы тонких веток и корней тальника либо чилиги. В южной части наброски подобраны обломки трубчатой кости, три ребра и лопатка барана. Могильная яма подтрапециевидной формы ориентирована по линии СЮ. Размеры могилы следующие: длина 2,35 м, ширина южной стенки 1,3 м, северной – 1 м, глубина 2,1 м. Вдоль ее короткой северной стенки сразу же под каменными плитами с глубины 35 см и до отметки 1,6 м фиксировалась труха от двух деревянных столбов диаметром 20 см. У южной стенки на глубине 1,3-1,6 м фиксировался след еще одного деревянного столба, примерно на одинаковом расстоянии между стенками, но ближе к восточной стенке (рис. 4, 1). Другой столб был, вероятно, разрушен при совершении более позднего погребения 3. Столбы были, видимо, опорами каменного перекрытия могилы. В северной части восточной стенки на глубине 1,6 м была вырыта ниша с полукруглым сводом. Высота ее 0,4 м, ширина у входа 1 м, глубина на восток от стенки 0,5 м. У основания ниши в стенку был заложен каменный брус длиной 1,2 м, на котором держалась плита перекрытия размерами 0,6x0,9 м и толщиной 14 см.

На дне могилы оказалось захоронение двух взрослых людей. Оба покойника были положены на золисто-песчанную посыпку. Скелет 1 занимал западную часть могилы. Лежал вытянуто на спине, головой на Ю, лицом к правому плечу. Руки его были в локтях плотно прижаты к туловищу, так что левая рука на сгибе образовывала тупой угол, а кисти, скорее всего, были приподняты над дном. Кисть левой руки лежит слишком далеко от места сочленения. Ноги погребенного постепенно сходятся к стопам, причем последние вытянуты. Вполне вероятно, что ноги на момент захоронения были в этом месте связаны и, может быть, еще и в коленях. У черепа найдены две бронзовые проволочные серьги с расплющенным концом общим диаметром 2,5x2,8 см. Диаметр проволоки 1,5 мм (рис. 5, 88). На черепной коробке и рядом лежало 12 бусин и 19 мелких бисеринок: одна – граненная из прозрачного голубого стекла, размерами 6x6x4 см, почти квадратной в плане формы (рис. 5, 91); другая – 14-гранная, грязно-желтого цвета (рис. 5, 90); шесть бусин из белого либо голубого стекла, покрытые светлой патиной шаровидной или яйцевидной форм (рис. 5, 92); округло-кольцевидная бусина диаметром 5,5 мм коричневого цвета (рис. 5, 93); бочонковидная бусина из зеленоватого материала с костяным сердечником (сильно разрушена) и две бронзовые кольцевидные (рис. 5, 89). За головой и в ногах скелета найдено 5 втульчатых бронзовых наконечников стрел: 1 – за головой, 2 – между бедер и 2 – у щиколоток (рис. 4, I). На запястьях – железные браслеты диаметром 4,3 и 6,5 см, слегка закругляющиеся к концам, сделанные из круглого прута сечением 0,5-0,6 см (рис. 4, II,1,2). Вдоль западной стенки от уровня таза до стопы были разбросаны обломки плоского бронзового зеркала с широкой прямоугольной ручкой. Диаметр диска 15 см, длина ручки 9,8 см. На тыльной стороне диска прочерчены три ряда концентрических кругов (рис. 6, 6).

Скелет 1, безусловно, был положен в могилу позднее скелета 2. Кости последнего к тому времени уже освободились от тканей, и потому ни разу не были найдены в сочленении. Однако, после нарушения (скорее всего случайного) их попытались вернуть в прежнее положение, в результате чего кости бедра своими головками находились у тазовых, а череп, находясь, вероятно, на прежнем месте, был обращен лицом к вновь положенному покойнику. Ориентирован он был также головой на Ю. Кости грудной клетки, ребра, позвонки находились вперемешку с костями рук и ног в области таза (рис. 4, I).

В этой мешанине из костей и к востоку от них в беспорядке лежал сопровождающий погребальный инвентарь: 1) кожаный колчан (сохранились отдельные куски кожи, в том числе основание колчана с узелком из кожаной ленты на конце, бывшим, вероятно, вместе с кисточкой, частью деревянного крепежного обруча) (рис. 6, 7); 2) 77 бронзовых втульчатых наконечников стрел – в колчане и еще 4 бронзовых наконечника лежали в северном конце ямы у окончания бедренных костей (рис. 5, 1-84); 3) керамическое пряслице (рис. 5, 85) и 4) каменный оселок (рис. 5, 86) – ближе к стенке, в СВ углу ямы; 5) железный кинжал с прямым перекрестьем и серповидным навершием (длина кинжала 23 см) (рис. 6, 2) – против таза, у восточной стенки ямы; 6) крупный кусок мела – справа от таза.

С юга к погребению 2 примыкало погребение 3, разрушив его ЮЗ угол на глубину 1,6 м. Длина ямы 1,7, ширина – 0,75 м. В С части ямы, на дне на глубине 1,6 м найдено 15 бронзовых втульчатых наконечников стрел (рис. 2, II,1-15). Вдоль В стенки могилы был прорыт узкий подбой шириной 0,5 м, овально закруглявшийся в Ю конце и с севера про-

резавший погр. 2. Длина сохранившейся части подбоя 0,9 м (предположительно она соответствует длине входной ямы). Высота и форма свода камеры, к сожалению не прослежены.

В подбое на глубине 1,6 м покоился скелет подростка, вытянуто на спине, головой на Ю. Руки были вытянуты вдоль туловища, кости ног провалились в засыпь погребения 2 (рис. 4, I). На запястье левой руки был надет железный браслет из стержня эллипсовидного сечения диаметром 6-8 мм (рис. 4, II,4). Под левой тазовой костью обнаружен железный колчанный крючок с петлей на конце, выкованный из прута округлого сечения 7-8 мм в поперечнике. Длина крючка 4,6 см (рис. 4, II,3). Под правой тазовой костью лежал бронзовый трехлопастной втульчатый наконечник стрелы (рис. 2, II,17). Еще один экземпляр – в засыпи могилы (рис. 2, II,16). На позвоночнике, ниже грудной клетки находились две круглые стеклянные глазчатые бусины темно-синего цвета (рис. 2, II,18). У северной стенки погребения стоял лепной круглодонный глиняный сосуд с туловом бомбовидной формы и короткой отогнутой горловиной. Поверхность черная с желтыми подпалинами. Орнаментирован по тулову вертикальными параллельными линиями и небрежными ногтевыми вдавлениями. Высота горшка 19 см, диаметр венчика 11,3-12,1 см, тулова – 20,1 см (рис. 4, II,5).

Могильник **Жаман-Каргала 1** расположен в 11 км от г. Актюбинска по дороге в г. Орск, на узкой возвышенности, омываемой с юга и востока рекой Жаман-Каргала. Памятник впервые был зафиксирован И. А. Кастанье в 1906 г. (1907). Тогда же он раскопал три кургана этой группы. Всего в настоящее время в могильнике насчитывается 45 курганов (Гуцалов С. Ю., 1988). В 1975 г. В. В. Родионовым здесь был раскопан курган 8, который неоднократно распахивался. Насыпь земляная диаметром 10 м, высотой 0,15 м. В верхней части ее прослежен слой прокаленной земли диаметром не более 1,5 м и толщиной 3-5 см (рис. 7). В центре кургана обнаружена узкая прямоугольная яма. Длина ее 2,1, ширина 0,7, глубина 1,95 м. Засыпь могилы представляла собой мешанину из гумуса с включением щебня и мелких кусков древесного угля. В СЗ углу входной ямы, у стенки с глубины 0,3 м и до дна фиксировался деревянный шест диаметром 8 см, полностью сгоревший в древности еще до засыпки погребения. Вдоль З стенки был прорыт подбой шириной 0,5 м, углубленный до 2,15-2,2 м от уровня погребенной почвы. В подбое на тонкой меловой посыпке лежал вытянуто на спине, головой на С с небольшим отклонением к западу, скелет молодой женщины. У левой голени ее, у входа в погребальную камеру, находился скелетик ребенка, лежавшего головой на Ю с подогнутыми ножками (рис. 8, 1). Череп ребенка, а также левая голень и левая локтевая кость были посыпаны золой и пеплом.

В районе шейных позвонков взрослого костяка были найдены пастовые и стеклянные бусы. Всего 18 штук (рис. 8, 5). Под нижней челюстью, на груди лежала комбинированная фибула, состоящая из клиновидной бронзовой пластинки с отогнутым вниз концом, на котором крепилась пружина с железной иглой. Длина фибулы 7 см, игла сечением 1 мм (рис. 8, 4). В ногах, у стенки лежал на боку туалетный сосудик грушевидной формы с узкой цилиндрической шейкой и отверстием в ней. Высота его 8,6, D венчика 4,2 см. Орнамент отсутствует (рис. 8, 2). Вся поверхность сосудика была посыпана тонко истертым меловым порошком. Под сосудиком лежала железная пряжка, состоящая из прямоугольной рамки и плоского кольца эллипсовидной формы диаметром 3x3,8 см (рис. 8, 3). Среди костей ребенка найден костяной предмет с двумя круглыми отверстиями по длинной оси. Размеры его: 4x1,9x0,3 см (рис. 8, 6).

* * *

Колчанный крючок из к.3 могильника Бисоба оригинален. Пожалуй, наибольшее сходство с ним имеют колчанные крючки из могильников Южного Зауралья: из погр. 1 к.1 могильника Аландское II, а, главным образом, железный крючок из к. 4 могильника Тавлыкаевский IV, оба относящиеся к VI-V вв. до н. э. (Мошкова М. Г., 1974, рис. 1, 39; Пшеничнюк А. Х., 1983, с. 140, табл. VII, 5, с. 183, табл. L, 19), а также колчанные крючки из Переволочанских курганов (Пшеничнюк А. Х., 1995, рис. 15, 7; 16, 3), самые поздние погребения из которых датируются временем не позже начала IV в. до н. э. Камерные могилы, также как и южная ориентировка погребенных, наряду с другими культурно-диагностирующими признаками прохоровской культуры, появились среди погребальных памятников воинско-жреческой элиты орско-илекских степей и Южного Зауралья уже в VI в. до н. э. (Смирнов К. Ф., 1978; Таиров А. Д., Боталов С. Г., 1988, с. 147). С рубежа V-IV вв. до н. э. обрядовые традиции знати утвердились и в погребальной практике рядовых номадов южноуральских степей (Таиров А. Д., Гаврилюк А. Г., 1988, с. 90). Скудость сопровождающего инвентаря из данного кургана позволяет его датировать только в широких рамках конца VI-IV вв. до н. э., хотя дальнейшие раскопки курганов в могильнике Бисоба позволили там выявить захоронения только VI-V вв. до н. э. (Гуцалов С. Ю., Макаревич Г. В., 1986).

В к. 3 могильника Имангазы-Карасу в сравнительно небольшой промежуток времени были захоронены близкие родственники, видимо, члены одной семьи. Исходя из данных стратиграфии и планиграфии, основным в нем является погребение воина в центре кургана, а самым поздним – захоронение подростка в подбое погр. 3. По наблюдениям автора раскопок, исследуемый курган изначально не имел земляной насыпи, и каменная конструкция была открытой. Погребения были закрыты камнем (центральное) или деревом (западное). Сооружение курганной насыпи произошло лишь по истечению определенного срока, возможно, не длительного, поскольку западные могилы копалась уже за пределами контура каменного кольца (Петров Н. П., Родионов В. В., 1976, с. 26).

Погребальный обряд и сопровождающий инвентарь из к. 3 могильника Имангазы-Карасу находит

многочисленные аналогии среди памятников прохоровской культуры Южного Приуралья. Сооружения из камня под насыпью рассматриваемого кургана имеет много общего с конструкцией к. 5 группы LV у аула Бай-Джигит, датируемого IV в. до н. э. (Мошкова М. Г. 1963, табл. I, 4). Южная ориентировка погребенных, как уже указывалось выше, в данном случае является культурно-дагностирующим, а не хронологическим признаком, так как она появляется среди памятников прохоровской культуры Южного Урала и Западного Казахстана уже в VI в. до н. э. (Таиров А. Д., Гаврилюк А. Г., 1998). Незначительное количество жертвенной пищи (остатки передних ног овцы) – признак погребальной обрядности «сарматов» IV-II вв. до н. э. (Мошкова М. Г., 1963). Лепной сосуд из погр.1 имеет достаточно отдаленное сходство с отдельными экземплярами «сарматских» комплексов Урало-Поволжья. В частности, он напоминает круглодонный горшок со спиралевидным орнаментом из кургана у с. Варна VI-V вв. до н. э. (Таиров А. Д., Боталов С. Г., 1988, рис. 3). Аналогов костяной подвеске найти не удалось. Возможно, что она выполняла роль пуговицы. Определить более конкретно дату погребения позволяет весьма выразительный комплекс вооружения, найденный в нем. Железный колчанный крючок, к сожалению, плохо сохранился, и потому нельзя точно определить дату распространения данной находки. Железный штырь (стержень), возможно, представляет собой пику – элемент вооружения, получивший широкое распространение у древних номадов Восточной Европы в IV в. до н. э. (Черненко Е. В., 1984, с. 234). Вполне возможно, что этот предмет, в силу особого ритуала захоронений в данном кургане, имеет не военное, а ритуально-магическое значение (Вайнштейн С. И., 1991, рис. 112), тем более что штурмовые пики у скифо-сарматских катафрактариев данного времени были несколько иных форм. Колчанный набор из центральной могилы представлен следующими типами сарматских наконечников стрел по классификации К. Ф. Смирнова: трехлопастные – тип 1, тип 6 с вариантами А, Б, Г, тип 9А, тип 12; трехгранные – тип 2, тип 3, тип 14 и тип 18. Следует отметить, что при подавляющем господстве наконечников 6 и 9 типов, пик распространения которых падает на V-IV вв. до н. э., притом, что значительная часть из них в данном колчане имеет сводчатые головки, здесь встречены дериваты, бывшие на вооружении «сарматов» не позже IV вв. до н. э. (например, из трехлопастных – типы 1, 9В, из трехгранных – тип 14) (Смирнов К. Ф., Петренко В. Г., 1963, табл. 13; Мошкова М. Г., 1963, табл. 14-16). Железный меч с массивным брусковидным перекрестьем и брусковидным навершием относится к разряду переходных типов. К. Ф. Смирнов даже не зафиксировал его точный аналог в панопли «савроматов» (1961). Близкий экземпляр, но не со столь массивным перекрестьем, относящийся к IV в. до н. э., происходит из Мечетсайского могильника (к. 1 погр. 8) (Смирнов К. Ф., 1975, рис. 51, 9). Ближайшая аналогия ему представлена в разрушенном раннесарматском погр. 2 к. 8 могильника Тамар-Уткуль VII (Мещеряков Д. В., 1996, рис. 9, 2). Нет сомнения в том, что появление данного варианта прохоровского наступательного оружия связано с широким процессом стандартизации культуры номадов Южного Приуралья и, в том числе, вооружения, в конце V – 1-ой пол. IV вв. до н. э. Вышеприведенные факты дают нам основание датировать рассматриваемое погребение 1-й пол. IV в. до н.э.

Чуть более позднюю хронологическую нишу занимают другие два погребения. Несмотря на то, что дерево часто применялось в погребальных сооружениях прохоровской культуры Южного Приуралья, столбовые конструкции в могилах были достаточно редким явлением (Мошкова М. Г., 1963, с. 19). Ритуал разбивания зеркал присущ сарматской культуре начиная с IV в. до н. э., и относится к разряду особых. Уже не раз отмечался магический характер присутствия разбитых зеркал в погребениях (Хазанов А. М., 1963, с. 94; Литвинский Б. А., 1963, с. 98-100). Керамическое пряслице и каменный оселок из погр.2 – предметы заупокойного инвентаря, широко распространенные как географически, так и хронологически. Бронзовые зеркала, аналогичные тому, что встречено в погр. 2, находят в «сарматских» курганах Южного Урала V-IV вв. до н. э., в частности, в к. 2 могильника Бекешевский III и к. 2 могильника Тавлыкаево IV, расположенных в Южном Зауралье (Пшеничнюк А. Х., 1983, с. 184, табл. LI, 9; XLIX). Однотипное зеркало известно в погребении IV в. до н. э. Челкар III 6/2 (Мошкова М. Г., Кушаев Г. А., 1973, рис. 2, 6). Оно также извлечено разбитым из погребения. От исследуемого его отличает наличие треугольного выступа у основания рукояти. Наборы бус в целом характерны для IV в. до н. э. (Мошкова М. Г., 1963, табл. 30-31). Ряд исследователей предполагают, что «сарматские» погребения, где присутствуют железные браслеты с утолщенными концами (то есть такие, как и в нашем случае), следует датировать временем не позже IV в. до н. э. (Клепиков В. М., 1998, с. 31). Железный же кинжал, происходящий из западной могилы, по морфологическим признакам тождествен мечу из центральной могилы, однако на его брусковидном навершии уже наметился небольшой прогиб, делающий данную деталь акинака по форме близкой к серповидной. А потому мы склонны его дату определять рамками IV вв. до н. э. Во втором погребении представлена несколько иная, чем в первом, но в целом сходная картина распространения наконечников стрел. Здесь в колчане присутствовали: трехлопастные – типы 1, 6, с вариантами А, Б, Г и вариант А 9-го типа, а также типы 12 и 13; трехгранные – типы 2, 5, 14, 18. Исходя из близости обряда и инвентаря, вышерассмотренных погребений, мы полагаем, что погр.2 датируется временем не позже середины IV в. до н. э.

В IV-II вв. до н. э. камерные могилы, в число которых включаются и подбойные, занимают довольно большое место в погребальном обряде кочевников Южного Приуралья и составляют почти четверть от общего числа погребений (Железчиков Б. Ф., 1980, с. 6). В погр. 3 представлен инвентарь, не совсем однородный с предыдущими комплексами.

Сосуд отсюда относится к 3 отделу круглодонной прохоровской глиняной посуды (Мошкова М. Г., 1963, табл. 9), по характеру орнаментации и форме он более характерен для раннесарматской керамики III-II вв. до н. э. (там же, табл. 8, 9). Наличие в погребении колчанного крючка сходного с теми, что встречен в погребениях III-II вв. до н. э. в башкирском Приуралье, например в погр. 11 к. 13 могильника Ст. Киишки (Садыкова М. Х., 1962, рис. 6, 3), заставляет предполагать гораздо более позднюю дату погребения, по сравнению с предыдущими[4]. Но в нем также присутствует железный браслет, характерный для IV в. до н. э. (Клепиков В. М., 1998, с. 31). В погребении господствуют иные наконечники стрел, в отличие от предыдущих. В частности, из трехлопастных присутствует лишь по 1 экземпляру типов 6А, 6Б и 9А и сразу 12 дериватов 13-го типа (последние были широко распространены, по крайней мере, еще в III вв. до н. э.) (Мошкова М. Г., 1963, табл. 15), а из трехгранных всего 2 наконечника 6-го типа. Несколько странно на их фоне выглядит один экземпляр с утопленной втулкой – он весьма напоминает «кулайский» тип наконечников стрел (Троицкая Т. Н., 1979, табл. IX, 1-13). В целом, колчанный набор из этого захоронения, отличаясь большей легкостью и более вытянутыми пропорциями наконечников стрел, среди колчанных наборов кургана выглядит более поздним. Отнести 3-е погребение к III в. до н. э. не позволяют обнаруженные здесь крупные синие глазчатые бусины бочонковидной формы (рис. 2, II,18), характерные именно для IV в. до н. э. (Мошкова М. Г., 1963, табл. 30, 16; 31, 1). Поэтому последнее погребение мы склонны датировать 2-й половиной IV в. до н. э.

Нет сомнения в том, что к. 3 могильника Имангазы-Карасу является памятником прохоровской культуры и датируется в целом IV в. до н. э. Именно в это время в Южном Приуралье две трети погребений составляют впускные, которые впущены, как правило, в насыпи, где основное погребение относительно одновременно впускному (Железчиков Б. Ф., 1980, с. 6). В инвентаре и погребальном обряде отчетливо прослеживается связь данного комплекса с синхронными памятниками Южного Зауралья и даже лесостепного Приуралья. Также бросается в глаза военизированный характер открытых захоронений – у каждого из четырех погребенных, независимо от возраста, а, возможно, и пола, были колчанные наборы или отдельные наконечники стрел, а в центральной могиле – меч и, возможно, штурмовая пика.

Однако не только это отличает здесь погребенных. Скелеты в погр. 1 и 2 располагались в неестественных позах. Как мы попытались показать выше, один из них находился в сидячем или полусидячем положении, а у другого были связаны ноги и, возможно, руки. К числу экстраординарных черт обряда относится и тот факт, что в кургане был двукратно зафиксирован ритуал размещения по 5 экземпляров бронзовых наконечников стрел: в погр.1 – вокруг черепа скелета, а в погр.2 – вокруг тела погребенного. Представляется, что их присутствие в обоих случаях имело сакральный характер. Не исключено, что их положение фиксирует головной убор или какие-либо иные атрибуты «сарматского» жреца. Число «5» являлось одним из символов мироздания у скифо-сакских племен (Акишев А. К., 1984, с. 44-47). Вспомним хотя бы известные дары скифов Дарию I, которые включали в себя мышь, птицу и лягушку, как символы подземного, земного и небесного миров, а также пять стрел (Геродот IV, 131-132). Стрела была символом и средством, с помощью которого смертный (шаман) переходил из одной космической зоны в другую (Элиаде М., 1987, с. 44, 159-163; Акишев А. К., 1984 с. 46). Нам не хотелось бы проникать глубоко в семантическую суть рассматриваемой детали погребального обряда, но все же необходимо упомянуть, что округа реки Жаксы-Каргала представлена памятниками V-IV вв. до н. э. с экстраординарными погребальными традициями (Гуцалов С. Ю., 1998; Гуцалов С. Ю., Таиров А. Д., в печати), что дало возможность предположить проживание в указанное время на этой территории какого-то жреческого рода из племен Великой Скифии (Гуцалов С. Ю., 1998)[5]. Так или иначе, но захоронения в исследуемом кургане подтверждают идею о военно-жреческом характере кочевой элиты Южного Урала VI-IV вв. до н. э.

Северная ориентировка погребенного в к. 8 могильника Жаман-Каргала I, наряду с подбоем в западной стенке, являются отличительной чертой позднесарматской культуры Южного Приуралья и Нижнего Поволжья (Граков Б. Н., 1947, с. 105). В памятниках этой культуры нередки парные захоронения, в которых встречаются маленькие дети. К таковым относятся погребения к. 7 Темясовского могильника в Южном Зауралье (Пшеничнюк А. Х., Рязапов М. Ш., 1976, с. 143, рис. 9) и погр. 5 к. 7 могильника Ново-Никольский в Нижнем Поволжье (Шилов В. П., 1975, с. 21, 23, рис. 17, 5). Находка курильницы свидетельствует о принадлежности погребения к кругу сарматских памятников (Смирнов

[4] Интересно, что наиболее точная аналогия данному крючку найдена в лесостепном Приуралье, в 1-й курганной группе Шиповского могильника (Пшеничнюк А.Х., 1976, рис.5, 17), этнокультурный облик которого весьма сложен, и который датируется, в целом, IV-III вв. до н.э. Время же его возникновения – самое начало IV в. до н.э. (там же, с.74).

[5] Следует учесть, что помимо тех памятников, что уже опубликованы (могильники Акжар 2, 3, к-ны Жаксы-Каргала 2+, 3+, к.3 могильника Имангазы-Карасу, к-н Имангазы-Карасу II), в могильниках Имангазы-Карасу и Шаншар встречены ярусные могилы, датируемые VI-IV вв. до н.э., которые, безусловно, несли особую семантическую нагрузку, отличную от «простых» могил со смежных территорий.

К. Ф., 1973, с. 166). Костяной предмет, найденный в ногах ребенка, представляет собой пряжку от путлищ конской узды – предмет характерный для древностей кочевых культур Центральной Азии. Но географический диапазон их распространения очень широк. Он включает себя территорию Казахстана, Саяно-Алтая, Южной Сибири, Южного Урала... Хронологические рамки распространения этих пряжек тоже значительны: от памятников Тувы скифской эпохи (Мандельштам А. М., 1992, рис. 75, 72, 73) до эпохи позднего средневековья Башкирии (Мажитов Н. А., 1981, рис. 90, 38,39). Наиболее близкие аналогии данному предмету мы находим среди разновременных пластов культуры скотоводческого населения юга Западной Сибири. В частности, подобная находка была сделана в могильнике Бийск 1 березовского этапа большереченской культуры (II-I вв. до н. э.) (Могильников В. А., 1992, рис. 70, 6). Столь же сходные по форме пряжки были найдены в могильнике сросткинской культуры Ближние Елбаны, датированном IX-X вв. (он же, 1981, с. 45, рис. 27, 19,20). Набор стеклянных бус из ожерелья женщины – весьма частая находка среди памятников позднесарматской культуры Южного Приуралья II-IV вв. н. э. (Пшеничнюк А. Х., Рязапов М. Ш., 1976, рис. 1,6; 7, 1-7; Иванов В. А., Фалалеев А. Ф., Ягафарова И. М., 1989, рис. 2, 9). Наличие комбинированной фибулы с завитком на конце сплошного приемника позволяет уточнить дату погребения. По мнению А. М. Амброза, ареал распространения бронзовых фибул этого типа – сарматские памятники Нижнего Поволжья, районов Оренбурга и Магнитогорска. Датируются они, по мнению названного автора, концом III – началом IV в. н. э. (1966, с. 46, табл. 5, 19,21). А. С. Скрипкин, отмечая бедность погребений, в которых встречаются фибулы этого типа, также относил их к III-IV вв. (1977, с. 115). Добавим, что Темясовские курганы, где также встречены фибулы данного типа, датировались их исследователями III-IV вв. (Пшеничнюк А. Х., Рязапов М. Ш., 1976, с. 133, 145, 148, рис. 1, 14). Последняя дата являлась бы наиболее приемлемой для определения времени захоронения к. 8 могильника Жаман-Каргала I, если бы А. Х. Пшеничнюк не изменил своих взглядов на датировку Темясовских курганов (1992, с. 80), будучи солидарным с мнением М. Г. Мошковой о том, что коленчатые фибулы с завитком получили свое распространение еще с конца II в. н. э. и существовали, возможно, только до середины IV в. (1998). Находка в погребении железной пряжки с округлой рамкой и прямоугольным щитком не способна уточнить дату, так как пряжки данного типа происходят из погребений, в основном, III-V вв. (Ковалевская В. Б., 1979, с. 117).

В 1977 г. в АОИКМ поступили две интересные находки из поймы р. Илек в 45 и 60 км выше по течению от г. Актюбинска. Круглодонный сосуд грушевидной формы доставлен из пос. Тамды. Он был найден при рытье траншеи на одной из улиц этой железнодорожной станции. D венчика 7,4, высота сосуда 9,5 см. Поверхность залощена. Орнаментирован по плечику лентой из четырех горизонтальных желобков, прочерченных округлой палочкой (рис. 9, 2). Весьма вероятно, что данная находка относится к сарматской эпохе. Почти точная копия ему известна в позднесарматском могильнике Дербеневский в башкирском Приуралье (Пшеничнюк А. Х., 1992. рис. 36,10).

Другая находка представляет собой ножку каменного «алтарика», обнаруженную при копке огорода на первой надпойменной террасе левого берега р. Илек в 1 км к югу от г. Алга. Предполагаемый диаметр столика 35 см, высота его бортика 1,5 см. На внешней стороне ножки дано рельефное изображение горного барана (м.б. архара) (рис. 9, 1). Наличие изображения фигурки горного барана является главным отличием данного «жертвенника» от широко распространенных его аналогий среди памятников прохоровской культуры Южного Приуралья – он явно нетипичен (Смирнов К. Ф., Петренко В. Г., 1963, табл. 30). Горные бараны (козлы) были излюбленным мотивом в изобразительном искусстве сакских мастеров Казахстана и Средней Азии. Зачастую их образ присутствует именно на предметах ритуального, культового характера (Литвинский Б. А., 1972, табл. 13 и 16; Акишев А. К., 1984). Вне всякого сомнения, находка относится к VI-V вв. до н. э. и является дополнительным свидетельством глубоких связей ранних кочевников Южного Приуралья с сако-массагетским миром, что уже неоднократно подчеркивалось исследователями (Смирнов К. Ф., 1964, с. 278; Мошкова М. Г., 1973, с. 106-107; Железчиков Б. Ф., 1986, с. 60).

Еще один комплекс эпохи раннего железа представлен материалами из южных районов Актюбинской области. Здесь, в бассейне среднего течения р. Эмба, геодезистами был разрушен земляной курган, находившийся в 30 м справа от грейдерной дороги Жаркамыс-Байганин (у репера «25 км»), в 12 км к СЗ от фермы Жарсай (Байсан)[6]. Насыпь имела высоту до 1 м. При установке геодезического знака по центру кургана была вырыта яма квадратной формы размерами примерно 2х2 м и глубиной более 2,5 м. В результате была разрушена могильная яма, в которой были встречены кости лошади и человека. Скелет человека лежал вытянуто на спине, головой на З. Рядом с ним были найдены глиняный сосуд и бронзовое зеркало. Невысокий плоскодонный горшок (высота 9-9,2 см, D дна 4,8 см) характеризуется широкой вогнутой шейкой, отогнутым венчиком диаметром 8,9-9,2 см и асимметричным бомбовидным туловом (D 7-7,2 см) (рис. 9, 3). Тесто с примесью органического отощителя. Зеркало плоское с отогнутой приостренной закраиной диаметром 12,9х13,3 см (рис. 9, 4). Отлито из красной бронзы. Инвентарь из разрушенного кургана Жарсай (Байсан) типичен для древнего этапа прохоровской культуры Южного Приуралья. Глиняные горшки,

[6] Материалы и сведения об этой находке были переданы в АОИКМ техником-геодезистом Р.А. Юсуповым.

подобные тому, что встречены в погребении, относятся к III отделу «савроматской» посуды, характерной для VI-V вв. до н. э. (Смирнов К. Ф., Петренко В. Г., 1963, табл. 6, 34). Тем же временем датируются приуральские аналоги жарсайскому зеркалу (там же, табл. 29, 8-10). Учитывая тот факт, что такие элементы обряда как западная ориентировка покойника и обильная сопроводительная пища в виде костей животных характерны для савроматского этапа культуры южно-уральских номадов (Смирнов К. Ф., 1964), можно достаточно определенно предположить, что в VI-V вв. до н. э. кочевники Эмбы входили в ареал распространения прохоровской культуры Южного Приуралья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акишев А. К., 1984. Искусство и мифология саков. Алма-Ата.

Амброз А. К., 1966. Фибулы юга европейской части СССР // САИ, Е1-30.

Вайнштейн С. И., 1991. Мир кочевников центра Азии. М.

Граков Б. Н., 1947. Пережитки матриархата у сарматов // ВДИ, № 3.

Гуцалов С. Ю., 1988. Отчет об археологических работах в Актюбинской области летом 1988 г. // Архив ИА НАН РК.

Гуцалов С. Ю., 1998. Культовый комплекс на горе Жилантау // УАВ. Вып. 1.

Гуцалов С. Ю., Макаревич Г. В., 1986. Отчет об археологических работах в Актюбинской области летом 1986 г. // Архив ИА НАН РК.

Гуцалов С. Ю., Таиров А. Д., в печати. Стелы и антропоморфные изваяния эпохи раннего железа из южноуральских степей.

Железчиков Б. Ф., 1980. Ранние кочевники Южного Приуралья: Автореф. канд. дис. М.

Железчиков Б. Ф., 1986. Савроматы и ранние сарматы (некоторые итоги исследования) // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов.

Иванов В. А., Фалалеев А. Ф., Ягафарова И. М., 1989. Новые памятники ранних кочевников в Южном Приуралье // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Уфа.

Кастанье И. А., 1907. Отчет о раскопках шести курганов в Актюбинском уезде летом 1906 года (с картой и схемами) // ТОУАК, вып. XIX.

Клепиков В. М., 1998. Железные браслеты как хронологический показатель раннесарматских памятников IV в. до н. э. // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград.

Ковалевская В. Б., 1979. Поясные наборы Евразии IV-IX вв. Пряжки // САИ, Е1-2.

Литвинский Б. А., 1963. Зеркала в верованиях древних ферганцев // СЭ, № 4.

Литвинский Б. А., 1972. Древние кочевники «крыши мира». М.

Мажитов Н. А., 1981. Южный Урал в XII-XIV вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.

Мандельштам А. М., 1992. Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.

Мещеряков Д. В., 1996. Впускные погребения сарматской культуры в курганах на р. Илек // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 1. Оренбург.

Могильников В. А., 1981. Сросткинская культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.

Могильников В. А., 1992. Лесостепь Зауралья и Западной Сибири // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.

Мошкова М. Г., 1963. Памятники прохоровской культуры // САИ, вып. Д1-10.

Мошкова М. Г., 1973. Сарматы и Средняя Азия // Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. Ташкент.

Мошкова М. Г., 1974. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М.

Мошкова М. Г., 1998. Фибулы у кочевников Южного Приуралья // Археологія, № 3. Киев.

Мошкова М. Г., Кушаев Г. А., 1973. Сарматские памятники Западного Казахстана // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.

Петров Н. П., Родионов В. В., 1976. Отчет об археологической разведке в Актюбинской области летом 1976 года // Архив ИА НАН РК.

Попов А. В., 1904. Сообщения о сведениях переданных топографами. Приложение к протоколу № 14 заседания ОУАК от 17.12.1904 г. // ТОУАК, вып. XVI.

Пшеничнюк А. Х., 1976. Шиповский комплекс памятников (IV в. до н. э. – III в. н. э.) // Древности Южного Урала. Уфа.

Пшеничнюк А. Х., 1983. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.

Пшеничнюк А. Х., 1992. Дербеневский курганный могильник позднесарматского времени в Западном Приуралье // Проблемы хронологии сарматской культуры. Саратов.

Пшеничнюк А. Х., 1995. Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа.

Пшеничнюк А. Х., Рязанов М. Ш., 1976. Темясовские курганы позднесарматского времени на юго-востоке Башкирии // Древности Южного Урала. Уфа.

Садыкова М. Х., 1962. Сарматские памятники Башкирии // МИА, № 115.

Скрипкин А. С., 1977. Фибулы Нижнего Поволжья // СА, № 2.

Смирнов К. Ф., 1961. Вооружение савроматов // МИА, № 101.

Смирнов К. Ф., 1964. Савроматы: Ранняя история и культура сарматов. М.

Смирнов К. Ф., 1973. Курильницы и туалетные сосудики азиатской Сарматии // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.

Смирнов К. Ф., 1975. Сарматы на Илеке. М.

Смирнов К. Ф., 1978. Дромосные могилы ранних кочевников Южного Приуралья и вопрос о происхождении сарматских катакомб // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.

Смирнов К. Ф., Петренко В. Г., 1963. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья // САИ Д1-9.

Таиров А. Д., Боталов С. Г., 1988. Курган у села Варна // Проблемы археологии урало-казахстанских степей. Челябинск.

Таиров А. Д., Гаврилюк А. Г., 1988. К вопросу о формировании раннесарматской (прохоровской) культуры // Проблемы археологии урало-казахстанских степей. Челябинск.

Троицкая Т. Н., 1979. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск.

Хазанов А. М., 1963. Религиозно-магическое понимание зеркал у сарматов // СЭ, № 4.

Черненко Е. В., 1984. Длинные копья скифов // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.

Шилов В. П., 1975. Очерки истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.

Элиаде М., 1987. Космос и история. М.

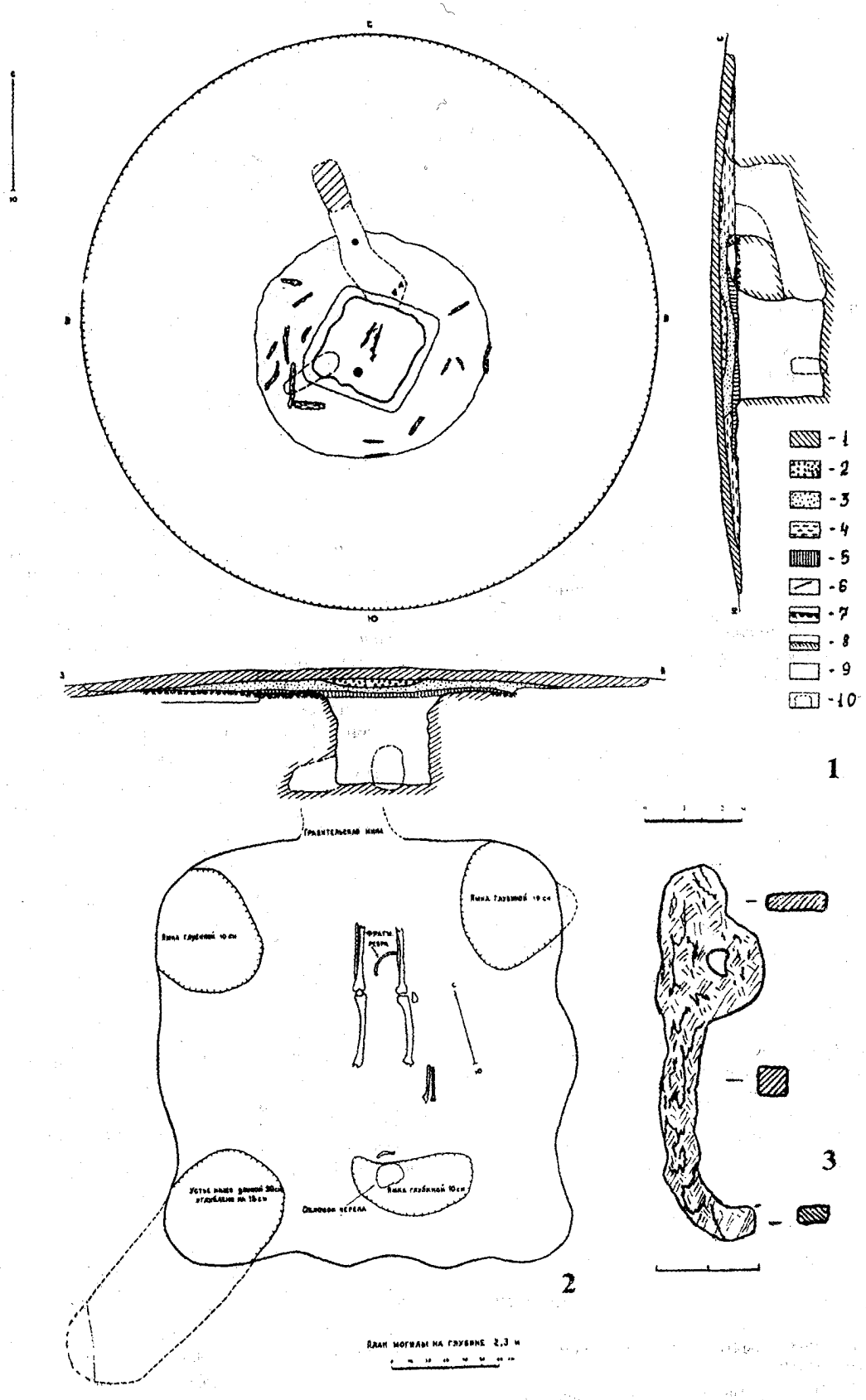


Рис.1. Могильник Бисоба, курган 2.

1. План и разрез насыпи: 1 -пахотный слой, 2 - насыпь с обильными вкраплениями мела, 3 - насыпь с редкими кусками мела, 4 - бурая глина, 5 - утрамбованный суглинок, 6 - слой древесного тлена (сучья, ветки), 7 - погребенная почва, 8 - материк, 9 - заполнение могилы, 10 - дромос (грабительская мина ?); 2 - план могилы; 3 - железный колчанный крючок.

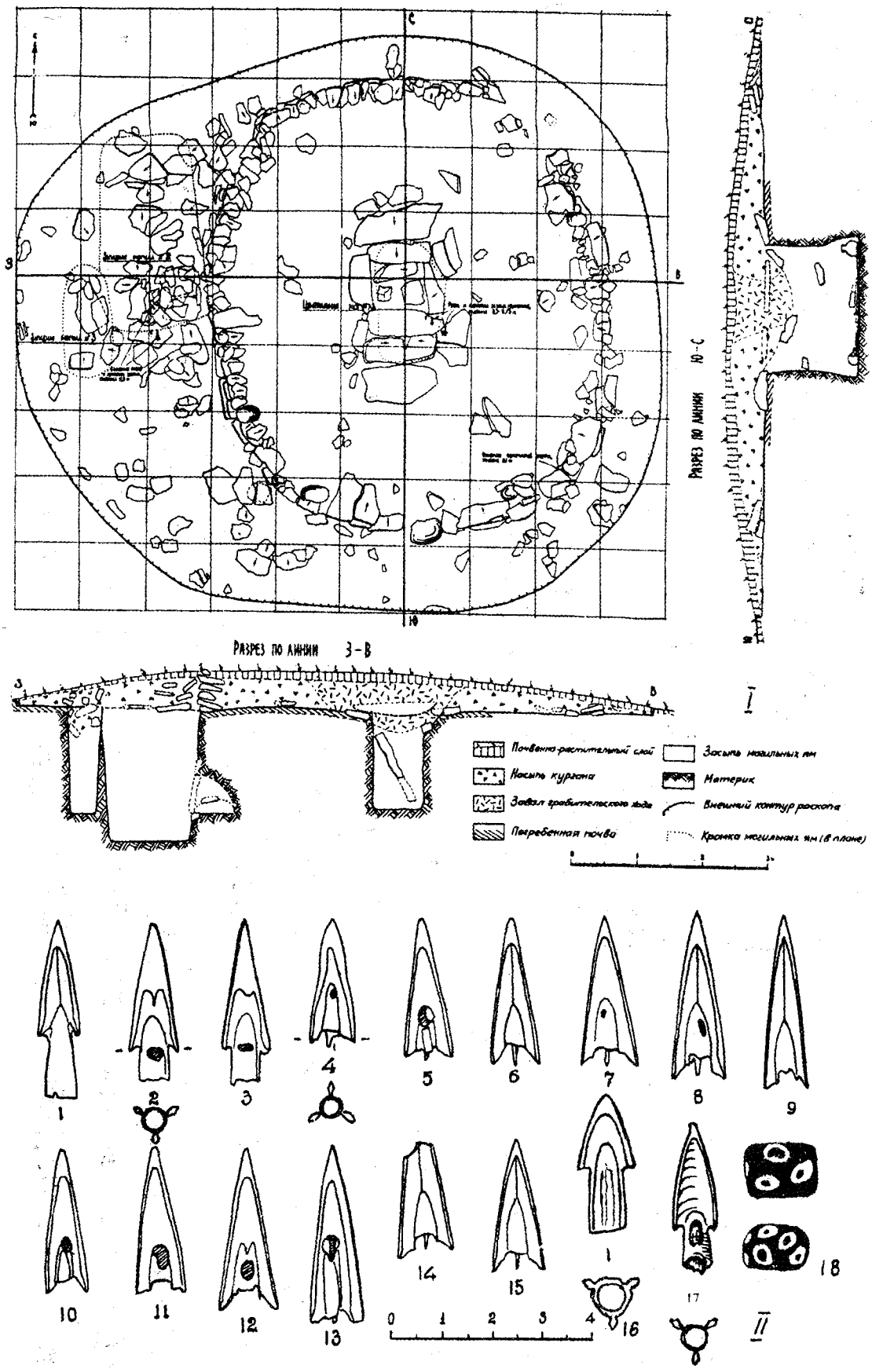


Рис. 2. Могильник Имангазы-Карасу, курган 3.
I - план и разрез кургана; II - инвентарь погребения 3: 1-17 - бронзовые наконечники стрел, 18 - стеклянные бусы

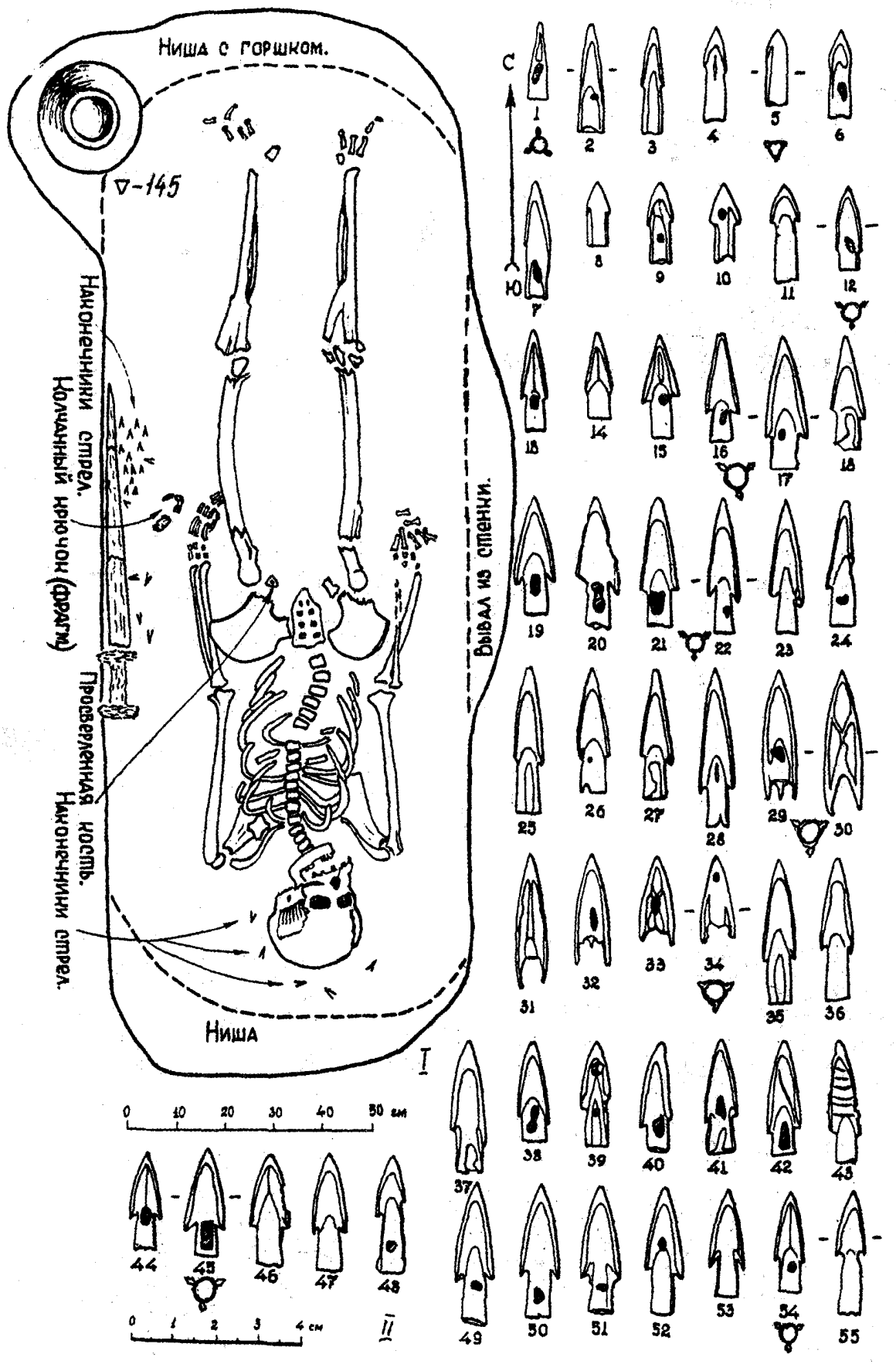


Рис. 3. Могильник Имангазы-Карасу, курган 3.
I - план центральной могилы (погр. 1); II - бронзовые наконечники стрел из погр. 1 .

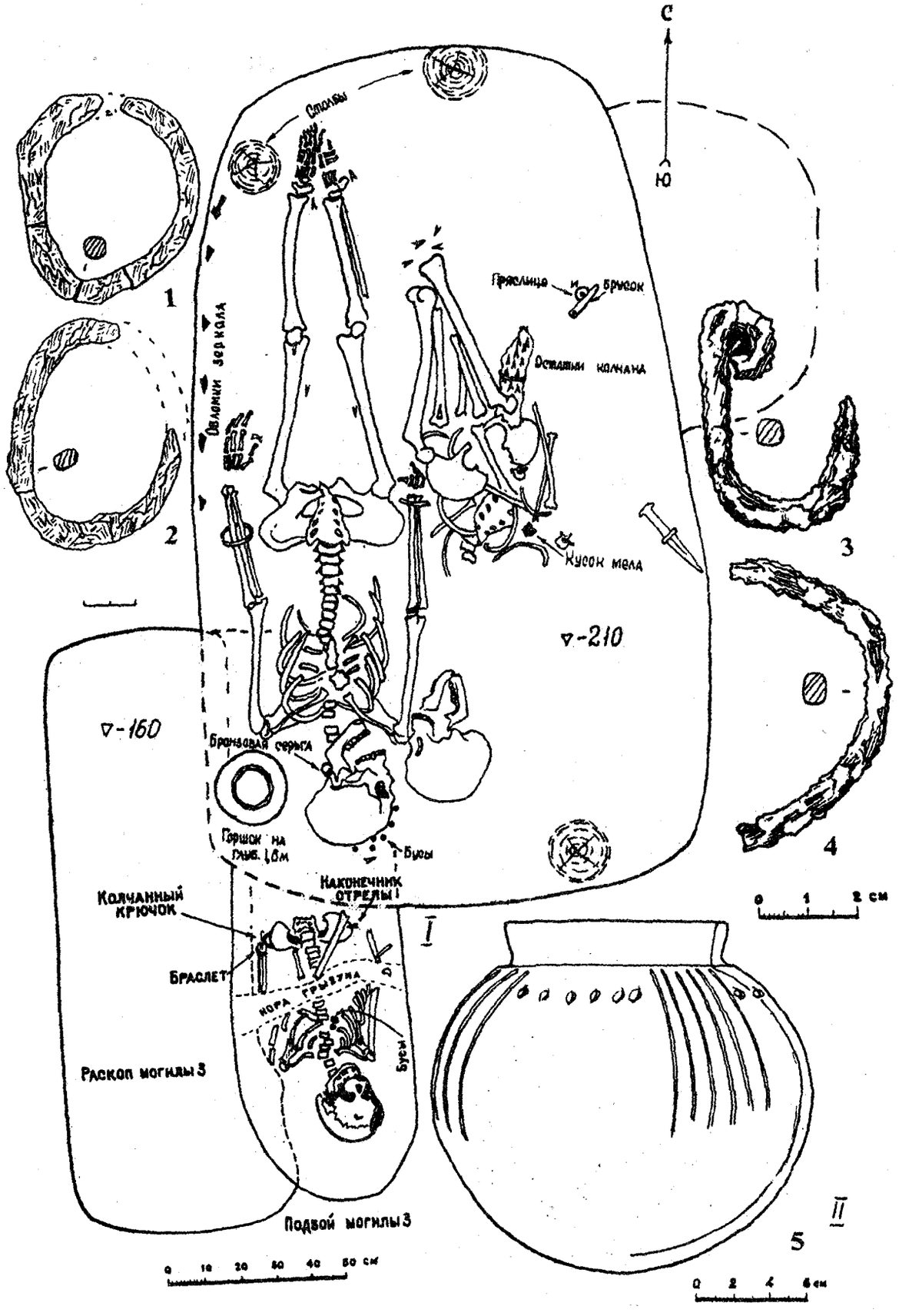


Рис. 4. Могильник Имангазы-Карасу, курган 3.
I - план западной и подбойной могил (погребения 2 и 3); II - инвентарь: 1, 2, 4 - железные браслеты; 3 - железный колчанный крючок: 5 - глиняный сосуд. 1, 2 - погребение 2, 3-5 - погребение 3.

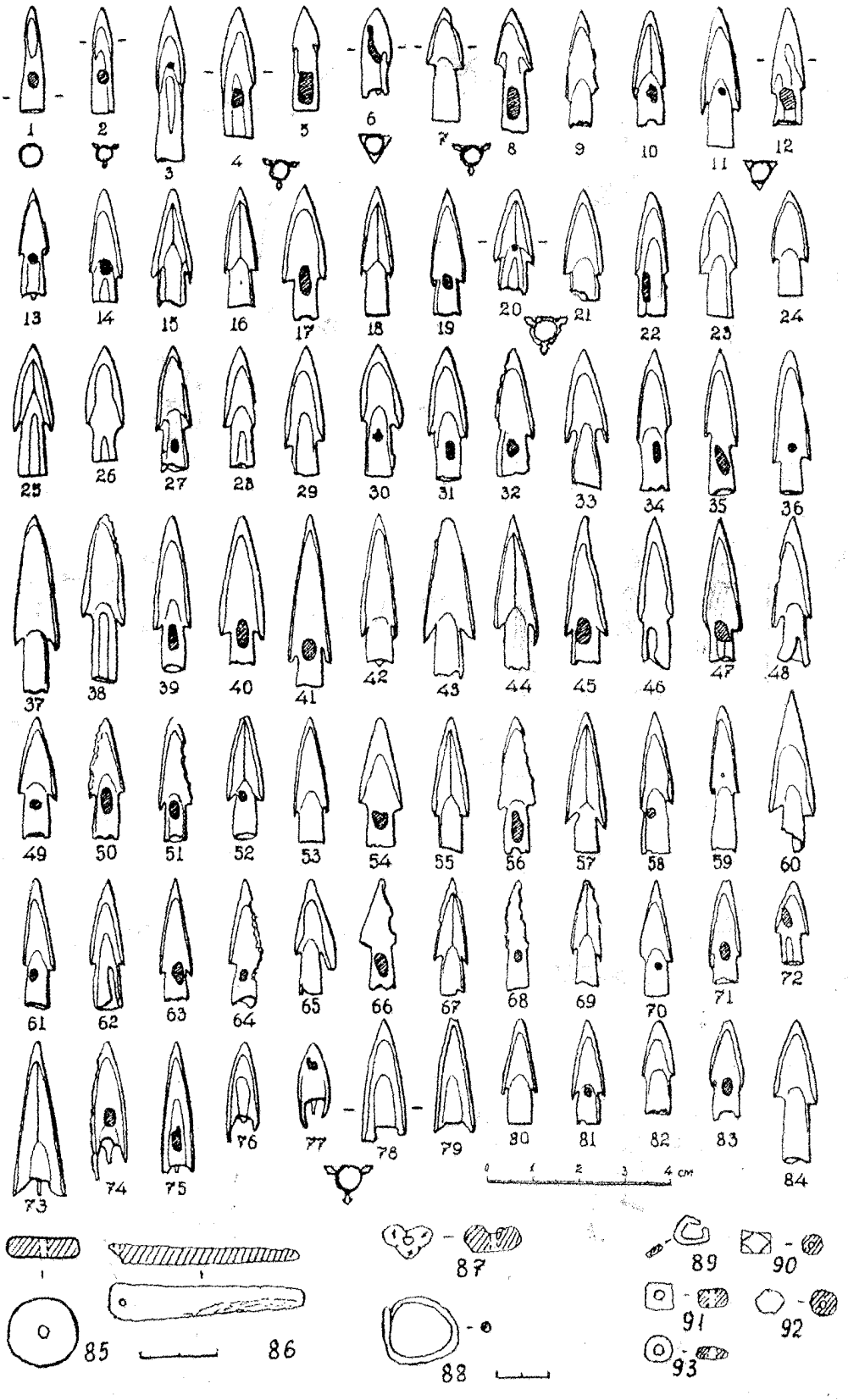


Рис. 5. Могильник Имангазы-Карасу, курган 3.
1-84 - бронзовые наконечники стрел, 85 - керамическое пряслице, 86 - каменный оселок, 87- костяная подвеска, 88 - бронзовая серьга, 89-93 - бусы (89 - бронза, остальное - стекло).
1-86, 88-93 - погребение 2, 87 - погребение 1.

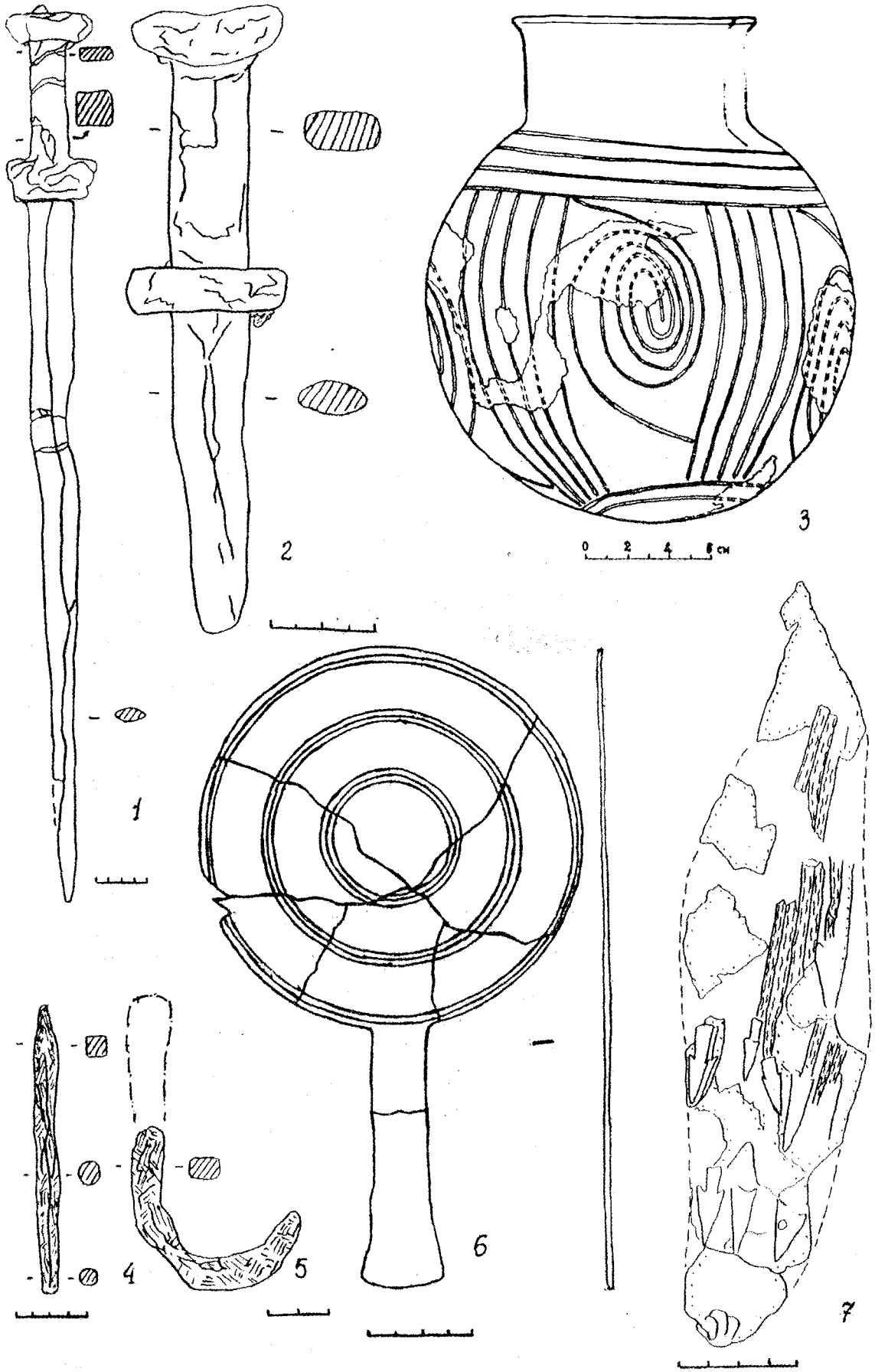


Рис. 6. Могильник Имангазы-Карасу, курган 3.
Инвентарь: 1 - меч, 2 - кинжал, 3 - сосуд, 4 - штырь, 5 - колчанный крючок, 6 - зеркало, 7 - колчан. 1, 2, 4, 5 - железо; 3 - глина; 6 - бронза; 7 - кожа, бронза и дерево.

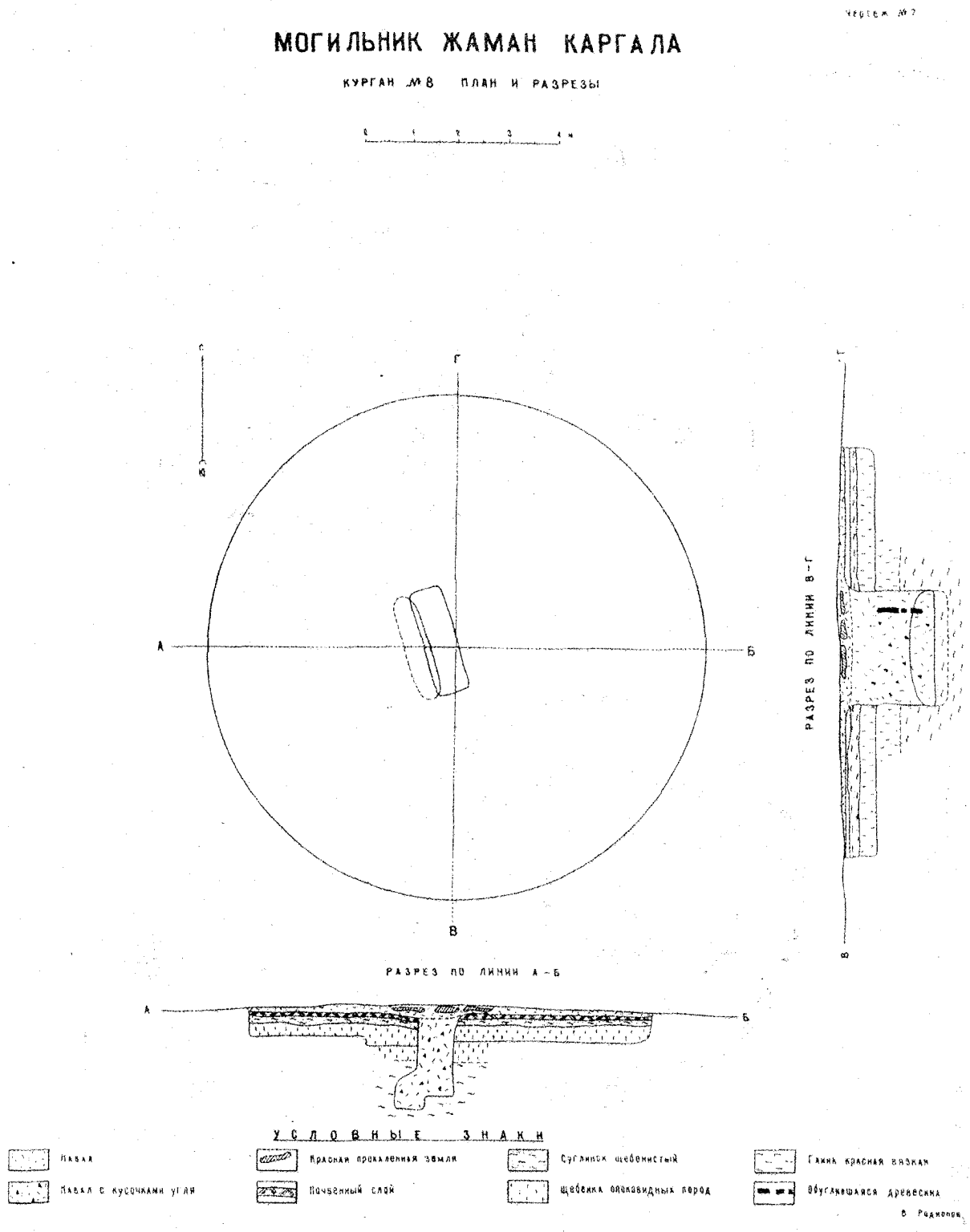


Рис. 7. План и разрез кургана 8 могильника Жаман-Каргала 1 (оригинальный чертеж из отчета В.В. Радионова о раскопках 1975 г.).

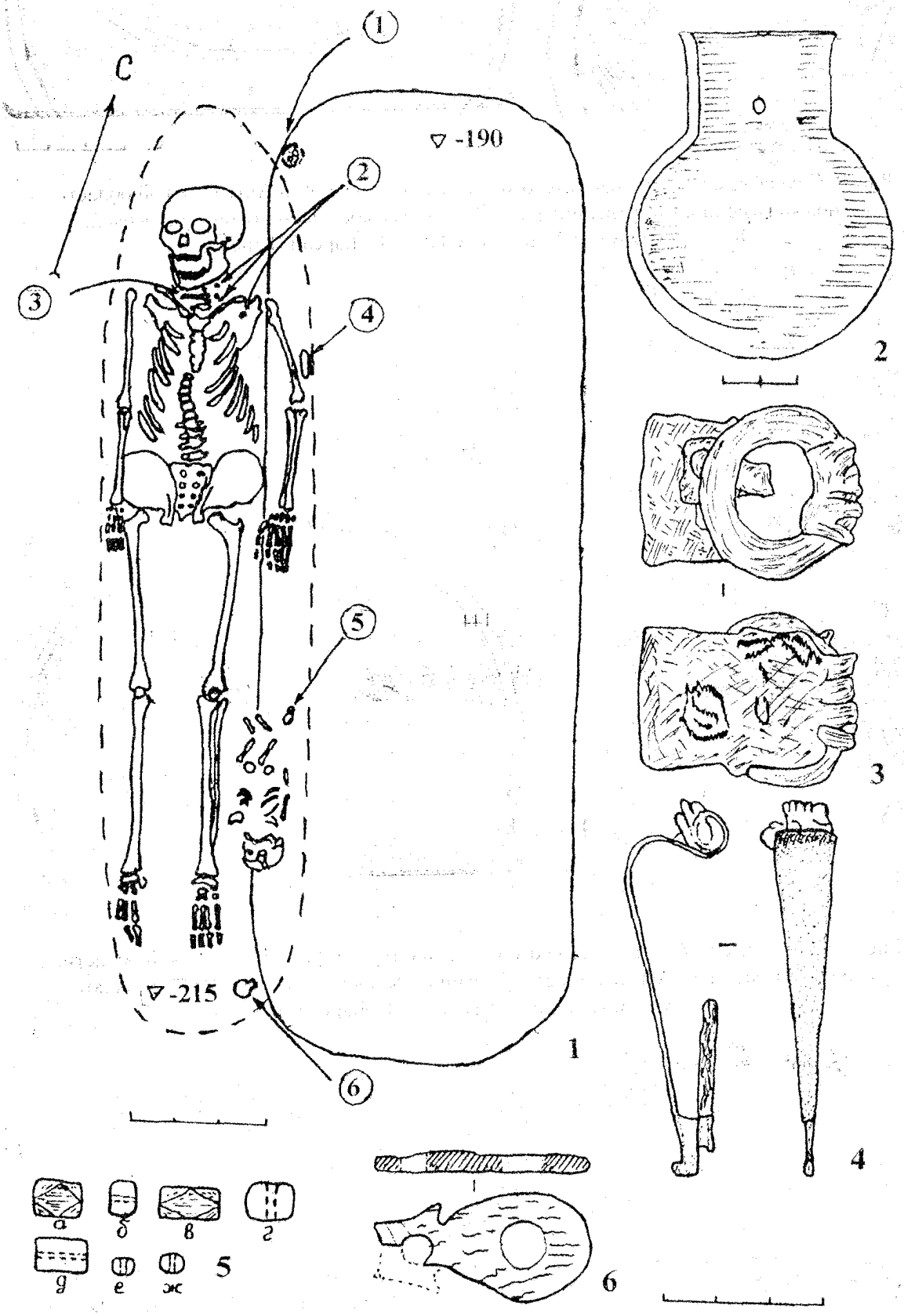


Рис. 8. Могильник Жаман-Каргала 1, курган 8.
1 - план погребения (1- сгоревший деревянный шест, 2 - бусы, 3 - фибула, 4 - белая галька, 5 - костяная пряжка, 6 - глиняный сосудик); 2 - ритуальный сосудик, 3, 6 - пряжки, 4 - фибула, 5 - бусы. 2 - глина, 3 - железо, 4 - бронза и железо, 5 - стекло, 6 - кость.

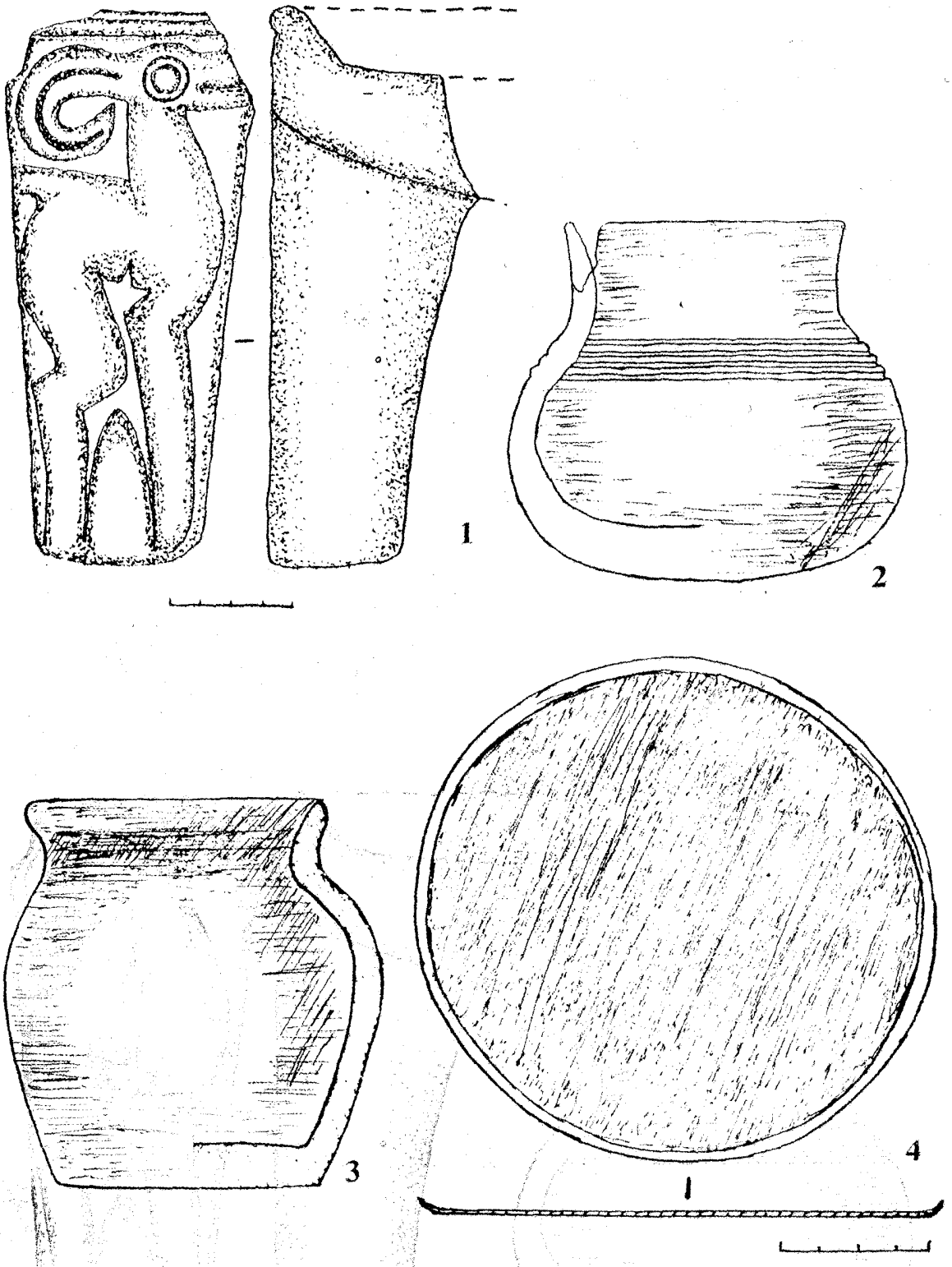


Рис. 9. Случайные находки сарматского времени с территории Актюбинской области.
1 - ножка каменного жертвенника; 2, 3 - глиняные сосуды; 4 - бронзовое зеркало.
1 - сады у г. Алга; 2 - пос. Тамды; 3, 4 -Жарсай (Байсан).

Ю. А. Морозов
(Уфа, ИИЯЛ УНЦ РАН)

ИССЛЕДОВАНИЯ УФИМСКОГО ГОРОДИЩА

Столица Башкортостана город Уфа расположен на высоких живописных берегах при слиянии рек Белой и Уфы. Широкие речные поймы и высокие террасы, поросшие лесом, привлекали сюда людей с древнейших времен, о чем свидетельствуют многочисленные археологические памятники. К ним относятся древние стоянки каменного века, поселения эпохи бронзы, селища и городища, могильники и отдельные находки эпохи раннего железа средневековья. В настоящее время на территории города и в пригороде насчитывается около ста археологических памятников. Среди них можно отметить мезолитическую стоянку Романовка II (X–VII тыс. до н. э.), селище Воронки (VIII в. до н. э. – III в.н. э.), Дежневские курганы (V–VIII вв. н. э.) и др.

В относительно хорошем состоянии находится один из памятников периода раннего железного века – Уфимское (Чертово) городище. Оно расположено в восточной части г. Уфы на 180-метровой террасе правого берега р. Уфы, на территории санатория «Зеленая роща». Площадка памятника расположена на узком мысу и с 3-х сторон ограничена труднодоступными склонами террасы. С напольной стороны городище защищено мощным 86-метровым земляным валом, высота которого в самом высоком месте достигает с напольной стороны около 9 м. С внешней стороны сохранился ров шириной 2-3 м (рис. 1). В северной части вал прерывается, образуя вход на городище, в настоящее время здесь проложена асфальтовая пешеходная дорожка, которая проходит по городищу, нарушая первоначальный вид. В 1939 г. памятник посетила А. В. Збруева, которая составила довольно подробное описание внешнего оборонительного вала. Приведем его полностью. «В северной части площадки, на расстоянии около 8,5 м от края, вал прерывается и образуется вход на городище. Ширина входа около 4 м. К северо-востоку от него небольшой отрезок вала представляет собой как бы отдельный холм, длиной и шириной около 8,5 м и высотой около 4 м. На протяжении около 25 м к юго-западу вал особенно высок и широк. Высота его (со стороны площадки городища) около 5 м., ширина у основания около 10 м. Далее вал постепенно понижается, доходя у юго-западного конца до 70 см высоты; ширина его на этом отрезке колеблется от 2 до 6 м. Ширина рва, опоясывающего вал с напольной стороны не превышает 2-3 м». (1952, с. 303). В настоящее время северная часть вала претерпела значительные изменения в связи с засыпкою рва и расширением входа на городище. Изменения произошли и на территории городища в связи с насаждением липовой аллеи и установлением на высокой точке площадки мемориального камня. Восточная, северо-западная и северная части памятника густо поросли деревьями и кустарником.

Впервые Уфимское городище было обследовано в 1894 г. Ф. Д. Нефедовым, который дал небольшую информацию о памятнике (1899, с. 51). В 1910 и 1912 годах городище исследовала известный археолог В. В. Гольмстен. Информация о ее раскопках содержится в работе А. В. Збруевой где она, используя дневниковые данные, полевые чертежи и материалы, полученные В. В. Гольмстен, знакомит со стратиграфией памятника и его культурной принадлежностью (1952, с. 303-307). Для ознакомления читателей с результатами раскопок приведу некоторые данные из работы А. В. Збруевой.

«В 1910 г. В. В. Гольмстен были заложены пять траншей, расположенных крестообразно. Траншеи I, II, III были вытянуты с северо-запада на юго-восток примерно по средней линии площадки городища. Траншеи IV и V были вытянуты с северо-востока на юго-запад и пересекли первые три траншеи под прямым углом, примерно посередине». Согласно представленного плана, площадь первого года исследования городища составила около 570 кв.м. Далее отмечено, «что культурный слой был наиболее толст в центре городища, становясь постепенно все тоньше по краям площадки, где близко к поверхности подходил слой материкового камня, и опять утолщался в верхней части склонов. Примерно так же распределялись и находки, состоящие из костей животных, обломков глиняной посуды и немногочисленных металлических, костяных и глиняных предметов. Больше всего находок встречалось в центре площадки» (там же, с. 304-305).

В 1912 г. исследования Уфимского городища под руководством В. В. Гольмстен были продолжены. В процессе раскопок были прорезаны вал и ров городища, проведена траншея с выходом на ЮЗ склон и заложена целая система небольших траншей, которыми была почти сплошь вскрыта площадь, образующая прямой угол между I–II и V траншеями в СЗ части площадки городища. Наблюдения над слоем с культурными остатками привели к тому же выводу, что и в 1911 г. В 1912 г., по предварительным подсчетам, на СЗ участке городища, В. В. Гольмстен было заложено 24 траншеи, что могло составлять, видимо около 2 тыс. кв.м.

В этом же полевом сезоне В. В. Гольмстен в средней части вала проложила 30-метровую траншею шириной 3 м, которая сохранилась до наших дней и является вторым проходом на городище с напольной стороны. Представленный в описании профиль траншеи имеет следующую стратиграфию: «Под растительным покровом залегает слой чернозема с примесью известняковых камней – культурный слой с зольными пятнами, прослойками пережженной глины (0,7–1,5 м в диаметре) и культурными остатками, который достигал толщины 1,5–2 м. Этим слоем был засыпан более древний, сравнительно небольшой и неглубокий ров шириной около

метра, с довольно крутыми стенками и увеличен более древний вал, поверхность которого на протяжении около 9 м можно проследить по зольной прослойке, толщиной около 10 см. Ниже зольной прослойки насыпь содержала больше неправильных отделочных прослоек обожженной глины, поверх которых иногда наблюдались как бы остатки костров в виде небольшого количества золы и углей. Часто попадались также камни. Под насыпью вала не было слоя с культурными остатками, из чего можно заключить, что древнее поселение было укрепленным с самого начала своего существования. Подсыпка вала производилась лишь один раз и имела целью сделать его выше и шире, вследствие чего был засыпан древний ров» (там же, с.305). К материалам Уфимского городища и могильника обращался Р. Б. Ахмеров, который отнес данный комплекс к кругу памятников ананьинского времени (1952, с. 31-34).

С 1912 г. Уфимское городище более не подвергалось сколь либо значительным археологическим исследованиям. В 1973 г. по предложению известного уральского археолога О. Н. Бадера и при содействии Министерства культуры Башкирии и Башкирского отделения ВООПИК на памятнике вновь были начаты раскопки (Морозов Ю. А., 1973). В задачу исследования входило определение сохранности памятника на предмет его музеефикации и получение нового археологического материала. В связи с тем, что центральная и СЗ части памятника неоднократно подвергались земляным работам, раскопы в виде траншей были заложены ближе к В и З краю террасы (рис. 1).

Раскоп 1 заложен в ЮВ части городища, его площадь составила 129 м^2. В связи с тем, что площадка памятника густо поросла кустарником и большими деревьями, то линию траншеи приходилось изменять. Общая длина траншеи составила 46 м (рис. 2). В Ю части траншеи раскоп имел следующую стратиграфию: под тонким слоем перегнивших листьев залегал культурный слой толщиной 20-30 см, под ним известняковый камень – материк. Находки встречались равномерно, особенно много было костей животных. С удалением траншеи к ССЗ толщина культурного слоя повышается, достигая 40-60 см, а в квадратах 14-16 достигала 1 м; затем, в квадратах 21-22 вновь не превышал 20 см (рис. 3).

В квадратах 10-13 траншеей был произведен разрез небольшого вала (рис. 3), который имел следующую стратиграфию. Под небольшим слоем перегнивших листьев залегал слой чернозема толщиной от 20 до 40 см. Ниже находился слой глины мощностью 20 см с примесью известняковых камней, далее шел слой чернозема с камнем мощностью 10-15 см, под которым находилось глиняное основание вала, насыпанное на скальное плато мыса. Ширина вала в основании составила 6, высота 1 м. Судя по его разрезу и находкам керамики в черноземной прослойке и верхней глиняной подсыпке, вал был насыпан в два приема. Под первоначальной насыпью вала остатки культурного слоя не обнаружены, сооружение его произведено на краю юго-восточного возвышения и, видимо было связано с началом заселения памятника.

За валом, в квадратах 14-16 ВД обнаружен небольшой продолговатый жилищный котлован, вытянутый с СВ на ЮЗ, углубленный в материковое основание на 20-25 см (рис. 2). В центре его находится заполненный золой очаг овальной формы, выбитый в скальном основании на глубину 17-20 см. Здесь же было обнаружено еще 4 зольных линзы, в которых найдены кости животных, керамика, куски обожженной глины. В пределах жилища и около него найдены 3 костяных наконечника стрел (рис. 4, 1-2,5), 2 пряслица (рис. 4, 9), костяное колечко (рис. 4, 11), бронзовая пряжка с язычком (рис. 4, 13), железный наконечник лемеха с обломанным концом (рис.4, 15). Сохранившаяся его часть имела высоту 25,6, ширина разомкнутой втулки 8,7, ширина рабочей части 9,0, толщина 1,1 см. Кроме того, найдены два каменных песта. Один изготовлен из продолговатой гальки долотовидной формы, размером 16,5 см; второй – кубической формы, со сторонами 5,8 см (рис. 4, 14). Здесь же обнаружен обломок костяной проколки и найдена большая коллекция керамики. Деревья и кустарники, росшие на вскрываемом участке, не позволили полностью исследовать жилищное углубление. В квадратах 20-21Д траншея прошла через овальную яму D 2,7х1,5, глубиной 0,7 м. Такие же ямы D от 3 до 5 м, глубиной до 1 м обнаружены к С от раскопа. Отсутствие культурных остатков в обследованной яме позволяет судить о позднем ее происхождении. Распределение керамического материала в раскопе 1 представлено в табл.1.

ТАБЛИЦА 1.

	1 штык	2 штык	3 штык	4 штык	5 штык	Всего:
Венчики сосудов	122	70	38	25	14	269
Керамика с орнаментом	95	88	52	22	17	274
Керамика без орнамента	313	167	117	63	53	713
Мелкая керамика до 1,5 см.	666	349	202	86	55	1358
Донышки сосудов	7	7	4	1	4	23
ИТОГО:	1203	681	413	197	143	2637

Раскоп 2, площадью 64 кв.м, заложен в ЮЗ части городища между внутренним валом и, предположительно, траншеей V, вскрытой В.В. Гольмстен в 1910 г. В связи с тем, что этот участок густо залесен, раскоп представляет собой систему траншей (рис. 1). Он имел следующую стратиграфию: под тонким слоем перегнивших листьев залегал культурный слой толщиной 30-40 см. Исключением является траншея по линии АБ в квадратах 1–4, где толщина слоя достигала 1 м. Под слоем гумуса – известняковый камень – материк. Следует заметить, что в раскопе 2 фрагменты керамики, в отличие от раскопа 1, мельче и располагались небольшими скоплениями, в основном обнаруженными в траншее по линии А, в ЮВ части раскопа 2. Здесь же были обнаружены два костяных наконечника (рис. 4, 3-4), и два пряслица (рис. 4, 8,10). Небольшая каменная зернотерка подквадратной формы найдена в кв. 6 Г. Нахождение керамического материала по глубинам в раскопе 2 дано в прилагаемой ниже табл. 2.

ТАБЛИЦА 2.

	1 штык	2 штык	3 штык	4 штык	5 штык	Всего:
Венчики сосудов	89	67	39	6	4	205
Керамика с орнаментом	157	175	64	29	9	434
Керамика без орнамента	160	231	114	22	15	542
Мелкая керамика до 1,5 см.	705	307	249	61	11	1333
Донышки сосудов	3	7	3	–	1	14
ИТОГО:	1114	787	469	118	40	2528

Общее количество керамики, полученной с двух раскопов, составило 5165 ед. По внешнему виду и фактуре керамический материал разделяется на две группы. Первую, преобладающую, представляют сосуды, изготовленные вручную из глины с примесью песка и мелких камешков, хорошо обожженных и имеющих светло-коричневый или красноватый цвет. Судя по обломкам, преобладают невысокие сосуды с широким горлом и округлым дном. Фрагментарность керамического материала не позволяет провести дробную типологию, однако, по нескольким реконструированным сосудам можно составить представление о ее формах. Основное количество находок составляют небольшие сосуды с прямой или слегка отогнутой шейкой, плавно переходящей к плечикам (рис. 5, 1-6,9,11; 6, 4-10). Выделяются сосуды с короткой прямой или слабо отогнутой шейкой (рис. 5, 7,8,10; 6, 1-3,11-14). Основным элементом орнамента являются наколы круглых или треугольных ямок, беспорядочно покрывающие тулово сосуда или расположенные горизонтальными рядами (рис. 5, 1-7). Небольшая серия сосудов украшена насечками по тулову, образуя елочный узор (рис. 5, 8-11). Несколько венчиков по верхнему срезу также имеют насечки (рис. 6, 1-3). Описываемая выше керамика по форме сосудов, составу теста и обработке поверхности очень своеобразна и принадлежит племенам бахмутинской культуры, заселявших в V–VIII вв. н.э. территорию Башкортостана от г. Уфы до северных ее границ (Мажитов Н. А., 1959, с. 143-151).

Вторая группа представлена небольшой коллекцией керамики, в которую входит около ста фрагментов, обнаруженных, в основном, в раскопе 1. Отмеченная керамика светло-серого цвета с примесью толченой ракушки, толщиной 0,5-0,9 см. Отдельные сосуды этой группы имеют утолщенный венчик (рис. 7, 1-4), орнамент в виде крупных насечек или овальных вдавлений, расположенных по шейке сосуда (рис. 7, 5-10). Две реконструированные чаши, высотой 7,0 и 7,5 см имели слегка вогнутые вовнутрь края, округлое и уплотненное днище (рис. 7, 11-12). Подобная керамика характерна для кара-абызской культуры (IV в. до н. э. – II в. н. э.), памятники которой сосредоточены в среднем течении р. Белой от г. Бирск на севере до с. Табынск на юге (Пшеничнюк А. Х., 1973, с. 164).

Как уже отмечалось выше, кроме керамической коллекции в материале Уфимского городища имеются изделия из кости, бронзы, железа, керамики и камня. Самую многочисленную группу составляют костяные наконечники (10 экз.), среди которых выделяются трехгранные (рис. 4, 1,2) и четырехгранные черешковые (рис. 4, 3-6).

Подобные наконечники обнаружены в Бирском и Каратамакском могильниках (Мажитов Н. А., 1968, с. 122, табл. 3, 3-7, табл. 31, 4-7) и имеются в материале Кушнаренковского селища (Генинг В. Ф., 1977, с. 129). Из пяти пряслиц, изготовленных из хорошо отмученной глины темного цвета, три плоских, толщиной около 1 см, диаметром 3-4 см (рис. 4, 7-8), одно усеченно-коническое (рис. 4, 9), другое – усеченно-биконическое (рис. 4, 10). Последняя форма типична для пряслиц из Кушнаренковского селища (Генинг В. Ф., 1977, с. 129, рис. 18, 10-12).

Из двух колечек, найденных в раскопе 1, одно костяное, диаметром 2 см, с украшением в виде 4-х углублений (рис. 4, 11), второе из железа, диаметром 2 см, с небольшой уплощенной площадкой (рис. 4, 12). Бронзовая пряжка с изогнутым подвижным язычком, диаметром 2,5 см (рис. 4, 13), аналогична бесщитковым пряжкам из Бирского могильника (Мажитов Н. А., 1968, с. 124, табл. 5, 2-5). В коллекции имеется 3 песта из галечника удлиненно-овальной формы и один кубической формы с затертостью на противоположных сторонах (рис. 4, 14).

Две костяные проколки найдены в обломках, потому сказать что-либо определенное об их размерах и форме довольно сложно. Небольшая пластинка, размером 3,5x2 см, ошлакованная по краям, видимо относится к числу отходов металлургического производства.

Перечисленный вещевой материал, в основном, характерен для памятников, датируемых I тыс. н. э. Не противоречит этой дате и основная часть керамического материала, относящаяся к бахмутинской культуре, в слое которого и обнаружены отмеченные предметы.

Возвращаясь к истории исследования Уфимского городища, отметим, что параллельно с раскопками городища В.В. Гольмстен вела раскопки могильника, находившегося непосредственно за внешним оборонительным валом. За 1911–1912 гг. было исследовано 28 погребений, однако опубликованы лишь 14, вскрытые в течение полевого сезона 1911 г. Раскопки велись посредством траншей «шириной по 3 аршина» (1 аршин равен 71,12 см – *Ю. М.*), длиной от 8 до 20, но чаще 16–20 аршин. Всего было заложено 23 траншеи и обследовано 1056 кв.аршин (Гольмстен В. В., 1913, с. 4). Большая часть погребений оказалась разрушенной. Сохранившиеся костяки лежали на спине, вытянуто головой к Ю или к СЗ. Из 14 опубликованных погребений 7 мужских, 3 женских, 3 детских и 1 неопределенное. 12 из них сопровождались вещами. Мужские захоронения сопровождались оружием в виде бронзовых наконечников стрел, железных наконечников копий, ножей. В женских погребениях найдены украшения из бронзы: полулунарные бляшки, 8-образные подвески, гривны и браслет. В детских погребениях обнаружены пастовые бусинки, костяной амулет и несколько бронзовых обоймиц.

Для контрольного определения южной границы могильника, в 50 м к СВ от входа на городище, нами была заложена траншея 2x10 м, где обнаружено одно погребение. Могильная яма размером 167x65 см ориентирована СЗ–ЮВ и углублена в материк на 10 см. На дне могилы обнаружены несколько костей от разрушенного костяка взрослого человека. У ЮВ стенки найдены колчанный крючок и браслет (рис. 4, 16-17). Подобный вещевой материал из Уфимского могильника получен В. В. Гольмстен при первоначальном исследовании и опубликован А. Х. Пшеничнюком (1973, с. 173). Аналогичный колчанный крючок обнаружен в раннем комплексе Охлебининского могильника, который датируется IV–III вв. до н.э. (Пшеничнюк А. Х., 1968, с. 66, рис. 6, 9). Вещевой комплекс, полученный в результате исследований В. В. Гольмстен на Уфимском могильнике, позволил археологам отнести данный памятник к кара-абызской культуре. Не противоречат этому определению и последние находки.

В настоящее время это единственный расположенный на территории города Уфы уникальный археологический комплекс, находящийся в относительно хорошем состоянии. Необходимо обратить особое внимание государственных органов охраны памятников истории и культуры на его сохранение и дальнейшее исследование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ахмеров Р. Б., 1952. Археологические памятники Башкирии ананьинского времени // КСИИМК. Вып. 48.

Генинг В. Ф., 1977. Памятники у села Кушнаренково на р. Белой (VI–VII вв. н. э.) // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа.

Гольмстен В. В., 1913. Могильник близ Уфы. М.

Збруева А. В. 1952. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. № 30.

Мажитов Н. А., 1959. Поселения бахмутинской культуры // Башкирский археологический сборник. Уфа.

Мажитов Н. А., 1968. Бахмутинская культура. М.

Миронов Ю. А., 1973. Научный отчет о работе отряда археологической экспедиции ИИЯЛ БФ АН СССР // Архив МАЭ УНЦ РАН.

Нефедов Ф. Д., 1899. Отчет об археологических исследованиях в Прикамье, произведенных летом 1894 г. // МАВГР. Т. III.

Пшеничнюк А. Х., 1968. Охлебининский могильник // АЭБ. Т. III.

Пшеничнюк А. Х., 1973. Кара-абызская культура // АЭБ. Т.V.

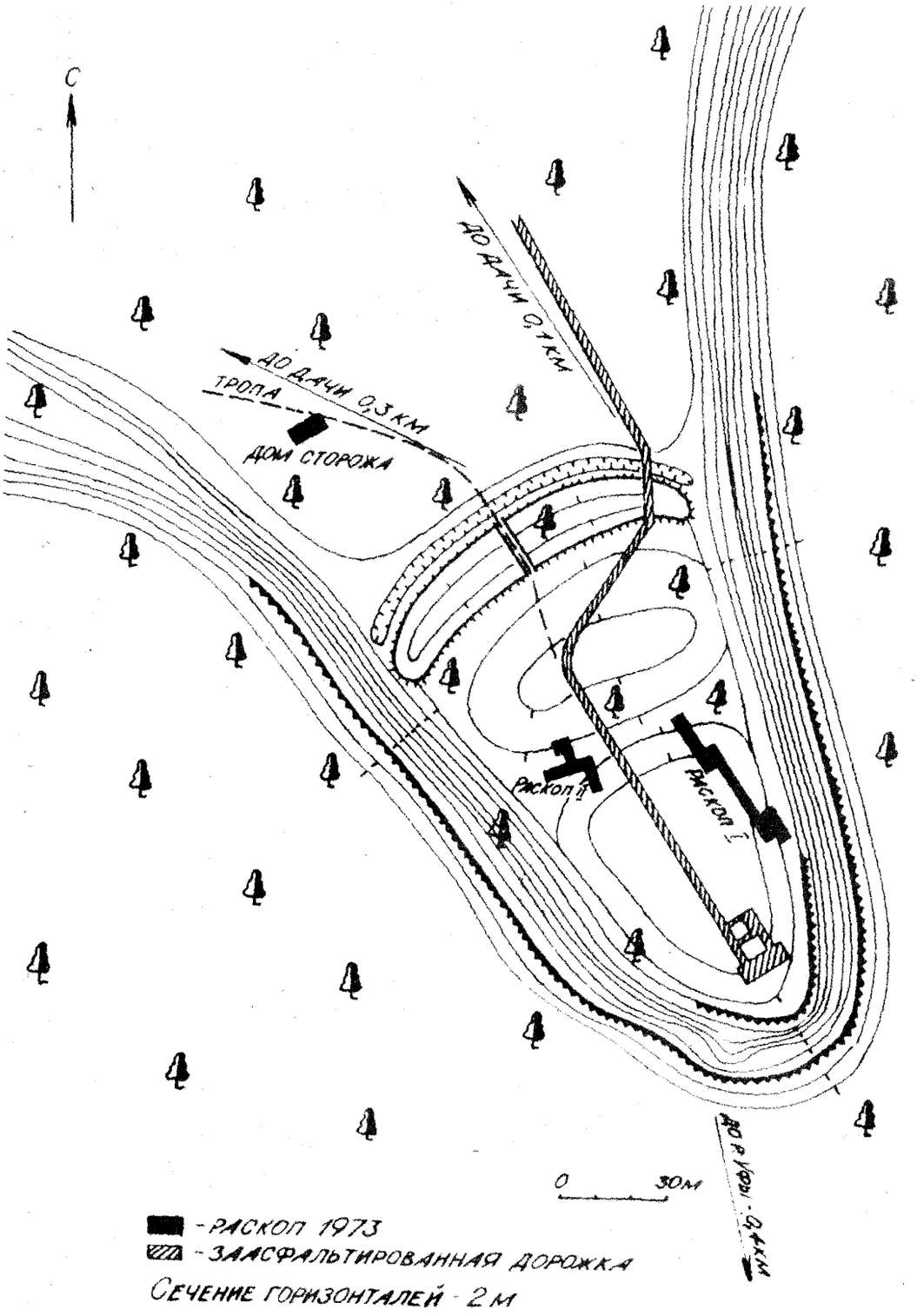


Рис. 1. План Уфимского (Чертово) городища.

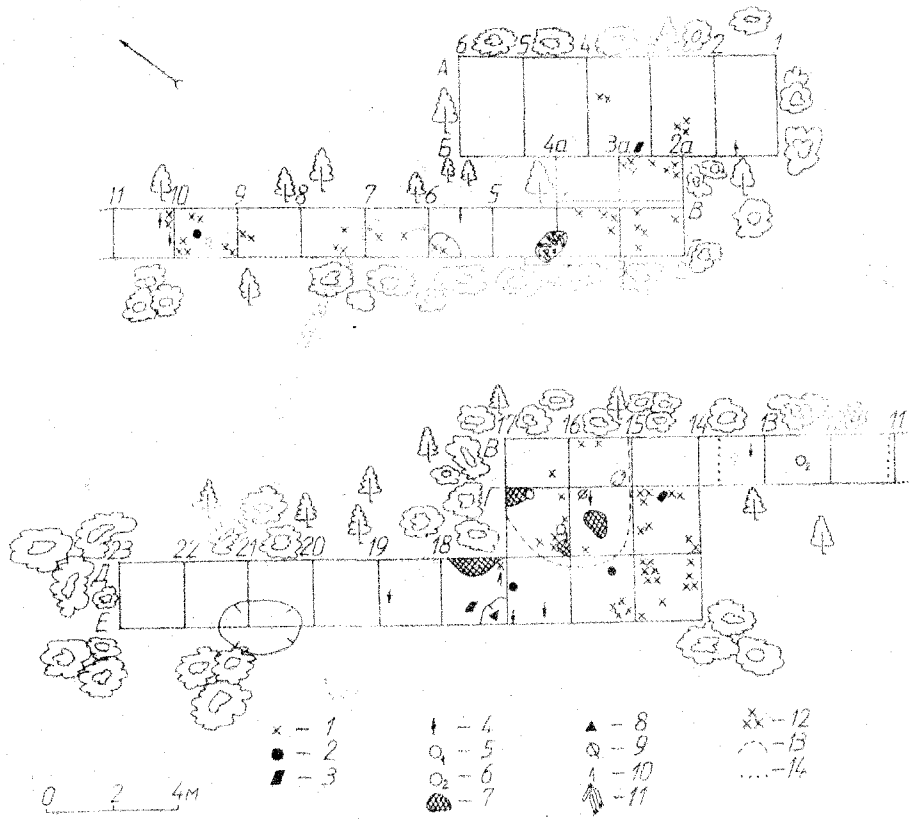


Рис. 2. План раскопа 1. Условные обозначения: 1 - крупные фрагменты сосудов; 2 - пряслица; 3 - пест; 4 - наконечники стрел; 5 - костяное колечко; 6 - железное колечко; 7 - зольники; 8 - лемех; 9 - пряжка; 10 - костяная проколка; 11 - скопление костей животных; 12 - скопление керамики; 13 - контур жилища; 14 - контур вала.

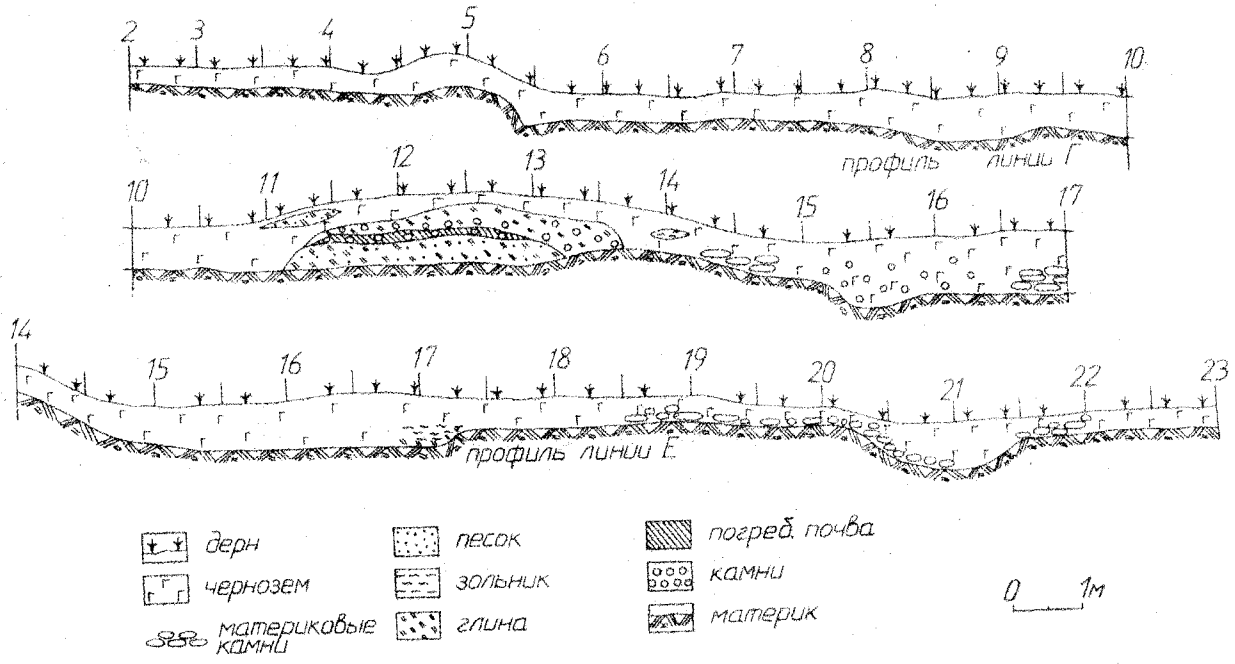


Рис. 3. Профиль стенки траншеи по линии Г и Е в раскопе 1.

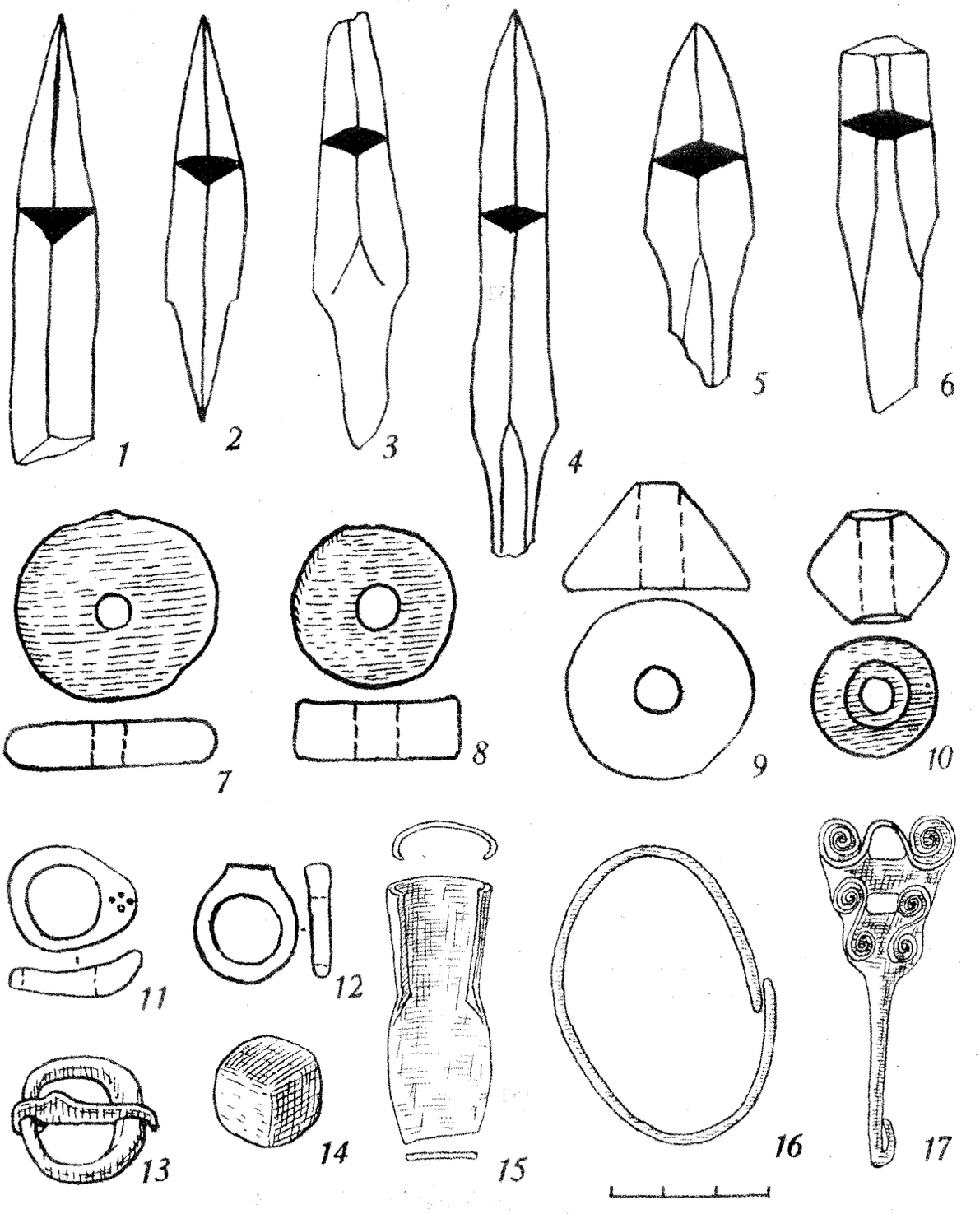


Рис. 4. Вещевой материал с Уфимского городища и могильника.
1-6 - наконечники стрел; 7-10 - пряслица; 11-12 - колечки; 13 - пряжка; 14 - пест; 15 - наконечник лемеха; 16 - браслет; 17 - колчанный крючок.
1-6, 11 - кость; 7-10 - глина; 12, 15 - железо; 13, 16, 17 - бронза; 14 - камень.

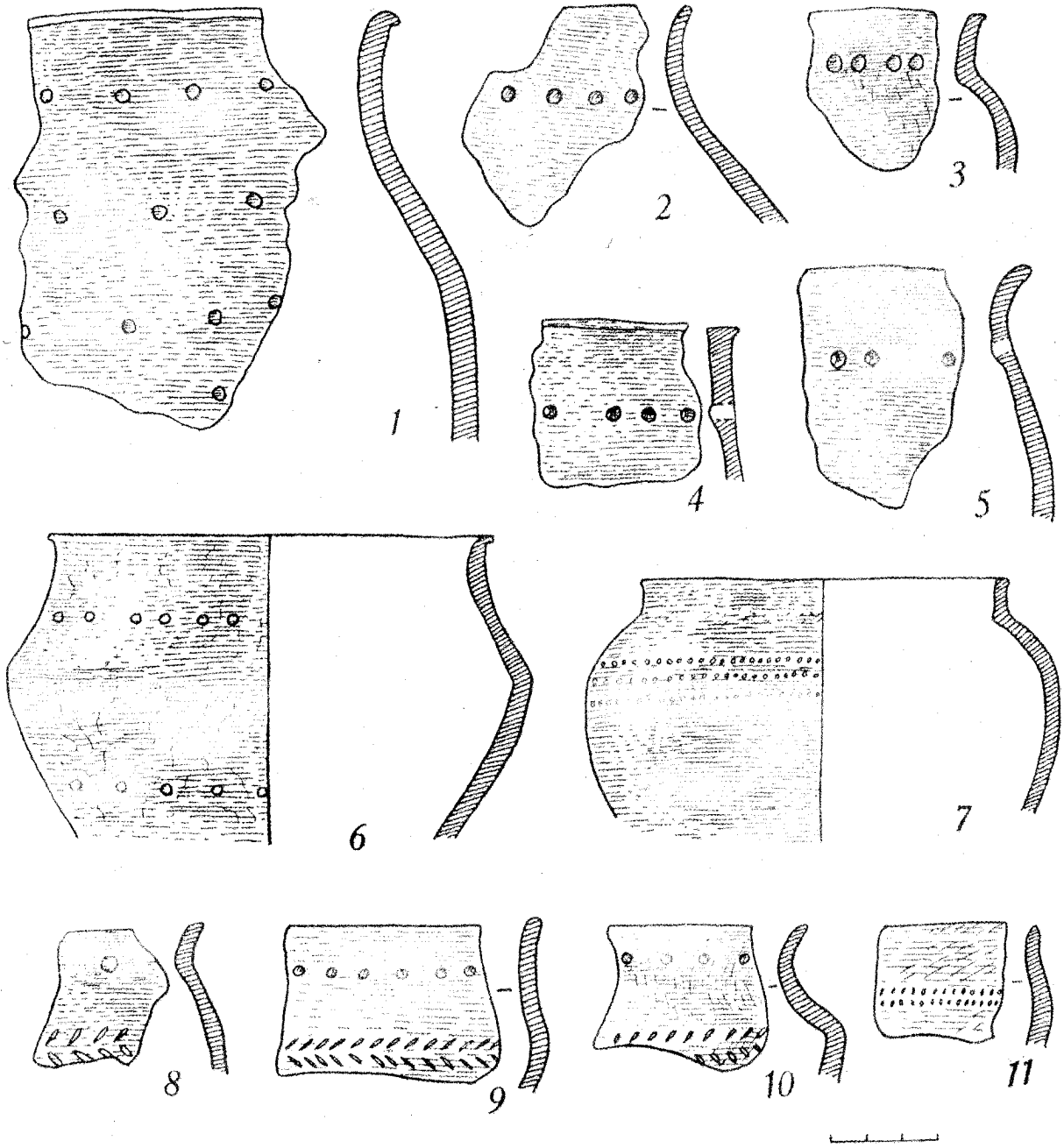


Рис. 5. Керамический материал бахмутинской культуры.

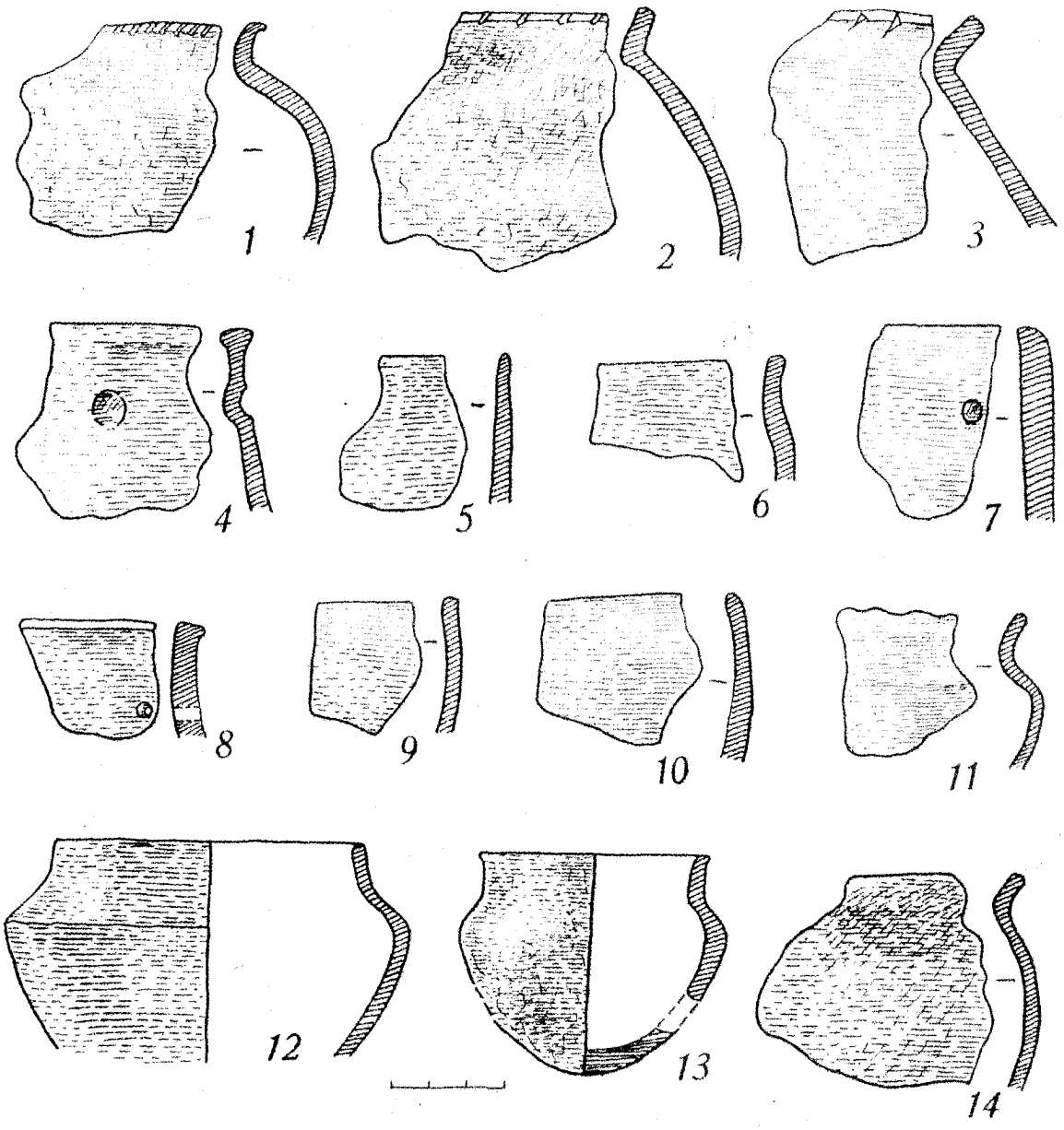


Рис. 6. Керамический материал бахмутинской культуры.

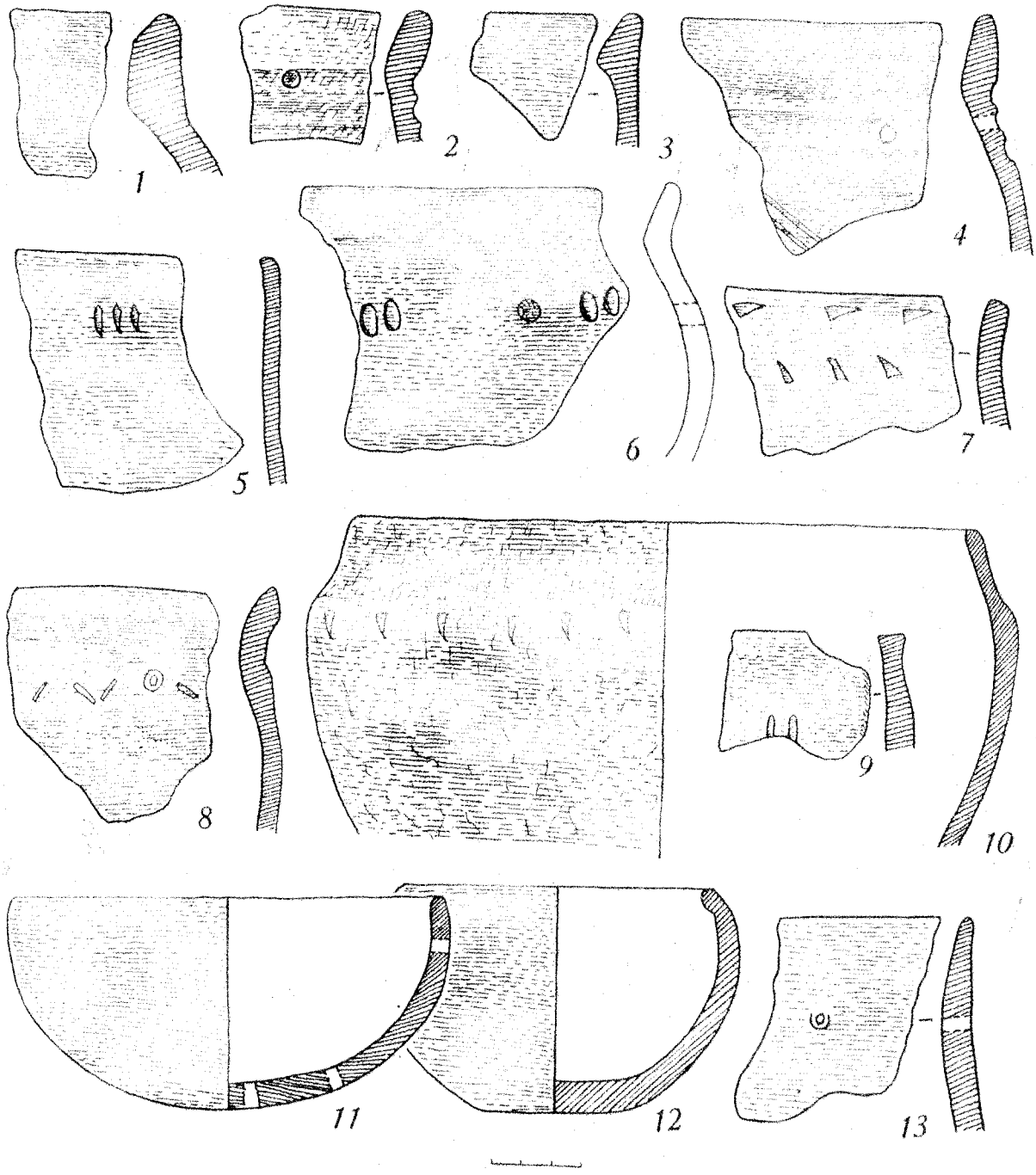


Рис. 7. Керамический материал кара-абызской культуры.

Б. Б. Агеев, *В. В. Овсянников*
(Уфа, ИИЯЛ УНЦ РАН)

КАМЫШИНСКОЕ II ГОРОДЩИЕ

В 1980 году отрядом Института истории, языка и литературы под руководством Б. Б. Агеева проводились полевые исследования на Камышинском II городище. Поселение расположено у д. Камышинка Бирского р-на РБ на мысу правого берега р. Белой, высотой около 80 м. Общая площадь городища составляет 125000 – 130000 кв.м. С напольной стороны поселение укреплено двумя линиями валов и рвов.

Впервые памятник упоминается в «Адрес-календаре Уфимской губернии» 1873 г. и в «Справочной книге Уфимской губернии» 1883 г. В 1958 году оно осматривалось А. П. Шокуровым (АКБ, 1976, с. 96, № 683). В 1978 году городище было осмотрено Б. Б. Агеевым и Н. А. Мажитовым. К этому времени значительная часть его площади перед первым валом была разрушена карьером для добычи камня. В отвалах карьера и на склонах городища была собрана небольшая коллекция керамики. В результате предпринятых мер, разработка карьера была запрещена. В 1980 году было заложено два небольших раскопа и двухметровой траншеей перерезан внутренний вал (рис. 1).

Раскоп I. Заложен на южной части городища, площадь 120 кв.м. Раскоп перерезал холм естественного происхождения. Культурный слой на площади раскопа распределялся неравномерно: на склонах холма мощность культурных остатков доходит до 50-60 см, а на его вершине их практически нет. На уровне материка выявлен зольный слой, содержащий кости животных и керамику. Мощность зольника 30-40 см, он незначительно углублен в материк. На глубине 36 см от современной поверхности в южной части зольника найден бронзовый кельт, являвшийся, видимо, браком, так как на нем есть трещина и не сняты заусенцы после литья. Здесь же найдены пять глиняных пряслиц. Из северной части зольника с глубины 80 см от современной поверхности происходят обломок тигля и бронзовая круглая бляшка с отверстием в центре.

В южной части раскопа за границей зольного слоя на глубине 65 см от поверхности найдены обломок каменного пряслица и развалы трех круглодонных сосудов с примесью раковины в тесте. Два развала глиняных сосудов с примесью песка были найдены на глубине 20 см от поверхности.

Раскоп II. Заложен недалеко от внутреннего вала, площадь 12 кв.м. Культурный слой по площади раскопа располагается равномерно и достигает 35-40 см. Находки состоят из обломков керамики и костей животных.

Вал. Траншеей 2 х 24 м был прорезан внутренний вал. Раскопками выявлено три горизонта. Ранняя оборонительная линия была небольших размеров. Вал - 5 м шириной у основания и 1.5 высотой; ров – 2 м шириной и около 0.5 м глубиной. Судя по слою золы с внешней стороны вала, наверху насыпи существовало деревянное укрепление, которое погибло во время пожара, и остатки его попали в ров. Об этом говорит отсутствие земляной подсыпки с внешней стороны вала. Более конкретных свидетельств о конструкции этого защитного сооружения в ходе раскопок получено не было.

Спустя некоторое время на том же месте была создана новая, более мощная оборонительная линия. Ее насыпь полностью перекрыла древний вал и ров. Слои золы и прослойки прокаленной глины показывают, что вновь построенная часть деревянного укрепления также была разрушена во время пожара.

К третьему горизонту относится мощный слой гумуса и прослойка прокаленной глины. Возможно, второй и третий горизонты относятся к гибели одного укрепления, поскольку в верхнем горизонте, несмотря на наличие мощного прокала, отсутствуют следы сгоревших органических остатков. Во втором же горизонте следы сгоревшего дерева имеются в изобилии. В пользу этого вывода говорит также отсутствие рва, относящегося ко второму горизонту. В то же время на примере приуральских городищ мы видим непременное присутствие рвов в оборонительных линиях. С нашей точки зрения, этапы возведения внутреннего вала выглядят следующим образом. Поверх ранней насыпи была возведена дерево-земляная конструкция, перекрывшая одновременно и древний ров. Перед новым укреплением на расстоянии 4-5 м был вырыт ров-водоотвод. В результате пожара это сооружение сгорело и, вероятно, рухнуло в напольную сторону, одновременно засыпав ров. Вероятно, какая-то, скорее всего, внешняя часть стены была укреплена глиняной обмазкой.

Наиболее массовым материалом в культурном слое городища являлись обломки керамической посуды. Она принадлежит к нескольким культурным группам.

Раннеананьинская керамика. Представлена 13 сосудами. В тесте имеется примесь раковины. Поверхность сосудов пористая от следов выгорания органической примеси. Орнамент состоит из ямок по шейке сосуда и горизонтальных оттисков шнура, дополненных косой сеткой и каплевидными вдавлениями. Форма восстанавливается у одного сосуда. Это миска с «закрытым» горлом и незначительно отогнутым венчиком (рис. 2, 1). У остальных сосудов фиксируется большая отогнутость венчика (рис. 2, 2-3). Основная масса раннеананьинской керамики найдена на всей исследованной площади городища, на уровне 2-го штыка.

Позднеананьинская керамика. Представлена 38 сосудами. В глине имеется примесь раковины, в

отличие от раннеананьинской керамики, поверхность сосудов ровная, хорошо заглаженная. Орнамент представлен пояском круглых ямок в сочетании с от 1 до 5 горизонтальных оттисков шнура по горлу сосуда. На некоторых обломках фиксируется воротничок. Форма восстановлена у 12 сосудов. 11 сосудов принадлежат к типу горшков с низким, невысоким горлом и слабовыраженным плечиком. У шести сосудов венчик отогнут наружу (рис. 2, 4-7). Четыре – имеют прямой венчик (рис. 2, 8-11). У одного – венчик имеет наклон вовнутрь. Один сосуд относится к типу «открытой» чаши (рис. 2, 11). Большинство позднеананьинской керамики найдено на глубине 2-го штыка по всей площади раскопов.

Кара-абызская керамика. Представлена 182 фрагментами. Примесь в глине – раковина. Поверхность гладкая, хорошо заглажена. Форма восстанавливается у 28 сосудов. 18 из них имеют форму горшка с невысоким горлом и слабовыраженным плечиком. 12 горшков имеют отогнутый наружу венчик (рис. 3). У 5 сосудов – прямой венчик (рис. 4, 1-5). Один горшок имеет венчик загнутый вовнутрь (рис. 4, 6). 10 сосудов имеют форму чаши. Три из них имеют венчик, отогнутый наружу – это «открытые» чаши (рис. 5, 7-9). Остальные – это «закрытые» чаши, имеющие венчик загнутый вовнутрь (рис. 4, 10-12). У двух сосудов восстанавливается форма днища (рис. 3, 10; 5, 10). Оно имеет округлую форму плавно переходящую в тулово. Отсутствие в керамическом комплексе обломков плоских днищ говорит о том, что остальные сосуды также имели днища округлой формы. Основная масса керамики встречена в 1-2 штыках. Орнамент сосудов отличается простотой и состоит из пояска круглых и бесформенных ямок или насечек на горле сосуда.

Бахмутинская керамика представлена 386 фрагментами. Примесью в глине служит песок с мелкими камушками. Для сосудов характерен поясок ямок по шейке или круглые наколы по всему тулову, часто в сочетании с насечками и гребенчатым орнаментом, встречаются сосуды украшенные только елочкой или только насечками. Некоторые сосуды имеют отпечатки волосяных волокон по шейке и гребенчатый орнамент. Форма восстановлена у 22 сосудов. 21 из них – горшки с невысоким горлом и слабо выделенным плечиком. 11 горшков имеют отогнутый наружу венчик (рис. 5). У остальных прямой венчик (рис. 6, 1-8). Один сосуд имеет форму чаши (рис. 6, 9). Эта группа керамики найдена только в раскопе I, большая часть обломков происходит с уровня 2-го штыка.

Кроме перечисленных групп керамики следует упомянуть единичные находки фрагментов сосудов курмантауского и гафурийского типов.

Индивидуальные находки происходят только с площади раскопа I. Все пряслица имеют круглую в плане форму и отверстие в центре. По материалу делятся на каменные и керамические. Каменные пряслица изготовлены из мягкого материала, возможно, известняка. В сечении они имеют подпрямоугольную форму (рис. 7, 1-2). Одно пряслице украшено орнаментом в виде трех S-видных фигур, расположенных вокруг отверстия, по краю дополнительно прочерчена одинарная линия (рис. 7, 1). Три остальных пряслица изготовлены из глины с примесью раковины. Два из них изготовлены из стенки глиняных сосудов (рис. 7, 3-4). Эти образцы имеют несколько вогнутый профиль и более тонкие стенки. Последнее, третье пряслице имеет овальный профиль и наибольшую толщину. По характеру внешней поверхности можно заключить, что этот экземпляр сформован из сырой глины, а затем обожжен. Датировать в узких пределах эти изделия достаточно сложно. Форма и примесь в глиняных пряслицах свидетельствует, что они изготовлены в ананьинско-кара-абызское время. Каменное пряслице с орнаментом типологически близко к орнаментированным пряслицам, встречающихся на поселениях кара-абызской культуры (Пшеничнюк А. Х., 1973, рис. 20, 16).

Экземпляры, аналогичные бронзовой круглой бляшке с отверстием, являются частой находкой в женских погребениях кара-абызской и пьяноборской культур, особенно в захоронениях II–III вв. н. э. (Агеев Б. Б., 1992, табл. 5, 7-8; Пшеничнюк А. Х., 1993, рис. 18-19).

Глиняный тигель довольно трудно с большой достоверностью отнести к тому или иному хронологическому периоду (рис. 7, 6). Предмет такого рода широко распространен в памятниках различных хронологических периодов.

Наиболее интересной находкой является бронзовый кельт (рис. 7, 8). Как уже говорилось – это производственный брак. Его находка вкупе с тиглем свидетельствует, что на городище существовал производственный комплекс по изготовлению бронзовых орудий. Возможно, слой зольника относится к этому комплексу. По типологии С. В. Кузьминых, этот экземпляр относится к группе ананьинских кельтов - тип КАН-60 (1983, с. 89). Он имеет шестигранную втулку, не орнаментирован. Аналогичные кельты найдены в Ананьинском, Зуевском и Скородумском могильниках. Погребальные комплексы этих могильников позволили определить С. В. Кузьминых дату этих кельтов не позднее V в. до н. э.

Условия находки бронзового кельта на Камышинском городище не дают возможности четко соотнести его с определенным керамическим комплексом. Трудность заключается в том, что при следовании традиционной датировке сложношнуровой раннеананьинской керамики VIII–VI вв. до н.э., бронзовый кельт не может быть соотнесен с этим комплексом. С другой стороны, имеющаяся на городище кара-абызская и позднеананьинская шнуровая керамика датируется в литературе не ранее IV в. до н. э. (Пшеничнюк А. Х., 1973, с. 206). Присутствие гафурийской керамики в слое Камышинского городища подтверждает эту дату. Иными словами датировка бронзового кельта «зависает» между комплексами раннеананьинской и кара-абызской керамики.

Раннеананьинская сложношнуровая керамика еще А. В. Збруевой датировалась VIII–VI вв. до н. э. В. Н. Марков на основе анализа погребального инвентаря прикамских раннеананьинских могильников предложил более позднюю дату появления сложношнуровой керамики в Прикамье – не ранее VI в. н.э. (1988, с. 101). Как доказано В. А. Ивановым, сложношнуровая керамика появилась в бассейне р. Белой уже в сложившемся виде (1982, с. 73). Поэтому вышеуказанную дату можно перенести и на бельскую раннеананьинскую керамику. Этому выводу не противоречит отнесение к VII-VI вв. до н. э. культурного слоя стоянки им. М. И. Касьянова, где в небольшом количестве найдена сложношнуровая керамика (Иванов В. А., 1977, с. 96-99). К сожалению, на других памятниках Прибелья со сложношнуровой керамикой датирующие предметы отсутствуют. Находка бронзового кельта V в. до н. э. в слое Камышинского городища позволяет расширить дату бытования сложношнуровой керамики в Прибелье в пределах VI–V вв. до н. э.

Собранный на городище материал свидетельствует, что постоянное поселение здесь возникло в раннеананьинское время, то есть в период VI–V вв. до н.э. Возможно в это время возникает укрепление первого горизонта, хотя в раннеананьинский период часто встречаются и неукрепленные поселения, правда расположенные на естественно укрепленных высоких местах. Последние характерны как раз для территории Прибелья (например: Бирское поселение и стоянка им. М. И. Касьянова).

Следующий этап в жизни поселения приходится на период IV в. до н. э. – III в. н. э. – то есть на время бытования кара-абызской керамики. Первый горизонт вала можно с равной степенью вероятности отнести к кара-абызскому времени. Наличие позднеананьинской и гафурийской керамики в сочетании с круглой бронзовой бляшкой указывает на длительность проживания на городище кара-абызского населения, обитавшего здесь возможно на протяжении всего периода существования одноименной культуры.

Последний этап жизни городища связан с бахмутинским периодом (III–VII вв. н. э.). В это время была заселена лишь внутренняя, мысовая площадка городища и было возведено мощное укрепление на внутреннем валу, после гибели которого жизнь на поселении не возрождалась.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агеев Б. Б., 1992. Пьяноборская культура. Уфа.

АКБ, 1976. Археологическая карта Башкирии. М.

Иванов В. А., 1977. Некоторые предварительные замечания о хронологии и периодизации культуры курмантау // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья. Куйбышев.

Иванов В. А., 1982. Проблема культуры курмантау // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа. Уфа.

Кузьминых С. В., 1983. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке. М.

Марков В. Н., 1988. О происхождении и культурной принадлежности вятских городищ ананьинского времени // Памятники первобытной эпохи в Волго-Камье. Казань.

Пшеничнюк А. Х., 1973. Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АОБ. Т. 5. Уфа.

Пшеничнюк А. Х., 1993. Хронология и периодизация погребальных комплексов Охлебининского могильника // Хронология памятников Южного Урала. Уфа.

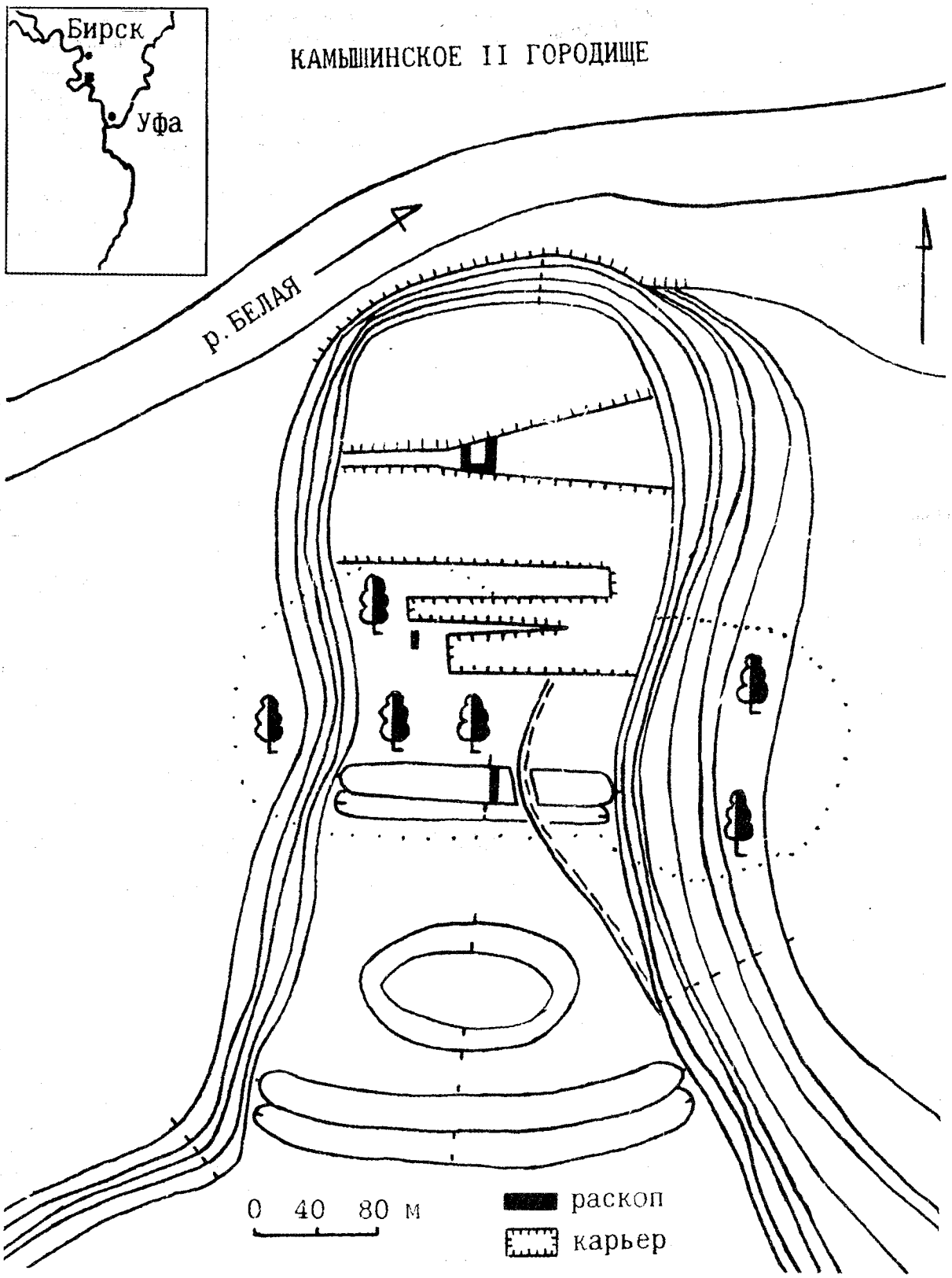


Рис. 1. План Камышинского II городища.

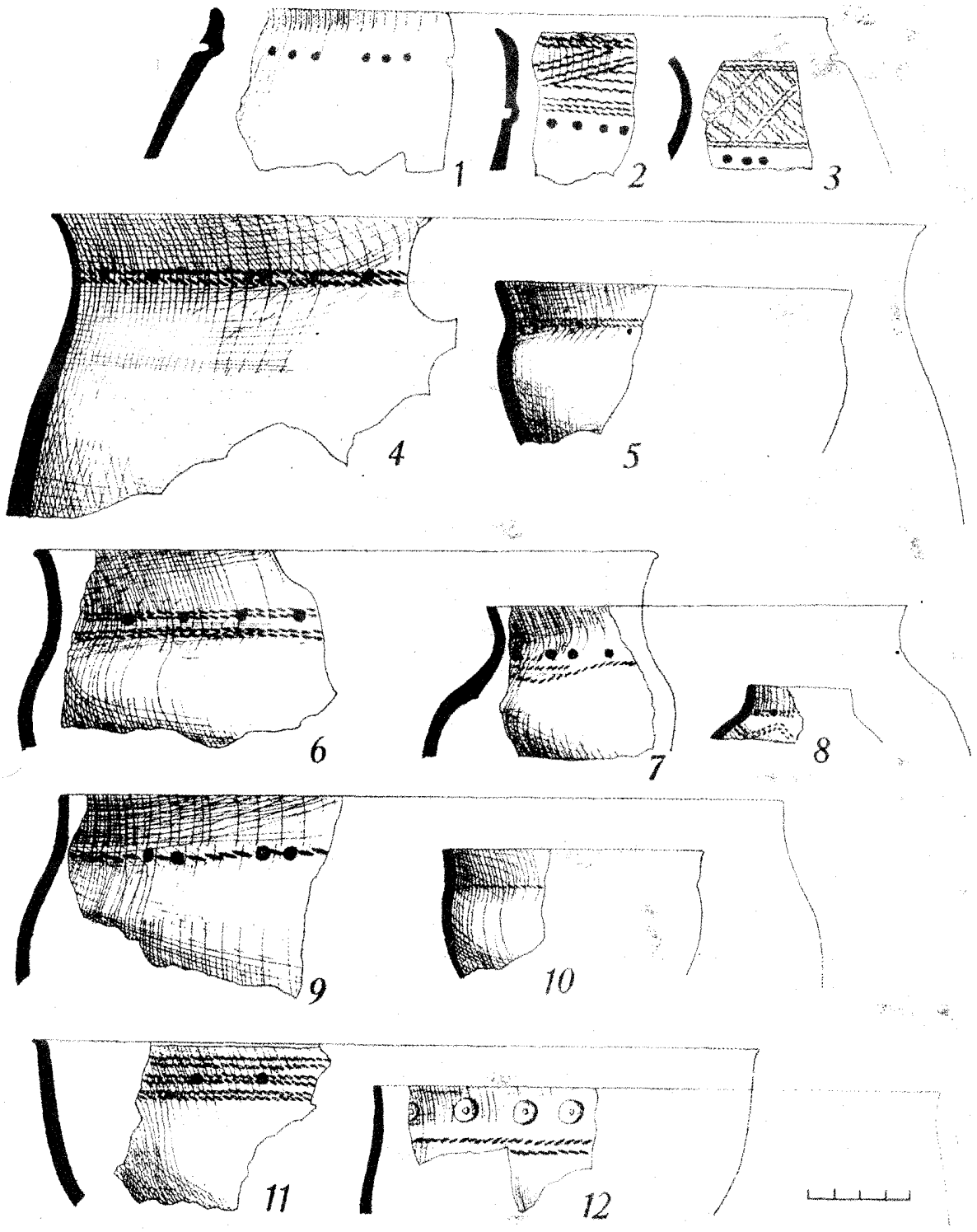


Рисунок 2. Керамика аианьинского типа.
1-3 раннеананьинская, 4-12 - позднеананьинская

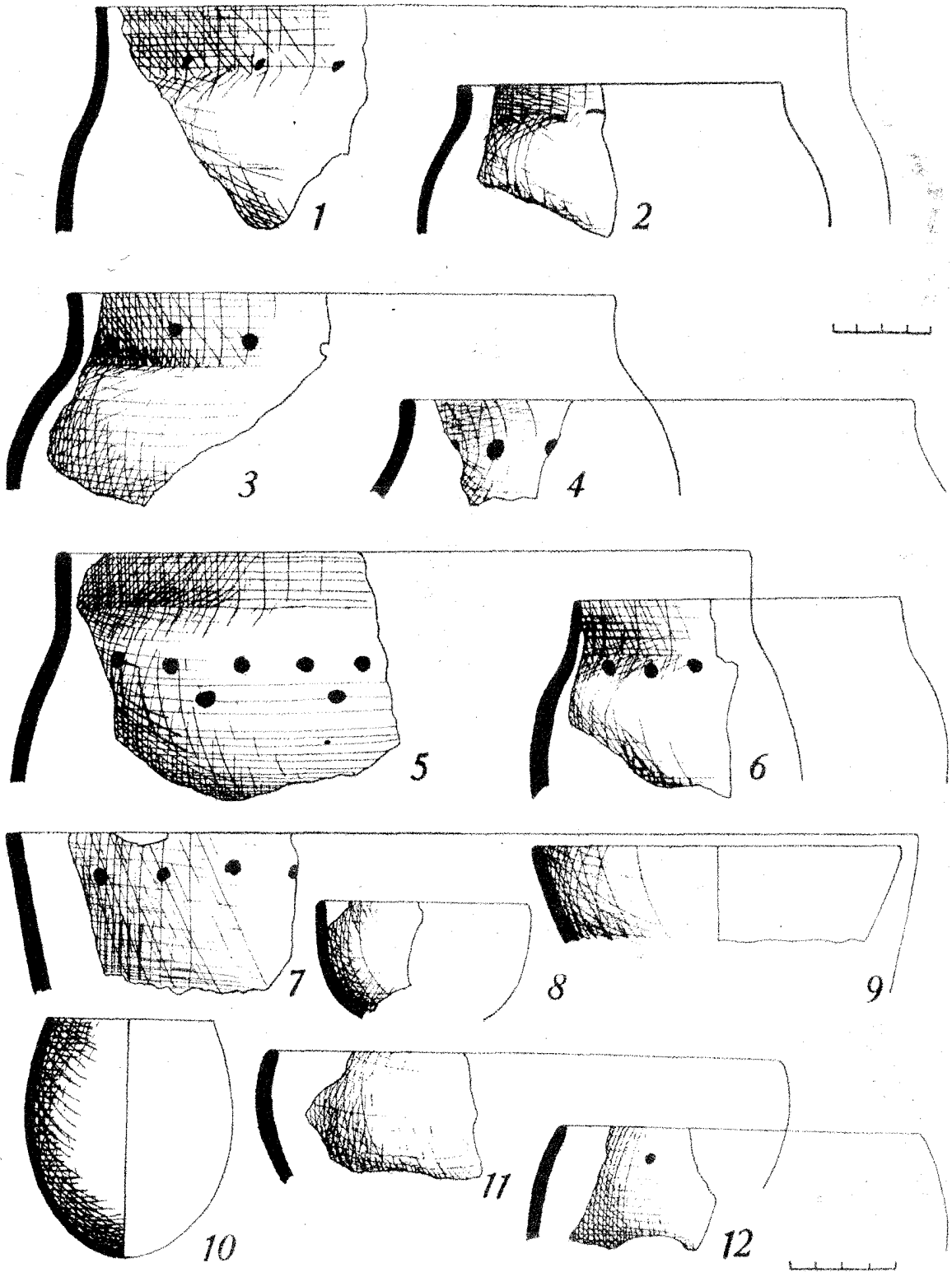


Рис. 5. Керамика бахмутинского типа.

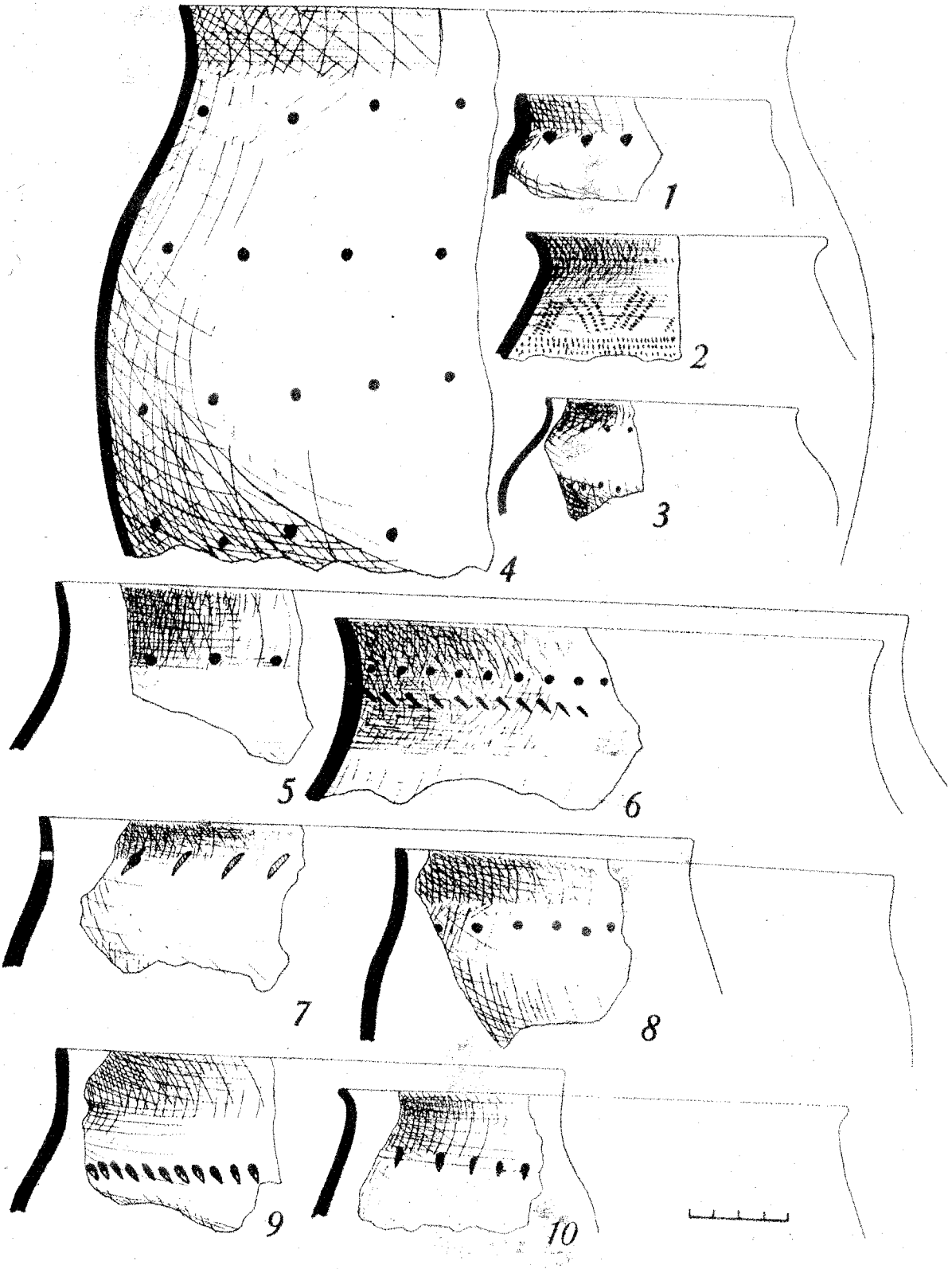


Рис. 6. Керамика бахмутинского типа.

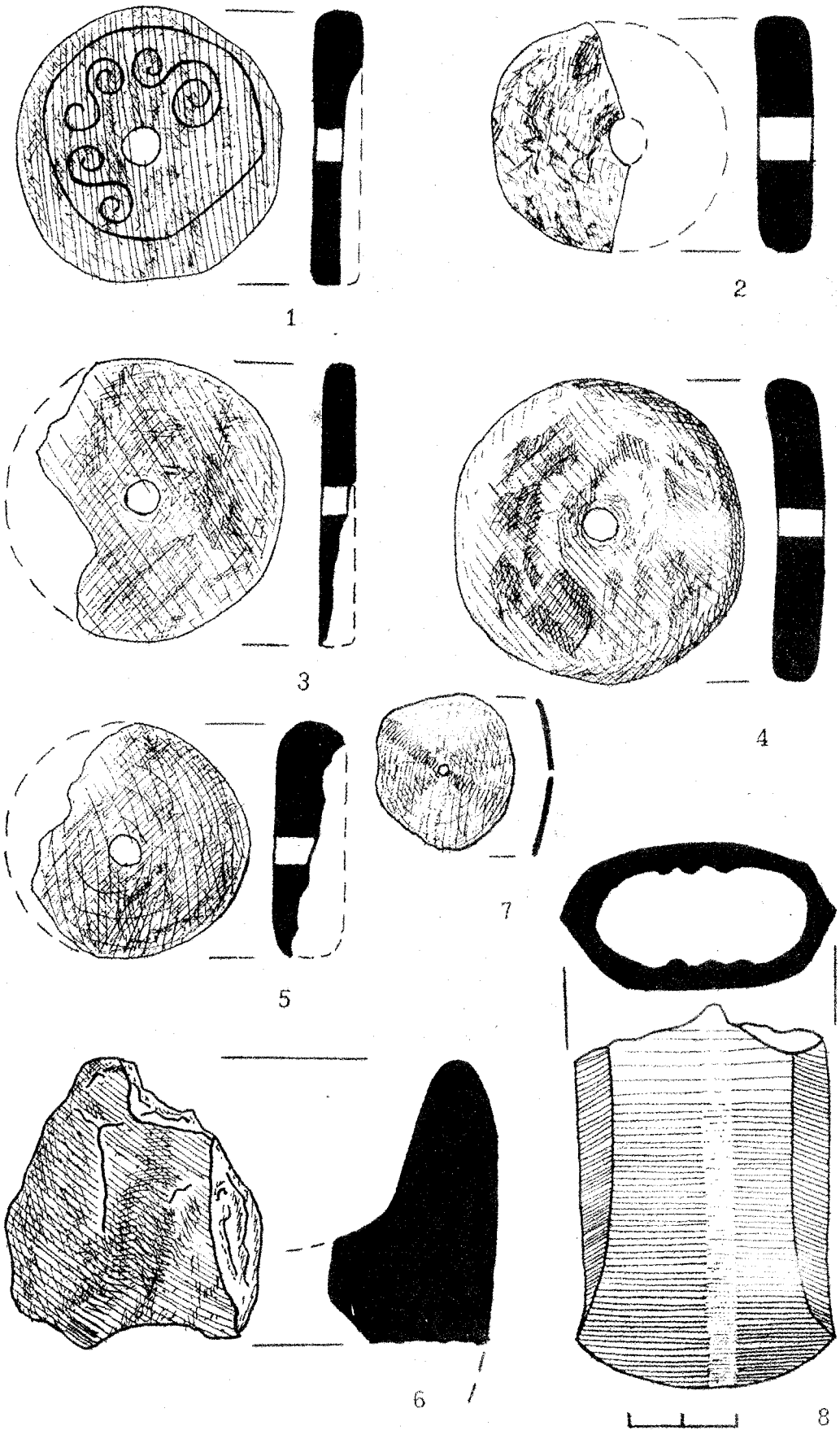


Рис. 7. Индивидуальные находки.
1-2 - камень, 3-6 - глина, 7-8 - бронза.

В. В. Овсянников, Ф. М. Тагиров
(Уфа, ИИЯЛ УНЦ РАН)

ГОРОДИЩЕ КАКРЫ-КУЛЬ (СТАРО-МУШТИНСКОЕ)

Городище Какры-Куль было открыто в 1956 г. в результате разведок, проведенных А. П. Шокуровым. В 1964 г. памятник осматривался А. Х. Пшеничнюком и А. М. Кинжабаевым (АКБ, 1976, с. 75). Ими на городище была собрана керамика позднеананьинского и бахмутинского типов. В 1968-1969 гг. при раскопках поселения Какры-Куль эпохи поздней бронзы городище осматривалось И. Б. Васильевым. В 1988 г., в ходе охранных работ экспедиции БГУ в зоне Нижнекамского водохранилища, отрядом Ф. М. Тагирова на площадке городища были заложены два небольших раскопа. В 1993 г. отрядом экспедиции ИИЯЛ под руководством Г. Н. Гарустовича и В. В. Овсянникова был заложен раскоп на внешнем валу городища. Целью данной статьи является введение в научный оборот материалов, полученных в ходе раскопок площадки и оборонительных сооружений.

Городище Какры-Куль находится в Краснокамском р-не РБ, в 1 км к В от д. Старая Мушта. Памятник расположен на мысу коренной террасы правого берега р. Белой высотой 18 м с В стороны и 14 м с Ю. Это место у местного населения получило наименование горы Ахтям-тау. С В стороны к мысу примыкает старичное озеро Шешне-куль. Площадка городища имеет трапециевидную форму и занимает около 11000 кв.м. С В и с Ю площадка ограничена крутыми склонами. С З стороны площадь разделяется логом, глубиной ок. 4 м и протяженностью до 60 м, нивелирующимся в восточной части.

С северной, напольной стороны, площадка защищена дугообразной линией вала и рва, начинающейся от вершины восточного склона горы в направлении В-З, с постепенным поворотом на Ю. Таким образом, валом защищена и часть западной площадки. Ров, также начинающийся с восточной оконечности городища, и проходящий параллельно валу, заканчивается у поворота вала на Ю. Длина вала 169, рва – 107 м. Высота вала от уровня напольной стороны у З склона равна 1,5, ширина его 9,0, глубина рва 0,9, ширина 5,0 м. На месте поворота на восток вал имел высоту 2 м, сохраняя эту высоту до конца. В западной части вала и рва имеется проход шириной 4 м.

Однако в описании памятника, составленном предыдущими исследователями, сообщалось о двух валах на Какры-Кульском городище: внешнем и внутреннем. Площадка городища к моменту раскопок была распахана и засажена соснами. Распашкой был деформирован вал, описанный выше. Судя по плану, составленному и описанному В. А. Ивановым (1984, рис. 15, 2), это внешний вал. Внутренний вал делил площадку городища на две примерно равные части. К моменту раскопок 1988 г. внутренний вал визуально не фиксировался, так как был распахан. На примерном месте расположения внутреннего вала была выявлена небольшая ложбинка, глубиной не более 0,2 м. Вероятно, это следы рва (рис. 1).

Общая площадь раскопов I и II составила 248 кв.м (рис. 2, 3). Стратиграфия по всей площади раскопа проста: дерн – 0,05 до 0,15 м, под ним черный гумус, мощностью 0,2-0,5 м, ниже залегала золистая супесь светло-серого цвета, доходящая до 0,55 м, подстилаемая темно-красной материковой глиной. Мощность культурного слоя относительно невелика, в среднем 0,35-0,4 м, но заметно возрастала к В склону площадки. Эскарпированности границ склона замечено не было. На исследованной площади на уровне материка выявлены остатки каких-то сооружений, сохранившиеся в виде многочисленных ям различных размеров и форм. Подавляющее их большинство (142) имеют сравнительно малые размеры (в среднем до 15 см) и составляют линии до трех рядов (раскоп I) вдоль восточного склона. Они являются, скорее всего, столбовыми ямками. Вероятно это следы ограды по периметру городища. 29 ям отличны от остальных наличием находок и параметрами.

Заполнение ям – черный гумус; в ямах 2 и 7 встречены угольки. Из 29 ям выделено 20, содержащих вещественный материал, причем в 5 из них находились индивидуальные находки. Помимо индивидуальных находок, в ямах встречены кости животных и камни. Преобладал же в ямах керамический материал.

Таблица 1. Характеристика ям

№ ямы	размер ям в м	Форма ям	глубина в м	форма дна
1	0,70 х 0,70	Округлая	0,90	округлая
2	0,28 х 0,25	Овальная	0,13	овальная
3	0,29 х 0,32	Округлая	0,08	«–»
4	0,60 х 0,60	«–»	0,45	«–»
5	1,30 х 1,45	«–»	0,80	«–»
6	0,50 х 0,50	«–»	0,20	«–»

7	1,20 x 0,80	Овальная	0,45	«–»
8	1,10 x 0,80	«–»	0,35	«–»
9	0,30 x 0,20	«–»	0,10	«–»
10	1,60 x 0,55	«–»	0,30	«–»
11	0,60 x 0,55	Округлая	0,30	«–»
12	0,30 x 0,45	Овальная	0,18	«–»
13	0,30 x 0,35	«–»	0,16	«–»
14	0,30 x 0,30	Округлая	0,18	«–»
15	0,30 x 0,25	«–»	0,17	«–»
16	1,90 x 0,90	Овальная	0,80	«–»
17	1,70 x 1,60	Округлая	0,85	«–»
18	0,25 x 0,25	«–»	0,10	«–»
19	1,10 x 0,75	Овальная	0,38	овальная
20	1,10 x 0,90	«–»	0,30	«–»
21	1,00 x 2,00	Ромб	0,65	«–»
22	1,30 x 1,20	Округлая	0,65	округлая
23	0,18 x 0,16	«–»	0,12	«–»
24	0,18 x 0,17	«–»	0,11	«–»
25	0,20 x 0,19	«–»	0,13	«–»
26	1,95 x 1,45	Подтреуг.	1,20	«–»
27	0,90 x 1,10	Овальная	0,25	овальная
28	1,15 x 1,75	Округлая	0,50	«–»
29	0,65 x 0,72	Округлая	0,09	округлая

На валу и рву вскрыто 84 кв.м. Раскоп III был разбит на месте прохода и ориентирован перпендикулярно линии вала и рва. В результате оборонительная линия городища была исследована на протяжении 6 м (рис. 4, Б). Стратиграфия раскопа достаточно сложная. Сверху слой дерна толщиной 0,10-0,15 м; во рву дерн достигает мощности 0,6 м. В районе вала под дерном зафиксированы мощные следы пожара: линзы обожженной глины, перемешанной с гумусом; красного песка и углей. Общая толщина этих прослоек достигала 1,0 м (рис. 7, А). В этом слое, на глубине 0,2-0,4 м от современной поверхности, залегали сгоревшие бревна. Бревна лежали горизонтально, параллельно линии вала в два слоя и имели вид помоста, выложенного под насыпью вала (рис. 7, Б). Над бревнами и между ними были найдены обломки керамики бахмутинского (чандарского) типа. Во рву следы пожара не прослеживались, лишь на внешней стороне рва зафиксирована небольшая прослойка обоженной глины с примесью гумуса.

Непосредственно под линзами золы и обожженного грунта находилась прослойка супеси серого цвета. В этом слое были найдены обломки керамики пьяноборского и мазунинского типов и кости животных. Вероятно, это погребенный культурный слой, накопившийся до появления верхних прослоек, относящихся к пожарищу. Во рву этот слой не зафиксирован.

Под супесью залегал слой серого гумуса со значительной примесью песка. Этот слой, мощностью 0,2 м был распространен по всей площади раскопа. Во рву он достигал 0,7-0,75 м. В этом слое была найдена керамика позднеананьинского типа. Во рву, на границе этого слоя и гумуса, были найдены крупные фрагменты сосудов мазунинского типа (рис. 7, 6-7).

Анализ стратиграфии позволяет сделать вывод о двух горизонтах в слое вала и рва городища Какры-Куль. Нижний горизонт представлен снивелированными остатками вала (серый гумус с песком). Ров вырыт одновременно с этим валом. В это же время он достигал глубины 1,15 м от уровня материка. По находкам обломков глиняных сосудов этот горизонт может быть отнесен к позднеананьинскому времени.

Какое-то время поселение функционировало без укреплений. В этот период накопился культурный слой, мощностью 0,25 м. Ров использовался как место для мусора. По керамике этот период относится к пьяноборско-мазунинскому времени.

Верхний горизонт представляет наибольший интерес, так как здесь удалось выявить конструктивные особенности оборонительных сооружений, погибших во время пожара. Этот горизонт по находкам чандарской керамики можно датировать V-VII вв. Подробный анализ конструкции верхнего горизонта будет приведен ниже.

Основную часть находок с городища составляют обломки глиняных сосудов. С трех раскопов собрано около трех тысяч фрагментов, из которых выделяется более 210 сосудов. По форме, орнаментации, составу теста керамика подразделяется на 4 культурные группы.

Первая группа (реконструировано 30 сосудов) представлена круглодонной посудой от красновато-оранжевого до коричневатого цвета с примесью толченых раковин. Поверхность сосудов, в основном, хорошо заглажена. Керамика представлена:

сосудами с прямой или чуть отогнутой наружу шейкой и уплощенным, несколько выступающим венчиком (рис. 5, 1,2,4; 7, 1); сосудами с высокой прямой шейкой и широким «воротничком» по шейке (рис. 5, 3). Все они украшены орнаментом в виде параллельных оттисков шнура в сочетании с рядом ямок по шейке, в основном, по верхней линии. Преобладает керамика с уплощенным срезом венчика и с «воротничком» по шейке, но встречаются также фрагменты с округлым срезом венчика. Эта группа ананьинской керамики датируется VI-III вв. до н. э., но в основной массе относится к ныргындинскому, IV этапу ананьинской культуры, датирующемуся IV-III вв. до н. э. (Ашихмина Л. И., 1977, с. 141-154).

Ко второй группе (фрагменты от 90 экземпляров) относятся сосуды в форме круглодонных чаш с высокими и отогнутыми шейками, уплощенными, реже закругленными венчиками. В составе теста примесь мелкоистолченных раковин. Посуда сероватого (реже – черного) цвета, с довольно плотной фактурой, вылеплена ленточной техникой. Представлены: сосуды, украшенные по шейке рядом круглых ямок (рис. 5, 5-7; 7, 4); с добавлением выделенного пояска (рис. 5, 11); с косыми насечками по венчику (рис. 5, 9); керамика без орнамента (рис. 5, 8,10). Эту керамику можно отнести к пьяноборской культуре и датировать II в. до н. э. – III в. н. э.

К третьей группе (фрагменты от 82 экземпляров) относятся сосуды, содержащие в глиняном тесте примесь песка, мелких камешков и, изредка, толченой раковины и остатков органики. Поверхность их заглажена, но из-за крупной примеси, часто неровно. У большинства сосудов переход от шейки к плечикам очень плавный. Реже встречаются горшки с ребром при переходе от шейки к тулову (рис. 6, 4,9). Форма сосудов реповидная или шаровидная, днище – округлое. Верхний срез венчиков округлый, уплощенный или же деформирован насечками. Большая часть сосудов орнаментирована: косыми насечками по венчику и орнаментом на плечиках в виде резной горизонтальной елочки или насечек (рис. 6, 2,3; 7, 5); косыми насечками по венчику, нанесенными по внешней стороне и с рядом круглых ямок на горловине или без них (рис. 6, 6; 7, 2,3); овальными вдавлениями по венчику (рис. 6, 1,4,5); одним рядом круглых ямок по шейке (рис. 6, 7); сосуды без орнаментации (рис. 6, 8,9; 7, 6,7). Аналогичная керамика относится к мазунинской (раннебахмутинской) культуре III-V вв. н. э.

Четвертая группа (фрагменты более чем от 10 сосудов) представлена открытой круглодонной посудой с плоскими или закругленными венчиками, с прямыми или отогнутыми наружу шейками, с примесью в тесте песка, дресвы, реже – раковины. Орнамент представлен круглыми ямками, расположенными беспорядочно или рядами по всему тулову (рис. 7, 8,9) и косыми насечками по венчику (рис. 6, 10,11). Подобная керамика относится к чандарскому типу, датирующемуся V-VII вв. н. э.

В раскопах I, II керамика по площади располагается довольно равномерно. Несмотря на некоторое смешение слоев, достаточно четко фиксируется преобладанием ананьинской и пьяноборской керамики в нижнем горизонте и, соответственно, мазунинской и бахмутинской керамики в верхнем.

Таблица 2. Соотношение керамики (по культурам) по слоям.

Культура	Ананьинская		пьяноборская		мазунинская		бахмутинская	
штыки	I	II	I	II	I	II	I	II
орнамент.	12	10	50	28	42	16	2	2
неорнам.	3	6	12	7	25	4	1	3
орнамент.	12	10	21	17	18	20	118	63
неорнам.	198	549	139	220	280	113	530	10
днища	–	2	1	-	–	–	15	–
всего:	225	577	223	272	265	153	666	78

итого: 2 559 экз.

Индивидуальные находки в культурном слое городища представлены глиняным пряслицем, костяным наконечником стрелы, каменным молотом, шлаками, слитками железа и обломками предметов из железа. Пряслице орнаментировано тремя ямочными наколами; имеет овальный профиль (рис. 8, 5). Наконечник стрелы трехгранный, со слабо намеченным переходом к черешку. Черешок сточен к основанию, ромбический в сечении (рис. 8, 3). Каменный молот имел подтреугольную форму, сохранился в обломке длиной 15 см; его высота до 11 см. В сечении: у основания – подтреугольный, у вершины – округлый. На всех трех гранях имеются нарезки шириной около 3,5, глубиной до 0,5 см, служащие для крепления рукояти. У основания орудия имеется скошенная подтреугольная плоская площадка, служившая ударной частью. Края ее сбиты в работе, а на площадке заметны мелкие щербины (рис. 8, 6). Согласно мнению В. Ф. Генинга таким молотом, укрепленным на рукояти, можно проковывать железные крицы после варки (Генинг В. Ф., 1980, с. 103).

В яме 1 найдено пряслице, изготовленное из глины; в разрезе полусферическое (рис. 8, 4). В яме 17

обнаружены изготовленные из камня два песта и обломок оселка. Первый пест имеет форму приплюснутого с двух сторон шара. Имеется ложбинка для пальцев. Рабочая поверхность плоская и несколько выщерблена (рис. 8, 1). Второй пест имеет шаровидную форму с тремя ложбинками для пальцев. Рабочая поверхность выпуклая и довольно гладкая (рис. 8, 2). Обломок оселка имеет подтреугольную форму. Сохранившееся ребро имеет подтреугольную форму. На рабочей поверхности заметны следы, оставшиеся после заточки орудий. Имеется недосверленная ямка, глубиной 0,2 см (рис. 8, 7). В яме 21 найден кусок шлака, образовавшийся в процессе варки железа. В яме 26 помимо 4 кусков шлака обнаружен обломок железного изделия в форме скобы. Обломок грузила, изготовленный из красного песчаника, найден в яме 28. Грузило подтреугольной формы с нарезкой на сохранившейся грани. Находки шлаков и 2-х слитков железа свидетельствуют о том, что металл обрабатывался на месте, причем выявление их в верхних слоях позволяет говорить о более интенсивном использовании металла в мазунинскую и бахмутинскую эпоху. Вызывает интерес концентрация шлаков, кусков железа и обломков железных изделий в районе ямы 26, что указывает на возможное использование ее в металлургическом производстве.

Керамический материал, найденный в ямах, дал возможность определить время их сооружения и использования. Выявлен 401 фрагмент от предположительно 63 сосудов. Судя по ананьинской керамике, находящейся в нижнем слое ямы 26, она функционирует с этого времени и последовательно используется, наряду с ямами 1, 4, 5, 17, 21, 29, пьяноборскими, мазунинскими и бахмутинскими племенами. Единичные фрагменты керамики ананьинской культуры в ямах 1 и 5 попали туда, видимо случайно. Время эксплуатации большинства ям (2, 7, 8, 11, 12, 16, 24) ограничивается мазунинским временем. Ямы 20, 22, 25 начинают использоваться в раннее средневековье. Ямы 3, 28 эксплуатировались лишь мазунинским, а яма 23 – бахмутинским населением.

Таблица 3. Соотношение групп керамики (по культурам) в ямах.

№ям	культура	Венчики		стенки		всего
		орнам.	Неорнам.	орнам.	неорнам.	
1	А	1	–	–	–	1
	П	–	–	1	1	2
	М	–	–	2	15	17
	Б	–	–	9	–	9
2	П	–	–	–	1	1
	М	2	1	–	3	6
3	М	–	–	–	3	3
4	П	2	1	–	16	19
	М	6	–	–	4	10
	Б	–	–	4	–	4
5	А	–	–	1	–	1
	П	3	2	1	25	31
	М	2	4	2	7	15
	Б	1	–	20	7	28
7	П	–	–	–	3	3
	М	2	1	1	6	10
8	П	–	–	1	10	11
	М	2	–	1	8	11
11	П	3	–	–	2	5
	М	–	–	3	1	4
12	П	–	–	–	2	2
	М	–	–	–	1	1
16 I сл.	П	–	2	–	7	9
	М	–	–	1	5	6
16 II сл.	П	–	–	2	6	8
	М	2	1	–	3	6
17	П	–	–	–	3	3
	М	–	1	–	1	2
	Б	1	–	2	1	4
20	М	2	–	–	–	2

I сл.	Б	–	–	1	3	4
20	М	–	1	1	4	6
II сл.	Б	–	–	5	9	14
21	П	–	–	–	7	7
	М	2	–	–	1	3
	Б	–	–	1	–	1
22	М	2	1	–	2	5
	Б	–	–	4	4	8
23	Б	–	–	1	–	1
24	П	–	–	–	2	2
	М	–	–	–	1	1
25	М	–	–	–	2	2
	Б	–	–	1	–	1
26	П	–	–	–	14	14
I сл.	М	–	–	3	12	15
	Б	1	–	–	5	6
26	А	–	–	1	10	11
II сл.	П	4	2	5	4	15
	М	2	1	4	11	18
	Б	1	1	3	4	9
28	М	1	–	2	6	9
29	П	–	–	–	1	1
	М	2	–	–	7	9
	Б	–	–	2	4	6

Итого: 402.

(А – ананьинская, П – пьяноборская, М – мазунинская, Б – бахмутинская культуры).

По вскрытым остаткам, укрепление бахмутинского времени реконструировано нами следующим образом. В выровненную и частично снивелированную древнюю насыпь были вбиты вертикальные столбы диаметром 0,5 на глубину 0,5-0,6 м. Столбы были расположены в два ряда с таким расчетом, чтобы толщина будущей стены была 1,3 м. Затем с внутренней стороны столбов были уложены горизонтальные бревна диаметром 0,2-0,25 м. Судя по остаткам коры, были использованы лиственные породы (береза или осина). Одновременно с укладкой бревен производилась забутовка грунтом пространства между рядами бревен и столбов. Горизонтальные бревна при этом к столбам и друг к другу никак не крепились (зафиксированы ровные опиленные концы бревен). Они удерживались давлением грунта, который должен был быть тщательно утрамбован (рис. 4, 3).

Первоначально нам представлялось, что два слоя сгоревших бревен являются остатками внешней и внутренней стены. Однако в целях проверки данной реконструкции был построен макет укрепления, представляющий уменьшенную копию раскопанного укрепления. Нами была возведена стена шириной 1,3 м, опорные столбы были расставлены на том же расстоянии. Последние имели диаметр 0,2-0,25 м и были врыты в грунт на 0,5 м. Горизонтальные бревна имели диаметр 0,1-0,15 м и длину 1,3 м и были заготовлены из сухой осиновой и березовой древесины. В результате был возведен участок стены длиной 3 м и высотой 1,5 м. Для создания стратиграфической картины, близкой к остаткам укреплений на Какры-Кульском городище, построенный макет был подожжен с условной внешней стороны. При наблюдении за процессом сгорания сооружения было установлено, что при пожаре стена осыпается поэтапно. Вначале обгоревшие вертикальные опоры под давлением забутовки и горизонтальных бревен наклоняются под углом не более 20. Вследствие этого горизонтально уложенные бревна под собственным весом оседают и осыпаются в два слоя. При этом часть горизонтальных бревен подвергается действию огня лишь частично, тогда как вертикальные столбы сгорают практически полностью. Та же картина прослежена и при исследовании городища Какры-Куль. Здесь горизонтальные бревна задеты огнем лишь частично, а столбы сохранились в виде древесного угля. После полного выгорания внешнего панциря, выяснилось, что слежавшаяся даже за небольшой срок (две недели) забутовка не осыпается вслед за деревянной конструкцией. Забутовка исполняет роль огнеупорной прослойки между двумя деревянными панцирями, защищая внутренний от воздействия огня, если горит внешний, и наоборот.

Во время постановки эксперимента были выявлены следующие моменты. Во-первых, остатки расчищенных нами сгоревших бревен и столбов являются остатками только внешнего панциря. Судя по количеству бревен, расчищенных при раскопках и составлявших одну секцию стены (около 20) и их

диаметру (0,2-0,25 м), высота стены достигала не менее 4-5 м. Во-вторых, то обстоятельство, что внешний панцирь рухнул вперед, свидетельствует об отсутствии каких-либо подпорок или грунтовых подсыпок перед стеной. В-третьих, как и во время эксперимента, внутренний панцирь какры-кульских укреплений не был задет огнем (во всяком случае, в районе центрального въезда). Бревна этого панциря истлели позднее, и следы этого процесса зафиксированы в виде незначительного слоя древесного тлена в верхней части насыпи, куда они попали в результате нарушения древних слоев поздней распашкой. В-четвертых, исходя из высоты стены, можно сделать вывод о существовании у внутреннего панциря конструкции типа забора или, что более вероятно, грунтовой подсыпки для защитников стены. Возможно, внутренний панцирь, находясь между двумя грунтовыми опорами, не мог загореться и рухнуть, а просто сгнил от времени после запустения поселения. И, наконец, в-пятых, стена Какры-Кульского городища была подожжена с внешней стороны, и после этого пожара укрепление не было восстановлено. Хотя, как мы знаем, внутренний панцирь не мог быть разрушен вследствие пожара, забутовка также страдает незначительно. Восстановление этих разрушений не могло потребовать больших затрат времени и сил. Однако этого не произошло, из чего можно заключить, что поселение погибло во время военного конфликта.

Конструкция прохода на Какры-Кульское городище остается неясной. Можно лишь отметить отсутствие стены на участке шириной 2,6 м, который не совсем точно соответствует перемычке на рву. В этом пространстве найдено три поперечных бревна длиной около 1м и большое количество сгоревших тонких прутьев.

Исследование вала Какры-Кульского городища позволило впервые на материалах Башкирии выявить конструктивные особенности оборонительных сооружений V-VIII вв. Для бахмутинского времени это деревоземляная двухпанцирная стена с напольной стороны и однорядная бревенчатая конструкция по всему периметру поселения с мысовой стороны. Для Приуралья подобные конструкции являются пока редкостью. В Зауралье двухпанцирные конструкции фиксируются уже на гороховских и воробьевских городищах.

Судя по керамическому материалу, городище Какры-Куль последовательно заселялось ананьинскими, пьяноборскими, мазунинскими и бахмутинскими племенами. Время функционирования городища – с середины I тыс. до н.э. по VII в. н.э.

ЛИТЕРАТУРА

АКБ, 1976. Археологическая карта Башкирии. М.

Ашихмина Л. И., 1977. Городище Каменный Лог ананьинской культуры Среднего Прикамья // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. Ижевск.

Генинг В. Ф., 1980. Опутятское городище – металлургический центр харинского времени в Прикамье (2-я половина V – 1-я половина VI вв. н. э.) // Памятники эпохи средневековья в верхнем Прикамье. Ижевск.

Иванов В. А., 1984. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа. М.

Республика Башкортостан
Краснокамский район, с. Ст. Мушта
городище Какры-Куль

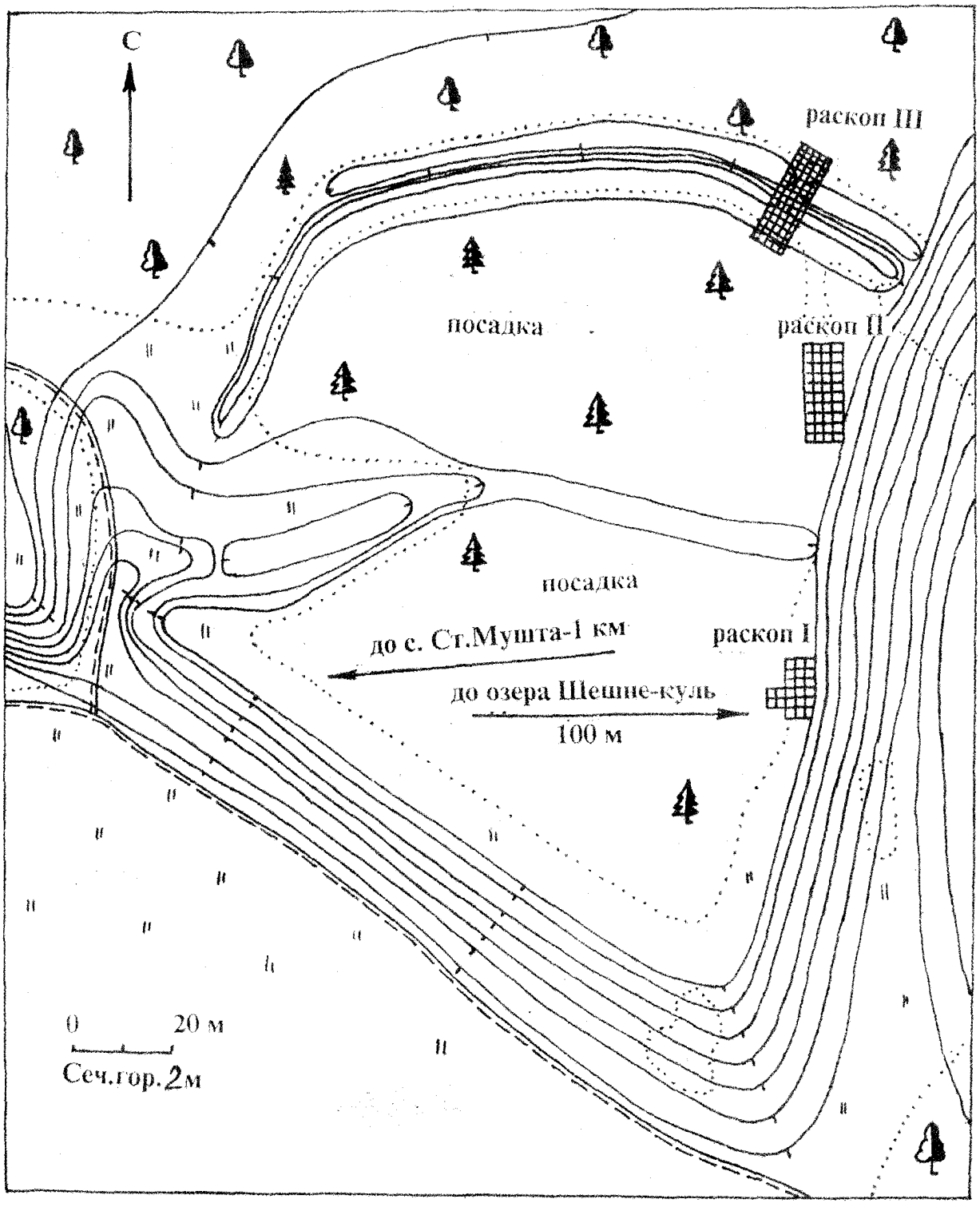


Рис. 1. План городища Какры-Куль.

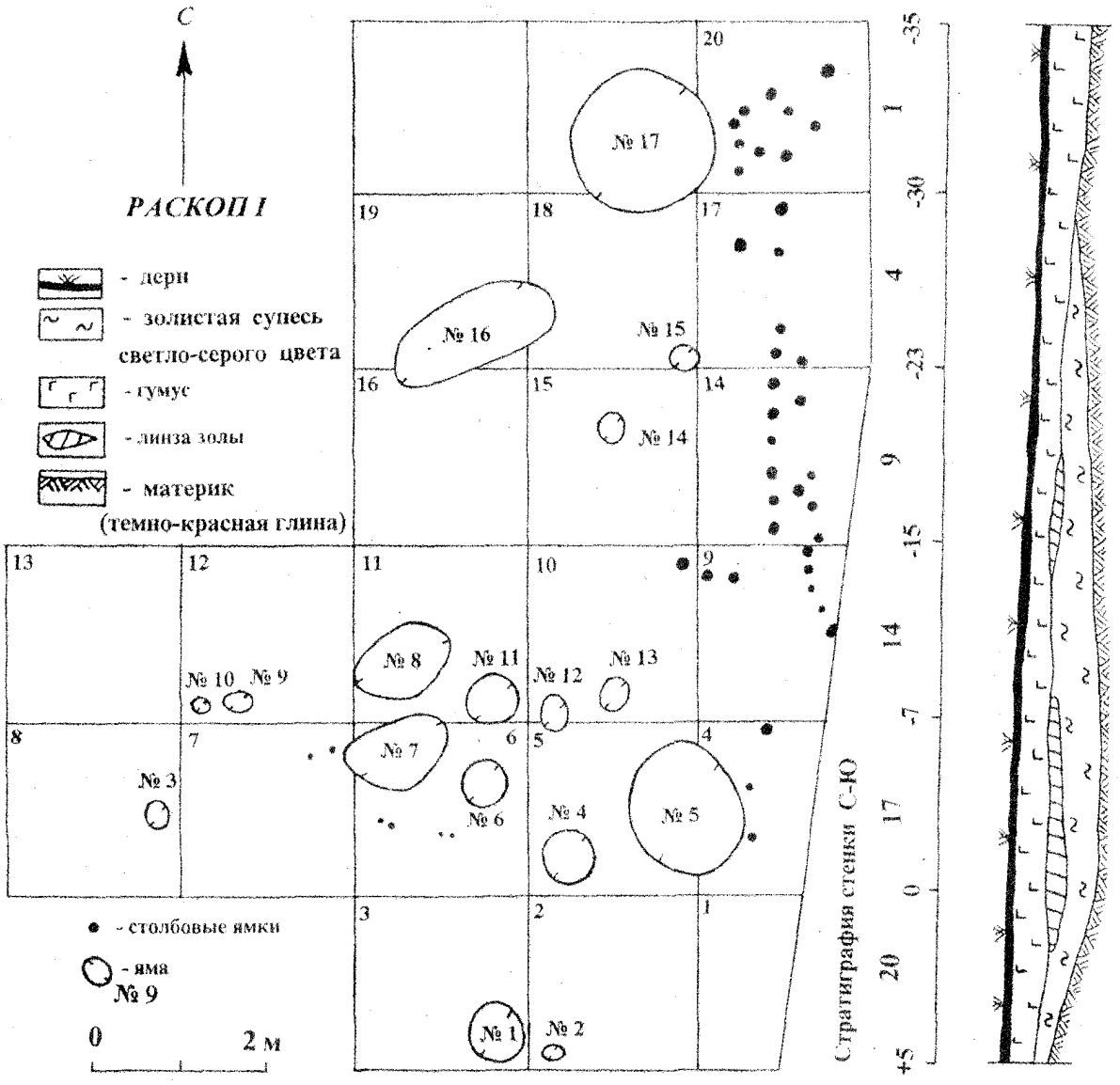


Рис. 2. План раскопа I и профиль восточной стенки раскопа.

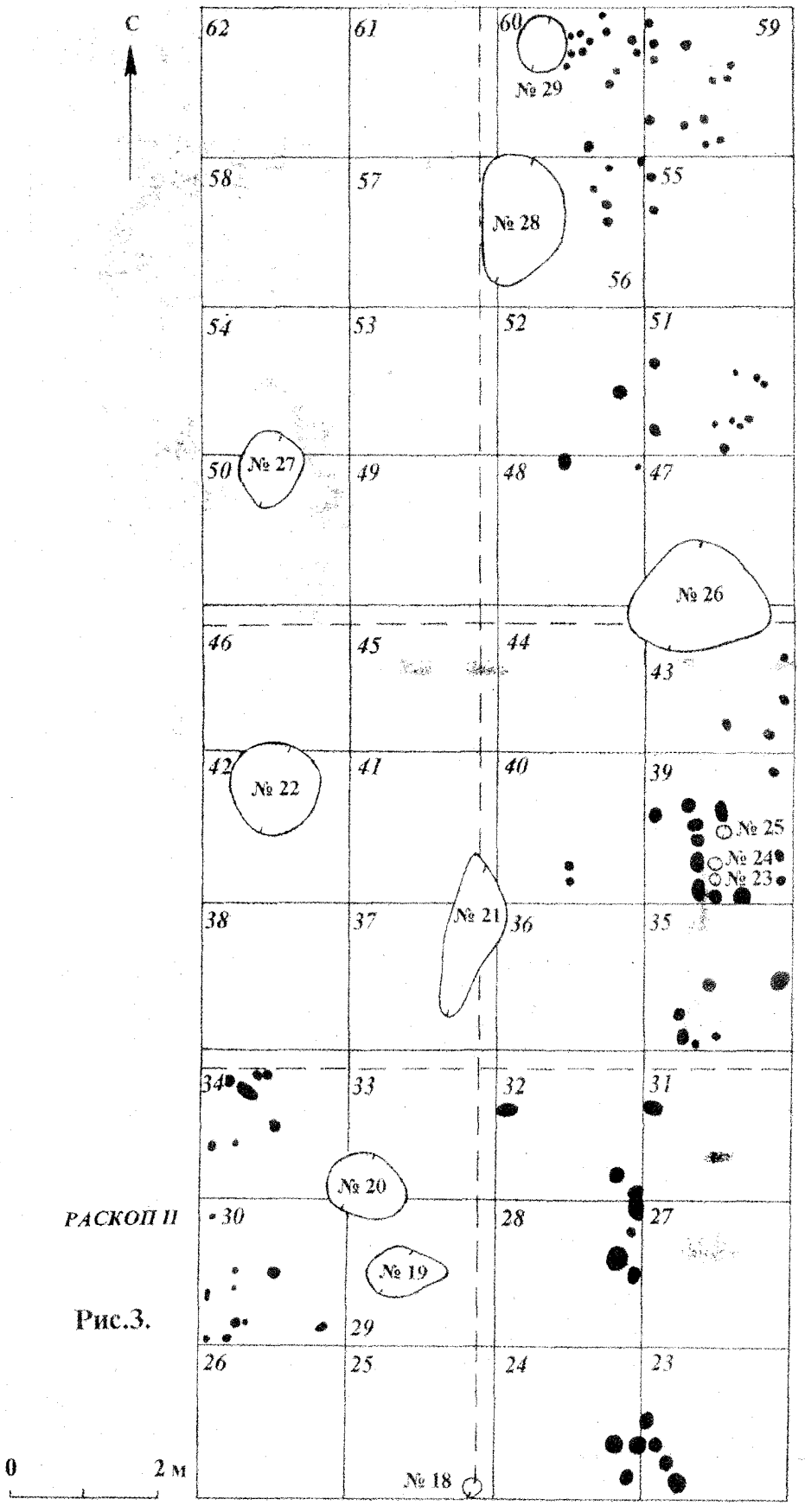


Рис.3.

Рис. 3. План раскопа II.

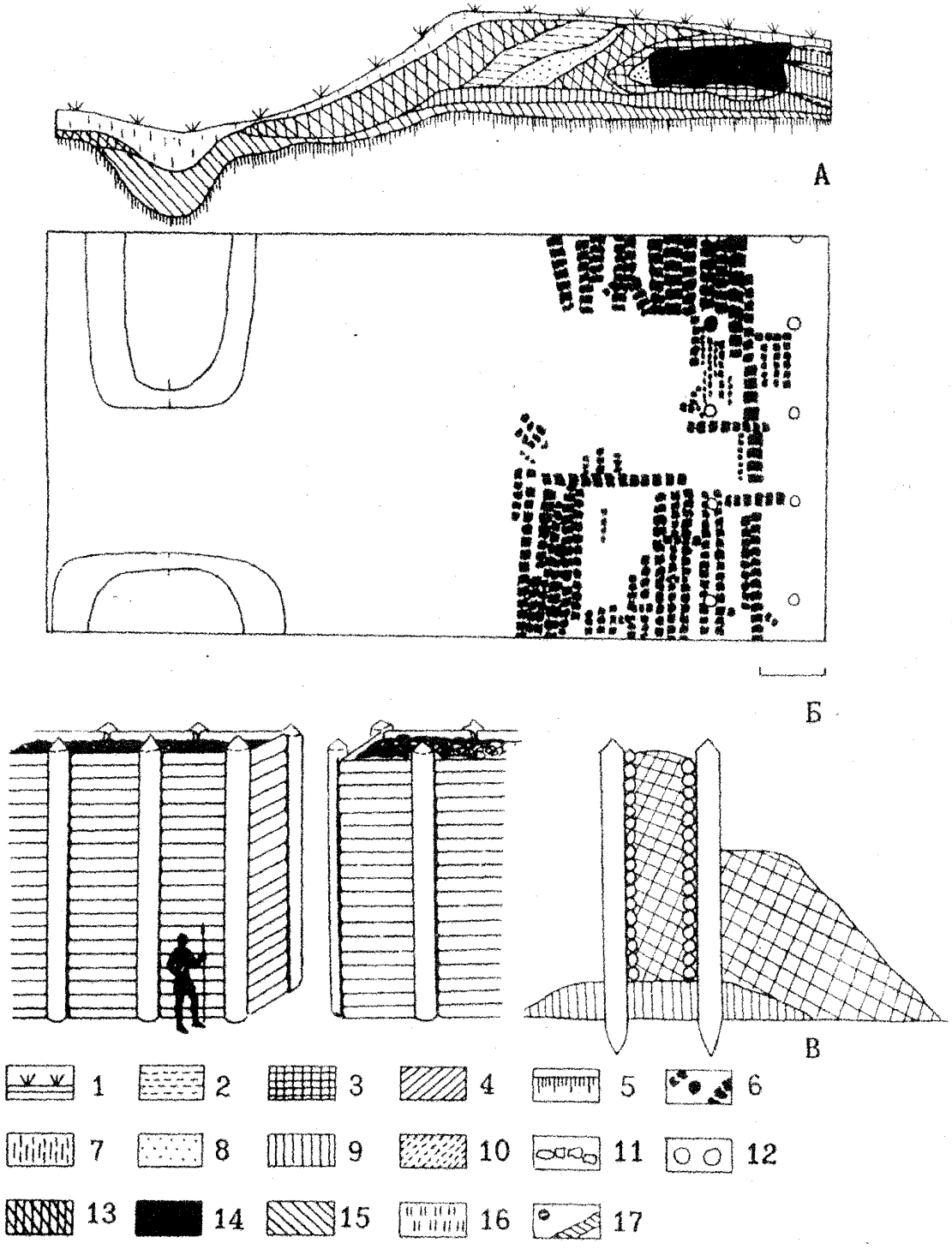


Рис. 4. А - профиль северо-восточной стенки раскопа III; Б - план раскопа III; В - реконструкция стен Какрыкульского городища.
Условные обозначения: 1 - дерн; 2 - зола; 3 - зола с глиной и гумусом; 4 - предматериковый суглинок; 5 - материк; 6 - сгоревшие бревна; 7 - гумус; 8 - красный песок; 9 - погребенный грунт; 10 - глина с гумусом; 11 - камни; 12 - столбовые ямки; 13 - обожженая глина с гумусом; 14 - уголь; 15 - серый гумус с песком; 16 - глина; 17 - древесный тлен.

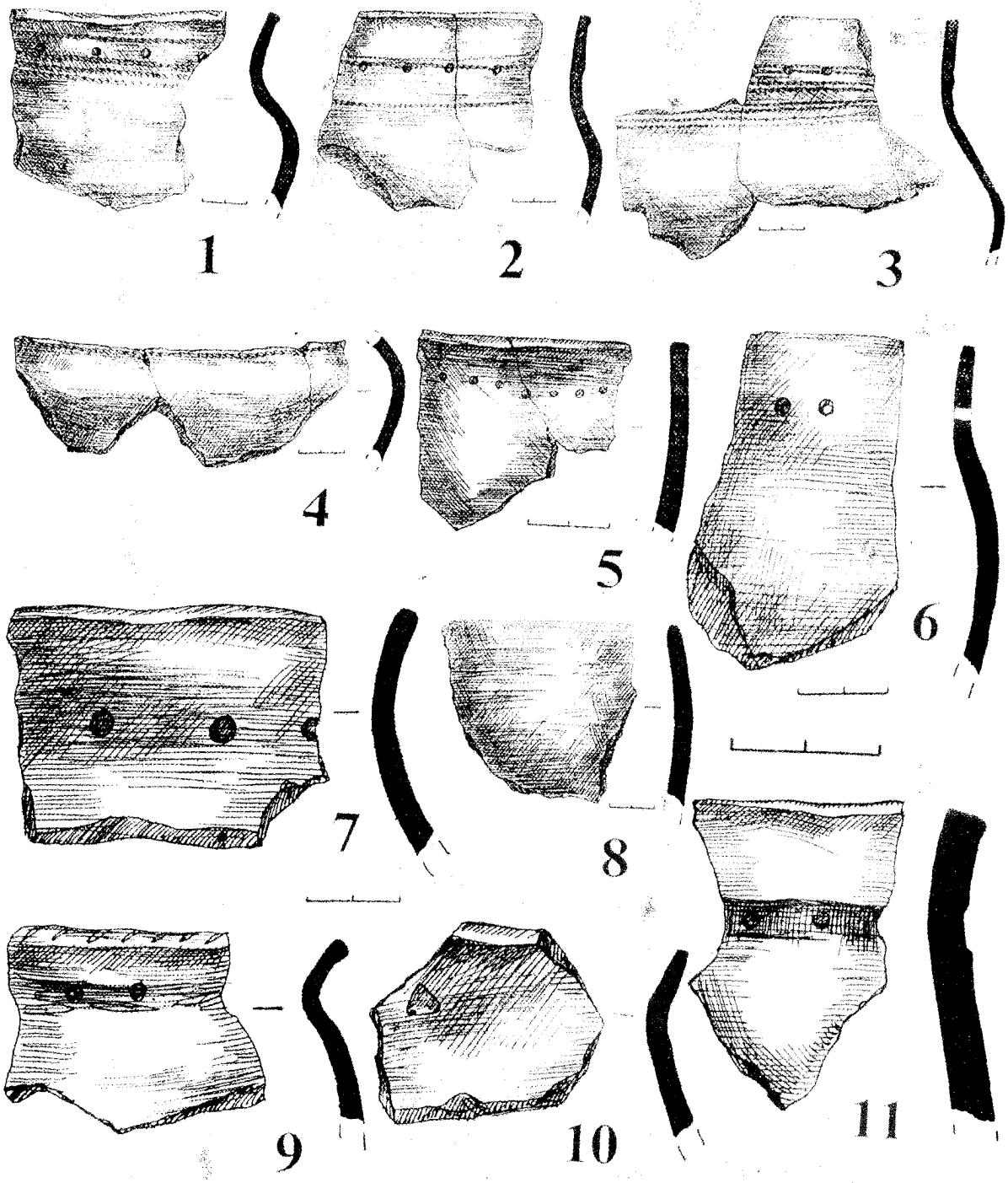


Рис. 5. Керамика из раскопов I и II.

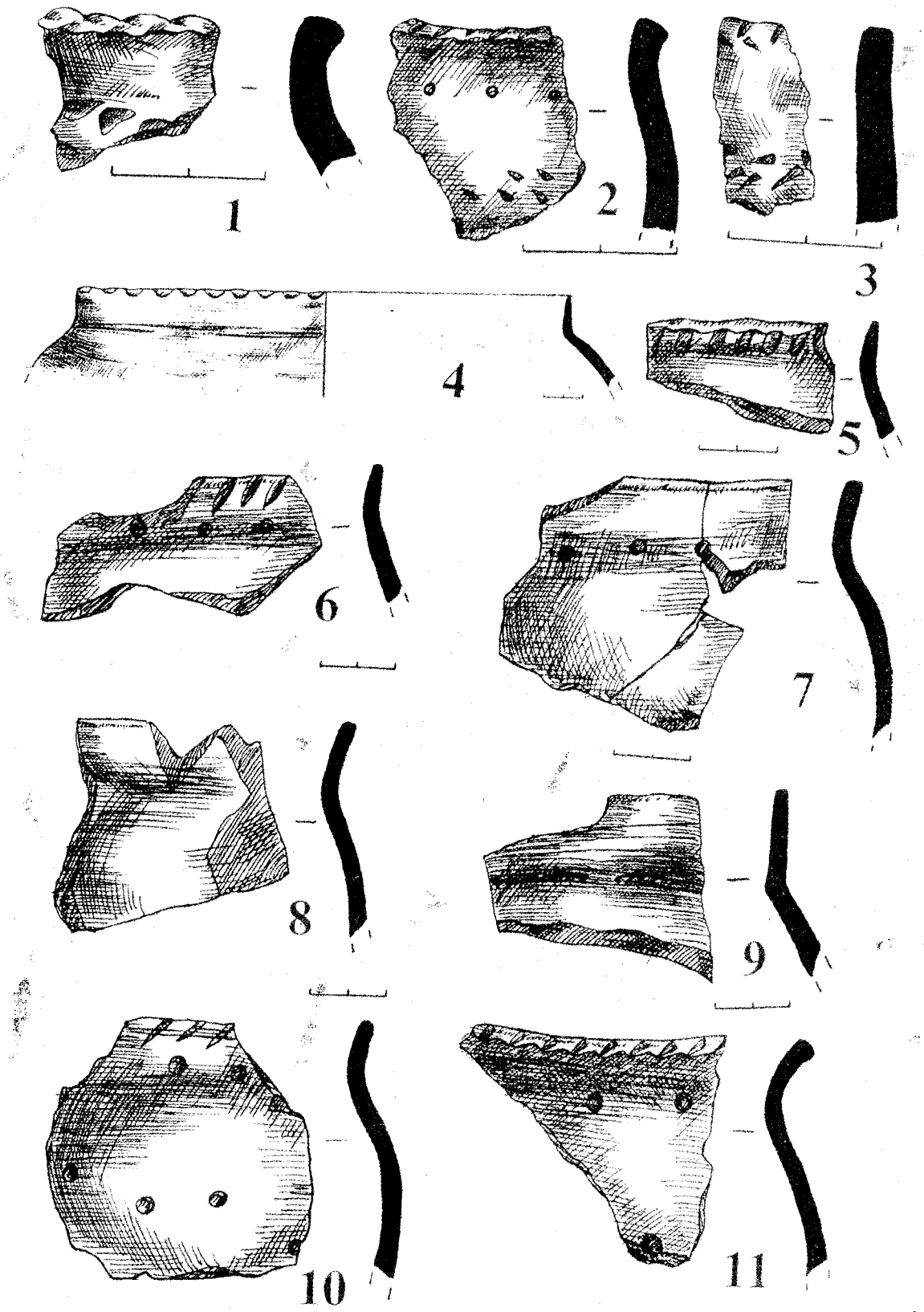


Рис. 6. Керамика из раскопов I и II.

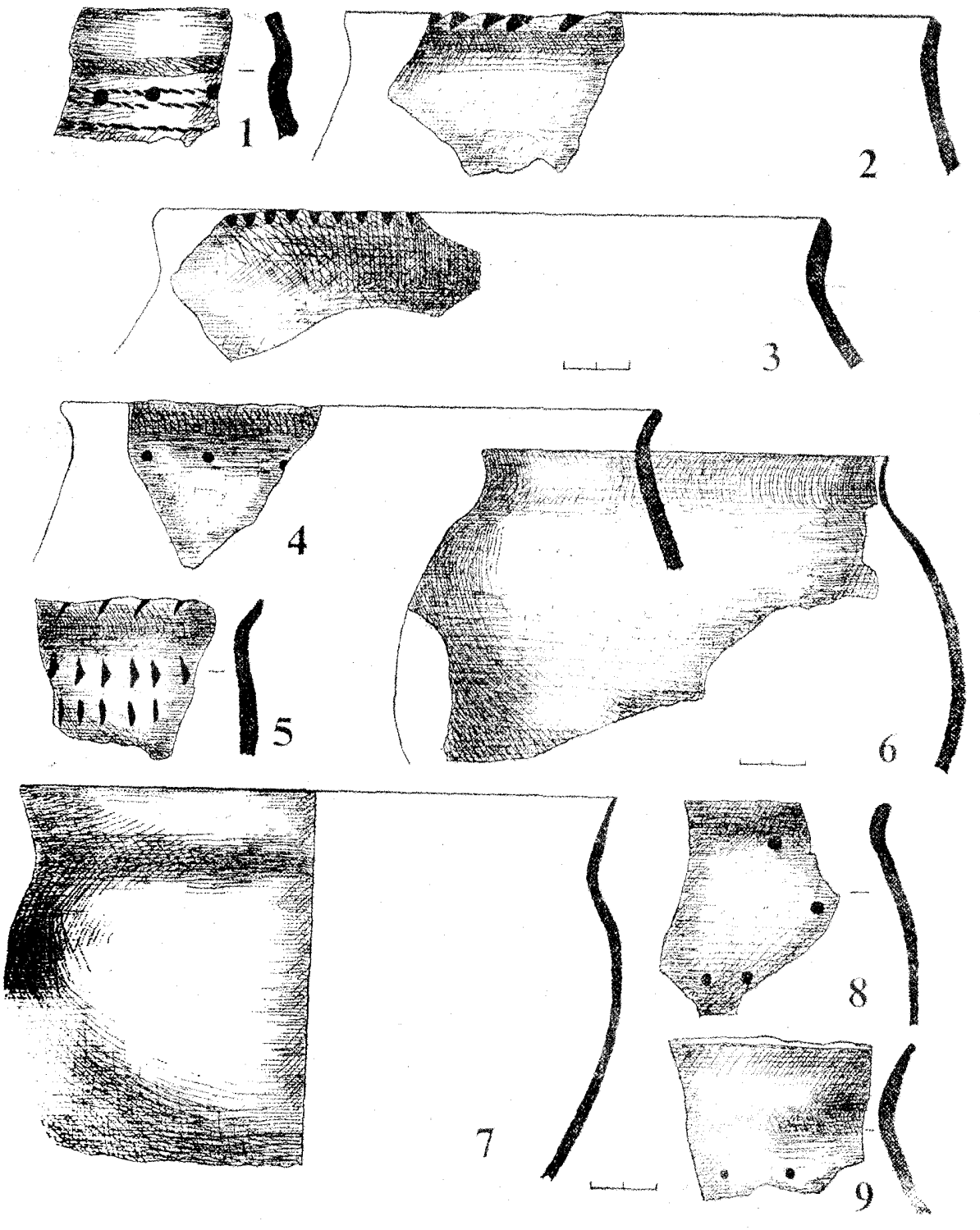


Рис. 7. Керамика из раскопа III.

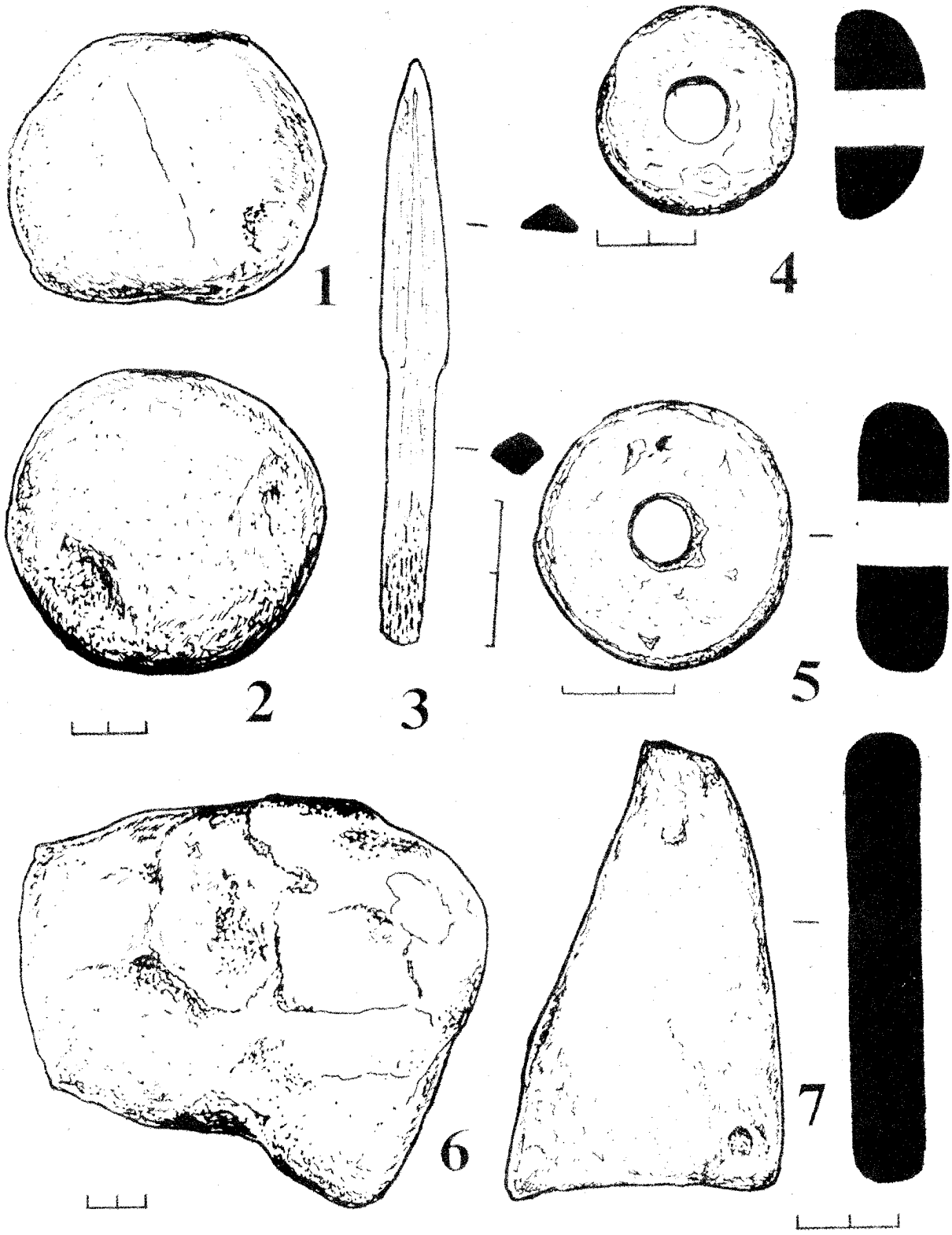


Рис. 8. Индивидуальные находки из раскопов I и II.
1-2, 6-7 - камень; 3 - кость; 4-5 - глина.

И. М. Минеева
(Уфа, НМРБ)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА СТАРО-ИВАНОВСКОМ КЛАДБИЩЕ В УФЕ.

Некрополи поздних периодов истории в отечественной археологии являются наименее изученным кругом памятников. Погребальный обряд позднего средневековья и, в особенности, XVII – XIX веков на сегодняшний день исследован очень слабо. По мнению московского археолога Т. Б. Пановой, сведений о русском христианском погребальном обряде в письменных источниках крайне недостаточно (1987, с. 110). Так же сказывается нехватка археологического материала по данному кругу памятников. В связи с этим представляют интерес исследования христианских кладбищ как уникальных памятников археологии и как важных источников по изучению городской среды и духовной культуры.

Попытки подобных изысканий были предприняты археологами Национального музея Республики Башкортостан в ходе проведения охранных исследований территории Старо-Ивановского кладбища, захоронения которого в 1990 году попали в зону современного строительства.

Захоронения на Старо-Ивановском кладбище производились в 1840-1919 годы. Об этом свидетельствуют сохранившиеся в архиве метрические книги (ЦГИА РБ. Ф. И-294). На территории кладбища в 1831 году была заложена, а в 1844 году построена каменная церковь «В память Усекновения Главы Иоанна Предтечи». С 1846 года она была приходской для чинов местного батальона (Златоверховников И. Г., 1899, с. 73-73). В 1933 году церковь была закрыта, а затем снесена (Васильева О. В., Латыпова В. В. и др., 1993, с. 26-27).

К сожалению, в силу объективных причин, связанных с интенсивностью строительных работ, и субъективных факторов, связанных с обстановкой грабежа и вандализма, сложившейся вокруг разрушаемых могил, не удалось провести полное исследование памятника – не очерчены его границы, не выявлена стратиграфия. Исследования носили характер визуального осмотра, в ходе которого был проведен сбор подъемного материала и предприняты охранные раскопки нескольких погребений, затронутых строительными работами. Задачей данной статьи является подведение некоторых итогов и анализ полученного материала.

Исследования, в основном, производились на двух участках кладбища вблизи Дома пионеров (рис. 2). Первый (*участок А*) находился в районе фундамента, заложенного под многоэтажное здание-пристрой к северной стороне Дома пионеров. Здесь в стенках котлована на разной глубине было зафиксировано множество могильных ям, содержащих человеческие захоронения с различной ориентировкой и разными элементами погребального обряда. В южной стенке котлована на глубине 3-5 м прослеживались руины старого каменного фундамента, которые, вероятно, могут являться остатками Иоанно-Предтеченской церкви (рис. 1).

Погребения 1 и 2 обнаружены в обрыве восточной и южной стенок котлована по контуру заполнения могил темного цвета, состоящего из земли, перемешанной с глиной. Конструкцию, форму и содержимое могил удалось проследить лишь частично по сохранившимся остаткам. Погр. 1 на поверхности имело обломки деревянных частей гроба и железные гвозди по углам прямоугольной могилы, выходящей западной стенкой в обрыв котлована. На дне могилы, имеющей глубину от срезанной поверхности котлована около 0,5 м, были найдены остатки костяка погребенного человека, ориентированного головой на запад. Вещей обнаружено не было. Погр. 2 было срезано поперек обрывом котлована. В сохранившейся южной части могилы, на глубине 0, 4 м от поверхности земли, были найдены остатки перемешанных костей человека и полуистлевшие обрывки ткани коричневого цвета.

Второй (*участок Б*) находился на площадке с западной стороны от Дома пионеров между самим зданием и теннисными кортами парка. Он занимал территорию примерно в 100 квадратных метров. На этом участке строителями был срыт верхний слой земли, и шла подготовка к строительству Дворца спорта спортивного клуба «Салават Юлаев» с ледовым покрытием[1]. В результате этих работ был образован небольшой котлован, и многие могилы кладбища оказались разрушенными. Повсюду были разбросаны человеческие кости, камни, осколки стекла, остатки деревянных и металлических частей гробов, обрывки позумента и строительный мусор. Остатки могил выделялись овальными и прямоугольными впадинами в земле и более темным цветом заполнения могил. Многие могилы определялись по обнажившимся костякам. Некоторые из них были подвергнуты раскопкам, с остальных – наиболее сильно разрушенных – собрана коллекция погребальных вещей.

Погребение 3. Обнаружено по обширной, неопределенной формы, впадине в земле темного цвета. На глубине 0,5 м, в могиле, имеющей трапециевидную форму, с расширением в юго-западной части, на выровненном дне, были найдены два костяка, ориентированные головой на запад. Один из них принадлежал, предположительно, женщине: он был уложен вытянуто на спине с согнутыми в локтях

[1] На сегодняшний день по инициативе администрации и сотрудников музея, а так же общественности города, и в соответствии с решением Министерства культуры РБ, принятом на основании закона СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» строительные работы на территории кладбища приостановлены.

руками, кисти которых скрещены в области живота. Череп имел следы прямого распила от виска до виска. С левой стороны от костяка лежал другой скелет – детский, руки его так же согнуты в локтях и скрещены на животе (рис. 3). Среди костей взрослого погребенного обнаружены: простой нательный медный крестик – в области шеи, пряжки стеклянные бело-матового цвета, отлитые в виде погребального венка с перемычкой – 8 штук, расположенные вдоль всей длины костяка и, частично, на костях детского скелета (рис. 4, *1-2*). По-видимому, они являются частью тесемок или ремешков, при помощи которых скреплялись края полотнища типа савана. В области головы детского скелета найдена прозрачная стеклянная шаровидная бусина (рис. 4, *3*).

Погребение 4. Обнаружено при зачистке северной стенки погребения 3, на глубине 0,7 м от поверхности. Стенки могилы и дно неровные, форма – трапециевидная с расширением в северо-западной части. Скелет погребенного человека был обнаружен в непосредственной близости от захороненных костяков погр. 3, но ниже по уровню на 20 см. Он был расположен в южной части могилы, ориентирован головой на запад, уложен вытянуто на спине, руки полусогнуты в локтях, кисти соединены в области таза. Лицевой частью череп повернут на север (рис. 3). Среди костей были найдены две маленькие бельевые пуговицы из белого фарфора (рис. 4, *4*).

Погребение 5. Обнаружено под погребением 4, на глубине 0,10 м от него. Форму и размеры могилы определить точно не удалось, так как стенки были разрушены поздними выкопанными могилами. Найденный скелет был ориентирован головой на запад, уложен вытянуто на спине с согнутыми в локтях руками, предплечья которых соединены. Кости скелета очень плохой сохранности, многие из них отсутствуют (рис. 3). В области груди погребенного найдены медный крестик, на одной стороне которого отштампованы слова молитвы, и медальон с изображением Богоматери (рис. 4, *5-6*).

Погребение 6. Обнаружено по кирпичной квадратной выкладке размером 80х80 см, просматриваемой на поверхности земли в центральной части участка Б. Кирпичи были уложены в 2-3 слоя. Под кладкой на глубине 0,9 м обнаружены остатки деревянного гроба, сколоченного из досок. Форма и размеры могилы не прослеживались. В гробу был захоронен, предположительно, пожилой мужчина. Костяк был уложен вытянуто на спине, с согнутыми в локтях руками, скрещенными на груди кистями, ориентирован головой на ЗЮЗ (рис. 3). На погребенном были найдены остатки одежды – суконные брюки и мундир, (шинель), в области шеи найдены остатки черного атласного галстука или шейного платка. На мундире обнаружены четыре выпуклые медные пуговицы с петлей на обороте. В области груди – медный медальон овальной формы с изображением Богоматери и круговой надписью «Обр. Бож. Матери в Табынске», а на другой стороне – крест-распятие и сопутствующие ему символы страдания и мученичества Христа – пика, губка, и у основания креста – череп. В районе ног погребенного найден медный нательный крестик с изображением креста и слов молитвы на одной стороне (рис. 4, *7-8*).

На лицевой стороне пуговиц, найденных в этом погребении, изображен герб Уфимской губернии, над ним – корона Российской империи, а под ним надпись – «Уфимская». Такие пуговицы нашивались на форму гражданских чиновников Уфимской губернии. Традиция ношения подобных пуговиц была распространена и в других губерниях, например, в Пермской (Земцов В. Н., Ляпин В. А., 1992, цв. вкладка).

Погребение 7. Обнаружено по обнажившимся костям на поверхности земли. В могиле подпрямоугольной формы, с неровными стенками и дном, был обнаружен костяк погребенного человека, ориентированного головой на запад, в положении вытянуто на спине. Анатомический порядок расположения костей был нарушен: позвоночный столб дугообразно изогнут в южную сторону, левая бедренная кость расположена в районе левой руки и т.п. Лицевой частью череп был повернут на юг, свод черепа пробит в двух местах (рис. 3). На костях сохранились остатки ткани от одежды из зеленого сукна, около правого предплечья – темно-зеленый стеклянный флакон удлиненной формы (рис. 4, *10*).

Таким образом, погребальный обряд в целом характеризуется западной ориентировкой погребенных, положением костяка вытянуто на спине с полусогнутыми руками, соединенными на груди или на животе, наличием остатков тканей (одежды, савана), христианских крестиков, медальонов, стеклянного флакона.

С территории разрушенного кладбища собрана так же коллекция **подъемного материала**[2]. Некоторые предметы были найдены на поверхности земли, другие – в полностью разрушенных могилах.

Книжка, предположительно, религиозного содержания, состоит из истлевших кусочков бумаги, на которых сохранились обрывки текста, набранного мелким готическим шрифтом.

Дагерротип на медно-серебряной пластине, прямоугольной формы, на которой читался мужской портрет. В настоящее время пластина окислилась, и изображение не просматривается. Размер 7х8 см. Известно, что как первый и единственный способ фотографического воспроизведения, дагерротипия была распространена в течение 10 лет с момента ее изобретения в 1839 году (Брокгауз В. А., Эфрон И. А., 1893, с. 25-26). По сообщению краеведа Т. Б. Кудрявцевой, пластина найдена вместе с вышеописанной книжкой в одном погребении и располагалась под подушкой в области головы погребенного мужчины.

[2] Частично коллекция состоит из предметов, переданных в музей краеведом Т.Б. Кудрявцевой. См. Акт передачи от 21 авг.1990 г.

Пряжки железные – 2 штуки – со следами ткани и кожи. Обе пряжки рамчатые, прямоугольной формы, одна из них с двумя язычками. По-видимому, они являются частью форменной портупеи (рис. 5, *9*).

Кокарда металлическая (жесть), овальной формы, состоит из двух, наложенных друг на друга, пластин длиной 3 см. На оборотной стороне на винтовом креплении сохранился шнур из металлонитей. Он, вероятно, является остатками выпушки с форменной фуражки или кепи. Центральная часть овала кокарды представляет собой чередование колец по окружности двух цветов – черного–на эмали – и желтого, наружная часть – белого цвета, её поверхность украшена геометрической резьбой в виде расходящихся лучей (рис. 5, *4-5*). Такое сочетание цветов на кокарде предписывалось иметь военным и гражданским чинам с 1815 года. С 1857 года гражданские чины для отличия от военных офицеров стали носить на околышах фуражек круглую кокарду. Овальная кокарда осталась, таким образом, только у военных (Брокгауз В. А., Эфрон И. А., 1895, с. 624-625).

Остатки головного убора типа кепи, из коричневого сукна, с маленьким круглым донцем, зеленой шнуровой выпушкой и широкой тульей неправильной формы. Околыш и козырек отсутствуют (рис. 5, *10*). Аналогии таких головных уборов, но черного цвета, имеются в костюме обер-офицера Екатеринбургской уездной команды середины 60-х годов XIX века (Земцов В. Н., Ляпин В. А., 1992, с. 160, 162). Подобная же шапка по типу кепи, но из темно-зеленого сукна была у некоторых чинов городской полиции Екатеринбурга с 1863 года (там же, с. 164). Известно, что и в Уфе стояло несколько воинских частей, так же в Уфе – единственном городе Оренбургской губернии – имелась полицейская и пожарная команда, состоящая из нижних военных чинов, перешедших в 1831 году в гражданское ведомство – Министерство внутренних дел (ЦГИА РБ. Ф. И-6. Оп.1. Д.79(1). Л.5). Поэтому, найденный головной убор мог принадлежать как военнослужащему, так и уфимскому полицейскому.

Пуговицы маленькие фарфоровые, разных размеров с двумя и четырьмя дырочками, белого и матового цветов – 6 штук, черного – 1. Одна из белых и черная украшены по краю рубчиком (рис. 5, *3*). Они были обнаружены в разных разрушенных погребениях и являются остатками белья.

Пуговицы металлические, выпуклые, с петлей на обороте – 2 штуки. На лицевой стороне, покрытой позолотой, изображен герб Российской империи. На обороте имеется круговая надпись – «Копейкин Максим. I сорт. С.-Петербург» (рис. 5, *7*). Такие пуговицы с общегосударственным гербом нашивались на форму военнослужащих и чиновников, состоящих на службе в ведомствах центрального подчинения (Земцов В. Н., Ляпин В. А., 1992, цв. вкладка).

Погребальные украшения и детали гробов. Цветок из ткани –украшение погребального венка или гроба в виде многолепестковой гвоздики, поверх которой при помощи медной кнопки прикреплена сосборенная лента-тесьма желто-зеленого цвета (Рис. 6, *4*). Фигурки выточенные деревянные в виде шахматных фигур– украшения гроба – 4 шт. Одна из них оплетена нитями по всей поверхности в виде цветка (Рис. 6, *1-2*). Тесьма в виде разнообразных лент, сплетенных из белых хлопчатобумажных и плоских металлонитей, образующих геометрический орнамент, с бахромой, с зеленью медных окислов (рис. 6, *3*). Ручки медные от гроба в виде круглой скобки – 2 шт. На одной из них – украшение в виде пластинки с чеканным растительным орнаментом (рис. 6, *5*). Эти предметы были обнаружены в разных местах кладбища, в основном, над могилами. Они свидетельствуют о традиции украшения гробов различными венками, искусственными цветами, лентами, обшитыми и оплетенными деревянными фигурками и т. п., что, впрочем, во многом сохранилось и в современном погребальном обряде.

Стеклянные флаконы и пузырьки (11 штук), глиняная чашечка. Стеклянная посуда представляет собой небольшие флаконы и аптечные пузырьки цилиндрической или эллипсовидной формы с узким удлиненным горлышком и плоским или втянутым дном, высотой от 7 до 17 см. На одном из флаконов подпрямоугольной формы имеется рельефное изображение герба Российской империи и две надписи – АПТЕКА и PHARMACIE. Глиняная поливная чашечка сделана в виде небольшой стопки формы, близкой к цилиндрической, с плоским дном. Снаружи покрыта краской черного цвета, изнутри – коричневого. Её высота 5 см, диаметр 3,7 см.

Обычай помещения в могилу ритуальных сосудов имеет довольно устойчивые аналогии в позднесредневековых погребальных комплексах на территории Москвы. Исследование царских гробниц Архангельского собора Московского кремля показало наличие нескольких дорогостоящих сосудов из стекла западноевропейского происхождения, датируемых XVI веком (Панова Т. Б., 1987, с. 110). Глиняные поливные чашечки были обнаружены в захоронениях церкви Вознесения на территории Кремля, служившей в XV-XVII веках усыпальницей для великих княгинь и цариц (там же, с. 119). Стеклянные и глиняные ритуальные сосуды неоднократно находили и в рядовых и даже массовых погребениях Московских некрополей. Например, они были обнаружены при исследовании кладбища церкви Жён Мироносиц в Зарядье и в нескольких погребениях XV-XVI веков в Коломенском (там же, с. 120). Широкое применение на других территориях этот обычай получил в более позднее время – в XVII-XIX вв.

Считается, что такие ритуальные сосуды использовались для елея, остатки которого после отпевания помещались в погребения. Как отмечают московские исследователи, они являются частью тризны, так как во всех известных случаях рядом с сосудом находились яичная скорлупа, рыбьи кости и чешуя. В исследованных нами погребениях подобных нахо-

док зафиксировано не было. Это может быть связано с традицией упрощения обряда в связи с большой территориальной и временной удаленностью от места его зарождения.

Особенностью ритуальной посуды со Старо-Ивановского кладбища является то, что она носит вторичный характер использования. Для церкви и рядовых людей использование аптечных и парфюмерных пузырьков было практичнее и дешевле.

Глиняная поливная чашечка-стопка в данном случае является более традиционной и характерной для христианского погребального обряда.

Застежка-«жучок» от ожерелья или медальона, золотая. Состоит из бочонковидного основания с внутренней т-образной прорезью и прилагающейся к нему пластинчатой застежки (рис. 5, *6*).

Медальоны и крестики. Кроме 3-х крестиков и 2-х медальонов, обнаруженных в раскопанных погребениях, с территории кладбища собраны так же еще 2 крестика и три медальона. Один из крестиков простой в исполнении, без каких-либо изображений, однако его поверхность испещрена следами глубоких и коротких насечек и царапин, которые, по-видимому, могут являться признаками длительного ношения (рис. 5, *2*). Другой крестик имеет изображение креста с черепом у основания, а на другой его стороне отштампованы слова молитвы (рис. 5, *1*). Два из трех медальонов имеют христианские канонические изображения, на одном из них надпись – «Изображение Табынской Божией Матери», на другом – «Боголюбивая царица, спаси нас». Третий медальон имеет трудночитаемое нами изображение, скорее всего он не носит религиозный характер.

Указание на образ Табынской Божией Матери на двух медальонах со Старо-Ивановского кладбища не случайно, так как почитание этой иконы было распространено в Уфимской губернии в прошлом веке. Кроме того, оно сохранилось на данной территории и по сегодняшний день.

Таким образом, в целом интерпретация медальонов как православных религиозных атрибутов с каноническим изображением не вызывает сомнений. Однако некоторые особенности исполнения медальонов наталкивают на их связь с русскими амулетами-змеевиками – «народными» талисманами охранительного характера, появившимися в XI веке и бытовавшими до XIX – начала XX веков. Среди них: двусторонность медальона, наличие узкого рельефного ободка по краю и ушка для подвешивания, наличие извилистого кругового орнамента по краю оборотной стороны одного из этих двух медальонов. А так же изображение на двух из них Богоматери Умиления с на левой руке (извод Одигитрии), которое как вариант иконографического изображения лицевой стороны змеевика по некоторым данным доживает до XVIII века (Николаева Т. В. Чернецов А. В., 1991). Кроме того, известно, что в XIX веке крестьяне северных губерний нередко носили змеевики наряду с крестом на груди как защитный амулет (там же, с. 7). Находки в двух комплексах Старо-Ивановского кладбища медальонов вместе с крестом могут позволить говорить о распространении подобной традиции как пережитка и в Уфимской губернии.

В фондах Национального музея РБ хранится еще один медный медальон с изображением креста на одной его стороне, по форме и размерам близкий медальону из погребения 6, который использовался хозяином в начале XX века как защита от холеры (основной фонд № 19111).

Данный материал, таким образом, свидетельствует, что на кладбище производились захоронения людей христианского вероисповедания, причем как православного, так и католического, судя по находке книжки с готическим шрифтом. Это подтверждается и данными метрических книг. В них фиксируются захоронения католиков, возможно, немецкого или польского происхождения (например, рядовой Оренбургского линейного батальона 4-й роты Людвиг Францов), а также нескольких крещеных евреев (ЦГИА РБ. Ф. И-294). Социальный состав погребенных достаточно однороден: это военнослужащие рядового состава Оренбургского линейного батальона, Уфимской инвалидной команды и Оренбургского казачьего войска. Кроме того, примерно 20 % захороненных людей составляют бедные слои населения города и окрестностей – мещане, дворовые люди, солдатки, крестьяне, купцы. Достаточно большое количество составляют дети младенческого возраста, среди которых много незаконнорожденных (там же).

В процессе раскопок погребений и осмотра стенок котлованов, вырытых в ходе строительства на территории кладбища, на некоторых участках прослеживалась многослойность захоронений. Отдельные погребения были совершены непосредственно над другими могилами, где была худшая сохранность костного и органического материала, и часто отсутствовал погребальный инвентарь. Такое расположение могил было возможно только при отсутствии опознавательных знаков над могилами – крестов, земляных насыпей и т.п., которые разрушились с течением времени.

Исходя из этого, можно предположить, что Старо-Ивановское кладбище создано на месте более ранних могил. Места стихийных захоронений людей всегда существовали на городских и сельских окраинах, как и несанкционированные церковными властями пустынножительства (Чернов С. З., 1996, с. 128). Это было традиционным элементом православной культуры. Рано или поздно такие места получали официальное признание и на этих местах устраивались кладбища и сооружались монастыри. Кроме того, известно, что отвод земли для кладбищ производили на необходимом расстоянии от жилых построек (Семенова С. Ю., 1995, с. 128).

На нескольких планах Уфы конца XVIII – XIX веков северная граница города была очерчена до рассматриваемой нами территории. Она проходила вдоль современной улицы Революционной (История

Уфы. 1982; Проектный план ..., карта № 36). Здесь заканчивались жилые строения, и начиналась небольшая сухая возвышенность, которая могла быть удобной для захоронений. Официальных кладбищ поблизости не было, а места хуторских поселений уже существовали. Кроме того, в это время здесь проходил Старый Сибирский тракт (современная ул. Ленина) и недалеко была Казачья дорога (окончание современной ул. К. Маркса), ведущая из города к Казачьим лагерям (Справочная книга ..., 1908, карта). Так же поблизости, за кладбищем, находилось Солдатское озеро (современное озеро на территории парка им И. Якутова), а вплотную к кладбищу с северной стороны примыкали Солдатские огороды, как отмечено на плане города 1897 года (ЦГИА РБ. Науч.-справ. б-ка. Карты).

Таким образом, место для сооружения Старо-Ивановского кладбища и строительство церкви как приходской для военнослужащих именно на этой территории было выбрано не случайно. Многие названия свидетельствуют о связях со служилым людом и казаками. Как показывает история, корни таких названий уходят вглубь времени.

Скорее всего, это было связано с существующими здесь более ранними, возможно, XVIII века, захоронениями. Подтвердить или опровергнуть эту гипотезу могут не найденные еще документы и архивные материалы, а так же дополнительные археологические раскопки.

Тем не менее, первоначальные археологические исследования кладбища уже проведены. Они помогли раскрыть одну из малоизвестных страниц истории города XIX века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Брокгауз В. А., Эфрон И. А., 1893. Энциклопедический словарь под ред. Брокгауза В. А. и Эфрона И. А. Санкт-Петербург. Т. X.

Брокгауз В. А., Эфрон И. А., 1895. Энциклопедический словарь под ред. Брокгауза В. А. и Эфрона И. А. Санкт-Петербург. Т.XVa.

Васильева О. В., Латынова В. В. и др., 1993. Дорога к храму. История религиозных учреждений Уфы. Уфа.

Земцов В. Н., Ляпин В. А., 1992. Екатеринбург в мундире. Екатеринбург.

Златоверховников П. Г., 1899. Уфимская епархия на 1897 год. Уфа.

История Уфы. Уфа. 1982.

Николаева Т. В. Черпецов А. В., 1991. Древнерусские амулеты-змеевики. М.

Панова Т. Б., 1987. Средневековый погребальный обряд по материалам некрополя Архангельского собора Московского кремля // СА. № 4.

Семенова С. Ю., 1995. Благоустройство города Уфы в 60-80-е годы XIX века // Страницы минувшего. Уфа.

Справочная книга г. Уфы. Уфа, 1908.

Чернов С. З., 1996. Сельские монастыри XIV-XV веков на северо-востоке Московского княжества по археологическим данным // СА. № 2.

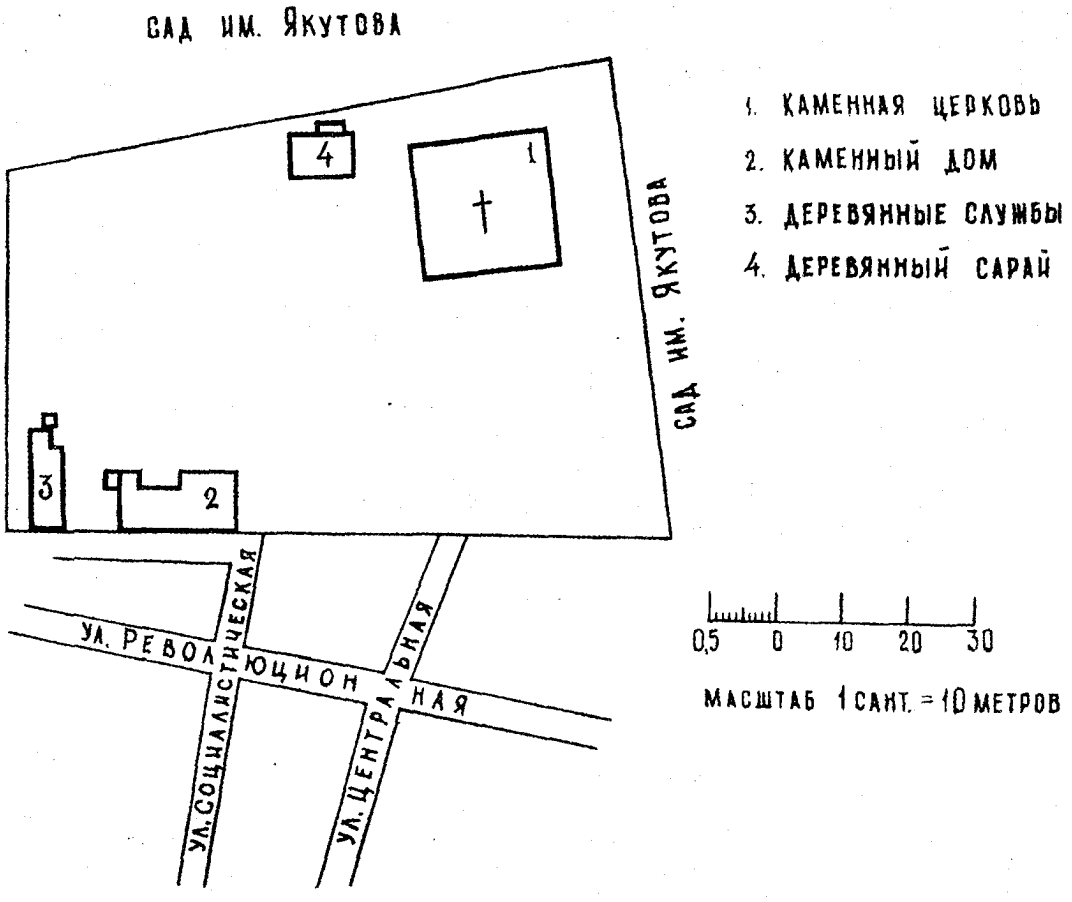


Рис.1. Территория кладбища и Иоанно-Предтеченской церкви (по чертежу 1928 года).

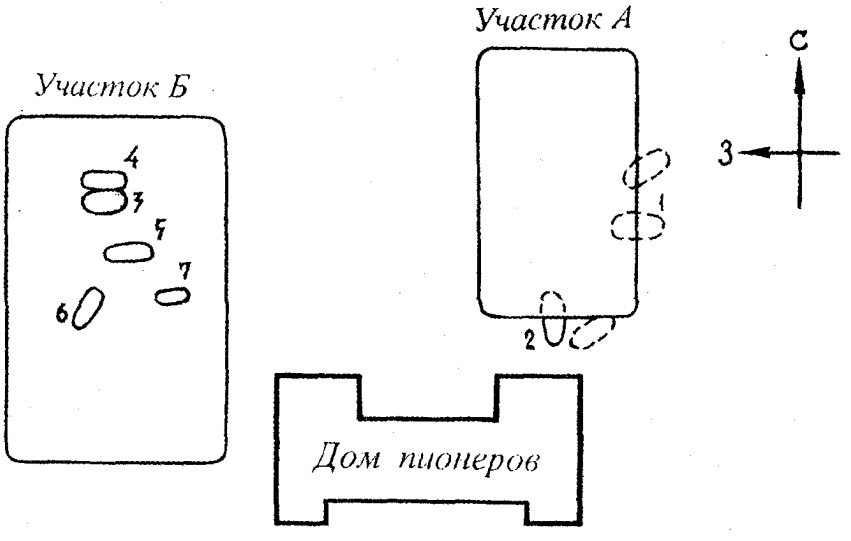


Рис.2. Схематичный план современной территории кладбища (по состоянию на 1990 год).

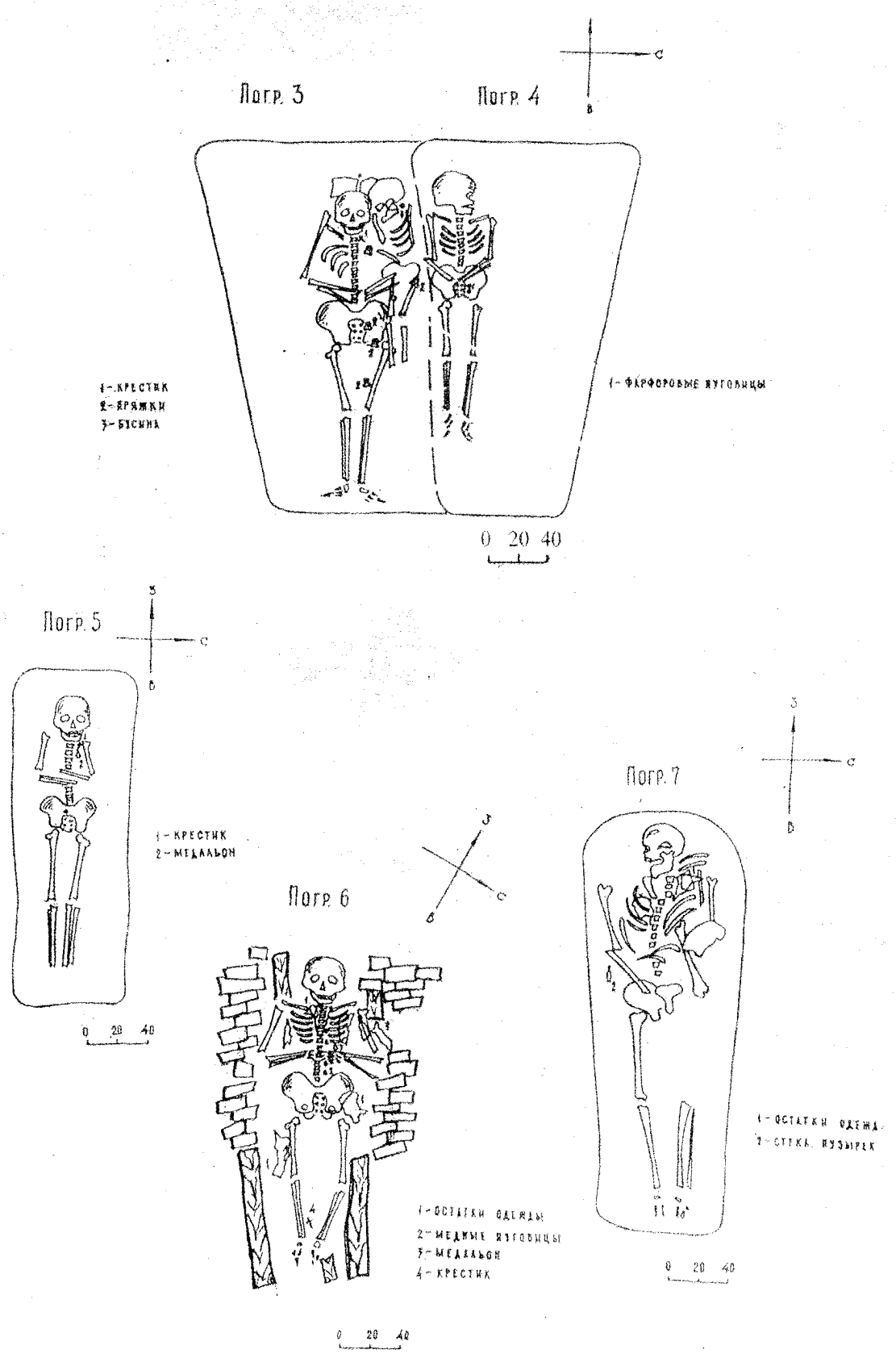


Рис.3. Планы погребений.

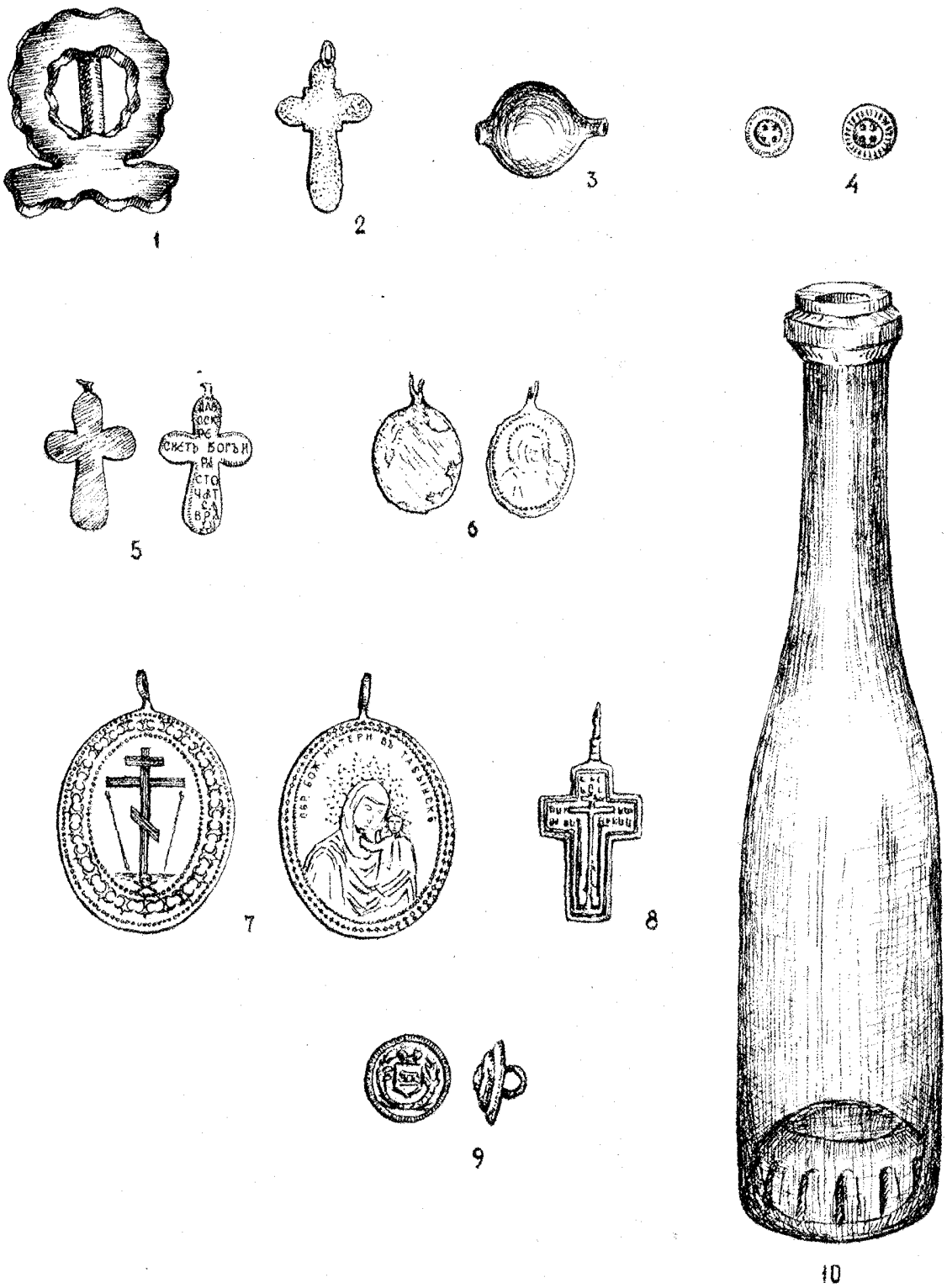


Рис.4. Предметы из погребений:

1 - пряжка стеклянная (п.3),
2 - крестик медный (п.3),
3 - бусина стеклянная (п.3),
4 - пуговицы фарфоровые (п.4),
5 - крестик медный (п.5),
6 - медальон медный (п.5),
7 - медальон медный (п.6),
8 - крестик медный (п.6),
9 - пуговица медная (п.6),
10- флакон стеклянный(п.7).

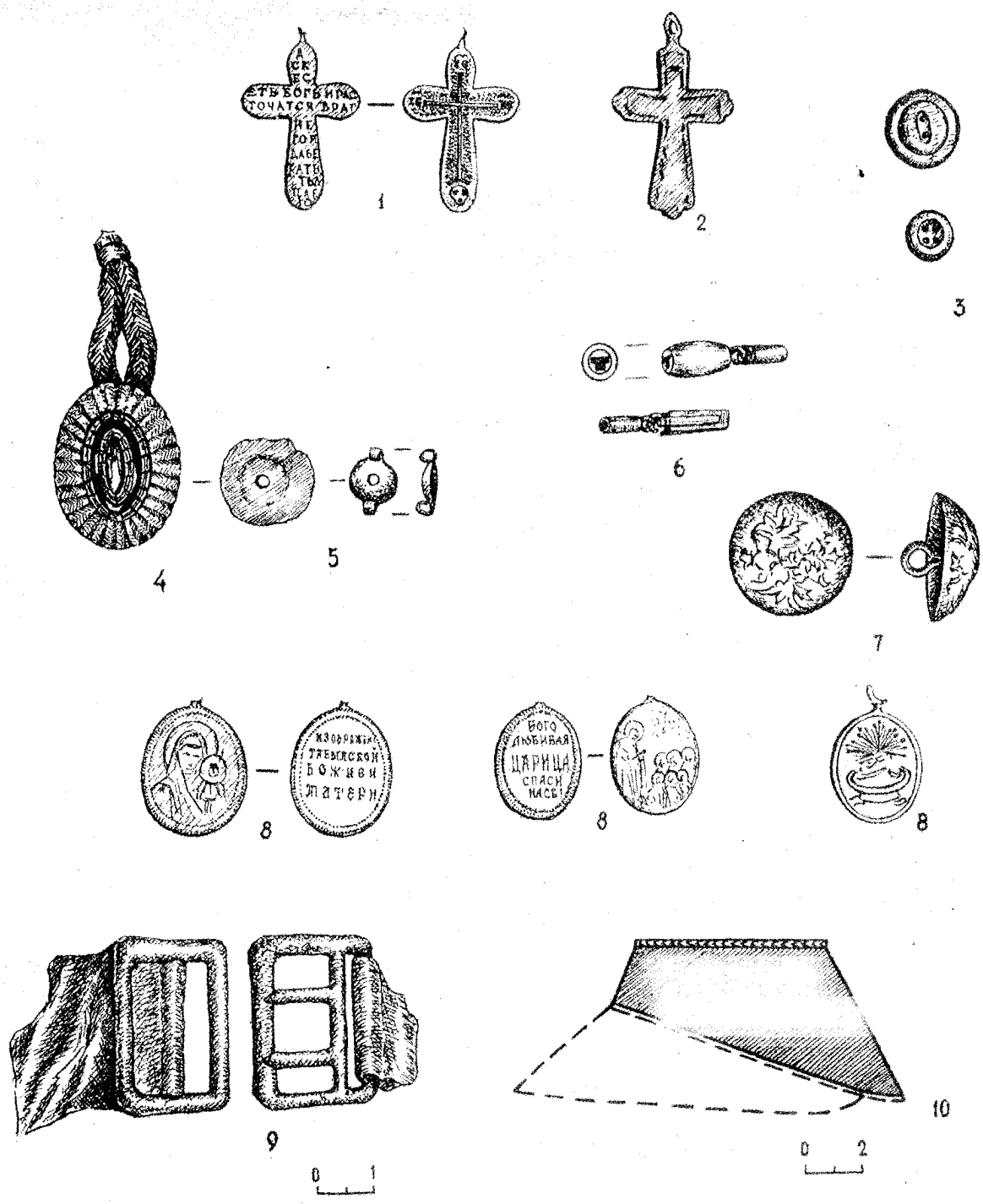


Рис.5. Подъемный материал:

1-2 - крестики медные,
3 - пуговицы фарфоровые,
4 - кокарда, 5 - детали крепления,
6 - застежка золотая,
7 - пуговица с позолотой,
8 - медальоны медные,
9 - пряжка железная,
10- головной убор.

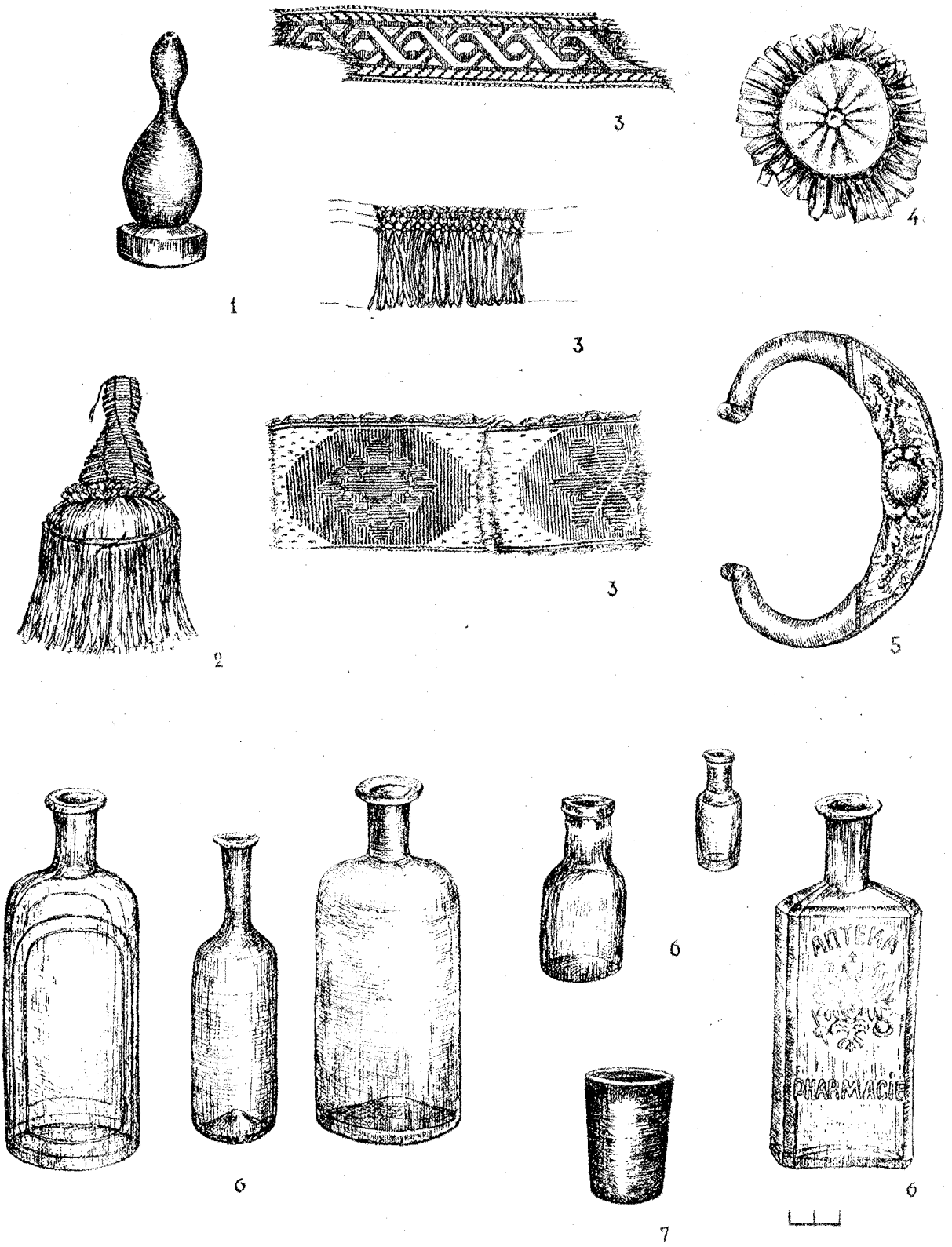


Рис.6. Подъемный материал - украшения гробов(1-5)
и ритуальная посуда (6-7):

1 - деревянная фигурка,
2 - деревянная фигурка, оплетенная нитями,
3 - позументные ленты и бахрома,
4 - цветок из ткани и позумента,
5 - ручка от гроба медная,
6 - стеклянные флаконы,
7 - чашечка глиняная.

К ЮБИЛЕЮ М. Ф. ОБЫДЕННОВА

Исполнилось 50 лет со дня рождения известного уфимского археолога, доктора исторических наук, профессора, академика Академии социального образования, действительного члена Академии военных наук Михаила Федоровича Обыденнова.

М. Ф. Обыденнов родился 21 ноября 1949 года в г. Уфе, в семье потомственного рабочего. Интерес к гуманитарным наукам – истории и литературе – проявился у него очень рано. Еще будучи школьником, Михаил Федорович много читал исторической и художественной литературы, увлекался театром, сам пробовал писать и публиковался в тогдашней республиканской молодежной газете «Ленинец». Позже серьезно увлекся лыжным и велосипедным спортом, выступал в составе сборных команд Башкирии на региональных соревнованиях.

После окончания в 1967 году средней школы 319 г. Уфы, Михаил Федорович служит в рядах Советской Армии, после чего в 1970 году поступает на исторический факультет Башкирского государственного университета. Буквально с первого года учебы М. Ф. Обыденнов принимает самое активное участие в научной жизни факультета. Сразу же после сдачи вступительных экзаменов он включается в работу Башкирского отряда Нижнекамской археологической экспедиции Института археологии АН СССР, начальником и организатором которой являлся известный археолог, профессор О. Н. Бадер. Работа на памятниках бронзового века в низовьях р. Белой, знакомство, переросшее затем в тесную дружбу, с двумя будущими крупными специалистами по изучению эпохи бронзы Урало-Поволжья И. Б. Васильевым и В. С. Горбуновым определили дальнейшие научные интересы студента М. Ф. Обыденнова. Еще будучи первокурсником, он выступает с докладом на III Урало-Поволжской археологической студенческой конференции (УПАСК), тогда же появляется и его первая научная публикация (тезисы доклада).

В студенческие годы Михаил Федорович был буквально «фанатом» археологии. Все летние каникулы он проводит в археологических экспедициях, причем не только на раскопках памятников бронзового века. В полевых условиях М. Ф. Обыденнов сразу же проявил себя, как неутомимый и удачливый исследователь (достаточно сказать, что именно им были открыты такие теперь уже широко известные памятники, как Трикольское и Серенькино городища ананьинской и пьяноборской культур, Трикольский могильник, ряд поселений эпохи бронзового века в окрестностях г. Уфы и др.) и блестящий организатор экспедиций. Он непременный участник всех студенческих археологических конференций, активный член археологического кружка БГУ, а в 1974 году выступает с докладом на I Поволжском археолого-этнографическом совещании в Казани. В итоге к моменту окончания учебы на историческом факультете БГУ в 1975 году список печатных работ студента М. Ф. Обыденнова насчитывал 11 названий, в том числе и в центральных археологических изданиях Института археологии АН СССР.

После блестящей защиты дипломной работы, посвященной памятникам черкаскульской культуры Башкирии, М. Ф. Обыденнов остается работать на кафедре истории СССР БГУ. За почти четверть века работы в университете он последовательно прошел все ступени своего научно-педагогического роста: от ассистента кафедры истории СССР до профессора кафедры археологии, древней и средневековой истории. За эти годы им разработаны и читаются курсы лекций по истории первобытного общества, отечественной истории, историческому краеведению Башкортостана, серия спецкурсов. Продолжая начатые еще в студенческие годы изыскания по археологии бронзового века Южного Урала, в 1981 году М. Ф. Обыденнов без обучения в аспирантуре защищает кандидатскую диссертацию на тему «Культура населения Южного Урала в конце бронзового века» в специализированном Совете при Институте археологии АН СССР в г. Москве.

В последующие 10 лет Михаил Федорович проводит большую работу по изучению, спасению и популяризации памятников археологии Башкортостана. В качестве начальника отряда археологической экспедиции БГУ он руководит охранными раскопками в зонах затопления Иштугановского водохранилища, Нижнекамской гидроэлектростанции и Башкирской атомной электростанции. На протяжение ряда лет, совместно с В. С. Горбуновым, исследует Юкаликулевское поселение эпохи позднего бронзового века в Кигинском р-не РБ и поселение Тюбяк в Мелеузовском р-не РБ, ставшие эталонными для изучения бронзового века в Приуралье, и многие другие памятники. Много внимания уделяет изучению археологических памятников г. Уфы и его окрестностей, результатом этой работы явилась вышедшая в 1986 г. научно-популярная книга М. Ф. Обыденнова «Тайны Уфимских холмов».

Оставаясь одновременно исследователем и педагогом, Михаил Федорович активно привлекает к научной работе своих учеников. В стенах руководимой им археологической лаборатории БГУ начали свой путь в науку ныне активно работающие археологи И. М. Акбулатов, Г. Н. Гарустович, В. В. Овсянников, Ф. М. Тагиров и др. Совместно с учениками им было издано несколько печатных работ, среди которых наибольшую известность получила книга «Древнее искусство Башкирии» (Уфа, 1985, в соавторстве с М. Ф. Миннигуловой).

В 1992 году М. Ф. Обыденнов защищает докторскую диссертацию в специализированном Совете

Института археологии и этнографии Сибирского Отделения РАН в г. Новосибирске на тему: «Урал и Прикамье в позднем бронзовом веке» и в этом же году получает ученое звание профессора.

Обладая незаурядным талантом организатора науки и учебного процесса, М. Ф. Обыденнов реализует его не только в области археологии. В последние годы он является активным создателем и пропагандистом системы негосударственного среднего и высшего образования в Республике Башкортостан. При его непосредственном руководстве происходило становление Восточного института экономики, гуманитарных наук, управления и права (ВЭГУ), где он руководил учебной работой и заведовал кафедрой государства и права на юридическом факультете; он является создателем и первым ректором Башкирского экономико-юридического колледжа (БЭК); в настоящее время под его руководством создано и успешно работает новое учебное заведение – Юридический колледж (ЮК), имеющий многочисленные представительства в городах и районах Башкортостана.

Профессор М. Ф. Обыденнов – автор около 200 научных и научно-популярных работ, среди которых 28 монографий, член специализированных Советов по защите диссертаций при Центре этнологических исследований УНЦ РАН в г. Уфе и Институте истории и археологии УрО РАН в г. Екатеринбурге.

Друзья и коллеги желают Михаилу Федоровичу доброго здоровья, новых творческих свершений и осуществления всех его замыслов и начинаний.

В. А Иванов

ПАМЯТИ Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКОГО

Печальная весть пришла из Санкт-Петербурга – скончался Юрий Александрович Заднепровский, доктор исторических наук, профессор, один из виднейших исследователей археологии и древней истории Средней Азии. Волею судеб последние годы жизни Юрия Александровича были тесно связаны с Башкирией. Вместе с нами, молодыми уфимскими археологами он провел ряд сезонов в поле, написал несколько статей по эпохе бронзы и раннего железного века Южного Урала, участвовал в работе XIII Уральского археологического совещания в Уфе.

Приехав в Уфу в 1993 году, Ю. А. Заднепровский на следующий же день уже был в поле, на раскопках курганного могильника у поселка Сара в Оренбургской области. Экспедиция Национального музея Республики Башкортостан, к участию в работе которой был приглашен Юрий Александрович, была очень молодой, как по времени своего существования, так и по возрасту ее участников. Недостаток полевого опыта мы, ничтоже сумняшеся, компенсировали юным задором, напористостью и дерзостью с немалой толикой авантюризма. С первых же дней работы Юрий Александрович как нельзя лучше вписался в нашу эмоционально приподнятую, бурную, в чем-то бестолковую, а порой и бездумно-безответственную экспедицию. Его кипучий темперамент, поистине юношеская восторженность, остроумие и острословие, неутомимость и неугомонность в сочетании с громадным экспедиционным опытом, широчайшей научной эрудицией и житейской мудростью сделали Ю. А. Заднепровского без преувеличений центральной фигурой в нашем коллективе; одно присутствие его заставляло бледнеть и никнуть в нас все поверхностное, недостойное, неумное, и, наоборот, возвышало в нас все лучшее, настоящее, честное... С каким восторгом, с какой бурей эмоций встречал Юрий Александрович каждую, даже самую заурядную находку! Только что извлеченному из земли артефакту тут же давалась им развернутая характеристика с привлечением (по памяти) широчайшего круга аналогий (преимущественно восточных – из Средней Азии, Индии, Китая). За удачно расчищенный и грамотно зафиксированный объект Ю. А. Заднепровский мог тут же на раскопе расцеловать вас, превознося чуть не до небес вашу прозорливость и тщательность; но малейшее отступление от методики раскопок (чего было в нашей работе предостаточно) приводило Юрия Александровича в неописуемую ярость, он буквально метал громы и молнии, находя для провинившегося столь обидно-жгучие и уничтожающе-презрительные эпитеты, что последний чувствовал себя совершенно раздавленным.

Вместе с Ю. А. Заднепровским в нашу жизнь ворвался дух «героического» периода отечественной археологии, знакомого нам лишь по книгам да передающимся изустно легендам. По вечерам у костра Юрий Александрович щедро делился воспоминаниями о знаменитых, вошедших в историю экспедициях, археологических памятниках, с уст его то и дело слетали имена тех, кого мы привыкли считать светилами и столпами археологической науки – А. Н. Бернштама (которого Ю. А. Заднепровский неоднократно называл своим учителем), М. П. Грязнова, Л. Н. Гумилева, С. В. Кляшторного, Е. Е. Кузьминой, Б. А. Литвинского, А. М. Мандельштама, В. М. Массона, С. И. Руденко, К. Ф. Смирнова, А. Д. Столяра, К. В. Тревер ... И мы, хорошо знавшие эти имена лишь по классическим монографиям, вошедшим в золотой фонд отечественной науки, впервые знакомились с этими учеными, как с живыми людьми – с их характерами и темпераментами, привычками и манерами, заботами и проблемами.

Конечно, Ю. А. Заднепровскому далеко не всегда было легко с нами. И чисто физически, пожилому, не оправившемуся до конца после военных ранений и тяжелой контузии (во время Великой Отечественной Юрий Александрович был в числе героических защитников Ленинграда), ему несомненно было трудно выдерживать наши спонтанные переезды с места на место, марш-броски за сотни километров, многосуточные мотания по степям. И в духовном плане, общаясь с нами, сталкиваясь порой с нашим упрямством, своеволием, и даже (как ни совестно в этом признаться) проявлениями душевной глухоты, черствости, Юрий Александрович, не раз, наверное, чувствовал себя одиноким. Известие о его смерти вызвало у всех нас искреннюю горечь потери. Жаль, что не смогли, и теперь уже никогда не когда не сможем высказать Юрию Александровичу всё то доброе, что было недосказано нами за суматохой экспедиционной жизни. Сожаление об этом навсегда останется горьким привкусом к доброй памяти о замечательном ученом – классике советской археологии, выдающемся исследователе-полевике, нашем мудром наставнике, старшем товарище, почетном члене нерасторжимого экспедиционного братства, нашем добром, восторженном, жизнелюбивом «деде» – Юрии Александровиче Заднепровском.

В. И. Васильев, И. С. Савельев, В. К. Федоров

Сокращения

АКБ	Археологическая карта Башкирии. М.
АО	Археологические открытия. М.
АОИКМ	Актюбинский областной историко-краеведческий музей
АПО	Археологические памятники Оренбуржья
АС	Археологический съезд
АСГЭ	Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.-СПб.
АЭБ	Археология и этнография Башкирии. Уфа.
БФАН СССР	Башкирский филиал АН СССР
ВАУ	Вопросы археологии Урала. Свердловск-Екатеринбург
ВДИ	Вестник древней истории
ГУОНН МК РБ	Главное управление государственной охраны и использования недвижимых объектов культурного наследия при Министерстве культуры РБ
ИА	Институт археологии
ИАК	Известия археологической комиссии
ИБ УНЦ РАН	Институт биологии Уфимского научного центра РАН
ИГАИМК	Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИЯЛ УНЦ РАН	Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН
КД	Каракумские древности
КСИА	Краткие сообщения института археологии. М.
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.
МАВГР	Материалы археологии восточных губерний России
МАР	Материалы по археологии России. Пг.
МАЭ УНЦ РАН	Музей археологии и этнографии Уфимского научного центра РАН
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР. М.
МИАР	Материалы и исследования по археологии России. М.
МК	Министерство культуры
МН-АН РК	Министерство науки – Академия Наук Республики Казахстан
МСЭ	Малая Советская энциклопедия
МХЭ	Материалы Хорезмской экспедиции
НАН РК	Национальная Академия Наук Республики Казахстан
НМ РБ	Национальный музей Республики Башкортостан
ОАЭ ЧНЦ УрО РАН	Отдел археологии и этнографии Челябинского научного центра Уральского отделения РАН
ПАВ	Петербургский археологический вестник
РА	Российская археология
РБ	Республика Башкортостан
СА	Советская археология
САИ	Свод археологических источников. М.
СЭ	Советская этнография
ТИИАЭ АН Каз. ССР	Труды института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР
ТОУАК	Труды Оренбургской ученой архивной комиссии
ТХАЭЭ	Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
УАВ	Уфимский археологический вестник
УАС	Уральское археологическое совещание
УдГУ	Удмуртский государственный университет
УНЦ РАН	Уфимский научный центр Российской Академии Наук
УПАСК	Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция
УСА	Успехи среднеазиатской археологии. Л.
ЦГИА РБ	Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан
AAH	Acta Archaeologica Academiae Scientarum Hungaricae. Budapest.
ESA	Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki.

Содержание

Статьи

Котов В. Г. Миф Вала и миф об Урале-Батыре: южно-уральский пласт в индоарийской мифологии. 3

Савельев Н. С. Каменные курганы восточных предгорий Южного Урала и некоторые вопросы формирования прохоровской культуры. 17

Федоров В. К. О функциональном назначении так называемых «савроматских жертвенников» Южного Приуралья. 49

Обыденнов М. Ф. Новые находки савроматских алтарей-жертвенников с территории Башкирии. 70

Пшеничнюк А. Х. Деревянная посуда ранних кочевников Южного Урала 76

Иванов В. А. Наборные пояса оседлого населения Урало-Поволжья эпохи раннего железного века (к проблеме происхождения и семантики). 94

Голдина Р. Д., Волков С. Р. Шлемы Тарасовского могильника. 98

Публикации

Гарустович Г. Н. Погребения переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку в Башкирском Зауралье. 123

Родионов В. В., Гуцалов С. Ю. Материалы погребений и случайных находок савроматосарматского времени из фондов Актюбинского краеведческого музея. 129

Морозов Ю. А. Исследования Уфимского городища. 145

Агеев Б. Б., Овсянников В. В. Камышинское II городище. 155

Овсянников В. В., Тагиров Ф. М. Городище Какры-Куль (Старо-Муштинское). 165

Минеева И. М. Археологические исследования на Старо-Ивановском кладбище в Уфе. 179

Хроника

Иванов В. А. К 50-летию М.Ф. Обыденнова. 189

Васильев В. Н., Савельев Н. С., Федоров В. К. Памяти Ю. А. Заднепровского. 191

Сокращения 192

От редакционной коллегии

Уважаемые коллеги! Вы держите в руках второй номер «Уфимского археологического вестника» – нового научного издания, подготовленного совместными усилиями археологов Института истории, языка и литературы УНЦ РАН, Национального музея РБ и Центра этнологических исследований УНЦ РАН. «УАВ» планируется издавать на более или менее регулярной основе, один раз в год, но редколлегия прекрасно осознает, что возможности его выпуска в современной экономической истуации практически непредсказуемы.

Редколлегия особо не ограничивает участие авторов территориально или или хронологически, к публикации принимаются проблемные и обобщающие статьи по археологии Евразии от палеолита до позднего средневековья, а также публикации нового материала. Статьи должны быть представлены в редколлегию в 2-х экземплярах, объемом около 1 печатного листа (больший объем предварительно согласовывается), отпечатаны через 2 интервала, 14 кеглем (с представлением дискеты с текстом, набранным в формате Word). Что касается остальных требований к рукописям, то авторам предлагается соблюдать условия подачи к публикации статей, принятые журналом «Российская археология».

Редколлегия приветствует максимальное расширение круга авторов из других городов и стран, но финансовые проблемы не позволяют ей согласовывать корректуру статей с иногородними авторами. Иллюстрации и дискеты автор может забрать в течение года после выхода статьи из печати.

Ждем ваших статей и предложений!

Редколлегия «УАВ»

Сведения об авторах

Агеев Байтимир Батырханович (1943–1996) – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела археологии ИИЯЛ УНЦ РАН

Васильев Виталий Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии ИИЯЛ УНЦ РАН

Волков Сергей Роллерович – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник лаборатории естественно-научных методов кафедры археологии и древней истории Удмуртского государственного университета

Гарустович Геннадий Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии ИИЯЛ УНЦ РАН

Голдина Римма Дмитриевна – доктор исторических наук, профессор Удмуртского государственного университета

Гуцалов Сергей Юрьевич – младший научный сотрудник отдела археологии и этнографии ЧНЦ УрО РАН

Иванов Владимир Александрович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела археологии ИИЯЛ УНЦ РАН, профессор Стерлитамакского ГПИ

Котов Вячеслав Георгиевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела археологии ИИЯЛ УНЦ РАН

Минеева Илияна Маратовна – научный сотрудник отдела археологии НМРБ

Морозов Юрий Алексеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии ИИЯЛ УНЦ РАН

Обыденнов Михаил Федорович – доктор исторических наук, профессор Башкирского государственного университета

Овсянников Владимир Владиславович – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела археологии ИИЯЛ УНЦ РАН

Пшеничнюк Анатолий Харитонович – кандидат исторических наук, заведующий отделом археологии ИИЯЛ УНЦ РАН

Родионов Виктор Васильевич (1913–1985) – главный геолог объединения «Запказгеология», научный консультант Актюбинского ОИКМ

Савельев Никита Сергеевич – ведущий археолог ГУНН МК РБ

Тагиров Фарит Мазитович – старший лаборант отдела археологии ИИЯЛ УНЦ РАН

Федоров Виталий Кимович – заведующий отделом археологии НМРБ

Уфимский археологический вестник

Выпуск 2

Сборник научных статей

Издатель Национальный музей Республики Башкортостан
450008 Уфа, ул. Советская, 14. Тел (3472) 22-12-50 ЛР 0166 от 10.04.1996 г.

Ответственный за выпуск В. К. Федоров
Компьютерный набор И. М. Акбулатов, В. Г. Котов, И. М. Минсева, Н. С. Савельев, Ф. К. Федоров.
Макет и верстка И. М. Акбулатов, В. К. Федоров.

Сдано в набор 1.02.1998. Подписано в печать 17.03.2000. Формат 60x80 1/8. Бумага типографская. Гарнитура Таймс.
Услов. печ. л. 22.71. Учет.-издат. л. 24.75. Тираж 300 экз. Цена свободная.

Отпечатано на ризографе НМ РБ. Участок оперативной печати.
450008 Уфа, ул. Советская, 14.